

84(2Рос-6Яма)

к.р. Д-81

НИКОЛАЙ
ДУДНИКОВ

Матезженый
ОБДОРСК

84(2Рос=6Ямо
кр. В-81

НИКОЛАЙ
ДУДНИКОВ

Мятежный
ОБДОРСК

- 1401 - об

гу "Национальная
электронная
библиотека ЯНАО"

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО МГАП
"МИР КНИГИ"
1995

ББК 84Р6-4
Д 81

Дудников Н.Ф.
Д 81 Мятёжный Обдорск. — М.: Изд-во МГАП «Мир книги»,
1995. — 272 с. ISBN 5-7043-0781-7

Перед вами повести, рассказы, очерки о Крайнем Севере, о Ямале...
Талант журналиста и литератора помогает автору поднимать острейшие
проблемы «глубинки», перемежая при этом исторические исследования и
лирические зарисовки. Все произведения основаны на подлинном фактичес-
ком материале и этим особенно интересны.
Для широкого круга читателей.

Д $\frac{4700000000-019}{184(02)-95}$ без объявл.

ББК 84Р6-4

ISBN 5-7043-0781-7

© Дудников Н.Ф., 1995
© Самбуров Н.М.,
оформление, 1995
© Издательство МГАП
«Мир книги», 1995

Единственному в мире
городу
на Полярном круге

Николай Федорович ДУДНИКОВ

Кто не знает на Ямале Николая Дудникова? Пожалуй, таких людей не осталось: ни в наших глубинках - "гортах", ни в нефтегазовых городах, ни в тундре. Николай Дудников вездесущ. Это и от беспокойного характера, и от влюбленности в свое литературное и журналистское ремесло, и от большого жизнелюбия.

А ведь жизнь, казалось бы, круто его взяла. Родился Николай в 1948 году в хантыйской деревне Азовы Ямало-Ненецкого округа. Сирота. Трудовую жизнь познал не понаслышке. В подростковом возрасте уже трудится на речном флоте, к 16 годам сотрудничает с окружной газетой "Красный Север". Помнят в эти годы в Салехарде этого бойкого юношу, который выступал перед студентами училищ со своими первыми стихами.

А потом работа на радиовещании, собкором областной газеты. И вот уже пятый год Николай Дудников собкор "Российской газеты" по районам Крайнего Севера.

Можно догадаться, что Николай не кабинетный журналист. Дудников постоянно в дороге. В поиске. Великолепно знает родные места. Он страстный любитель-рыболов. И на Большой Оби зимой при могучем течении может выставить сети не хуже опытного промысловика. Ему до мозолей в руках знаком оленеводческий хорей. Не раз и "куропачий чум" служил ему прибежищем. Николая часто можно увидеть в местных аэропортах в знакомых сбитых унтах и полушубке. И все он куда-то спешит, и поговорить ему особо некогда.

Диапазон его выступлений широк: это социальная боль "глубинок", проблемы нефтегазового промысла, оленеводства, рыбного промысла, экологии.

- Он очень легок на ногу, - признался как-то один из местных директоров совхоза. - Решил в оленеводческие бригады попасть. На снегоходе "Буран" поехали, а в лесу снег в два метра... Так Дудников - полушубок снял, весь в клубах пара - впереди дорогу пробивал пешком для снегохода... Ничего, приехали... вернее, дошли.

Влюбленность Николая в свою профессию заключается в том, что для него не существует разницы: районная эта газета или центральная. Материал он все равно делает с полной отдачей, глубоким анализом, уважая читателя.

Точно так же он поступает и в литературном плане. Печатает зарисовки, рассказы и даже отрывки из повестей в районной, окружной, областной газетах, альманахах, журналах "Уральский следопыт", "Урал", "Ямальский меридиан".

Придирчивый критик может спросить: так где же Дудников как журналист и как литератор? А на это Николай и сам, наверное, не сможет ответить, поскольку творчество неразделимо.

Читаешь очерк "Лающий волк рук не лижет" и раздваиваешься во мнении. Это и острейшая экологическая проблема бродячих собак на Ямале, и историческое исследование. Но здесь и лирические, чисто художественные рисунки и видение: "...В марте, апреле, когда солнце день и ночь уже сидит на самой высокой елке, мой пес Альбион убежал за сукой..."

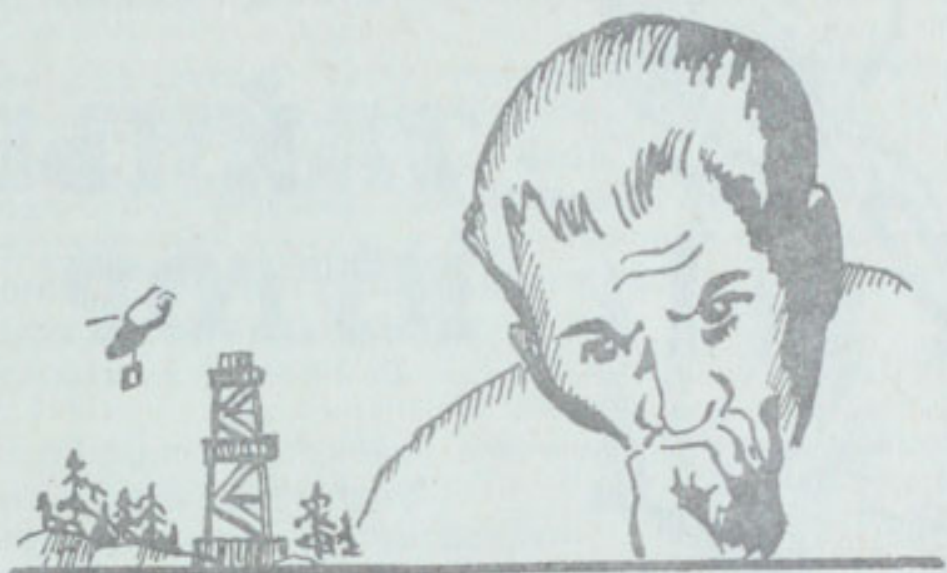
Если иной художник за неимением фактов, впечатлений сочиняет, додумывает, то у Николая Дудникова всегда под рукой такое количество фактического материала, что его остается только выбирать, поэтому художественная повесть "Последний перелет" читается и как жизненный факт, и как литература. Если Николай здесь и касается описания природы, то это происходит не многословно, а легко и как бы мимоходом. Вот хотя бы о ранней весне: "...хрупка, как таловая веточка". Но для того, кто знает весну на Оби с ее пойменными таловыми островками, - это зримо.

Убежден, выход книги Николая Дудникова вызовет большой интерес не только у ямальцев, но и вообще у российских читателей.

Ю.А.ФАНАСЬЕВ,

член Союза писателей России.

ПОВЕСТИ

ТАЙНЫЙ ПУГОР

Редко так бывает: солнце, дождь и ветер. А "северяк" дул, взбаламучивая, выворачивая наизнанку всю реку, раскатывая по бревнам старую пристань.

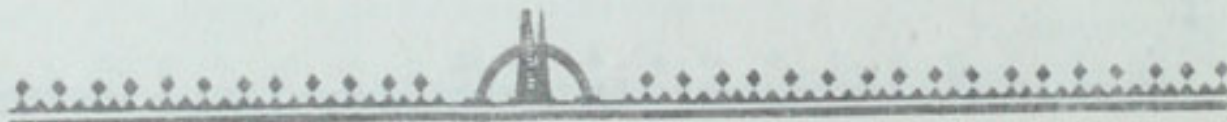
Может, подметив это, председатель артели Макар Иванович Ямзин подумал: "Сменилась погода". И к полудню наказал рыбакам собраться в конторе. Но смелых оказалось мало. Тогда пошел по юртам.

- "Северяк" может еще месяц продержаться. Без рыбы останемся. За что нам государство платить станет? Что молчите? - наступал Ямзин, - Или страх выше вас? Давайте думать. Может, пора в Тайный пугор уходить?

На Обь с Ямзиным в основном пошла молодежь. Старики же неодобрительно смотрели на затею.

- Эта холера и лодки разобьет, и вас на кормежку к налимам отправит, - ворчали они.

И не успели еще гребцы направить неводник навстречу волне, как она

желтой горой накрыла его. Рыбаки не растерялись, перепрыгнули в городушку, и тут Макар Иванович заметил в кольхнувшейся на волнах рыжей паутине невода пятнадцатилетнего сынишку Данила Семяшкина.

- Ай-ай-яй, забрал бог душу, - закричали рыбаки и остервенело налегли на весла, отгребая в сторону. Но Ямзин, замахнувшись на них багром, заставил подчиниться. Едва волна подняла неводник на гребень, Макар Иванович дернул уже ослабевшее тело мальчика на себя.

Словом, лето для артели было тяжелое. И может, поэтому так неприветливо встретили Матрену Спелову в селении Елино. В маленькой конторе, где прежде была баня, и сейчас еще бродил духовитый запах березовых веников, техничка Акулина мыла пола. Как вошла Матрена, она не слышала, а увидела ее ноги в грубых кирзовых сапогах и первым делом спросила:

- Пошто русский баба приехал?

- Где председатель или еще кто? - вопросом на вопрос ответила Матрена.

Хантыйка с полминуты изучала приезжую, а потом, протопав в нюговях* по сырому полу, вышла.

Знакомясь с приезжей, Ямзин подумал: "Все бабы да бабы, а мне мужики нужны позарез". А вслух сказал:

- Какую работу исполнять умеете?

Матрена протянула председателю хрустящую, бережно хранимую бумажку, в которой черным по белому было написано, что она, Матрена Спелова, направлена на участок после окончания курсов береговых приемщиков.

- Рыбы нет, приемщиков посылают. На той неделе одну такую же специалистку отправил обратно, теперь другая пожаловала. Солить мне вас вместо сырков, что ли? - раздраженно проговорил Макар Иванович и пошел с хрустящей бумажкой к столу. Матрена, оробев, все так же стояла у порога.

Опустившись на стул, председатель подумал: "Красивая баба, но что она только умеет? Вот вопрос". И словно угадав его мысли, Матрена выпалила:

- Да вы не думайте. Я с любой работой справлюсь. Поди, не белоручкой росла.

- Солить рыбу сможешь? Картофель садить?

- С детства приучена.

- Значит, так и порешим. Пока рыбы нет - пойдешь с бабами на огород, на покос, а рыба появится - дадим работу такую, какая указана в твоём документе. - И улыбнулся. Новенькая понравилась.

* - хантыйская кожаная обувь.

Оглобли не повернула, не встала на дыбы, как та, первая.

Определили жить Спелову в землянке. Их в обрывистом берегу, как стрижиных гнезд, чернело много. Вечером, постучав в дверь, Макар Иванович попросил разрешения войти. Конфузливо одернув юбку, Матрена отступила с недомытой половины у порога. И сейчас Ямзин откровенно любовался ею, раздумянившейся, статной. Девушка собой как будто украсила, осветила полуразвалившуюся землянку.

А Матрена в свою очередь подумала, что где-то точно видела это лицо с чуть приплюснутым носом и насмешливыми тонкими губами, которые сейчас расплылись в нерешительной, даже застенчивой улыбке.

Чтобы скрыть неловкость позднего прихода и прервать затянувшееся молчание, Макар Иванович осторожно опустил к ногам Матрены туго набитую котомку.

- Вот, доченька, я тебе поесть принес: картошки, рыбы. Со своим-то довольствием у тебя еще не густо.

- Что ты, председатель?

- Вижу, что не разнеженная ты краля. Бери, ешь на здоровье. Завтра артелью вырешим тебе немного картошки, соли да муки... А рыбы - люди у нас не черствые - каждый принесет. Так сами все лето на постной еде перебиваемся. А к октябрьской скотину бить будем. На трудовень зароботаешь и без горя заживешь, - говорил председатель.

Тетка Акулина, которая за строгий нрав считалась вторым человеком после него, провожая Матрену в землянку, говорила, что председатель по характеру спокойный. Зазря не накричит. Одевается и живет на русский манер, даром что хант. И чувствовалась в ее голосе такая гордость, будто только при Акулинином участии Ямзин стал таким.

"Действительно, - думала Матрена, искоса наблюдавшая за Ямзиным, прилаживающим уже к дверям крючок, - он на ханта и не похож". И выдавала его происхождение только привычка сидеть, поджав под себя ноги. Именно так он расположился с трубкой у чуть приоткрытой двери.

Трубка была страстью Макара Ивановича. Почитай, десять лет назад он ее выстругал из березового корня. Мундштук оказался долговечнее, а другую половину, успевшую прогореть, пришлось заменить. Без трубки Ямзина никто не видел. И сейчас он не заметил, как закурил в землянке. А поймав на себе взгляд Матрены, спохватился, просыпав табак на желтые обожженные пальцы.

- Ничего, ничего, я к мужскому духу привычная. В деревне у нас все курили. - И с маху, смело вывалив дымящуюся картошку

на блюдо, кивнула:

- Садись, председатель! Угощайся своим угощением.

И от того, как она это сказала, последняя неловкость у Ямзина исчезла перед красивой и молодой хозяйкой. Шутливо посмеиваясь над хоромами Матрены, он основательно, по-мужски, умылся и сел за стол. А взяв обжигающую пальцы картошку, посерьезнел и пообещал:

- Буду ли я председателем или кто другой, обязательно тебе квартиру найдем.

Матрена, все еще принимая разговор за шутку, не преминула поинтересоваться:

- А ты что же, Макар Иванович, так рано на отдых захотел? Али с мужиками сил нет, а с бабами воевать не умеешь?

- Заноза ты, Матрена. Но угодила в самый раз. Я скоро людям больше мешать буду, чем помогать. Годы не те, и рыпаться на председательское место уже не следует. Ведь дела крупные ожидаются. Раньше, годов пять-шесть назад, когда я вернулся в Елино, мы землянкам были рады, а теперь дома строим.

- Ты ешь, Макар Иванович, и рассказывай.

- Спасибо, хозяйюшка. Я сыт. Из приличия, так сказать, за стол сел, чтобы тебя не обидеть. Тут вот у порога лампу с керосином возьми. В темноте только мыши живут.

- Не нужно, Макар Иванович, как-нибудь уж сама раздобуду.

- Ну, пока раздобудешь... Печника, камин переделать, я тебе пришлю. Не проспи только утром в своих хоромах. До свидания.

Поднимаясь по дороге к дому, председатель думал о Матрене и в душе жалел ее. "Нелегко придется девке. Ни под себя, ни на себя еще нет. Красива, а мужики прилипчивы, попробуй найди среди них того, который нужен. И наставить, поди, ее некому". Зло чертыхнувшись, Макар Иванович укорил себя за то, что хотя бы и не по долгу службы, а так, по-человечески, что ли, надо было спросить Матрену, где ее дом, мать с отцом. А то ведь из бумаги узнал только, что приехала она из Тобольска.

* * *

В избе с утра было не топлено. И хотя Макар Иванович подмел пол и вымыл посуду, ему после теплой, еще пахнувшей известью землянки Матрены свое жилье казалось неприветливым и необжитым. Пустые закопченные стены, широкая лавка у порога, на которой в беспорядке громоздились чугуны и ведра. Даже сапоги, вымытые до блеска, притуленные у лавки, выглядели необихожено и сиротливо, как вся жизнь Ямзина. И чтобы снять тоску, сжавшую сердце, он суетливо взялся тереть и чистить, топить печь, но когда от нее по избушке пошло тепло, размягченно опустил

на табурет.

Сухая и длинная стерлядка над окном, служившая хозяину лучшим флюгером, показывала носом на север. Впрочем, Макар Иванович и сам по гудению печи догадался, что на улице раздувается "северяк". Ставень был закрыт, но стекла ярко освещались из открытой топки, и в них Ямзин увидел свое отражение. Красноватые блики скакали по лицу, и когда добирались до рваного шрама на виске, оно принимало злое выражение. И это не удивило, не рассердило Ямзина, а наоборот, он громко рассмеялся. Слышать неожиданный смех в полутемной избушке было некому, но Ямзин знал, кому он адресован.

Пригревшись у печки, нахохлившись, как старая птица, Макар Иванович шаг за шагом стал пробираться по непролазному бурелому своей жизни туда, откуда пришел на председательское место и привел за собой Оську - князя Конкина. Страна та называлась Елино, а величалась - детство. И воспоминания эти наполнили Макара Ивановича теплом и как-то роднили его даже с Оськой. Ведь в конце концов они земляки, и держаться им надлежало вместе. А получилось так, как пароходы на Оби, разошлись они в разные стороны. Оська вздыбился против новой власти. Макар после того, как сбежал от его отца, ездил с тобольским купцом по ярмаркам. Затем попал к лесопромышленнику, но и там жизнь была не слаще, но вольнее и мыслям просторнее. Добрые люди научили грамоте. Но к Советской власти, если по правде сказать, привело его тогда не сознание, а любопытство. Прежние хозяева били палками, кусок изо рта вырывали, а что можно ждать от этих? - настороженно приглядывался Ямзин. И кто его знает, еще долго продолжались бы эти смотрины, если бы судьба не распорядилась по-своему.

- Знаешь, что, парень, - как-то обратился к Макару на лесосплаве десятник. - Поезжай в Березов, там тебе Максимова надо найти. В милиции он работает, что ли. Больше ничего не ведаю, только это и просили передать.

И вот уже Ямзин на пароходе, а он торопится по Оби к Обдорску.

- Там, - говорил Макару милиционер, - кулаки бунтовать задумали. Понимаешь?

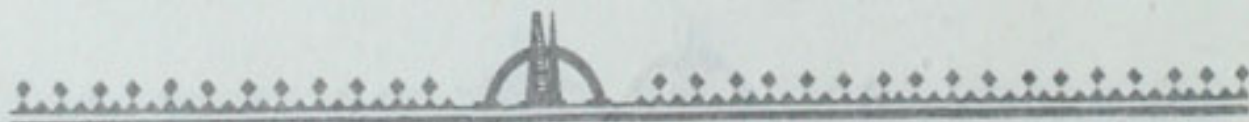
- Соображаю. За добро боятся Конкины.

- Как ты сказал?

- Конкины.

- Верно, и эта семейка замешана. Говорят, он князь?

- Князь, князь! Грамота такая у Оськи имеется.

- Ну вот, значит, и поедешь с нами переводчиком не в Обдорск, а прямо в Елино.

* * *

Народ не вышел встречать Ямзина. И хотя, по слухам, у него уже никого не осталось, он все же с волнением и какой-то затаенной надеждой ступил на родную землю. Вот и с детства знакомое место. Дверь избушки валялась сорванная с петель. Из выбитых окон несло сыростью и прелью. Не было жильцов и в соседних домах. И кое-кто высказал предположение, что в селении не живут давно. Но Макар не согласился. Знал, что нелегко голытьбе, не имевшей оленей, уехать и прокормиться в тундре. Притом у юрт кое-где лежали свежераспиленные на дрова бревна плавника и дорожки еще не были побиты дождем.

- Давайте дойдем до Конкина, а там видно будет, - предложил Макар милиционерам. Они согласились. Не доходя до зимних юрт Конкина, Ямзин совсем случайно заглянул в одну из землянок, на нарах различил двух людей. Старик, вероятно, лежал в беспомощности, а старуха, седая и сгорбленная, сидела у его головы. Кроме глиняной кружки на столе ничего не было, пустовали и полки над нарами. Развалившаяся землянка представлялась склепом для этих двух немощных людей. Теперь он уже вспомнил, где видел слезящиеся трахомные глаза старухи и длинного постанывающего старика. Они, эти двое, верой и правдой, как цепные собаки, служили Конкину и цену этой службы узнали, наверное, только сейчас.

Старик на миг пришел в себя. Мутным взглядом окинул незнакомых людей.

- Кто они? Зачем здесь? - спросил старуху.

- Я это, дед Петро. Ивана Ямзина сын.

Испуг мелькнул в глазах старухи. Старик оторвал от голых нар свое сухое, как лучина, тело.

- По тундре весть быстрее оленя летит. Говорят, что ты людей со звездами набрал и грабить нас идешь. - Истерично захохотав, он опять пал в беспомощность.

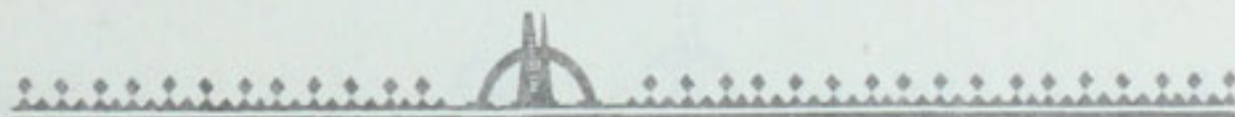
Намочив в кружке тряпицу, старуха наладила ее на лоб больного и, выпроваживая непрошенных гостей, замахала руками. Но Макар, выходя последним, на пороге остановился:

- Скажи, бабушка, моих-то давно похоронили?

Старуха, скорбно поджав губы, подступила к Ямзину:

- Вот с того и надо было начинать, Макарко. А не рыться в чужих вандеях. Не тобой добро положено - не тебе с ним жить.

- Ишь, понесло! Много ли тебе пользы от конкинского богатства?

Небось, прислуживали ему всю жизнь, а бросил он вас без куска хлеба.

- Ты о нас не беспокойся. Мы уже по грудь в земле. И она примет нас такими, какие мы есть. Честными. И тебе бы так жить...

Не стал Макар урезонивать старуху, и смирение помогло.

- Твои-то, Макарко, не живут на свете уже другой год. В Оби, у Тайного пугора утонули, а сестренка еще раньше от живота померла. - И совсем неожиданно прервав рассказ, укорила Ямзина:

- Ты и маленький был такой же вострый да удалой. Оське Конкину прохода не давал, помню.

Макар, перебив ее на полуслове, поинтересовался:

- Куда Конкин народ-то угнал?

- Сами уехали, в Тайный пугор, - соврала старуха.

- А Конкин?

- У себя. Где ему еще быть?

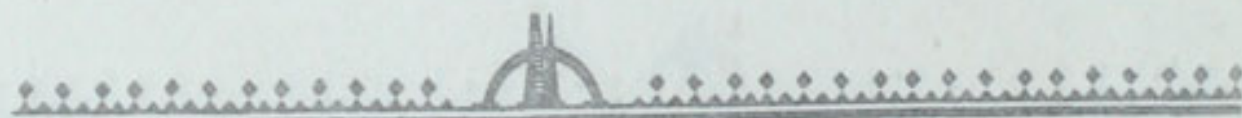
Вынырнув из землянки, Макар вдохнул полную грудь свежего воздуха и огляделся. В нескольких шагах лежало круглое, как блюдце, с зеленой каймой травы озеро. За ним сразу же начинались конские постройки. И Ямзин вспомнил. Когда-то здесь подрался он с Оськой, который назвал его голодным пастухом. И хотя отец и мать действительно сторожили стадо Конкина, Макара это задело за живое и своим детским умом с того момента он ясно понял разницу между собой и Оськой. В другой раз Оськин отец стрелял на этом озере уток и даже позволил ему подержать в руках германскую бескурковку. Показалась она тяжелой, на вороненом стволе лучшей марки стали красовались три кольца. Такого ружья не было ни у кого в округе.

* * *

Наутро Матрена поднялась чуть свет. И как только открыла дверь, в ее лицо ткнулся сырой и холодный, как собачий нос, туман. Он заволакивал Обь и надвигался на селение. Неожиданное похолодание собрало в конторе народ раньше обычного. В сизом облаке табачного дыма Матрена различила за столом Макара Ивановича, рядом чинно восседавших на лавке мужиков, а у порога глухо накрытых платками женщин. Поздоровавшись, Матрена прошла и села на лавку. Данил Семяшкин недовольно покосился на нее, а Акулина, ставившая в этот момент на стол трехлитровую банку с водой, язвительно осведомилась:

- Разве русский баба знает много, как мужик?

В конторе все голоса стихли разом. Бабы и даже мужики, побаивающиеся Акулину, ждали, что будет дальше. Но ничего осо-

бенного не случилось. Оставив без ответа вопрос Акулины, Матрена обратилась к Макару Ивановичу:

- Вы меня на огород отправляли. Вот я и собралась. Кто в помощники ко мне?

- Все до единой. Полеводству обучать их будешь. И спрос с тебя в первую голову.

Вначале Матрена растерялась.

- Как же это я, Макар Иванович, с ними-то? - Но осеклась, вспомнив, что и сам председатель хантыйских кровей.

Макар, будто бы не заметил ее смущения и, улыбнувшись уголками губ, подбодрил:

- Ничего. Столкуетесь. Не смотри, что бабы мои по-русски плохо толмачат, зато сообразительные. - И глянув на присмиривших женщин и как-то сразу сникшую Акулину, уже совсем весело добавил:

- А теперь, полевой отряд, марш картошку отбирать!

- Не баба - огонь! - заключил Семяшкин, когда женщины гурьбой вывалились из конторы.

- Красливая и секретаря твоего, председатель, заставила молчать.

Поняв, о ком говорит Данил, мужики засмеялись. От души хохотал и Макар Иванович, считавший, что загордившаяся Акулина получила по заслугам. Но, неожиданно прервав смех, Семяшкин, важно приосанившись и придав лицу строгое выражение, сказал:

- А пускать ее, Макар Иванович, в переднюю половину ни к чему. Место ее у порога. Ни отцы, ни деды наши не видели у бабы длинного ума.

Сейчас, как несколько минут назад при словах Акулины, все смотрели на Ямзина: что он скажет?

Одернув под сыромятным ремнем рубаху, Макар Иванович резко поднялся и, пыхнув на сидящих дымом из трубки, быстро прошел до порога. Лицо его, как от зубной боли, было перекошено, шрам побагровел, и чтобы не сорваться, он, четко отделяя слово от слова, выговорил:

- У порога они больше сидеть не будут. И за этот пережиток прошлого на собрании ячейки тебе, Семяшкин, вынесем выговор, чтобы в следующий раз свет с тьмой не путал.

Выпалив это на едином дыхании, он как успокаивающее средство снова схватил трубку и жадно затянулся.

Осанистость Семяшкина слетела в момент. До самого конца разговора в конторе Данил сидел, как пришибленный. Не менее озадачены поведением председателя были и остальные, только вида

не подавали.

Обсудив летнюю рыбалку на Тайном пугоре, Макар Иванович к полудню наконец выбрался из душной, накуренной конторы. И так как дорога к дому проходила вблизи овощехранилища, то председатель решил завернуть туда. Дверь хранилища была распахнута настежь. Из нее тянуло запахом земли и подгнившего картофеля. У самого входа, чтобы привыкнуть к темноте, Ямзин остановился. Отметил про себя, что хранилище нужно строить новое, а эту землянку, грозившую развалиться, можно на худой конец держать как керосиновый склад. Внезапно вынырнуло из полумрака лицо. Ямзин узнал Матрену. С выбившейся из-под платка челкой и разругавшимися щеками, она удивленно уставилась на председателя.

- Это вы, Макар Иванович? А я думала, кто мне свет загородил?

Лицо Ямзина с седой буйной шевелюрой было совсем рядом, тускло поблескивала в мочке уха серьга. И откуда-то опять полезли в голову сумбурные мысли. Все казалось, что они встречались раньше, и может, будет время и она спросит его об этом.

- Ну, что ты не приглашаешь начальство? - засмеялся Ямзин.

Спелова отступила в сторону, и он увидел, что в хранилище никого нет.

- А где же работницы твои?

- Обедать ушли.

Макар Иванович недовольно хмыкнул.

- В девять работать начали, а в двенадцать обедать пошли? Так, Матрена, не пойдет. Ты построже с ними. А ко мне пожаловаться придут - по-своему поговорю.

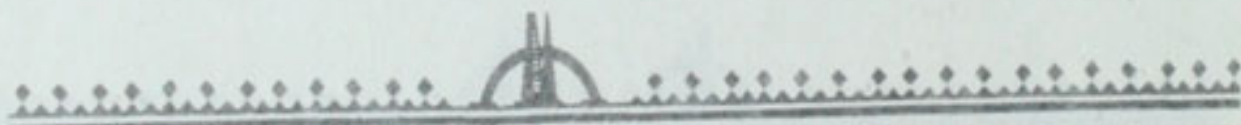
И, круто развернувшись, председатель вышел. Матрена даже не успела ему сказать о том, что была на поле и что через день-два пора садить картофель.

* * *

- Никогда раньше председатель так картошкой не занимался. Совсем о рыбалке забыл. И, мне кажется, не из-за картошки он на поле околачивается, а девка красивая ему нравится, - зубоскалил на завалине конторы Семяшкин.

- Пустое говоришь, - сердито оборвал его Иван Тырлин, сутулый и длинный. - Картошка - занятие нужное. Ведь рыбы ржавой - и той у нас к весне не бывает. И другое. Если о ребятишках кумекать, то от картошки только польза. Заваришь ее, надавишь в марлю, вот тебе и соска готова пацану. Соси на здоровье.

Рассуждения многодетного Тырлина Семяшкину не понрави-

лись. "Тоже к председателю липнет", - определил он и, выплюнув изо рта табачную жвачку, торопливо потянулся в карман за кисетом, но рука его замерла. Семяшкин смотрел в сторону овощехранилища. Там, оживленно жестикулируя, Матрена о чем-то говорила Макару Ивановичу.

- Видишь ты, как она на него смотрит? Каждой бабе мужика надо.

- Чем-то тебе председатель наш не понравился, хотя он пацана твоего спас?

- А его никто не просил. Бог дал, бог взял - так старики говорят. Али забыл? - Еще более озлобляясь, уставился на Тырлина Семяшкин.

- До царя далеко, до бога высоко - так тоже говорят. Царя и князей не стало, а бога вовсе не было, - парировал Тырлин.

Семяшкин, ошалело уставившись на Ивана, выпятив свою острую птичью грудь, почти прокричал:

- Рано забыл ты, у кого кусок хлеба клянчил. А я Конкина помню. Он хорошего слова стоит.

Зная характер въедливого Семяшкина, Иван решил отступить и последним словам его не придавал значения. Но их услышал Ямзин, ожидавший у овощехранилища женскую бригаду. Облокотившись на бревно, он весь вытянулся, и казалось, что не стена удерживает его от падения, а он подпирает ее. Ноги и руки задрожали, как обручем стянуло сердце, и скользнув по прелым бревнам, Макар Иванович упал.

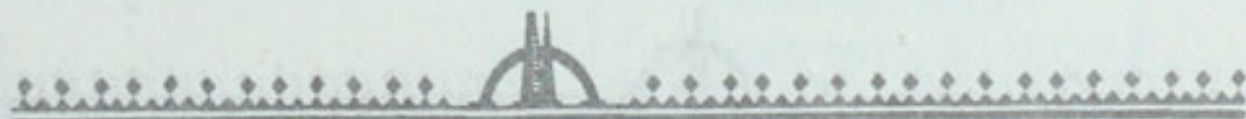
Сознание к нему пришло не скоро. И первое, что он увидел, - женское лицо. Сначала оно расплывалось желтым пятном, потом черты обрели четкость, и Ямзин узнал Матрену. Она улыбалась.

- Ну, болезный, оздоровел? Напугал ты нас. Мы с бабами тебя, как пушинку, до дома доволокли. Хорошо, что хоть вода у тебя нашлась, а то бы и не знали, что делать.

Голос ее был мягким и чуточку поучающим. Таким тоном обычно говорят взрослые с детьми, когда несмышленные делают что-нибудь непозволительное. И Макар Иванович попытался выдавить из себя улыбку.

- Смеяться нечего, - наставляла Матрена. - Переутомляться тебе во вред, в кабинете надо навести порядок, чтобы рыбаки махоркой не дымили, да и самому пора бросать эту гадость, - совсем уже строго продолжала Матрена, но, смутившись, остановилась на полуслове, а потом участливо спросила:

- Ты все, Макар Иванович, о каком-то Оське вспоминал. Не о том ли, о котором мне в первый день рассказывал? Наплюй на

него, и без него хлопот хватает.

Ямзин попытался сесть. Матрена встрепенулась, настойчиво удержала его на месте. Макар Иванович почувствовал на спине ее горячие сильные руки, хотел отстраниться, но опять кровавые хлопья поплыли перед глазами. Немного оправившись от приступа, Макар Иванович велел Спеловой идти домой, но она не тронулась с места, и тогда, чтобы выплеснуть из сердца всю тяжесть, скопившуюся за многие годы борьбы за новую власть, Ямзин принялся рассказывать. Временами он видел, что Матрене становится не по себе, но остановиться уже не мог.

- Был Оська князем, а потом еще и шаманом его называть стали. Я в то время в Тобольске у купца батрачил. А уже в Березове услышал, как лечит Оська. Рассказывал об этом ослепший и совсем сторбившийся от горя старик.

- Была, - говорит, - у меня дочь. Думал, умру от старости, а не от голода. Большое приданое за дочь могли дать. А получилось так, что ни мне счастья, ни дочери жениха. Заболела она. А лечить ее Конкин приехал.

- А что его, Макар Иванович, колдуном заставило стать? Неужто кошелек продырявился? - прервала Матрена.

- Нет, дочка. Тут другое дело. Невеста у Оськи оказалась дочерью шамана, а тот отдавал ее взамуж за Оську только в том случае, если он соглашался перенять его ремесло. Когда сговорились, увез шаман Конкина на Лысую гору и там на халмере - могилах предков - будто и передал ему свои секреты, и с богами заодно познакомил, - засмеялся Ямзин. - Но я от рассказа отошел.

Приехал Оська в чум. Велел закрыть плотно нюк. Это такая кожаная дверь. Костер чуть-чуть тлеть оставил. Сел. Зажал между ногами бубен и запел. Пел и подпрыгивал он долго, пока без сил на пол не свалился. Отлежался и сказал старику, мол, вся болезнь дочери в кончике носа. Его надо отрезать и выбросить собакам. Сам подбежал и отпластнул. Взял за шарлатанство трех оленей и уехал. А дочь старика ночью умерла.

При этих словах Ямзин сжал кулаки и после небольшой паузы продолжил:

- Думаю, так и было. Старику врать ни к чему. Но скоро, очень скоро мы шаманству крест поставим. Даже в Обдорск ездить не будем, свою больницу в селении построим.

* * *

Слушала Матрена Макара Ивановича, а мысли ее были далеко, в прииртышской деревушке. Там, среди чистого луга, увиделась ей

Пищуха в десяток залитых солнцем домов. И бледно-восковое лицо матери. Оно выплывало, будто из тумана, потому что Матрена никак не могла его запомнить в последние часы. Ей виделась мать по-прежнему живой и здоровой. Совладающая с любой мужской работой. Безлошадная, она вязанками таскала плавник с берега, ходила за коровой, пекла хлеба, а дочь берегла. Но недолго пестовала Спелова свою единственную. Поднималась как-то утром с тяжелыми бадьями от проруби, поскользнулась и с маху упала навзничь. Как подняли, кто на кровать положил, - не помнит. Очнулась только к вечеру. Увидела смоляные с подтеками доски потолка, зареванное лицо Матрены и старушек-соседок. На другой день привезла Матрена фельдшера. Осмотрел он мать, долго хмурил лоб, а потом сказал, как отрубил:

- Ничего сделать не смогу: позвоночник, видно, поврежден. - И уехал. Тогда вокруг матери захлопотали старухи. Толкли в ступе, заваривали травы и настойчиво заставляли мать пить эти снадобья. Но ни натирания, ни питье уже не помогли. И на десятые сутки мать умерла. Оставаться в Пищухе Матрене было невыносимо трудно, и она решила уехать в Тобольск. Там, по рассказам матери, жила тетка.

Спелова быстро нашла домик с кривым прогнившим плетнем. Постучала. Открыла ей старушка в черном сатиновом переднике, посмотрела пытлииво и, когда девушка уже ступила на поскрипывающие половицы горницы, поинтересовалась:

- Чья будешь?

ГУ "Национальная
электронная
библиотека ЯНАО"

Матрена ответила вопросом на вопрос:

- Не вы - тетя Катя Спелова?

Старушка отрицательно качнула головой и, все так же изучающе, внимательно глядя на девушку, спросила:

- Не Матрена ли?

- Я. А как вы знаете?

Старушка не ответила. Засуетилась. Бросилась накрывать на стол. А когда закипел самовар на белой, еще попахивающей нафталином скатерти, начала рассказывать:

- Узнать-то я тебя, можно сказать, сразу узнала. Уж очень ты лицом на мать похожа, а вот волосы, походка - отцовы. Это он так легко, как по тайге охотник, ставил ноги, - торопливо вспоминала старушка. - Да у меня и фотография есть, - метнувшись в смежную комнату, принесла. - Вот мать твоя, а это ты. А жили вы здесь, - показала на комнату, откуда только что принесла фотографию. - А когда мой старик преставился, позвала меня Катерина к себе, и я заняла эту комнату. Но вот и подруженьки моей, царство ей небесное, другой год уже нет. И живу одна-одинешенька...

- Ой, что это я совсем заболталась, - лукаво улыбнулась старушка. - Принялась тебе рассказывать про отца да про мать, а сама уже чуть не всю свою жизнь перевернула. - Отставив блюдце и тщательно вытерев вспотевшее от горячего чая лицо, старушка взглянула на Матрену, и та поразились перемене.

Из-под передника выглянуло состарившееся, измятое и иссушенное лицо. Оно кривыми морщинками, сбегаящими от самых висков, напоминало Матрене чагу - причудливый нарост на стволе березы. И хоть старушка не плакала, Матрена чувствовала, как тяжело ей вспоминать, будто при этом она теряла что-то дорогое, единственное и только ей пока доступное.

- Я, Матреша, тебя такой помню, - и она поделила столешницу ровно наполовину. - Малюсенькой помню. Как-то под осень, вечером, почаяевичала я и укладываться решила - к иконам подошла. Поклон земной богородице отвесила, на портрет муженька своего непутного, которого в тот год бог прибрал, поглядела, погорюнилась. И вдруг слышу, ровно кто-то поскребся в ставень. Вышла в сени. Окликнула. Чей-то слабый голос попросил:

- Погреться пустите.

И не пустила бы, может, ведь времена тогда, Матреша, недобрые были, да услышала, как ты заплакала. И хоть от страха меня трясло, а пожалела, открыла. Отступила в сторону, гляжу - мужик зашел, обличем и одеждой на остяка похожий, на руках у него в тряпице - ты, а рядом женщина. Мать, значит. Завела я вас в

горницу, замечаю: неладно с твоим отцом. Штанина у него в крови, рубаха разорвана. Тут весь страх у меня и прошел. Почуяла, что такие немощные люди мне худа не сделают.

- А что они к тете Кате-то не пошли? - прервала рассказ хозяйки Матрена.

- Ее в ту пору не было. На покосы нанималась.

- Ну, значит, так, - продолжала старушка, - водой горячей отцу раны вымыла. Рубаху нижнюю мужнину порвала, перевязала. А мать на лавку как села, так и заснула, и ты рядом губешками чмокаешь.

Утром поднялся отец раньше меня, хотя видно было, что неважно ему, - все лицо огнем горело. Вышла я в сени, он ко мне:

- Тетка ты, видно, добрая, раз ночью незнакомых пустила.

Молчу, слушаю, жду, что дальше скажет. А он так жалостливо, или это мне только показалось, и говорит:

- Ты, тетка, меня выгнать можешь, но пожалей, оставь мать с ребенком. Некуда нам идти.

Ничего я ему не сказала, а сама решила: что будет, то и будет. Помаленьку к тебе стала привязываться. И отец с матерью, хоть больше и молчали, тоже мне понравились. У отца руки всякой работе радовались. И мать ни свет ни заря со мной у печки толкалась. Помогала, значит. А за одним и училась хлеба стряпать. Молоденькая ведь еще была. А раз как-то отец твой мне и признался во всем.

- Мы, - говорит, - тетка, самые что ни на есть беглые. Меня, еще мальшпа сопливого, отец за бочонок вина купцу променял. Тот вначале вроде бы и неплохо ко мне относился. Работой тяжелой не утруждал, кормил досыта. Но как-то раз, подвыпив хорошенько, подошел ко мне, стал наблюдать, как я сырую мороженую рыбу ем, и спрашивает:

- А мясо сырое можешь?

- Для ханта все сырое - первая еда, - помню, ответил ему я. Ведь невдомек мне тогда было, что с умыслом меня Телегин спрашивает. Что я этим самым ответом себя в петлю толкаю.

Улыбнулся купец каким-то своим мыслям. Ткнулся в мое лицо усами, как будто забодать или ужалить хотел, и сказал: "Хватит тебе, Макарушка, дармовой хлеб есть. Ни в приказчики ты, ни в возчики не годишься, мал еще, а эта работа, как рубаха хорошего портного, тебе как раз в аккурат будет".

- Лето прошло. Осень настала, а купец не напоминает о работе, - продолжала рассказывать старушка. - Но как только зима прикатила, Телегин и забеспокоился. Велел портнихе с меня мерку

снять и рубаху с шароварами сшить. Кузнецам наказал клетку большую выковать. Когда все было готово, поехали мы с Телегиным в Ирбит - на ярмарку. В одной кошовке качались, сзади обоз шел с пушниной, и клетка на ухабах позвякивала. Добирались долго. Ведь от нас до Урала путь неблизкий. Наконец приехали. И тут моего купца как кто подменил. Строгий, крутой он сразу сделался.

И хозяйке постоялого двора говорит:

- Мне комнату наверху. Возчикам - в общей. А хантенка этого определите в ту избушку, - показал на старенький домишко со сломанной трубой.

Хозяйка что-то шепнула на ухо Телегину. Он выслушал и хлопнул меня по плечу:

- Ничего, он мороза не испугается.

Втолкнули меня в избушку. А в ней темно и холодно. Видать, давно никто не жил. Вот тут я и просидел три дня без куска хлеба. На четвертый услышал под окошками какой-то шум, песни. Люди в окна стали заглядывать. Пьяные купцы друг друга отжимают, меня увидеть желают. А я в угол забился и дрожу. Не столько, наверное, от холода, как теперь уже от страха. Вдруг слышу, дверь открывается и два здоровенных мужика хватают меня под мышки и - в сени, а оттуда в ту самую клетку, которая из Тобольска с нами на возу ехала. Закрыв я глаза, качаюсь, как пьяный. А Телегин встает на сани и орет:

- Вот перед вами, граждане, самоед. Мы в тепле мерзнем, а он в нетопленной избушке три дня - и жоть бы что. Нам жареное да пареное подавай, а ему кровь и сырое мясо самый лучший продукт.

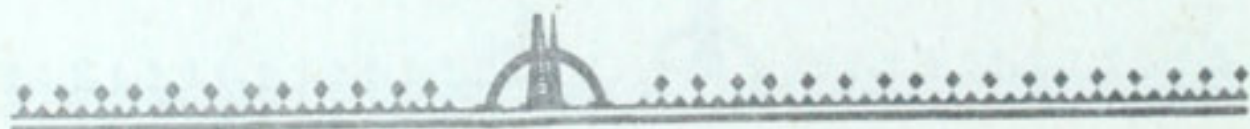
Толпа зашумела, задвигалась. Купцы друг друга давят. А близко к клетке подойти боятся. Один все же насмелился и сунул в железные прутья стерлядку. Телегин увидел и еще громче завопил:

- Не для того я публику дорогую собрал, чтобы она свое питание расходовала. У меня и рыба и мясо припасено. Эй, мужики, пора кормить самоеда.

Так и изгалялись над твоим отцом четыре года, а на пятый он взял за глотку Телегина и пообещал ему кишки выпотрошить, если это безобразие он еще продолжать станет. Может, испугался купец или какая другая причина, но скоро перевел отца в обоз. Анна конюхом там была. Вот они и познакомились и слюбились, - закончила свой рассказ старушка.

- А как же они потом?

- Не говори, Матреша. Потом все пошло еще хуже. Телегин нашел Макара и возвернул его обратно. Говорил: "Ты еще за хлеб

ясной картины ледовой обстановки был заключен договор с Амдерминским метеоцентром. Настоящим праздником в Яптик-Сале стала посадка на грунтовую полосу первого большегрузного самолета.

Окружная газета "Красный Север" в то время писала: "Дело сдвинулось с места. В Салехард пришел первый самолет с уловами Яптик-Сале, где выловлено за ноябрь 5 тысяч центнеров ряпушки". Промысел день ото дня наращивал темпы. По труду оказывалась и честь. Все самое лучшее: продукты питания, товары повышенного спроса везли в Яптик-Сале. Здесь срочно расширялось жилье, работала столовая, клуб, магазин. Хлеб тоже не стали возить издалека. Была вытребована армейская полевая печь. И хотя пекарню заносило снегом так, что ребятишки катались с крыши на лыжах, туннель к дверям всегда был расчищен. Ведь ежедневно трактора, "Бураны" к рыбацким стоянкам доставляли Яптик-Салинский горячий хлеб.

Зная, что Будылдин лично контролирует работу промысла, однажды рано утром по радию на него вышел Горицкий и встревоженно сообщил:

- В такой момент, можно сказать, самый горячий и ответственный, лучшего бригадира отрывают от работы.

- Кого?

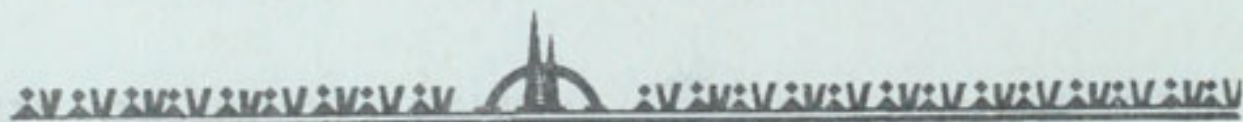
- Михаила Худи вызывают в райком.

- Пусть едет. Значит, надо.

По тону и по тому, как быстро согласился генеральный директор, Горицкий понял, что он знает причину вызова. Будылдин действительно знал. Накануне был опубликован Указ Президента Верховного Совета СССР. И в списке награжденных орденом Трудовой Славы III степени Будылдин увидел фамилию Худи. Вероятно, только солидность не позволила Николаю Яковлевичу пойти в пляс. Он радовался так, будто к его орденам добавился новый. Видел в этом Будылдин еще более глубокий смысл. Раз Родина отметила рыбака наградой, значит, дело, начатое в Яптик-Сале, действительно нужное и оно получается.

Под этим впечатлением Будылдин ушел в воспоминания о трудном пути становления крупнейшего в области и России зимнего промысла и не мог в них обойти стороной опять же Михаила Худи.

Как-то незаметно и, казалось бы, даже неожиданно стал этот ненецкий парень организатором и руководителем промысла, завоевал авторитет. Но так ли уж неожиданно? Если разобраться, сама жизнь, среда готовила его к этому. В нем ярко проявилась ответственность - черта, присущая людям, работающим, что называется, на гребне. Не обделила Михаила судьба и умением находить под-

конторе-то не сидится? - кричала жена Тырлина - маленькая, грудастая.

- Мой мужик говорит, что у тебя нутро совсем плохое. Раненая из пушкана утка не в реку, а к берегу плывет, знает: вода кровь высосет. И тебе шибко работать нельзя. Отдыхать надо. А картошку мы вырастим. Эта русская баба совсем сердится. Все нас шевелит и шевелит...

- Правильно делает, - засмеялся Ямзин. - Работать, бабоньки, надо крепко, чтобы трудовень хороший получить и зимой без еды не маяться. И в этом деле, хоть ты и сказала, Дуся, что я одной ногой на кладбище, но все-таки пока помощник.

- Какой такой помощник? - осведомилась Тырлина.

- Ну, значит, хлеба даром не ем. Вот сейчас увидел, что без воды полеводам никак нельзя. Сгорит от жары картошка. Руками воды тоже не натаскать, а лошади в артели всего две и обе на покосе. Думай не думай, сто рублей - не деньги. Где-то еще лошадку раздобывать надо.

И с этими словами Ямзин пошел обратно в селение. Как зеркало, в провале между лесом ослепительно блеснула Обь. С чешуйками еле заметных волн она походила на большую золотистую рыбину. Свою жизнь Макар Иванович, впрочем, как и все елинцы, не видел без реки. Они прощали ей все - даже человеческие жизни, которые она очень часто затягивала в свою пучину. И всегда надеялись на нее, как на кормилицу. Вот и сейчас Ямзин подумал, что пора, давно пора ехать ему в Тайный пугор.

Не заходя в контору, он поспешил домой. Сборов, вроде, было немного - калданку* подлатать, провиант кое-какой уложить, но как ни торопился, а кружку чая на дорогу заваривал уже вечером. Кроме сборов нашлись и другие дела. Долго сочинял письмо в Рыбакколхозсоюз, сходил к Акулине, чтобы предупредить об отъезде. Закипал уже чайник, когда в сенях заскрипели половицы и кто-то нерешительно постучал в дверь.

- Да!

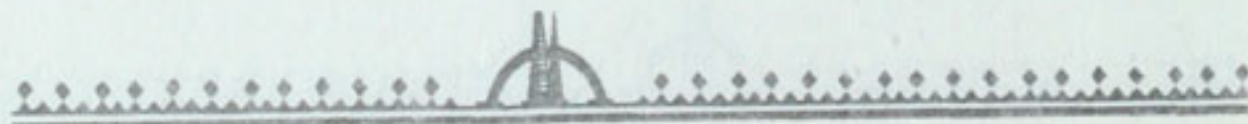
В комнату несмело вошла Спелова.

- Вы уж извините, Макар Иванович, я только на минутку, по делу.

- Вот и хорошо, что заглянула. Чаем угощу.

И, сняв с печи сопевший носиком чайник, Макар Иванович разлил кипяток по кружкам, бросил туда по щепотке истолченной чаги. Матрена села напротив.

* - легкая хантыйская лодка

- Макар Иванович, я чай выпью, но вообще-то не за этим пришла. - И после паузы, за которую Ямзин успел перебрать все причины неожиданного прихода девушки, Матрена сказала:

- Сразу, как ты ушел, Дуська Тырлина бабам по-хантыйски что-то говорить стала. Языка-то я не знаю, но слышала, как она своего Ивана поминала, а еще Семяшкина и Оську. И сильно сердилась.

- Так, так. Оську и Семяшкина, да еще Тырлина в придачу? - взволнованно проговорил председатель и торопливо полез в нагрудный карман за трубкой.

- Ты бы не курил, ведь от этой заразы, Макар Иванович, тебе только хуже, - взмолилась Матрена.

- Подожди, Матреша. Это дело без перекура не осилить.

И впервые назвав девушку ласково, он сел с ней рядом на скамью, глубоко втянул в себя едкий махорочный дым.

- Родителей-то у тебя, Матреша, нет?

- Рассказывала ведь, нет уже давно.

- Вот видишь, - улыбнулся Ямзин, - по всем статьям ты мне в дочки годишься. Вернусь из Тайного пугора, жениха тебе найду.

Матрена от этих слов зарделась. Уткнула голову в костлявое плечо Ямзина и захлопала носом.

- Ну, нюни распустила. Никто ведь еще не умер.

- Боюсь я, Макар Иванович, хоть и пень пнем я в этом остяцком языке, но показалось, что о худом о чем-то Дуська говорила. Поберегись. А вернешься - согласна, дочерью тебе стану. Как отца любить буду.

Слова Матрены не давали Ямзину покоя. И пока жестко скрипела под ногами песчаная тропа, председатель думал. Уже оказавшись рядом с калданкой, услышал торопливые шаги и обернулся. Размахивая какой-то бумажкой, Акулина с тревогой сказала:

- Начальник с железными пуговицами тебя требует.

Развернув записку, председатель прочитал: "Прошу по срочному делу прийти в контору. Ильин".

Человек в гимнастерке и с кобурой на боку оказался начальником милиции.

- Значит так, товарищ Ямзин. Завтра мы с вами поедem в Тайный пугор. Есть такой?

- В тридцати километрах. Это бывший поселок песок Конкина. За него Оськиному отцу платили дорого. Из десяти притонений Конкин только один отдавал рыбакам. В общем, работали, гнулись, а к весне уже оленьи кости приходилось молоть.

- Как это?

- Очень просто. Жизнь научила ханты этой мудрости. К зиме,

когда придут к стойбищам богатые оленеводы, ханты сами недоедают, но берегут в вандеях* и земляных ямах рыбу. И обменивают ее на мясо. Пока есть оно, шикуют, но костей не выбрасывают. Заботливые хозяйки подальше от собак и ребятишек поднимают обглоданные лытки под самый верх чума. Мяса хватает ненадолго. Рыбы после "загара"*** на реке не отыщешь. И вот тогда идут в ход кости. Жадными глазенками смотрят ребятишки и ждут, когда отец вытащит из котла вываренную кость и положит на ложку кусочек мозга.

- Да, брат, и жизнь. Пора с ней кончать. А значит, и Оську самое время раскулачивать.

Мужчины помолчали, Ильин полез за папиросами и оживился.

- Слышь, Макар Иванович, это, наверное, Оськина работа, - сказал, вынимая из кармана листок разлинованной бумаги.

Макар Иванович прочитал: "Наш председатель ничего не делает, только за Матрена ходи, та на саввалинке сиди, на картошке икрай, все икрай..."

- Но ведь я и на гармошке не играю.

- Знаем. Поэтому в райкоме только посмеялись над этой запиской. А в отношении Матрены, если все идет, как надо, может, скоро и на свадьбе погуляем.

- Спятил ты, Ильин, - совсем по-свойски хлопнув начальника по плечу, улыбаясь, проговорил Макар Иванович. - Тебе она, может быть, и в невесты подходит, а мне только в дочери.

- Ну ладно. Это я пошутил. А теперь о самом главном. В Тайный пугор мы с тобой поедем не затем, чтобы уличить Конкина в клевете. А совсем по другому поводу. Как ты, наверное, помнишь, при пожаре в Елино сгорела пушнина. А сгорела ли? И мы подумали - уж не лисы ли заставили появиться Оську на родине? Ведь, в общем-то, все корни обрублены. Отец в земле. Магазины по Малой Оби и Казыму отобраны, а олени в твоём оленьем, артельном стаде пасутся...

- Возможно, ты и прав, Ильин. Только тут надо все обмозговать... Во-первых, ехать нам надо немедленно. Оська ждать не станет. Во-вторых, не так просто у него найти пушнину - тайга большая.

- Раз Конкин в пугор явился - значит, она где-то рядом. А говорить не захочет - заставим, - разгорячился Ильин и похлопал по кобуре.

- Не балуйся излишне своим пушканом,*** - урезонил Макар Иванович. - Я думаю так. Лучше твоего нагана нам могут помочь

* - олени нарты, предназначенные для перевозки груза

** - момент кислородного голодания реки

*** - огнестрельное оружие

люди. Всех ведь Конкин подкупить не сумеет. Есть ханты, для которых честь дороже плитки чая и рюмки водки.

- Извини. Сорвался. Но чувствую, что непросто нам будет открывать тайну этого пугора. А почему у него такое название?

- Почему, говоришь? А потому, что пугор этот с Оби не виден. Таится он за высоченной песчаной грядой, которая тянется на многие километры. Песок, песок и голый хребет тундры. Но если за него заглянуть - ахнешь. В круглой и глубокой, как чаша, котловине совсем другая картина. Рябина и смородина. А по берегам речки Нельмовой кедровые вековой. Глухаря и разной дичи тут хоть отбавляй. Где-то я читал, верно, такие места и зовут оазисом. И попасть к этому острову, по-нашему - пугору, можно только по этой самой речке.

- Значит, все-таки видно заход?

- Видно-то видно, только не каждый подумает, что перед ним знаменитая Нельмовая. Ведь она в устье не шире любой таежной протоки. Отпугивает и вода. Темная, самая настоящая болотная. Но это от большой глубины.

- А коли так...

- Правильно догадываешься. Коли так, вонзь* эту тихую речку никак не минует. Поднимается весной из Обской губы муксун, а при большой воде и осетр нет-нет да заскакивает. Но особенно хороша нельма. Пожировать заходит в речку, крупная, красивая - как женщина.

Последним словам улыбнулись оба. Макар Иванович хотел еще что-то добавить, но Ильин его опередил:

- Выходит, и здесь у Конкина над бедняками верх был?

- А как ты думал? На Оби шторма не затихают, лодки с людьми топят, а на Нельмовой - тишь. Рыбачь, сколько тебе влезет.

Помолчав секунду, Ильин предложил Ямзину сменить его на веслах. Осторожно, чтобы не вывернуться из калданки, они поменялись местами. Ямзин блаженно вытянулся в корме, опустив натруженные руки за борт в холодные струи воды.

- Не дремли, председатель, - Ильин легонько толкнул Ямзина ногой.

- Ну?

- Князь Конкин - это просто прозвище или он официальный на то документ имеет?

- Самим московским царем пожалованный. Я видел грамоту и как сейчас помню. А застряла она накрепко в голове потому, что

---

* - массовый подъем рыбы

Микуль Конкин, пьяный или трезвый, собирал нас в своем стойбище и заставлял Оську читать грамоту до тех пор, пока самому князю не надоест.

- Значит, уважение к себе *воспитывал?

- Выходит. Дело, конечно, прошлое, но старика мы сильно боялись. Драчун он был и матерщинник. Да и богатство его каждому в глаза лезло. Владели Конкины пастбищами и лесами по реке Оби от Сугмы-Вача-Березова, значит, до юрт Ямбургских. В княжестве городков было восемь - Шурышкар, Ханты-Питляр, Ишлех, Кушеват, Казым-Мыс, Куноват, Лангиож, Шишинги. Знаю, что Конкин после дарственной грамоты в Москву ездил, подарки возил. И крестился там. Но от своей веры так и не отрекся.

- В общем, двучье и тут взяло верх?

- Выходит, так.

По Нельмовой плыли долго и долго молчали. Только слышно было, как с журчаньем и хлопаньем сбегает с весел вода и поскрипывают уключины. Совсем по-хантыйски, ловко работает веслами Ильин, и Макар Иванович уже было хотел спросить, где он этому научился, как тонким охотничьим чутьем уловил запах дыма.

- Слушай, Ильин, а нам ведь уже рукой подать до Тайного пугора. После этого поворота должен остров открыться.

И действительно, скоро показались постройки, и с запахом дыма сейчас же ударил в нос тяжелый дух гниющей рыбы. Макар Иванович до белизны сжал кулаки.

- Ты понимаешь что-нибудь, Ильин?

- Ровным счетом ничего.

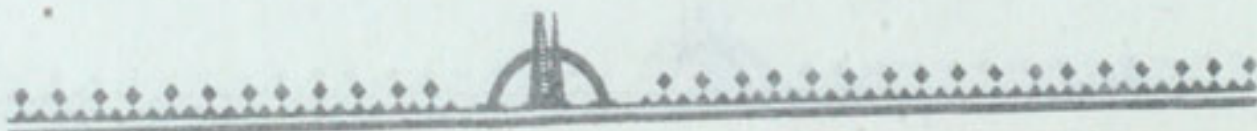
- Тогда я тебе объясню. Вот уже три дня не возят с пугора рыбу. И я грешным делом подумал, что в неводе пусто. А тут, наверное, другое. Если твои сведения правильны, не обошлось без Оськи. Уж кому-кому, а мне он навредить не задумается.

Лодку увидели давно. На берег вывалило все селение. За толпой, на перевернутой калданке, широко расставив ноги, сидел сам Конкин. Наверное, узнав председателя, к нему метнулся Семяшкин.

- Ах, вот ты где, лиса старая, - прошептал Ямзин, увидев своего бригадира с неводной тони. Вслух же Ильину сказал:

- Оказывается, есть еще у Оськи друзья. А я-то думал, что они повывелись. Но посмотрим, как нас встречать будут.

Волосы подстрижены кружком, живот арбузом выкатился из дорогой суконной тройки, с одной стороны как будто перечеркнутой золотой цепочкой, тянувшейся из нагрудного кармана. Не таким помнил Макар Иванович Оську. И только одно осталось прежним - походка мягкая, лисья.

- Здравствуйте, гостюшки дорогие. Давно, давно в мой угол калданки не заворачивали. И уж не помню, когда мы с тобой, Макарко, в последний раз за столом нярхул* - жирного вонзевого муксуна - ели, - бросившись обнимать Ямзина, тараторил Оська.

- Да подожди ты, - невольно сбросив руку Конкина с плеча, проговорил Макар Иванович.

- Ай! Зачем сердитый такой? А ведь мы с тобой почти братья. В одном чуме** жили. Из одного котла жирную оленину кушали. Али не помнишь?

- Все помню. И как отец твой меня хореем*** бил так, что кости трещали.

- Зря обижаешься. Это ведь он сгоряча, - осклабился Оська, то ли насмехаясь над Ямзиным, то ли проделку отца действительно принимая за ошибку. - Бросай сердиться! Я ведь не как покойный - характер мягкий. Лучше ко мне пойдём, за стол сядем. Эй, бабы! Нярхул, варку****, шомох**** несите. И винка, поди, еще в вандеях найдется.

Молчавший все время Ильин у порога юрты, низкой и задымленной, строго спросил:

- А как это рыбаки артели здесь оказались?

- Ай, начальник. Оська хоть и маленький, но человек, и почему к нему нельзя в гости ездить? - И не дожидаясь, что скажет Ильин, князь нырнул в юрту. Приезжим ничего не оставалось, как последовать за ним.

- Сюда! Сюда садись, начальник. Здесь мягко. А ты, Макарко, на неблюй***** присаживайся, - хлопотливо принялся располагать гостей Оська. Суетился, посмеивался, а глаза не радовались. Зверскую тоску, затаенную злобу видел в них Ямзин. И нутром своим чувствовал, что приехали они с Ильиным в самый раз. Не успел, видать, Конкин свое дело, из-за которого, рискуя, из тундры прискочил, до конца довести.

Пока мужчины усаживались удобнее за низким, почти игрушечным столом, на нем появился малосоленный муксун, варка - рыбы потроха, икра, а рядом с чашкой крупной и тугой морошки оказались отливающие желтоватым жарком, чуть отдающие дымом костра сушеные пласты муксуна, именуемые шомохом. Хозяин налил спирта и, не дожидаясь гостей, первым опрокинул серебряную рюмку.

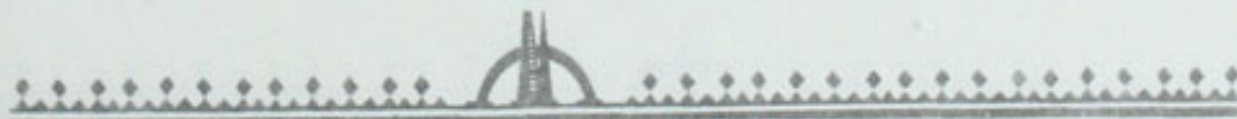
* - сырая рыба

** - островерхое жилище из шестов и шкур

*** - шест для гонки оленей

**** - национальные блюда

***** - шкура оленя

"Э-э-э, брат, - подумал Макар Иванович, - ты и к этому успел пристраститься. Значит, не сладко тебе, не хорошо".

Громко чавкая, всасывая в черный рот пластинки жирной рыбы, Конкин обрезал их ножом ловко, у самого носа. И казалось, забыл о гостях. Но жены пеклись о них всю.

Макар Иванович знал, что старшая, Нюди, была ненкой. Две других, Мария и Наталья, - хантыйки.

Ходили слухи, что за Наталью в Березове Конкин получил большой косяк оленей. А после смерти ее отца - шамана - перенял его ремесло и греб добро обеими руками.

Женщины сновали по юрте бесшумно, как мыши. Рыжая и дородная Мария нечаянно смахнула со стола чашку и тут же тяжелой оловянной ложкой получила от Конкина по руке.

Оська ворчливо, будто оправдываясь, обронил:

- Едят бабы много, а помогают шибко мало. Так скоро совсем бедным стану.

Маленькие косички на голове Оськи дернулись, и он зашмыгал носом. "Чисто артист", - вполголоса проговорил Ильин. Не расслышав его слов и поняв их по-своему, Конкин проворно потянулся к бутылке. Но Ильин остановил его.

Харкнув себе под ноги, Оська крикнул. Тут же появилась Наталья. Совсем девчонка. Цветастое просторное платье только подчеркивало ее худобу. Оська дернул жену за подол, она послушно опустилась у его ног.

Плеснув в серебряную рюмку спирта, Конкин подал ее Наталье. И тут же стал раскачиваться и петь, абсолютно не обращая внимания, что спирт льется ей не подол.

Ильин, наклонившись к уху Макара, прошептал:

- О чем поет?

- Что женился недавно и родилась у него дочь. Долго горевал - вырастет она и разорит. Ведь без приданого не отдашь. А вот сейчас про старую свою Нюди поет. Совсем она бесполезная стала, и духи зовут ее уже к себе. А она почему-то не торопится.

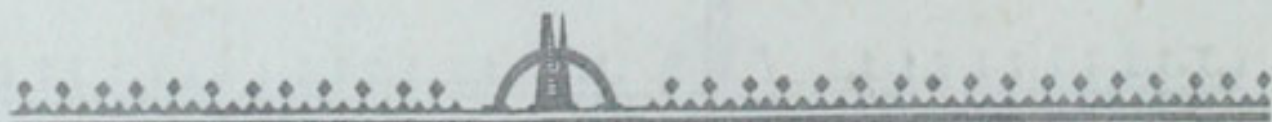
В это время из дальнего полога послышался хриплый кашель. Оська прекратил петь. Вырвал из рук Натальи рюмку и полез с ней в полог.

- Что он делать собирается? - встревожился Ильин.

- Думаю, там Нюди. Чтобы скорее старуха отправилась к духам, Оська ее, слышал, на голодном пайке держит.

Желваки на лице Ильина взбугрились. Брови взлетели вверх, и он, рубанув рукой воздух, решительно сказал:

- Пора с ним кончать. Эй ты, Конкин! Садись к столу.

Оська проворно выскочил из пол-ога и снова потянулся к бутылке. Но Ильин перехватил его руку и вместо бутылки подал ему бумагу. Оська отодвинулся от стола и отрицательно качнул головой. Наверное, это обозначало, что читать он не умеет.

- Врешь, - глядя в упор на Конкина, проговорил Макар Иванович. - Ты же в миссионерской школе в Обдорске учился. Или я что-то перепутал? Читай!

- Читай сам, раз за моим добром приехал! - совершенно трезвым голосом, белея лицом, бросил в ответ князь.

- Как и пьяным не был, - удивился Ильин.

- Он только притворялся. Его, такого хора*, и ведром не свалишь. А если почувствовал он своим волчьим нюхом недоброе, не получится и по-давно.

- Что ты ему шепчешь, продажный остяк? - не в силах сдержать себя, закричал Оська и ногой отшвырнул столик.

Макар растерялся, а Ильин спокойно выложил на свое колено наган. Мгновенно присмирив, Оська даже попытался улыбнуться. Но губы не слушались - разъезжались в злом оскале.

- Вот что, князь. Мы к тебе не водку пить приехали, - строго глядя на него, проговорил Ильин, - а ликвидировать твои излишки. Прямо сейчас и начнем. Вставай!

Оська поднялся.

- Открывай сундуки! А ты, Ямзин, пиши.

* - олень-самец

Пошарив за пазухой, Конкин достал связку ключей на кожаном шнурке. Рыжая Мария охнула, но под гневным взглядом мужа сползла с сундука на пол. Заскрежетали ржавые петли. Сразу же под крышкой оказалось длинноствольное оружие.

- Это шведский карабин, - с видом знатока объяснил Ильин. - Дробь, порох и пыжи закладываются прямо в ствол. Получается натуральный патрон. А капсюль ставят на боек. В общем, хоть и сделано это оружие на старинный манер, но бьет отменно.

Ильин разглядывал гравюры на ложе. А Макар Иванович тем временем раскладывал содержимое сундука. Были здесь яркие шелковые платки и шали, медные и золотые кольца, оленьи бубенцы и позеленевшие от сырости и времени медные бляхи для оленьей упряжки. Наконец, отодвинув сундук, Ямзин решительно поднялся.

- Нет, все это не то. Не женское приданое, а меха надо искать. Иначе с первыми морозами не ты, так твои люди, Оська, уведут вандеи в тундру, и ищи их, как ветра в поле.

И наугад выхватив из связки острый, как шило, ключ, Макар Иванович показал его Оське:

- Отчего он у тебя?

- Был такой замок, да потеряли.

- Ты мне не крути. Пойми, наконец, что для тебя сейчас правда дороже шкур.

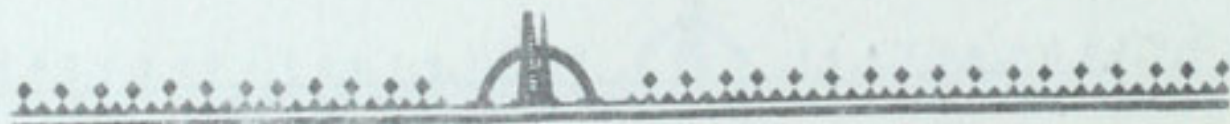
Открыли еще несколько сундуков. Проверили и вытряхнули все мешки под постелями, только угол большой Нюди не решились проверять. Но и следа пушнины не нашли.

Конкин, насупленный и будто отрешенный от всего происходящего, тянул рюмку за рюжкой. Ильин начинал уже нервничать. Он, потрясая наганом под самым носом Оськи, требовал показать пушнину. Но князь, казалось бы, не обращал никакого внимания. Несколько раз двери юрты открывали лобопытные. Наконец, осмелившись, в комнату шагнул Семяшкин. Стрельнув глазами, вероятно, соображая, на чьей стороне тут сила, нерешительно подошел к Оське. Но тот его как будто не увидел. Тогда Семяшкин бочком придвинулся к председателю артели.

- Макар Иванович, мы сюда соли займовать приехали. Только маленько задержались. Скоро-скоро уедем.

- Ты, Семяшкин, коммунист, а за солью поехал к кулаку. Да и врешь ты все. Не из-за этого бригаду всю притащил. И околачиваешься здесь не первый день, если невод обсох и рыбе вороны глаза выклевали.

Семяшкин в свое оправдание пытался что-то сказать, но Макар Иванович его уже не слышал, вышел на крыльцо. Здесь стояла

толпа. Со слезящимися красными глазами, трахомные, иссушенные работой, в рваном платье, люди все разом замолкли, увидев Ямзина. Слишком непонятным был он для них, хотя со многими рос и мыкал горе. Лица пугорян отражали испуг, горе, ненависть. Кто-то желал расправиться с князьком, а кто-то, наверное, боялся: как им будет завтра без Конкина? Без его пинков и подачек. Но вот толпа шевельнулась, вперед шагнул высоченный сгорбленный мужик. Изможденное его лицо, заросшее пегой щетиной, было спокойно. И только руки - большие, в ссадинах и болячках - ерзали по подолу рваной малицы и не находили себе места.

- И ты здесь, Тырлин? - вперевшись в него взглядом, прошептал Ямзин. И найдя выход скопившейся злости, закричал в лицо рыбаку:

- Так для артели с Семяшкиным рыбу ловите? А ведь уж на кого, как не на тебя, я надеялся? Послал отца, чтобы ты как следует заработал. Ведь десять ртов тебя дожидаются дома.

Тырлин не перебивал председателя. Хотя было видно, что дается это ему с трудом. При каждом слове Макара Ивановича глаза Тырлина вздрагивали, и он болезненно морщился.

- Что молчишь? Сказать нечего?

- Почему нечего? - нервно вздрогнули сухие бескровные губы. И вмиг Тырлин оказался рядом с председателем. Выхватив из его рук ключ-шило, ринулся в тайгу. Только было слышно, как трещит и рвется на нем малица и ломается под сильными ногами валежник. Толпа ахнула, онемела, потом, как по команде, все бросились следом. Через полсотни метров в густом кедраче открылись амбары. На высоких ножках, как грибки, они были не новые. Однако Ямзин, хорошо знавший округу, мог поклясться, что раньше здесь их не видел. Щепа и взрыхленная земля рядом со столбами подтвердили это.

Тырлин ловко вставил ключ в замок, распахнул двери и с видом основательно поработавшего человека опустил на порог. Макар Иванович присел с ним рядом. И тронув Тырлина за плечо, потребовал:

- Рассказывай!

- Сам знаешь, рыбачили мы неплохо. Ведь сейчас самый подъем по Нельмовой косяков нельмы и муксуна. Ребята радовались, что трудодни заработаем стоящие, артель выручим. Но позавчера вечером, когда все уже ложились спать, Семяшкин собрался в Тайный пугор. Сказал, что вернется скоро. И ночью действительно приехал, но не один, а с Оськой. Они привезли вина, чай, сахар.

"Зачем вам в артель ездить, я сам провиант привозить буду",

- говорил Оська. Пили мы до утра. Тяжело на ноги стали, а Оська пообещал, что поправит головы, но только в пугор к нему ехать надо. Здесь снова вина давал. А вечером растолкал меня Семяшкин и сказал, что крепко мы князю задолжали. И чтобы деньгами не рассчитывать, надо помочь Конкину привезти из Большой курьи амбары и поставить их на Тайном пугоре.

- Так, так, Василий, теперь я все понял. Как ты думаешь, почему Оська не пугорских мужиков, а вас послал за амбарами?

- Почем я знаю?

- А догадаться нетрудно. Князек все взвесил. Он прикинул, что если артельщики сами принесут ему амбары, их по головке в районе не погладят. Будут, конечно, обиженные, которые к нему могут податься. А уж он-то сумеет их против Советской власти настроить. Ведь у Оськи есть сахар, табак, порох, а у нас этого пока шибко мало.

Тырлин сжался на пороге, как от удара.

- Ловко, ничего не скажешь, обделал нас Оська, - проговорил он хриплым, дрожащим от злобы голосом. - Но ведь мы ему и не поверили бы, если б не Семяшкин. Тот все время уговаривал да успокаивал нас. Мужики говорят, Оська подарил ему три сиводушки, да еще ружье обещал.

Трое суток из амбаров выгребали песцовые, лисьи, горностаевые шкурки, пересчитывали. Теперь дружно в этом деле помогала Ильину и Ямзину рыбацкая бригада. За всей этой процедурой Конкин не наблюдал. Он горланил песни, гонял домашних. Но, наконец, и он появился в кедраче.

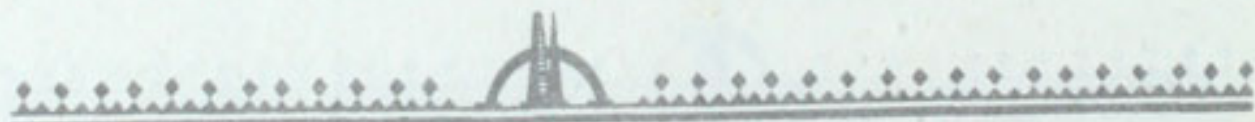
В воздухе носилась пыль, пахло жиром и крепким смолянистым настоем зреющих кедровых шишек. Неожиданно из амбара раздался крик, а через секунду Тырлин вынес на свет деревянную фигуру.

- Кукла, - улыбаясь, орал он с порога.

- Тяжелая. Кто-то выстрогал ее из лиственницы, - Ильин взял куклу из рук Тырлина, и она распалась на две половинки. И все увидели, что внутри ее была пустота.

- Нет, тут что-то не так, - настойчиво потянув деревянную фигуру, которая лицом своим походила на ребенка, проговорил Макар Иванович. - Не стал бы Оська держать в амбаре безделицу.

И тут солнечный луч, попав внутрь пустотелой куклы, ослепил Ямзина. Соображая, что это могло бы значить, он не заметил, как к нему ринулся Оська. Вырвав из рук Ямзина куклу, он крепко ее обнял, и сгорбившись, скрылся в кедраче. По жалким рассыпавшимся косичкам князя Ильин понял, что эта вещь ему особенно

дорога. Но раньше всех догадка все же пришла к Тырлину. Он подозвал к себе Макара Ивановича и шепнул на ухо: "Ты забыл обычай наших предков". Ямзин шлепнул себя по лбу.

- Верно!

- Слышь, Ильин? У вас, русских, если умирает кто-то из родных, вы с него фотографию имеете. А у нас фотоаппаратов нет. Вот и придумали прадеды наших прадедов такой выход.

Тут вмешался уже Тырлин:

- По нашему обычаю, если кто-то в семье умирает, его место за столом занимать не положено. Но место не пустоет - рядом лежит кукла. А я слышал, что у Оськи умерла дочь. Вот ее-то он и смастерил, только не тряпичную, как у нашего брата бедняка, а самую настоящую, золотую.

- Значит, это форма?

- Похоже, что так. Расплавил монеты на огне, а может, золотишко и в другом виде имелось. Вылил в форму. Остудил. Вот тебе и кукла.

Расставив вокруг амбаров охрану, Ямзин и Ильин не смыкали глаз. В тот вечер, когда была найдена золотая кукла, Ямзин приметил, что народ стал подтягиваться к избе Конкина. Решив выяснить, в чем тут дело, он притаился за кустами.

В открытую дверь было видно, как при свете жирников люди рассаживались кружком.

В середину вышел Оська. Он был в рубахе. Кисы на ногах расхлябанно болтались. Слышал Макар Иванович, что во время камлания*, а попросту говоря, колдовства, их подвязывать не полагалось. Зажав между ногами бубен, Конкин сильно ударил по нему кулаком и уставился в потолок.

- Наверное, духов вызывает, - услышал Макар над самым ухом шепот Ильина.

- Фу ты, черт, напугал, - сердито оглянулся Макар Иванович.

- А я видел, как ты юркнул за куст.

- Тише!

Оська бешено бил по бубну, прыгал, извивался. Вены на шее его вздулись, потная рубаха прилипла к плечам. И в такой дикой пляске его хватило на полчаса. Неожиданно шамана повело в сторону, и он рухнул на пол. Женщины тут же накрылись платками.

- Им не положено видеть, как Оська "уходит" к богам, - шепнул Ильину Макар Иванович.

Тишина наступила в избе. И хотя ноги одеревенели, Макар

---

* - разговор с духами

Иванович боялся пошевелиться, боялся шорохом выдать себя. По рассказам стариков он знал, что главное - впереди. "Посоветовавшись" с богами, шаман обо всем обязан рассказать людям. Вскоре Конкин очнулся. Закряхтел. Пошарив в штанах, извлек из кармана табакерку и бросил порцию хахсы* в рот. Подполз к бубну и, собравшись с силами, выкрикнул из толпы Семяшкина. Макар Иванович так и впился глазами в дверной проем.

- Боги рассердились на вас. Вы стали болтунами и бездельниками и давно забыли о том, что всю жизнь ели мой хлеб. Боги сказали мне, что доверять можно только Семяшкину.

И Оська, притянув его к себе, что-то стал жарко шептать ему на ухо. Семяшкин, прикладывая руки к груди, то кланялся, то пытался поцеловать грязную Оськину рубаху, несогласно качал головой. Однако, отталкивая его, Конкин с тем же ожесточением настойчиво продолжал ему что-то приказывать.

Обернувшись к Ильину, Макар Иванович предостерегающе бросил:

- Теперь не иначе как что-то против нас замышляют. Пойдем, проверим охрану.

Чувствовал Конкин, что ускользнув от Ямзина однажды, попадется ему в другой раз. Потому что на Елинских землях хозяином сейчас считали этого нищего пастуха. Стадо оленей и амбары с пушшиной он выплюнул ему в лицо, как надоевшую табачную жвачку: пусть подавится, Оська от того не обеднеет. Золотая кукла, несколько затаенных торговых лавок, оставшихся от отца, ему открыли бы двери в любое ямальское стойбище. Но уходить побежденным князь Конкин не хотел.

Однако зло, которое задумал Конкин, не столько касалось новой власти, сколько лично Ямзина. Его сейчас лютой ненавистью прожигал князь. Его, отказавшегося поклоняться роду Конкиных и подбившего на это других, лишившего князя почета и богатства. "И к примеру, если сжечь пушнину - это не причинит такого горя Ямзину, какого я хочу", - думал Оська и лихорадочно искал жало, которое бы могло смертельно уколоть председателя артели, заставило бы его выть волком, грызть землю.

И такое жало он нашел.

- Ее, бабу эту, убери, - шипел он в ухо Семяшкину.

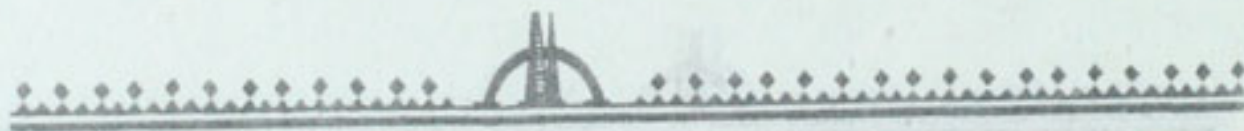
- Матрену!?

- Ее, суку. Эту кралю он любит. К ней ластится, сам же говорил.

- Что ты, князь! Любую службу, но не эту.

---

* - табак, смешанный с прелой березой

- Завыл. Ты готов меня сейчас в зад целовать, но другие уже не будут. А я хочу напомнить им еще раз, кто такой Конкин.

- Не могу я.

- Ах, не можешь? Тогда я тебя, как жирный кусок, брошу сейчас этим собакам. Я скажу им, кто посылал записку в райком, кто помог нам с отцом украсть артельную пушнину и перетащить ее в амбары. Сделаешь все так, как я велю, тогда твое дело - останешься ли в Елино или со мной в тайгу уйдешь.

Впрочем, с собой Оська не собирался брать Семяшкина, зачем лишний рот. А обнадежить его было необходимо. А то еще, чего доброго, покается перед Ямзиным и тогда уж не удастся выпутаться из этой истории с пушниной.

- Да, было дело, - щерясь темным ртом, простонал от удовольствия Конкин.

- Чего ты? Худо али? - бросилась к нему молодая жена.

- Пш-ла-а, - пхнул ее Оська. И развалившись удобнее на оленьих шкурах, запустил грязную пятерню в свалявшиеся волосы, всю до мельчайших подробностей вспомнил ту августовскую темную ночь.

Известие об отряде, направляющемся раскулачивать Конкина, привез Данил Семяшкин. Оська вспомнил, каким при этом стало лицо отца. Плоское, в коричневых веснушках, как будто кто-то взял и высыпал на него горсть махорки и она пристала так, что никакими силами не отдерешь, лицо залилось потом. Пот падал на скрюченные, унизанные золотыми кольцами пальцы, и от того вероятно походившие на когти ястреба.

- Ну что бы ты на моем месте сделал? - выдохнул наконец князь, брезгливо вытирая руки о подол рубахи. - Ведь сейчас с Ямзиным к нам идут русские, а ты их хитростям учился в миссионерской школе.

- Надо бросить все и уйти. Ведь олени рядом. А добро в тундре.

- И народ бросить, - криво усмехнулся князь.

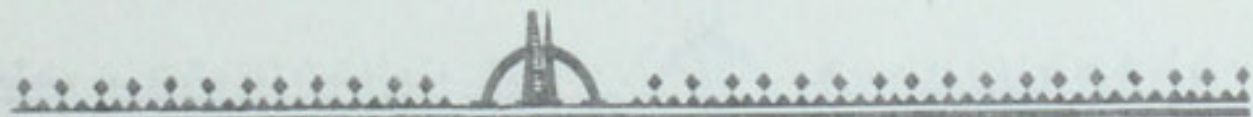
- Самим бы ноги унести.

- Вижу, что еще щенок, которому глаза надо лизать, чтобы быстрее прозрел. И трус однако. А мне сейчас смелых людей надо. На, глотни вина.

- Что задумал, отец?

- Мое дело. Для тебя стараться буду. А потом уж сам, как знаешь, распоряжайся нажитым.

Сказал это и выбежал на крыльцо, а Оська к окошку. В голове было весело от вина, а коленки тряслись. Оська видел, как отец, широко разводя руками, шел к толпе елинцев и плакал, наверное,

страшился новой власти.

Заголосили женщины и ребяташки. Потом Конкин стал торопливо сводить руки, заставляя людей собираться, да побыстрее. В юрту князь вошел стремительно, но с совершенно сухим лицом, своим видом как бы показывая, что спектакль окончен.

Увидев ничего не понимающего, озабоченного Оську, подбадривающе бросил:

- Теперь порядок.

Глотнув вина прямо из горлышка четырехгранной зеленой бутылки, продолжил:

- Нам не надо, чтобы народ оставался в селении. Мы Ямзину силу свою покажем и от болтливых языков избавимся. Ведь не всякий нас с тобой любит, а значит, кое-кто перед новой властью захочет выслужиться и покажет, где добро зарыто...

- Ну, а сами теперь как?

- Останемся в Елино.

- Ямзина, что ли, ждать будем? - боязливо втянув голову в плечи, простонал Оська.

- Успокойся, - жестко, наотмашь ударив сына так, что тот отлетел от стенки, зацепив ногой столик, зашипел князь. - Макарки еще нет, а ты уже испугался. Значит, по делу синяки тебе садил когда-то этот пастушонок. Слушай. У меня винчестер и тынзян в руке не дрогнут, если путаться будешь под ногами. Иди собирай оленей и гони к селению.

- Зачем?

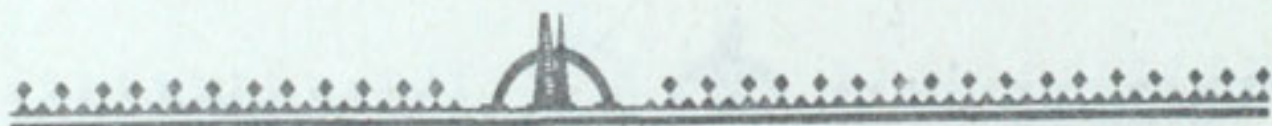
Оська помнит, как рука отца судорожно, торопливо задергала по поясу, а глаза сузились и стали острыми, как гвозди. Не мешкая ни секунды, не дожидаясь, пока отец метнет в него сорванный с пояса нож, вылетел на улицу. Слезы заливали глаза, губы шептали ненавистью: "Сдурел старый хорь совсем. Оленей и тех Ямзину дарит". Неистовствовал Оська, но послушаться не мог, знал отца.

К длинному логу, заканчивающемуся у Оби широким распадком, пастухи пригнали стадо только на следующее утро.

Зябко кутаясь в суконный гусь, Оську поджидал отец, поодаль у костра сидели Ямзин и какие-то люди в шинелях с золотыми пуговицами. "Милиция", - припоминая новое слово, услышанное недавно от Семяшкина, прошептал Оська. И если бы не сурово сжатые в ниточку отцовские губы, Оська метнулся бы назад, но они - эти губы - его подгоняли вперед.

- Табун считать будете? - растерянно озираясь то на отца, то на приезжих, спросил Оська.

- Обязательно, - ответил Макар Иванович, - ведь их мы пере-

давать в артель, наверное, будем, правильно я говорю, товарищ начальник?

- Верно. Верно. А потом пусть Семяшкин их просчитает.

Милиционеры, Ямзин, Семяшкин и Конкин стали по склонам ручья, его обмелевшему руслу, чтобы олени, пробегая по нему, не рыскали по сторонам.

- Оле-ле-оо, ле-о-о, - ведя за собой вотлама-вожака, крупного и смиренного быка, закричал звонким булькающим голосом пастух, протискиваясь в узкий проход в плетне, перегораживающем ручей. Вслед за вотламом сначала несмело, потом быстро и напористо ринулись безрогие важенки, быки и хоры с огромными, покрытыми мелкой шерстью, как мхом, рогами. Князь Конкин живо помогал пастухам, щеки его разругались, как когда-то в молодые годы, вприпрыжку носился за отбившимися оленятами.

"Умеет отец отводить беду", - одобрительно, и вместе с тем все еще злясь на князя, думал Оська.

Теперь-то он понял, что затеял отец. Отдавая это стадо без шума, без боя, угнав из селения людей, он хотел сохранить олений косяк, запрятанный глубоко в тундре у старого одноглазого ненца Еремзи. Далеко, далеко за реку Гыда, где каслает одноглазый, Оська с отцом ездили два лета назад, и аргиши с собой увели с провиантом охотничьим, табаком, шелковыми платками, солью и сахаром. Значит, чувствовал, знал князь, что времена придут неспокойные.

"Хорошо домыслил", - еще раз одоббив решение отца, ухмыльнулся Оська. К концу дня оленей пересчитали и угнали по холмам в тайгу.

Князь, расписавшись в бумагах, а точнее, неверной рукой нарисовав под колонками цифр нарту, называемую тамгой, ушел в юрту. Следом, уставший, приплелся сын.

Черпая из котла оленью кровь, приправленную порезанной печенью, отец говорил:

- Не обижаюсь теперь я на тебя, Оська. Большой ты и дурной, но все-таки сын. И скажу тебе: люди теперь думают, что мы с тобой в дырявых нюговаях ходить будем. Пусть думают. Это плохо хорошо. Но мы все вернем. А может, и больше. Артельная пушнина будет наша.

- Как? - разинув удивленно измазанный в крови рот, уставился на отца Оська.

- Семяшкин поможет.

- Данила зайчиха родила. Он в калданку сесть боится.

- И ты пока не лучше. Но, думаю, упряжку самых сильных

важенок в верховьях ручья все же оставил.

- Само собой. На хвост наступили. Удирать как-то надо.

- Вот так и Семяшкин. Он от меня отвернется, а я ему: "Не думаешь ты, Данилка. Совсем ум потерял. Не хочешь помогать, тогда я скажу, что ты ко мне пришел и сказал: "Милиция едет". Я оленей и запрятал. Пусть их ищут, а тебя увезут и в железный ящик посадят, чтобы другой так много не болтал". Умирать Семяшкин не захочет.

У Оськи от этих доводов аж дух захватило.

- Ну и придумал ты. Попадет к нам заяц.

Князь самодовольно хмыкнул и плеснул в обе чашки вина.

- Ладно, говорить нам много некогда. Сейчас тихонько иди к ручью, пастухам скажи, пусть все нарты с халмера снимут и запрягают оленей.

- Старики сильно сердиться будут. Нельзя с халмеров брать нарты.

- А ты сколько нарт припас? Молчишь? - злобно бросил князь.

- Мне аргиш надо, может, не один, а мертвые подождут. Верну им долг.

Оська был уже в дверях, когда отец остановил его.

- Позови ко мне Семяшкина, да чтобы никто не видел.

Вернувшись с ручья, Оська видел, что селение спало, не горел жирник и в их юрте. Но едва стоило Оське ступить за порог, как отец тут же вскочил и затряс ключами:

- Вот и пушнина наша. Сейчас только бы ее на нарты, и пусть ветер рассказывает Ямзину, куда добро девалось.

Услышав разговор, зашевелился Семяшкин. Отец, помнится, сильно удивился:

- Ты чего, еще не напился?

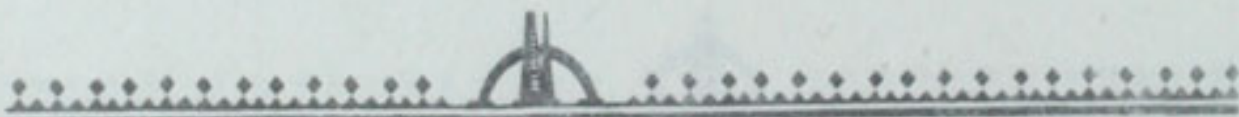
- Не надо вина, князь. Ребят пожалей моих. Не бери лисиц. Ты в тайгу уйдешь. А меня милиционеры увезут. Шибко худо моим будет, - молил он, хватаясь за штаны князя и размазывая грязные слезы.

- Не вой, как собака над мертвым. Я и о твоих ртах подумал.

- Отступись, Конкин, не надо, - продолжал упрашивать Семяшкин.

- Не проси. Артельная пушнина мне нужна, и все тут. - Отец сделал выразительный жест, мол, приведи его в чувство, с размаху перевернул на Семяшкина чугун воды, но тот не растерялся и этим же чугуном огрел его, однако, выпрямиться не успел, как получил между лопаток.

- Мало? Добавлю еще, - грозно заноса огромную деревянную

поварешку над головой Семяшкина, припугнул князь.

- Идите и подгоняйте к амбарам нарты, - и сжав в кулаке ключи, первым вышел из юрты.

Когда пушнина оказалась на аргише, князь распорядился так:

- Пастухи пусть угоняют аргиш в Тайный пугор, а вы, Оська с Данилкой, оставайтесь со мной. Чтобы все видели, что мы на месте и ни при чем.

Заметив, как Семяшкин бросил тревожный взгляд на удалявшиеся нарты, добавил:

- А теперь от тебя беду надо угнать. Поджигайте амбар.

- Как? - растерянно уставившись на князя, едва слышно выдавил Семяшкин.

- Ведь пушнины там нет, чего хнычешь? - И выдернув из крыши пучок берестяных завитушек, сунул их под угол и поджег.

Длинное здание амбара, смолистое и сухое, вспыхнуло, как свечка.

Семяшкин бегал по селению и истошно орал: "Пожар! Пушнина горит!" И по его побелевшим от страха глазам никто бы не подумал и не догадался, что все это не обошлось без его участия.

Оська с отцом прибежали к пожару первыми.

Старик проворно забрался на горящие сени и цепким рыбацким багром обрушил крышу внутрь здания, костер затрепал еще сильнее.

- Все равно не спасти, - закричала толпа. - Другой, рядом-то, рядом, выручать надо!

И люди устремились к соседнему амбару.

- Что здесь? - прокричал на ухо Семяшкину Ямзин.

- В бочках варка, шомох, рыбий жир.

Обе фигуры были ярко освещены, и Оська подумал: "Неплохо бы под шум его багром". И эта шальная мысль так засела ему в голову, что Оська, как загипнотизированный, неотрывно стал следить за Ямзиным. Вот тот, зацепив с крыши ворох досок, сволок их к земле, они зачಾದили, окутали людей едким дымом. Воспользовавшись этим, Оська сбоку, из-под досок, ловким и точным движением, как оленивод подгоняет олешек, ткнул багром в Ямзина. Тот отлетел от кострища, корчась и закрывая руками лицо. Ямзина окружили люди. А Оська, остервенело разбрасывая пожарище, клял себя за промашку.

* * *

Поздно ложится елинский народ. Дела не пускают на отдых. В разгаре путина. И с плавных песков ведут неводники с рыбой. Картошка на полях идет в рост, самая пора ее окучивать. И хотя

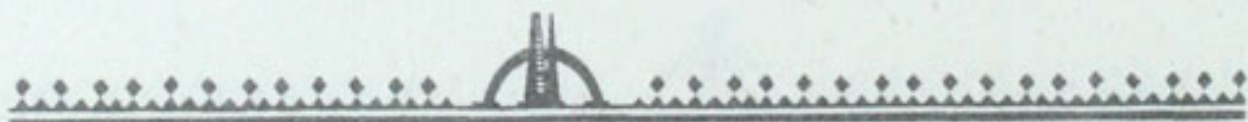
до зимы еще времени порядочно, добрым хозяевам не дает спать забота о дровах. За сухостоем на далекий горелый пугор посередине Оби приходится ездить уже в поздний час после работы. Но в тот вечер Матрена пересидела самых заботливых и неутомонных. Опустели берега реки, затихли собаки, а Спелова все никак не могла уснуть. Она то выходила на крыльцо и до рези в глазах вглядывалась в речную даль, то беспокойными шагами мерила свою землянку, прислушиваясь к любому шороху за дверью. Но Макар Иванович не появлялся. И к утру, осунувшаяся и сразу как-то постаревшая, она решила ехать в Тайный пугор сама. Не заходя на поле, она напрямик направилась к избе Ямзина. Сняла с изгороди его малицы и гуси, вымыла посуду, ножом до белизны выскребла пол. Посчитав дело законченным, вышла к реке.

Подоткнув повыше сарафан, забрела в воду и легко столкнула калданку. Течение было сильным. Вода змейками извивалась между валунов, кипела и клокотала. Легкую калданку чуть не выбросило обратно на берег, но Матрена ловко притормозила одним веслом, другим загребая воду, быстро оказалась на середине реки. Елино, зелено-желтые заплатки полей среди темной тайги стали понемногу отходить назад, уменьшаться в размерах.

Давно не видевшая селение со стороны, Матрена удивилась, как сильно оно разрослось. Пять маленьких аккуратных домов в конце улицы построены для артели на государственные ссуды. А на песчаном, плоском, как стол, бугре поднялся уже почти в полный рост новый магазин, и по планам, скоро рядом будет построена школа. Поговаривают и о том, что будет в Елино колхоз. А значит, и контору соорудят новую, хотя и эта, неказистая, старая, с красным флагом на гребешке, выглядит издали вполне привлекательной. В общем, скоро в селении жить станет еще интереснее. И радуясь приближающимся переменам, Матрена дурашливо плеснула веслом так, что холодные капли обожгли ее. Но это не испортило настроения, а только отвлекло от раздумий о судьбе селения, и в который раз за день перед ней снова возник Макар Иванович.

Дон-динь-дзинь - эти звуки неожиданно раскололи ее голову. Остров с бурлящей водой течения вдруг перевернулся, и гулко ударившись о дно калданки, она еще силилась подняться, но накренившаяся калданка перевернулась. Наблюдая за платьем Матрены, которое, как парашют, угасало в пучине Оби, Семяшкин, дрожа всем телом, шептал:

- Теперь бежать. Бежать надо к Оське. - И забыв совсем о винтовке, Семяшкин на четвереньках, как зверь, рванулся напролом в кусты.

Посланный в район за транспортом гонец не появлялся. Встревоженный этим обстоятельством, а также тем, что оторваны от основного дела рыбаки, Макар Иванович на исходе пятых суток предложил Ильину отправляться в дорогу.

- Ты с ума сошел, - стал отговаривать его уполномоченный. - Меха здесь ровно на пароход. А ты на калданках разместить хочешь. А потом, нужно охрану, ведь до районного центра расстояние не ближнее.

- Зря горячишься, товарищ Ильин. Никто пушнину Оське обратно отдавать не собирается. Она принадлежит государству. А чтобы дело с мертвой точки сдвинуть, предлагаю выход. Перед амбарами в ручье у Оськи около десятка неводников мокнет. Тоже, небось, не по воздуху собирался с добром удирать.

- Что-то я никаких неводников не заметил.

- А ты подойди, присмотришь хорошенько. Так вот. Около десятка неводников да столько же городовушек. Если и этого мало будет, обяжем население отдавать в аренду калданки. Ты думаешь, они никуда не пригодны? Ошибаешься. Есть у хантов большие лодки, долбленные из кедра, их часто вместо гробов используют.

- Как, как?

- В качестве гробов. Кладут в них, а чаще даже сажают усопшего, складывают к нему пожитки и опускают в яму.

- Ясно. Ближе к делу.

- Вот я и говорю, в такие калданки тоже немало добра можно поместить. И пойдет наш караван не в районный центр, а в Елино. Там склады есть. Придет пароход или катер, ему нетрудно будет забрать пушнину и оттуда. Верно я говорю?

- Вообще-то твое предложение не лишено смысла, но вот за пушнину боюсь.

- А что за нее бояться? Охранять будут в пути сами охотники.

Наведя в жилище Конкина относительный порядок, мужчины перетасили свои нехитрые пожитки сюда. Здесь же расположились и рыбаки. А так как при разговоре присутствовали все за исключением Семяшкина, то повторять не пришлось.

Встал Макар - поднялись рыбаки. Им надоело вынужденное безделье, и они азартно взялись за работу. Неводники почти на руках перенесли из ручья в протоку, причем энергично им помогали в этом деле пугоряне.

Ребятишки и взрослые со смехом и прибаутками разгружали Оськины амбары, и вскоре ворохами пушнины были забиты все неводники.

- Э-э-э-х, красота-то какая! - восхищенно говорил кто-то из

грузчиков.

Макар оглянулся и тоже залюбовался.

- Да-а, картина, - протянул он и невольно подумал о том, что будь это все артельное, ведь можно уже о плане рапортовать и охотники на трудовень кое-что получают.

И тут Макар поймал себя на мысли, что чего бы ни касалось дело, он прежде всего привык его соизмерять с нуждами и заботами артели. А о ком он должен был думать? Семей когда-то обзаводился - не стало. А одному ему много ли нужно? Есть артель, - значит, есть все. Он пестовал и растил артель. В одежде рваной и перелатаной, недосыта накормленная, она с трудом поднималась на ноги. И тем, может, была еще дороже Ямзину. "Мы еще постоим за себя, - подумал Макар, - вот-вот в Елино колхоз организуем. Рыбу ловим, зверя бьем достаточно, и надо же подумать, даже картошку ханты научились выращивать! А если так все будет идти честь по чести и дальше, то скоро елинцы новые малицы и кисы получают".

- Что задумался, пора твой мальй флот под загрузку подгонять, - толкнул Макара Ильин и лукаво улыбнулся.

Действительно, неводники, доверху заваленные пушниной, толкнули от мостков, и люди нежились под солнцем, разбросав пропотевшие рубахи.

Поэтому предложение Макара они приняли без особого подъема, но Тырлин им залеживаться не дал. В одного-двух в шутку кинул по горсти песку, кого-то легонько подпнул под то самое место, и скоро городовушки и калданки закачались на волне, как табун пугливых серых уток.

Ильин обошел рыбаков, посмотрел, исправны ли ружья, самым смышленным доверил шведские карабины, отобранные у Оськи. И длинная вереница лодок по течению потянулась к Елино, которое в тот момент взбудораженно шумело. Оказывается, хант, калданивший у пугора рыбу, увидел в курье недалеко от берега утопленницу. Что это была женщина, он различил по одежде, а подъехав ближе, узнал Матрену. Но поднимать ее не решился. Помнил крепко, что оказавшегося в воде не спасают, таким путем он отправляется на небеса.

- Матрена, Матрена, - только и могла выговорить Акулина.

Не замечая даже и того, что у нее в руках половая тряпка, она уткнула в нее глаза. Мария Тырлина бегала по селению и орала:

- Я знаю, кто утопил Матрену. Оська, все - он. Ему Макар и вся наша артель, как жадному волку кость, поперек горла встала.

В общем, судили-рядили, а за Матреной никто не собирался. И

тянулось это до тех пор, пока ребятишки с вершины холма не увидели приближающийся караван. Все селение сбегалось на берег. Бабы, поглядывая на стариков, подзуживали мужей:

- Езжайте скорее навстречу. Макар, хоть и хант, но старых обычаев не признает, а значит шибко рассердится.

И мужиков проняло. Несколько калданок отплыло вверх по реке.

- Соскучились по председателю или бездельем мучаетесь, - встретил их Ильин. Мужики хмуро молчали. Наконец, один из них решил.

- Макар Иванович, ты, небось, не слыхал, а у нас в Елино горе.

- Какое такое горе?

- Матрену нашли в курье.

Весла враз на лодках поднялись и не опустились. Все смотрели на Ямзина. А он, сосредоточенно глядя в одну точку, словно лишенный дара речи и понятия, тоже молчал.

Тот же голос добавил:

- Мы было хотели вывезти ее из курьи. Да сам знаешь, стариков побаиваемся.

Эта фраза будто вывела Ямзина из оцепенения, и он закричал визгливо, путанно:

- Что старики, старики. Что? Может, ей помочь надо было, а вы оскверниться побоялись. Ой-ой-ой, что я говорю. Значит, она умерла. А я-то, старый, обещал ее в дочери взять, замуж выдать. - Размазывая по щекам слезы, он оглянулся на своих товарищей. И они не узнали своего железного Макара. Он постарел за минуту. Обвисли плечи, глаза провалились, и сквозь бронзовый загар на лице выдавалась бледность.

- Поедем, - решительно прошептал он и первым остервенело налег на весла.

К Елино караван подходил уже к вечеру. На переднем неводнике под парусной мачтой лежала Матрена, а рядом - оглушенный горем Макар. Он, казалось, по-прежнему никого не видел, не узнавал. Молчание его сменялось глухим надрывным плачем.

Обрядить покойную согласилась Акулина. Всю ночь Ильин не отходил от Ямзина. Тот уже не плакал. Сухими глазами смотрел в темное окно и о чем-то своем думал. Так тянулось долго. И Ильин уже было хотел заговорить с Макаром, когда он сам строго спросил:

- А ты-то хоть чего не спишь?

- Как тебя в таком состоянии бросать?

- Ну, спасибо, брат. Только плохого обо мне не думай. Если уж кулацкие пули меня не взяли, то собственными руками я себя

жизни не лишу.

- Я не о том, Макар Иванович...

- Ладно, чего уж там. Только намотай на ус другое. Плохими мы с тобой чекистами оказались. За этим и выслал Оська Семяшкина. А нам всего-то и требовалось пару человек по пятам его послать.

- Да-а, - неопределенно протянул Ильин. В этот момент дверь со скрипом открылась и на пороге возникла Акулина со свертком в руках.

- Тут, Макар Иванович, я платье за пазухой у Матрены нашла. Такого у нее не видела.

Ямзин взял в руки сырой сверток и разложил его на столе. Из кармана платья выпали сложенный вчетверо лист и фотография.

Прижав ладонью к столу листок, Макар стал внимательно приглядываться к лицам на фотографии. Первое, на что он обратил внимание, была надпись: "Тобольск. Фотография мастера Телегина Ф.С." Прямо на него смотрел скуластый парень. Да, совсем молодой человек, в косоворотке и широченных штанах, заправленных в яловые сапоги, а рядом на стуле восседала маленькая, смиренная лицом, женщина. Ее черные глаза внимательно и ласково, как много лет назад, глядели на Макара.

- Стой, стой! Так это же она, Аня! - закричал он на всю комнату. - А платье это подвенечное. В русской церкви мы обвенчались. Но как фотография попала к Матрене?

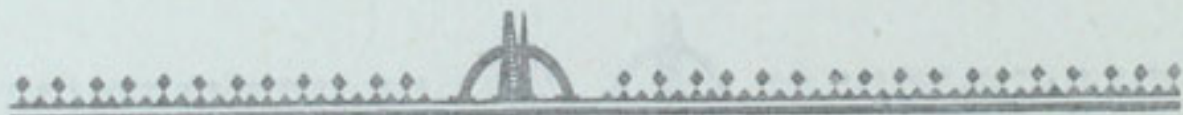
- Молчи, Макар Иванович. Слушай, - проговорил Ильин, незаметно выхвативший из ладони Ямзина листок.

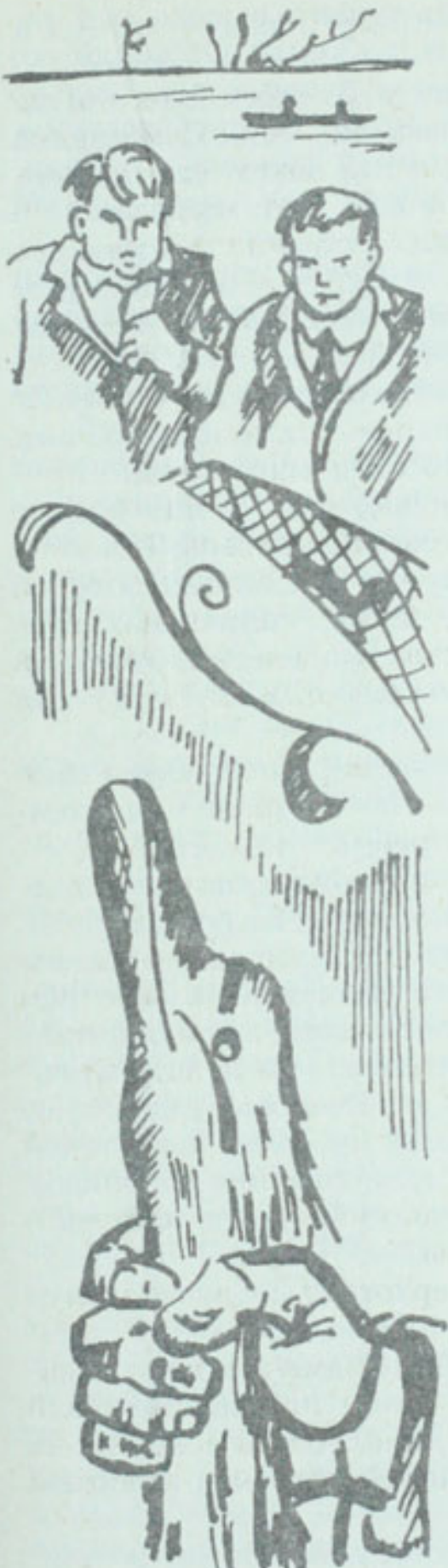
"Макар Иванович! Здравствуй, милый мой. Я тебе давно хотела сказать, но смелости мне не хватало. Перебирала вещи в мамином сундуке и наткнулась на это платье. Порадовалась, что не надо будет шить мне обнову, да и пока не из чего, если ты действительно сдержишь слово и просватаешь меня за Ксенофонта. Я тебе этого не говорила, но он мне сильно по душе. Славный такой парень. Нравится мне, что и о тебе он всегда говорит хорошо.

Так вот, платье я вынула, и там в кармане нашла эту фотографию. И на ней рядом с мамой копия - ты..."

- Подожди, Ильин, друг мой, - едва сдерживая себя, выдохнул Макар. - Ты иди, иди. Дальше я сам.

Ильин вышел. Макар, седой и маленький, не замечая, как скользят и капают слезы, горестно улыбнулся, глядя шершавой рукой ситец платья и свернутый вчетверо листок, смотрел на селение, на красный флаг, развевающийся над артельной конторой и видимый с холма на многие километры.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕЛЕТ

Когда куропатка на своих лохматых лапках начинает проваливаться в снег, утрамбованном и сбитом за зиму ветрами до бетонной крепости, - значит, пришла на наше землю, к берегам Ледовитого океана, весна. Она еще хрупка, как тальниковая веточка. Наступишь - сломается. В иные годы уже из сугробов живой, позванивающей струей потекут ручьи, и на стелющихся карликовых березках появятся почки в серебристом пушистом одеянии, а тут мороз и пурга. И снова нежится зима на Севере, гонит по обледенелой, как лакированной, тундре снега. И начнут метаться в поисках спасения звери и птицы. Куропатка с высоких мест спустится в лога и распадки речушек, где можно напиться никогда не замерзающей болотной воды и распластаться на мягких пуховиках еще как следует не тронутого солнцем снега. Но день на-

станет. Небо прояснится. И от солнца, плывущего высоко над горизонтом, волнами начнет наступать на тундру тепло. От земли его еще отбивает холодный воздух снегов, и поэтому тепло пока только ласкает верхушки кустарников. Но это сигнал к пробуждению. Задубевшая, смерзшаяся за зиму кора начинает темнеть, расправляться, и в ее трещинах появляются светлые, как слезы, капли живительных соков.

Вода, от морозов загустевшая и своей чернотой напоминающая деготь, на глазах светлеет и становится второй половиной голубого сияющего шара, в который заключен сейчас весь окружающий мир. Но настоящим барометром наступившей весны и устойчивого тепла служат птицы.

Вначале вдали покажутся несколько темных точек. Постепенно увеличиваясь в размерах, они примут очертания гуменников - отчаянных гусаков, с полосатыми, будто морская тельняшка, животами. Вслед за смелыми разведчиками начнут прорываться к Северу все новые и новые клинья гусей. И если первые идут под самыми небесами и ведут себя настороженно, то эти радуются прибытию в холодную, но привольную тундру. И круглый день над нашей землей летят песни: "Га-а-г! Пи-пи-и! Тюрл-ли!"

Старый Варкаи, дрожащей рукой поглаживая суковатый посох и сомкнув в лукавом, радостном прищуре глаза, шепчет:

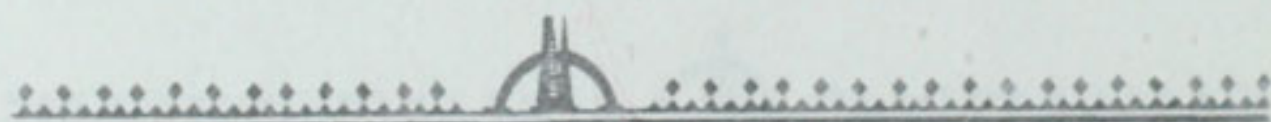
- Вот и вернулись, мои родные, обратно, на землю своих предков...

- Чудишь, дед. Какие у птиц могут быть предки? - возражает внук.

- Ростом ты вымахал с хорей и учен, конечно. Но если думаешь, что у птиц и зверя не бывает предков, значит, обидели тебя - не дали ума. Помни. на свете всему есть начало. Траву и деревья родит земля. Человека - человек. Зверя - зверь. Но из всего появившегося на свете сильнее всех человек. У него машина, самолет и ружье. И если быть безрассудным, то можно птичьи косяки выбить, ягель вытоптать, речку оставить без рыбы. Однако предки говорили мне, что этого не должно произойти. Ведь мало того, что человек сильнее, он и умнее всех.

Все это вспомнилось Алексею в вертолете, который вот-вот должен был приземлиться в Ярах - родине деда Варкаи.

Домик старого Варкаи стоял на самом краю поселка. Зимой к нему вела едва заметная тропа. На ней было больше песцовых следов, чем человеческих. Ленясь ходить по глубокому и мягкому снегу, белощубые зверьки с охотой пользовались ею, забредая в окрестности. И Варкаи не пугал их. У него, всю жизнь обитавшего

в глухих уголках тундры, даже теплее становилось на душе, когда стремительно и мягко, будто тени, рядом проносились песцы. Но весной тропа превращалась в дорогу - широкую, торную. Ее пробивали к домику охотники. Потому что хозяин считался непревзойденным мастером выстрагивать чучела уток и гусей.

Вот и на этот раз крыльцо и завалины были превращены в мастерскую. Сбросив малицы, мужчины сосредоточенно корпели над манками и отдавали их на суд Варкаи, который либо браковал изделия совсем, либо ножом с односторонней заточкой ловко, в два-три приема, исправлял погрешности. Или, сбросив с коленей желтую пену стружек, принимался рассказывать охотничьи истории. В этот раз Варкаи сидел в качестве слушателя и корчился от смеха.

-... Захотел по нужде и побрел в кусты. А я, значит, в скрадке сырые портянки выкручиваю. Вдруг слышу страшный вопль:

- Ой-ой-й! Бей! Бей ее! Какого черта вылупился? Ой!

И я, как был в одном сапоге, так и вывалился из скрадка. Чешу напрямик через кусты, да, оказывается, с тыла зашел. Прямо на меня заголенное мягкое место Саварки, а на голове его - вцепившаяся в шапку сова...

Алексей, подошедший к дому незамеченным, выдал себя громким смехом. И старый Варкаи бросился к нему и сгреб его в объятия.

За столом, а точнее, на большом брезенте, застелившем истоптанный и заваленный стружками снег, скоро появилась дымящаяся оленина, куски внутреннего, с красными прожилками жира, и самое главное - нельма. Из нее взялся готовить строганину сам Варкаи. Он острым и узким, как шило, охотничьим ножом вначале аккуратно срезал пласт кожи со спины, потом с живота. Затем провел рукой по бокам рыбины, согревая ее, и, убедившись, что кожа отмякла и повлажнела, надрезал чешую у самого хвоста и, наткнув ее на нож, потянул на себя. С шипением, похожим на перегревшуюся кольчугу, слегка оголился желто-красный жирный бок нельмы. Сглотнув слюну и откровенно любуясь работой деда, Алексей подумал, что он все такой же умелый и сильный. Вот только левая рука пару раз соскользнула с рыбины в тот момент, когда Варкаи стал тонкими завитушками строгать мороженую рыбу. Но тому была другая причина. На руке не хватало нескольких пальцев. Таким пришел дед с фронта.

Гости разошлись глубокой ночью. Охотники интересовались - окончил ли учебу Алексей и надолго ли приехал к деду? Крепыш Саварка после рюмки спирта вдруг обнаружил в себе тьму болезней и просил молодого доктора его посмотреть. Алексей вначале

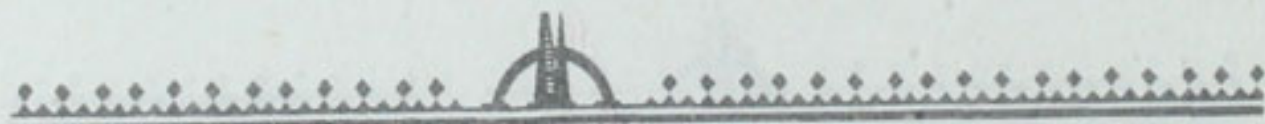

ссылался на свою неопытность, но потом, чтобы не обидеть старика, обещал на днях заглянуть к нему.

Наконец дед и внук остались одни. Варкай включил "Спидолу", на корпусе которой на блестящей пластинке красовалась надпись: "Варкай Лыдаковичу Лаптандеру за добросовестный труд от дирекции совхоза". По сердцу Варкай пошла теплая волна, и он задумался о чем-то своем. Замер на пороге маленькой комнатушки и Алексей. После долгой разлуки она казалась теперь какой-то родной. Слева от порога на стене висел пояс, иметь который посчитал бы за честь каждый тундровик. Алексей слышал, что за него деду отдавали упряжку оленей. По широкому полю из черной юфти бежали фигурки, а точнее, вылитые из меди силуэты оленей. Каждую из них пунктирами очерчивали шляпки стреляных мелкокалиберных гильз. В полумраке комнаты медь теплилась мягким светом. Слева от массивной пряжки висел аккуратный пенальчик для точила... От него бахромой по нижнему краю тосмы тянулись волчьи и медвежьи клыки, говорившие о доблести охотника и, по старому ненецкому поверью, спасавшие его от болезней спины. Но главным украшением тосмы, конечно, являлся нож с ножнами. Вырезан он был Варкай из мамонтового бивня. По желтому, до блеска отшлифованному боку ножен сияющим орнаментом лежали коричневые с прожилками из голубоватой слюды камушки. Их дед разыскал на оленьих тропах Полярного Урала. Огранил, как сумел, затем, просверлив костяную крепость ножен, вставил туда камушки и залил осетровым клеем. Ручка ножа была украшена скромнее. Во всю высоту ее тянулась цепочка узоров в виде оленьих копыт. Такой отпечаток оставило на кости раскаленное клеймо. Плоская, с легким закруглением и небольшим набалдашником, на конце рукоятка удобно ложилась в ладонь. И венчала это произведение искусства затейливая костяная цепочка, которой ножны крепились к тосме.

С пояса взгляд Алексея переметнулся на большую фотографию. Она висела посередине противоположной стены. С пожелтевшего, местами покоробившегося листа смотрели на него двое - мужчина со сброшенным с головы совиком малицы и женщина, тоже в малице, подпоясанная свитым наподобие кушака, цветастым платком. Кое-кто, глядя на фотографию, недоумевал: почему эта женщина одета не в расписную ненецкую ягушку, как обязывает традиция?

Потому что была она зырянкой. Или коми, как уважительно теперь называют представителей этой национальности. На родине ее, у берега реки Кары, зимнее и летнее одеяние женщины -

малица. И сколько бы ни предлагал своей жене Варкай оленью доху, она отказывалась.

- Это мы с бабушкой на фактории Той-Яха, - неожиданно прозвучал сзади голос Варкай.

Алексей оглянулся на деда. Фигура осталась прежней. Только разве плечи чуть ссохлись и ссутулились. А над лицом время поработало основательно. Перечеркнули лоб глубокие морщины, и, будто схваченная невидимыми живульками, некогда тугая, кожа на щеках собралась в две дряблые складки, а жесткие, негнущиеся волосы окончательно поседели и точь в точь походили на щетку оленя. Так называют ненцы проволочной колючести оленьи волосы, обрамляющие его точеные копыта.

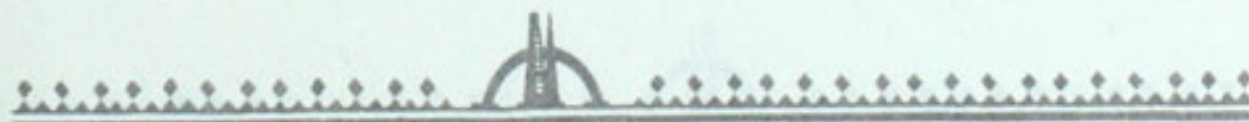
Варкай понял, о чем думает в эти минуты внук. А поэтому спросил:

- Или не похожу? - Не было в голосе старого ненца, прожившего свои шестьдесят по суровым законам тундры, ни мольбы, ни заискивания. И внук, хорошо знавший характер деда, обманывать его не стал:

- Почему? Ты и есть ты. Только изменился.

- Сильно изменился, добавь. Но, - глаза Варкай хитро прищурились, и блеснул в них озорной огонек, - хотя годы ушли, я помню себя еще ой каким молодым, - сказал и смолк дед.

Алексей подумал: сейчас будет рассказывать. Но он, постелив внуку, занялся своими делами. Нарубил мелко тальника, привезенного накануне на собаках, чтобы утром затопить кирпичную печь, сложенную по его просьбе совхозным печником. Долго занимался чучелами. Старые, изрешеченные дробью, с обломанными носами, приготовил для ремонта. После этого собрался уже ложиться, да вспомнил, что не кормлены еще собаки. Вынес им таз с едой и присел рядом на завалинку. Четыре молодых рослых кобеля, пушистых и спокойных, не обижали рыжую гладкошерстную суку, хотя она постоянно норовила вырвать из-под их носа кусок побольше. Варкай одобрительно смотрел на псов. Нахальство Пуру, действительно, простить было можно, ведь в конуре ее дожидалась целая свора щенят. Варкай не запрягал Пуру в упряжку почти всю зиму. По установившейся привычке, когда еды в тазу не осталось, он подозвал к себе ездовых псов, вычистил слипшийся между когтями их лап лед. И только тут, к своему огорчению, заметил, что шерсть у Пуру стала сворачиваться в сосульки. Ненцы знают, что бывает это только в двух случаях: когда собака страдает от недоедания, или когда еда ей не идет впрок. Варкай внимательно посмотрел на старую собаку и невольно вспомнил взгляд внука.

Алексей давно сладко спал. Варкаи, чтобы не разбудить его, осторожно вытянул из-под дивана раскладушку и пристроил ее в кухне рядом с печкой. Торопливо и блаженно вытянулся под одеялом, но спать не хотелось. Пятно фотографии, белевшее в глубине комнаты, будто притягивало к себе и заставляло вспоминать.

* * *

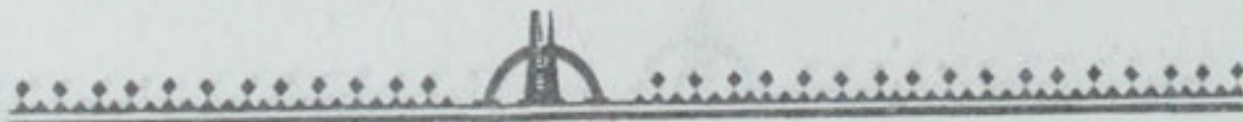
В общежитии, разгороженном на две половины фанерной стенкой, стояло четыре кровати. Миновав маленький коридорчик и кухню, Алиса очутилась у себя. Шумно дунув на подвешенные к потолку и до сих пор не снятые после новогоднего праздника бумажные снежинки, она в одежде упала на кровать. И, несколько раз качнувшись на панцирной сетке, задрав подбородок, взглянула на подругу. Но та, казалось, не заметила ее.

- Татьяна, не будь бабой-ягой.
- Ну, что тебе?
- Появился в нашем захолустье новый доктор.
- А начальник экспедиции как же?
- Сама еще не решила.
- Ну-ну.
- Что ты занукала? Или мое поведение тебе не нравится, и скоро о нем вопрос поставишь на комсомольском собрании?
- Может, и на педсовете кто-нибудь поставит.
- А о чем речь пойдет?
- Наверное, о моральном облике уважаемой учительницы русского языка и литературы.
- Не растеряюсь. Найду, что сказать. Как там у поэта?

...Ты, девчоночка, ищешь доблести
Здесь с учительским ремеслом.
Эх, зачем только, ненцы добрые,
На край света вас занесло?
Шар земной - большая катушка -
Очень медленно дни накручивает.
Ты целуешь во сне подушку,
Обнимаешь белыми рученьками...

Вот так-то. И целовать здесь даже некого.

- Как это? А начальник экспедиции?
- Доктор моложе и симпатичнее. Появится еще кто-то, и с ним целоваться буду!
- Странная у тебя, Алиса, философия. Тебе лишь бы мужчину. Но как без разбору, уже не говорю - как без любви, можно?
- Дура ты, Танька. В этой глухомани, пока мы отработываем

диплом, состаримся. А кому такие на Большой земле нужны? А замуж и тебе, наверное, хочется, только когда каждую из нас свой принц разыщет? Вот и решила я разведку боем сделать. Не повезет на одном - за другого выскочу. И вся тут философия.

И Алиса, бросив взгляд на ее сторбившуюся фигуру, замолкла. Явное недовольство подруги не смутило Алису. К этому она успела привыкнуть. Но каждый раз после такой перепалки, на какое-то мгновение к Алисе приходило просветление. И она как бы со стороны смотрела на себя.

"Чем я не невеста или жена? - думалось Алисе. - Пусть ростом не вышла, а выгляжу ладно. И груди, и ножки ничего. Или, как говорится, все при мне. Но, может быть, действительно, Алиска, надо остепениться. Вот ведь живут Танька и другие девки себе спокойно. Кого-то ждут, о ком-то думают. А ты распутством занялась. За это, действительно, могут не погладить. Сейчас уже поселковые бабы с ехидцей на тебя поглядывают да перешептываются".

Вдруг другой голос, голос той Алисы, что пялила на мужиков свои нахальные зеленые глаза и при разговоре на эту щекотливую тему в карман за словом не лезла, возразил: "Пусть, перешептываются, несчастные, если за мужиками уследить не могут. Не умеют их приручить так, чтобы они, как ниточка за иголкой, за ними следовали. А ты умеешь. Глазами разожжешь, пухлой рукой небрежно волосы свои поправишь. И жмурится мужик, будто это ты его локоны ласкаешь. И другое. Мужик, он не чурка безглазая. Видит, если ты со своим учительским окладом каждый день в обновках ходишь, значит, в портновском деле мастерица. И хозяйка из тебя получится что надо".

- Э-эх! А вот он не видит, - вырвалось вслух у Алисы.

- Потому что ему не ты, а услада нужна, побалуется и выбросит, как пустышку, - вдруг донеслось от стола.

- А я уже сегодня вопрос поставлю ребром, - стремительно соскочив с постели, заявила Алиса.

- Значит, снова к начальнику?

- К нему.

- Будешь ночевать?

- Не знаю.

* * *

Владимир Михайлович Соснин, начальник Яхинской нефтегазо-разведочной экспедиции, был дома, а точнее, в небольшом, но уютном номере гостиницы. Ноги его тонули в мягкой шерсти мед-

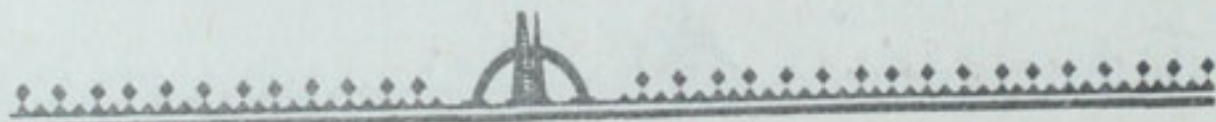
вежьей шкуры. И он боялся ненароком пролить на нее кофе, который с фырканьем вырывался из рожка маленького чайника, подставил под него тарелку. И все же несколько капель как раз упали туда, где на груди медведя, как солнечный зайчик, красовалось белое пятно. Но и это не могло испортить настроение щепетильно аккуратного Соснина. Закинув ногу на ногу, он поудобнее уселся в кресле и жадко, по-звериному раздув ноздри, некоторое время втягивал в себя нежно-горьковатый аромат кофе. Затем стал маленькими глоточками отпивать его из керамической крохотной пиалы и думать о том, что особенно поднимало его настроение в тот день.

Несмотря на аварию на одной из буровых, экспедиция все же с планом пяти месяцев справилась. Накануне почти неделю не выходил Соснин с рации. Начальник ее, шутя по этому поводу, заметил: "Вам бы сюда, Владимир Михайлович, и раскладушку поставить".

Аварию устранить не могли в течение трех месяцев. Генеральный директор объединения Шибанов, смирившись с этим, как-то сказал Соснину: "Брось ты с ней возиться. Выговор получил и довольствуйся. Пусть стоит до тепла, а пока разложи план на остальные бригады и жми на них".

Чего-чего, а требовать Владимир Михайлович умел. Впрочем, никто на него не был за это в обиде. Потому что ему, начинавшему с низов, секреты бурения были знакомы до тонкостей.

Представив себе аварийную установку, с которой, как с оплавленной свечи, свисали огромные сосульки, где безжизненно, под толстым слоем льда, стояли механизмы, он все же решил вдохнуть в них жизнь. В ущерб другим бригадам выдал на ремонт буровой все самое необходимое и дефицитное, и, как от сердца оторвал, легкий, но надежный "ГАЗ-71", вездеход, служивший ему для поездок по буровым и в районный центр. Отдавая бригадире машину, Соснин пообещал: ликвидируете аварию, выговоры сниму, а вместо них выдам премии. Люди старались вовсю, зная слово Соснина, и уже через три недели радист, сияя, вручил ему радиogramму: "Аварию ликвидировали тчк Начали проходку тчк". Об этом сообщении Владимир Михайлович запретил говорить кому-либо, надеясь на то, что в момент связи из-за помех на соседних буровых радиogramму могли не расслышать. И хотел, чтобы, настроившись на выполнение повышенного задания, бригады не расслаблялись. И маневр удался. Благодаря этому, а также при помощи вышедшей из аварии буровой, экспедиция план выполнила. И сегодня, впервые за долгое время, вечером Соснин был не на ра-

ции, а дома.

Смакуя кофе маленькими глотками, он прислушивался к шагам в коридоре и думал: "Придет или нет?"

В свои тридцать лет Владимир Михайлович считал, что уже достаточно хорошо изучил психологию женщин. Поэтому после близкого знакомства с Алисой тоном, не допускающим возражений, потребовал, чтобы она пришла к нему сама.

- А моей ноги в твоём общежитии больше не будет.

- А если я не подчинюсь, значит, между нами все кончено? - спросила Алиса.

В ответ Соснин только хмыкнул. Мол, как хочешь, так и понимай. Дойдя в воспоминаниях до этого момента, Владимир Михайлович уловил стук уличной двери. Кто-то вошел в сени, но дальше, словно выжидая, не проходил. Наконец послышались осторожные шаги по коридору. Соснин отвернул задвижку на комнатной двери, и в объятия к нему юркнула из коридора Алиса.

- Что, бесовестный, дождался, сама к тебе ходить стала? - Смущенно и вместе с тем с желанием глядя на Соснина, выпалила Алиса.

- Сразу же и выговорила, - притворно обидчиво бросил Владимир Михайлович и помог ей снять пальто. Затем щелкнул выключателем. Отыскав в темноте теплые и влажные губы, стал целовать.

Сухое вино Владимир Михайлович шутливо приказал подать в постель. А когда Алиса оказалась рядом, спросил:

- Ну, что слышала?

- Не получается из меня, Соснин, разведчицы. Потому, наверное, что я ровно ничего не понимаю в твоих гусях.

- Ну, хоть названия мест запомнила, куда собираются?

- Нет. И что тебе только эти гуси дались?

- Не мне они нужны, - раздраженно бросил Соснин, - а товарищам сверху. Понимаешь?

- Снова не понимаю.

- И какой эти бабы бестолковый народ. Запомни, успех всякого производства зависит от материально-технической базы. А у нас вечно то того, то другого не хватает. На прошлом совещании мне удалось познакомиться с одним ответственным работником министерства. Невидный такой, весь в прыщах, а одет модно. Джинсы с "молниями", пиджак велюровый. Подошел он ко мне и обращается, как к старому знакомому:

- Ты, старик, с Севера?

- Да, - отвечаю.

- Тогда у меня дельце к тебе будет. Думаю, часик-два мне

вечерком уделаешь?

И хотел бы я ему отказать, да нельзя. Во-первых, он все-таки из министерства. Во-вторых, по интонации чувствую, что для него мое согласие не особо важно. Он придет без приглашения.

В общем, встретились. У Игоря была бутылочка, и у меня кое-что нашлось. Сидели почти до полуночи. Разговаривали обо всем. И я было уже подумал, что просто он рассказы о северной экзотике послушать пришел, как вдруг перед самым уходом он спросил меня: "А гуси у вас есть?" Я, помню, в глупой улыбке рот растянул: "А как же!"

И тут Игорь сбрасывает свой плащ и выуживает из своего кармана, знаешь, такую, похожую на фляжку, удобно помещающуюся в кармане, двухсотпятидесятиграммовую бутылку коньяка. Разливаю я коньяк по стаканам и смотрю, что глаза у Игоря, как фосфорные - так и горят.

- Устрой мне, Володя, охоту. А за это что хочешь проси.

- Ну, что ты, Игорь. Охоту устроить - пустяк. А запросы у меня гигантские. И сможешь ли их удовлетворить - просто сомневаюсь, - подзуживаю я. А он, как это бывает у молодых, петухом кукарекает. Грудь свою выпятил. Пот с красного, угреватого лица стирает. И наступают на меня.

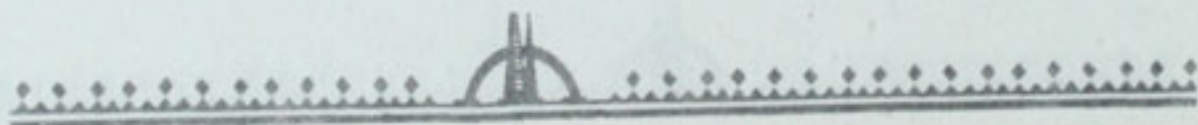
- Не смотри, что я только начальник отдела. Зато отец мой всем материальным снабжением министерства руководит.

Тут я по-настоящему понял, что нечаянная встреча мне действительно может оказаться полезной. И молчу, обдумываю, с чего бы начать, что в первую очередь выпросить. А он мне сам предлагает:

- Можно добиться выделения нескольких вездеходов или тракторов, двух-трех новых буровых станков. Решится вопрос с такими дефицитами, как электростанции. Да и, поди, самых обыкновенных брезентовых верхонок в твоём хозяйстве не ахти как много?

Я согласно киваю головой. И прикидываю, что если только это богатство действительно отгрузят, то оно до экспедиции не дойдет. Непременно осядет в объединении. Поэтому прошу, чтобы все было направлено к нам централизованно. На том и порешили. Допили остатки. И я пьянеть от радости перестал. Игорь снова засобирался домой, но вижу, не дойти ему, и чуть ли не насильно заставил его ночевать у меня. Уснул я быстро, но вдруг чувствую - тормозит. Открываю глаза, рядом на корточках Игорь сидит. И так ехидно улыбается.

- Вижу, говорит, здорово ты обрадовался и забыл спросить меня, почему я именно на гусей хочу охотиться, и причем не на

гуменников, а на краснозобую казарку.

- Кого? Краснозобую казарку? - приподняла Алиса с подушки голову. - Но ведь она в Красной книге?

- И я ему про это.

А он: "Бог не выдаст, свинья не съест. Ты, надеюсь, знаешь укромные уголки, где она проходит весной? Вот там мы и будем охотиться. А почему я именно казарку решил стрелять? Потому что в каком-то журнале читал, что этот гусь доверчивее любого другого. И подлетает к человеку близко. Вот я с них и начну. Ведь, по правде говоря, об охоте я только мечтал, а бывать еще не приходилось. А хочется пострелять по летающим мишеням. Что ты молчишь? Или передумал, и с материально-техническим снабжением у тебя все в порядке?"

- Но он же изверг! - не могла не возмутиться Алиса.

- Почему? Я тоже люблю стрелять по летающим и бегущим мишеням. Кажется, всю злость, скопившуюся на работе, в них вколачиваю.

- Значит, ты согласился на это убийство?

- Не убийство, а охоту.

- Не охоту, а браконьерство.

- Ну и что? Зато буквально вчера получил телеграмму, что централизованным порядком в адрес экспедиции уже направлен груз. Будет горючее, транспорт, трубы и станки, значит, в газетах о нас писать будут. А то с этой аварией и слова доброго о себе не слышим.

И, не дав Алисе раскрыть рта, Владимир Михайлович снова поинтересовался:

- Ну, хорошо, ты не запомнила мест пролета гусей. Тогда хоть знаешь тех, кто у этого старика на посиделках был?

- Да много их было, - нехотя ответила Алиса. - Из Омты слова клещами не вытянешь. Сэроко тоже молчун. А вот Тумба Окотэтто, тот знает и наверняка сказать может, если найдешь подход к нему. Ну, и хватит об этом, - заключила Алиса и своими влажными губами впиалась в губы Соснина. Прильнула к нему и, тут же отпрянув, спросила:

- И долго мы так будем? Крадучись. Тайком. Между прочим, - заметила она предостерегающе, - тебя неправильно понять могут. Да и за меня, того и гляди, возьмутся. Учителя, они, брат, народ серьезный.

Соснин хотел этот, в который раз уже возникающий, разговор перевести в шутку, но Алиса настаивала на своем. И он, чтобы не портить себе настроения, а ее успокоить, пообещал, что к осени

оформит развод с женой.

Этого было достаточно, чтобы Алиса присмирела и, пригревшись, уснула. А Соснин ворочался. "Слова словами, - думал он. - а отношения, действительно, зашли далеко и надо что-то делать". Порывать с женой, которая, живя за тридцать земель, конечно, ни сном, ни духом ничего не знает, Владимир Михайлович не торопился. Во-первых, зная свой характер, он чувствовал, что стоит только ему оказаться рядом с женой, как он сразу же забудет Алису. Во-вторых, сын и дочь. Детей он любил и не представлял, как будет существовать без них. Так и не приходя к определенному выводу, Соснин уснул.

А ранним утром Алиса, вертясь у зеркала, спохватилась:

- Забыла совсем. Был там еще молодой, такой симпатичный парень. Это внук Варкаи. У нас в поселке он будет врачом.

Соснин перестал завязывать галстук и внимательно взглянул на Алису. Будто видел ее впервые.

- И он тебе понравился?

- Чего болтаешь, Володя? Я перебежчицей быть не собираюсь.

Но Соснин уже не слышал ее. В его голове рождался план, как избавиться от этой навязчивой девицы. И, вновь обретя приподнятое настроение, он, неслышно открыв дверь, легонько вытолкнул Алису в коридор.

* * *

Таясь, дальней окраиной Алиса пробиралась к своему общежитию. В домах горели редкие огоньки. Освещенным было окно Варкаи Лаптандера.

- Будто и спать не ложились, - подумала Алиса.

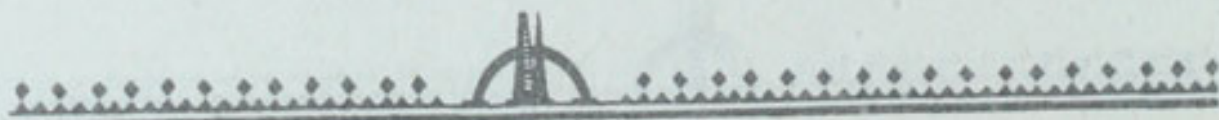
А Варкаи, действительно, не ложился. Большая фотография на стене растревожила его и возвратила в далекое прошлое.

Отца Варкаи помнил плохо. Потому что умер он, когда мальчишке минуло только пять лет. Кроме чума он другого имущества не оставил. А человек в тундре без оленей - самый последний бедняк. И, поглаживая по голове притихшего Варкаи, мать, вероятнее всего, успокаивая себя, говорила:

- Ничего, Варкаи. Скоро возьмешь ты отцовское ружье и научишься стрелять. А потом выследишь на берегу нашего моря зверя. И мы досыта наедемся мяса.

Насчет ружья мать после этого не заикалась. А вот отцовские пленки на куропаток взять разрешила. И с тех пор, как помнил Варкаи, ему голодать уже не приходилось. А мерзнуть - всегда.

Кутая свое худенькое тело в старую малицу и теснее прижи-

маясь к матери, он дрожал и не мог уснуть. В верхнее отверстие и дыры в нюках чума нахально заглядывали звезды, ярко разгоравшиеся к морозу. Поэтому в нем было так же светло, как на улице, и так же холодно.

Чтобы чуть-чуть согреться, Варкай поднимался с постели и бережно, как птенца в гнезде, обкладывал слабый огонек сырими ветками. И, скорчившись, засыпал рядом. А утром мать с сыном впрягались в нарточку и шли за дровами, если можно так назвать толщиною с мизинец ветки тала или карликовой березы. Докапываться до них приходилось долго. На берегах ручья, где обычно рос кустарник, ямы рыли в два материных роста. Вспотевшие, они не давали себе отдыха, потому что ямы моментально заносило снегом. Если, наконец, добирались до веток, Варкай по спине матери поднимался наверх, и она подавала ему вязанки.

Часто при сильном ветре мать усаживала сына на вершину воза и заставляла во всю ширину расправлять малицу. Толкая малыша в спину и надувая, как парус, подол одежды, ветер быстро гнал по обледеневшей тундре нарточки.

Однажды, когда исполнилось Варкай шестнадцать лет, и он уже ни под каким предлогом не брал с собой за дровами мать, она все же уговорила его. Ссылалась на то, что погода стоит теплая, и в конце концов заготовка дров в тундре - дело женское.

Вышли Лаптандеры в путь спозаранку. Добрались до ручья и уже выкопали яму, как поднялся ветер. Он повернулся и покатиł нарточки, чуть не сбив с ног Варкай. Мать снизу прокричала, чтобы он спускался к ней.

- Да захвати лопатку, - посоветовала она.

Когда Варкай скатился в яму, мать укрепила свою лопатку поперек ее и набросала сверху веток. Вскоре на ветки набросало снега, и, спрессовавшись, он, как крышка, захлопнул яму. Варкай поинтересовался:

- Зачем здесь место занимает вторая лопатка?

- А как ты вылезешь, если сверху навалит снега. Но пока она нужна нам для других дел. Чувствуешь, как в яме стало душно? Концом лопаты теперь надо продырявить потолок.

Варкай поднял лопату над головой и, когда хлынул из отверстия холодный воздух, повернулся к матери.

- Сейчас садись, садись, - успокоила она сына. - И слушай, не стихает ли метель.

Но потемнело отверстие, а ветер бушевал по-прежнему.

- Придется нам с тобой оставаться в куропачьем доме, видно, до утра, - решила мать. И, придвинувшись к Варкай, участливо

спросила:

- Наверное, есть хочешь?

Не дожидаясь ответа, протянула ему кусок вареной куропатки, хранившейся в узелке за пазухой.

Съев его, вскоре Варкаи почувствовал, что хочет спать, и намеревался уже поудобнее расположиться, но опять вмешалась мать.

- В куропачьем доме спать опасно, иначе можно задохнуться или замерзнуть. А поэтому бери снова в руки лопатку, просунь в отверстие и крути. Только так можно пересилить сон.

Сколько занимались этой работой мать с сыном, они не знали. Водянистые мозоли на ладонях лопнули, из ран сочилась липкая кровь, а они все продолжали крутить по очереди лопатку. Причем мать все неохотнее принималась за это. Варкаи тормозил ее и напоминал, что спать под снегом нельзя. Сначала она соглашалась с ним, а потом затихла. Варкаи пытался поднять ее, сонную, на ноги и разбудить. А мать, как ватная кукла, валилась на бок.

На следующий день мужчины селения по лопатке, торчащей из снега, нашли их. Мать была уже мертвой. А Варкаи, как будто вынырнувший со дна озера, был насквозь мокрый, и град холодного пота катился с его лба.

Приютил осиротевшего мальчишку Лытако Окоэтто. Человек оленный, зажиточный. И не случайно. Ему работника иметь давно хотелось. Причем такого, которому хозяйское добро было бы тянуть некуда. Тут уж Варкаи подходил по всем статьям. Все селение видело - без работы не засидится. И кормить, одевать его некому. Но по-другому думал Варкаи. На третий день, поднявшись на ноги, он зашел в чум Лытако и спросил у него:

- Сколько должен тебе я отдать песцов?

Старик опешил. Такого он в расчет не брал.

- Десяток, пожалуй, хватит, - ухмыльнулся Тумба, сын хозяина.

Варкаи накинул совик и повернулся к нюку. Но его остановил ехидный окрик старика:

- И чтобы поймал ты их к утру - иначе вором назову!

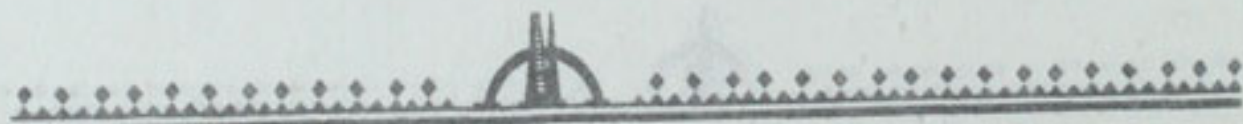
Пришлось с судьбой смириться. И стать работником Окоэтто.

- Теперь слушай, парень, и запоминай, - начал тот. - Видишь, у самого входа висит палка?

- Вижу.

- Ею вообще-то сбивают снег с кисов, а мой отец учил ленивых работников. Много с тех пор времени прошло. Сучки обломались, палка стала гладкой, но не думай, что бьет она не больно.

Тумба, развалившись на шкурах рядом с отцом, захихикал и показал язык. И хотя Варкаи еще никто не тронул и пальцем, он

содрогнулся и весь оцетинился. А Окотэтто продолжал:

- Ты будешь моим охотником. Поймаешь песца - накормлю досыта. Станешь лениться - забью.

С тех пор так и пошло. Если рядом с чумом Варкаи, на длинном шесте появлялась шкурка песца, которую он вывешивал для того, чтобы ее холодное зимнее солнце и снег отбелили, ему приносила похлебку старшая жена Окотэтто. А в случае неудачной охоты сидел Варкаи на одном чае. Но с палкой к нему никто не подходил.

Побаивались своего работника отец с сыном. И, наверное, не случайно. Через две зимы в нем никто не мог признать прежнего Варкаи. Длинная, прежде волочившаяся по снегу, малица теперь едва доходила до колен и трещала на плечах. А кожаная отцовская опояска только подчеркивала стройность его фигуры. Стрелял Варкаи без промаха и настораживать пасти на песцов научился тоже. Но всякий раз, забирая от него шкурки, жена Окотэтто говорила, что добывает он мало и хозяин им недоволен.

Варкаи в ответ усмехался, зная, что за сезон никто из охотников стойбища удачливее его не был. А в хозяине просто говорит жадность.

Из всех времен года любил Варкаи раннюю весну. В апреле ночи уже не бывает. Укутанная за зиму ветрами тундра становится тверда, как камень, и гладкий ледяной панцирь блестит на ней от края и до края. Днем он отражает в себе голубое небо, и кажется, что все пространство залито водой. Воздух становится мягким и пьянящим, и дыхание уже не перехватывает жесткий, до боли в легких, холодок. Лыжи сами летят по путику. Отмахать несколько километров за день кажется Варкаи сущим пустяком. И возвращаться в свой дырявый и холодный чум совсем не хочется.

Помнится, и в тот день он подходил к стойбищу поздно. И еще издали увидел, что у чумов жен Окотэтто суетятся работники. Одни таскают к вандеям ягушки, скатанные постели и мешки, другие их накрепко привязывают. "Собрался хозяин до появления первого теленка в стаде откочевать к летним пастбищам на берегу моря", - догадался Варкаи. А подойдя к чумам поближе, увидел, что не только сборами заняты люди. У чума старика дымились два костра. В обоих булькало варево. Двое мужчин освежевывали оленя, чтобы приготовить из него айбат. "Что-то не похоже на хозяина, чтобы он для нас так расщедрился", - подумал Варкаи и тут за чумом увидел две нарты, запряженные пятерками оленей. Чьи они, Варкаи не знал, а объяснил все Тумба. Он, покрасневшийся, вывалился из чума и, вытирая сырые от оленьего жира руки о подол округлившейся на животе рубахи, зло зашипел:

- Чего, как сармик, клыки оскалил и рыщешь здесь? Проваливай в дырявый чум и высовываться не вздумай. Не то мою невесту напугаешь.

Презрительно отвернувшись и не удостоив Тумбу даже словом, ушел Варкаи к себе. Чуть отогревшись, занес оттаивать и обдирать песцов. Возился с этим долго. Но о нем будто забыли. И, чтобы получить котелок положенной похлебки, он отправился к хозяину сам.

В просторном чуме было шумно. Пахло жирным оленьим мясом и водкой. Но пьяными были только хозяин с молодой женой и Тумба. Гости, отодвинув недопитые стаканы с водкой, пили чай с сахаром вприкуску. Эта манера, их лица и одежда удивили Варкаи. Однако тут же он вспомнил, что мать рассказывала ему о зырянах. Живут они по реке Каре, как раз почти в том месте, куда на лето выгоняет свое стадо Окотэтто.

- Варкаи, а-а, Варкаи, - пьяно, по-совиному выпучив глаза, уставился на него Окотэтто. - Ты что, забыл о моей палке? Ею я бью не только лентяев, но и тех, кто лезет в мой чум без спроса. Подай мне, Тумба, палку!

- Не надо, я сам.

Покраснев от натуги, Тумба едва поднялся на ноги и потянулся к палке. Но взять ее не успел. Варкаи смел его с ног. Размазывая по щекам кровь, Тумба силился встать снова, а хозяин судорожно шарил по поясу, руками отыскивая нож. Голосила его жена. И Варкаи ожидал, что с минуты на минуту нагрянут работники и тогда ему точно не поздоровится. Поэтому уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг молодая гостья, которую Тумба прорчил себе в невесты, поднялась из-за стола.

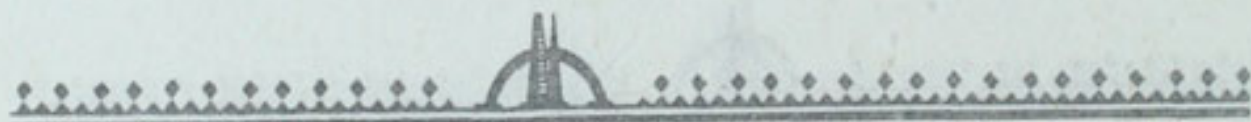
- Ты, наверное, хочешь есть? Возьми, - по-ненецки выговорила она и подала Варкаи чашку с мясом.

Сконфуженный Окотэтто положил на место нож. А смолкнувший на минуту Тумба снова заканючил:

- Чего ты ждешь, отец? Бери палку и бей эту взнику до тех пор, пока не сдохнет или не пообещает, что будет подчиняться с первого слова.

Варкаи оставил миску с мясом и ушел. Но через некоторое время он услышал скрип шагов, и в чум к нему вошел Окотэтто. Старик принес все ту же миску с мясом и ломти крупно нарезанного хлеба. Как будто впервые увидев нищету своего работника, Окотэтто пообещал к осени сменить на новую ею его чума и дать из своих запасов малицу. На что Варкаи неожиданно возразил:

- До осени я работать у тебя не буду. А на новую малицу и ею,

думаю, уже заработал.

Поняв, что лестью парня не возьмешь, Окотэтто снова решил его постращать.

- Я обещал тебе, что разнесу по тундре весть, будто ты украл у меня десять песцов, а теперь скажу - сто. Вслед тебе плеваться будут.

За чумом снова заскрипел снег: и, запыхавшись, вошла в него девушка-зырянка. Поймав ее подбадривающую, заговорщицкую улыбку, Варкаи спокойно возразил:

- Спасли меня мужчины стойбища, а не ты. И они это, я надеюсь, подтвердят. Дальше. Кормил ты меня два дня. Просил твой сын за это столько песцов, сколько на руках пальцев. А сколько я тебе отдал?

Не успел Окотэтто еще раскрыть рта, как Варкаи выбежал на улицу и втолкнул в чум три шеста. Сверху донизу они были в зарубках.

Окотэтто попятился. Ведь он никак не рассчитывал, что его неграмотный бедняк окажется таким прытким.

- Так теперь ты мне, может, скажешь, кто у кого украл песцов?

Вместо ответа Окотэтто, уже стоящий у самого выхода, юркнул было под нюк, но Варкаи, ухватив его за совик малицы, рванул назад. Так же, как у Тумбы, в голосе старика появилась плаксивая нотка.

- Катька, невестушка, успокой!

Девушка, действительно, что-то пыталась сказать, но Варкаи, не обратив на это внимания, тоном, не допускающим возражения, отчеканил:

- За все, что ты на моем горбу заработал, сейчас отдашь две упряжки оленей, ею и новую малицу.

Старик, окончательно напуганный и не знавший, как выскользнуть из чума, согласно кивнул. И той же ночью Варкаи уехал из стойбища. Свой чум наметил он поставить на Каре. Соседство Окотэтто его не беспокоило. Да и задерживаться надолго здесь Варкаи не намеревался. "Постою на побережье до осени. А как только спадет гнус, переправлюсь в Щучье". Туда, слышал Варкаи, какой-то русский приехал. Совет его зовут. Так вот тот Совет над деревянным чумом тряпку алую, как вымаранную в крови, повесил. Но не на нее смотреть со всей тундры едут бедные ненцы, а его послушать. Говорит Совет, что на Ямале бедных скоро не будет. А еще в лавке, которую он открыл, только за одного песца дают ружье и мешок муки. И Варкаи схватился за голову, когда подумал, сколько бы он купил себе разного добра на те шкурки,

которые забрал у него Окотэтто.

• • •

Облюбовав место, поставил Варкаи чум. Оленей отпустил рядом. А сам охотой занялся. Благо, силки имелись готовые и куроцаток на побережье хватало. Но откровенно, за зиму надоело ему их горьковатое постное мясо, и ждал он появления гусей. Они летят над Севером, когда озера и реки еще прячутся подо льдом, и только на торфяных болотах и плешинах собкаев могут гуси найти корм.

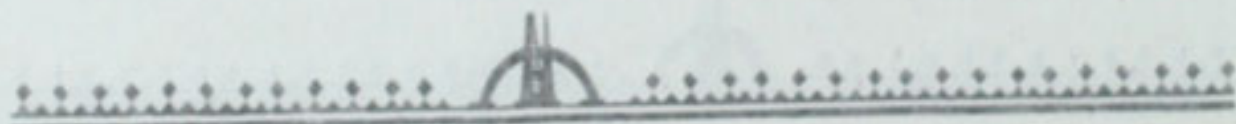
И каждый день, пускаясь по своему пути, поглядывал Варкаи на небо, подолгу прислушивался. Но, как это бывает часто, прилет первой стаи все же пропустил. Она плавно прошла над его головой. Гуси нетерпеливо ворочали головами и, наверное, узнав родные места, нестройно, будто стараясь перещеголять друг друга, загоготали.

С прилетом птиц побережье ожило. Кряканье, писк, гогот не смолкали теперь ни на минуту. Увидев, что почти рядом с чумом по бокам сухого собкая построили свои гнезда краснозобые казарки, Варкаи перегнал оленей на другое место. А птицы, понимая, что находятся в безопасности, нисколько не боялись человека. И не было для Варкаи лучшего отдыха, чем любоваться их жизнью. Увидев, с каким трудом строят себе гнезда гуси, он не ленился, ползая на коленях, нарезать для них охапки сухой травы. И за ночь они исчезали. Нравилось казаркам смотреть на костер, а если из него вырывалась и летела яркая искра, какая-нибудь из птиц непременно срывалась с места за ней. И, не найдя огонька, топталась своими черными лапами на месте. Таким это казалось Варкаи забавным, что он не мог удержаться от смеха.

Еще больше осмелели казарки, когда у них подросли гусята. Любопытные и небоязливые, те играли в свои птичьи игры вокруг чума. И Варкаи удавалось несколько раз брать на руки забавных и пушистых птенцов. Мамаши, казалось, не обращали на это никакого внимания.

Однажды, поздно вернувшись с побережья, Варкаи обнаружил, что гусята с поляны исчезли. А вместо них ходят два олененка. "Окотэтто метит по-другому, - подумал Варкаи, разглядев надрезы на ушах телят. - Чьи же тогда?"

Так и не ответив на этот вопрос, Варкаи, закрыв нюк, лег спать. Но не успел сомкнуть глаз, как рядом с чумом услышали чей-то голос. Он показался знакомым. Тут же в чум влетела Катерина. В легкой весенней малице, с разметавшимися по плечам длинными

русскими волосами, она, отыскивая в полутьме хозяев, громко спросила:

- Кто здесь?

- Я, - растерянно ответил Варкаи.

- Так все-таки кто?

- Я, Варкаи Лаптандер. Если ты за телятами, то они бродят рядом.

Потом Катерина признается, что несказанно растерялась, хотя и постоянно думала о том парне, с которым когда-то нечаянно встретила. Он понравился Катерине. "Не то, что этот жирный и ленивый Тумба, - говорила она отцу, - Тумба богатством хвалится, но оно ведь не его, а отцово. Охотник нищий, зато у него ум не чужой, а свой. Вот за такого я бы замуж пошла".

"Что ты, Катерина. У него ведь за душой ни копейки. Да и договоренность с Окоэтто полная". Катерина возражать отцу не стала, но, зная, как он ее любит, надеялась, что только стоит ей захотеть - не откажет. А Окоэтто пусть ищет для своего увальня другую жену.

Варкаи Катерина тоже пришлась по душе. Он изумился ее смелости в хозяйском чуме, когда она, нарушая ненецкий обычай, заговорила первой с мужчиной и, будучи гостьей сама, подала ему самое вкусное угощение. Но окончательно покорила она Варкаи на следующий день. Вылавливая из стада для своих упряжек оленей, Варкаи услышал за спиной звонкий и задорный голос:

- Сразу видно, что охотник ты, а не пастух.

- К чему нужны тебе сырицы? Важенки, они надежнее. Выносливы, а главное, без приплода не останешься.

Привыкший полагаться на свой ум, Варкаи хотел сказать, что как-нибудь обойдется без советов. А оглянувшись, так и застыл с открытым ртом.

Рядом стояла Катерина. На опущенный совик ее малицы падали вьющиеся колечками русые волосы. Из-под узких, будто нарисованных, бровей смело смотрели смеющиеся карие глаза. Яркие, чуть влажные губы смеялись тоже. И Варкаи, забыв о слове "стыд", смотрел на нее, не отворачиваясь, и удивлялся, как только вечером не разглядел он этой красоты.

И все же первой пришла в себя Катерина. Она распахнула шире нюк и, осмотрев убогое жилище, перевела на топтавшегося в нерешительности у костра Варкаи.

- Откуда ты здесь? - удивленно спросила она.

- Понравилось место. Вот и остановился. Или кому-то помешал?

- Да кому ты можешь помешать двумя своими упряжками?

Только почему к нам глаз не кажешь? Мы не кусаемся и стоим всего в трех поворотах от тебя по Каре. Поехали?

И снова Варкаи удивился. "Разве не осудят ее за то, что в стойбище из тундры приедет с незнакомым мужчиной, да еще молодым?". Словно догадавшись, о чем думает Варкаи, Катерина уверенно пообещала, что отец его знает, а до остальных ей дела нет. Так оказался в зырянском стойбище Варкаи. Потом встретились с Катериной в тундре. Обо всем сказали друг другу и решили пожениться.

- А как Тумба? - сразу же поинтересовался Варкаи. - Ведь Окоэтто учинят скандал и опозорят нас с тобой на всю тундру.

Катерина заговорщицки улыбнулась:

- Отца я давно уговорила. А все остальное я беру на себя. Окоэтто ко мне приедут свататься, когда зацветет морошка и маленькие твои гусята научатся летать. Тогда же я пошлю к тебе человека. И вот, представь, рассядутся за угощением на улице гости. Сваты начнут расхваливать Тумбу и меня, а отец покажет приданое. А я выйду и скажу, что передумала выходить за Тумбу. Представляю, что поднимется. Возмущаться будет и отец, чтобы никто не усомнился, что старый Канев отступил от своего правила быть справедливым и честным. Тогда я заявлю, что женихом назову того, кто, оказавшись со мной по колению в Каре, обмакнет мою голову в воде. То есть покажет силу и опять же старый обычай соблюдет. Ведь Кара считается у зырян самой чистой тундровой рекой, если жениху удастся окунуть голову своей невесты в ледяную воду, то она беспрекословно становится его женой. И на многие лета вперед очищает река обоих их от грехов.

- Да, - неопределенно протянул Варкаи. - А если он тебя все же окунет?

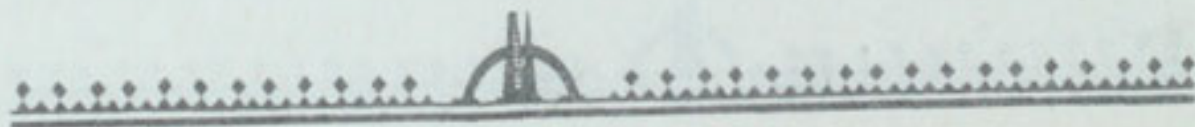
- Зачем? Тебя я вызову первым, и только ты притронешься ко мне, я не то что голову, а вся окунусь в реку.

Катерина доверчиво прижалась к Варкаи, и оба засмеялись.

В общем, вынужден был Тумба уступить Варкаи свою невесту, но при этом пообещал:

- Моя пуля будет за тобой гоняться, как палка за паршивой веникуся по всей тундре.

Поднялись с глухих тундровых озер краснозобые казарки и, с шумом рассекая воздух над чумом Варкаи, пронеслись на юг. Озера замерзли. Шипя и разбрызгивая воду, как большие пароходы, поплыли по Карскому морю льдины. А Варкаи все жил на Каре. Он ждал, когда, подобно шкурке песка, упадет на тундру белый и мягкий снег, и тогда уже точно, не боясь растрясти находящуюся

в тягости Катерину, можно будет решиться на дальнюю дорогу. Впрочем, не только дальнюю, но и опасную.

Двое суток после снегопада погода стояла ясная, а наутро третьего дня окунулись в снежную карусель. И вскоре, ничего не видя впереди, Варкай был вынужден остановить оленей. Катерина, ласково приложив к его щекам свои ладони, оттаяла на бороде куржак и предложила:

- Сейчас пусти вперед меня.

- Почему? - удивился Варкай.

- А потому, что ты в пурге ездить не умеешь.

Варкай засмеялся:

- Я и сам хотел просить у тебя пощады.

Оказавшись впереди, Катерина вела упряжку, глядя не вперед, а почему-то вниз. Так они ехали до тех пор, пока наконец мучимый сомнениями Варкай не остановил ее.

- Вот ты-то, мне кажется, заведешь нас неведомо куда.

Смотреть надо вперед, а ты под нарты уставилась.

Катерина заливисто, по-ребячьи расхохоталась. Потом посерьезнела и стала поучать:

- Если морозная темная ночь, то мы как узнаем дорогу?

- По приметным местам и звездам.

- Правильно. А теперь их не видно. Речек и озер - тоже. Значит, глядеть надо только под ноги, ведь двое суток назад ветер мел по всей тундре и наделал заструг. Когда мы выезжали с Кары, я заметила, что эти снежные волны смотрели на север. Другой ветер нарежет другие заструги не раньше, чем через день. А за это время мы уже будем на месте. Потому что зная, где север, я знаю, где юг, запад, восток.

Как сказала Катерина, так и вышло. Еще не ложились в Щучьей спать, а муж с женой уже были там. Варкай пожелал сразу же увидеть Совета. Дверь у крайнего дома оказалась открытой, и он, с опаской ступая по скрипучим половицам сеней, хотел уже войти в дом, как на пороге появился мужчина в белом фартуке. Катерина, умевшая немного объясняться по-русски, спросила: "Ты - Совет?"

Мужчина сначала не понял, чего от него хотят, а затем, улыбаясь во весь рот, объяснил:

- Нет. Я пекарь и продавец. А Совет - это следующий дом.

Варкай постучал туда. Женский голос спросил из-за двери, кто спрашивает Совета. Потом послышался приглушенный разговор, какая-то возня, и наконец двери открылись. На пороге стоял высокий и на вид очень суровый русский.

- По какому делу? - осведомился Совет.
- Чего людей с дороги на морозе держишь? - раздался голос в глубине комнаты.

- Да, да, - сконфузился Совет. - Проходите.

Напоив гостей чаем с мягким, только что выпеченным хлебом, председатель Щучьинского сельского Совета узнал, зачем они пожаловали, и обрадовался:

- Хорошо! Значит, в колхоз хотите?

- А что это такое? - поинтересовалась Катерина.

- Мы собираем бедняков и делаем одно хозяйство. То есть одно стойбище. У кого есть олени, капканы, пасти - складываем, и всем пользоваться теперь будет все наше стойбище или колхоз. Каждый в нем станет получать столько, сколько заработает.

Варкай одобрительно закивал, но тут же усомнился:

- Оленей-то у нас почти нет. Капканов и охотничьего провианта столько же. Сможем ли мы большое стойбище прокормить?

- Сумеем, - заверил Совет. Глаза его загорелись. Вся его крупная и сильная фигура напряглась, обрела уверенность. Казалось, что вот сейчас Совет сорвется с места и начнет действовать.

- Пушкину, мясо и рыбу сдадим государству. А оно не купец, не обманет. Взамен мы получим муку, сахар, масло, дробь и порох. Но в главном ты прав. Чтобы ездить на рыбалку и охоту, возить грузы, нужно много оленей, а их нет. Значит, придется забрать у богатых.

- Как забрать? - не понял Варкай.

- А очень просто. Ты у кого в работниках был?

- У Окотэтто.

- Вот мы дадим тебе помощников, бумагу с печатью и, когда стада его будут выпасаться недалеко от Щучьей, поедешь к нему. Грамотные люди посчитают у Окотэтто оленей, а ты поможешь пригнать. Понял?

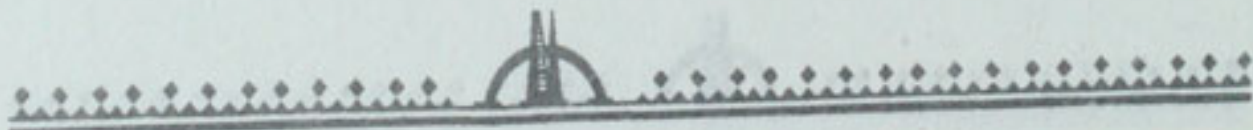
Варкай слушал и не верил своим ушам. Ему казалось фантастически неправдоподобным предложенное. И поэтому Совету пришлось во второй раз повторить свой вопрос.

Катерина подтолкнула Варкай, и тот согласно закивал. "Понял, мол, все понял".

И Катерина тоже все поняла. Предвидя, что не обойдется без кровопролития, она рассказала историю женитьбы и при этом повторила последние слова Тумбы.

- Да, дела, - только и нашелся, что ответить Совет.

Однако, чтобы тот не подумал, что Варкай трус и она пытается отговорить его от рискованного, но такого нужного дела, Катерина

тут же предложила:

- Пусть едет он в другое стойбище. И я с ним.

- Я действительно поеду. А ты никуда, - заявил Варкай.

С этого дня муж и жена Лаптандеры стали помощниками Совета. Они первыми свернули чум и поселились в маленькой комнате при пекарне. Продавец, обрадовавшись замене, быстро выучил Катерину печь хлеб. Между тем Варкай носился по тундре. По заданию Совета он работал в комиссии по раскулачиванию, сопровождал аргиши с рыбой и пушниной в районный центр. В дороге узнал о том, что его Катерина родила сына. Назвали его Лаптандеры в честь накануне умершего отца Катерины Иваном. И снова ненадолго задержался дома Варкай. По рекомендации Совета, отметившего его рвение и преданность новой власти, районный комитет партии вызвал Варкай на курсы ликбеза. А потом избрали его председателем колхоза. Забот прибыло. Но Катерина не обижалась на отлучки мужа. А если удавалось в чем-то ему помочь, то делала это с радостью. Не имела она привычки надоедать Варкай. Поэтому он очень удивился, когда однажды накануне забоя оленей Катерина примчалась к коралю. Побелевшая и взволнованная, отозвала его в сторону.

- Слышишь, Варкай, в округе Тумба объявился. - Ну, для него же хуже. Большинство оленей скрыл. Совету отказался подчиняться. Поймают и накажут.

- Да подожди ты. Он до тебя дотянуться хочет, а там уж, говорит, что

тюрьма, что милость - одинаково. Поберегись, милый.

- Не волнуйся, Катя. Храни хорошенько себя и Ивана, а о себе я позабочусь сам.

А ночью в их крохотной комнатке со звоном и хрустом вдребезги разлетелось окно. Кто-то, осторожно глянув в чернеющий проем, вырвал из чехла нож и, прильнув к подоконнику, пытался влезть в комнату. Варкай, сделав прыжок, вырвал у него нож и слегка надавил острым кончиком лезвия на мягкое место. Человек ойкнул, но, зная, что стоит ему только пошевелиться, как нож может войти глубже, оставался недвижимым.

- Зачем приходил? - задал вопрос Варкай.

- Тумба послал убить тебя, Катерину и сына. А я его работник.

- Кто ты, пусть выясняет Совет.

Заколотив окно и кое-как успокоив Катерину, Варкай отвел непрошенного гостя к Совету, и сам решил проверить кораль, куда для просчета и забоя были загнаны перед вечером олени. Кораль оказался пустым. Приставленный к нему сторож лежал связанный возле сломанной изгороди. И на вопрос Варкай: "Кто угнал оленей?" ответил, что людей не знает, а распоряжался ими какой-то Тумба. За зиму еще несколько раз после этого были разбойные налеты на стада колхоза. Начальник районной милиции, приехавший расследовать дело, говорил:

- А всего за год из колхозных стад и из стад частных угнано пятнадцать тысяч голов. Посоветуй, как поймать воров? Может, взять их летом?

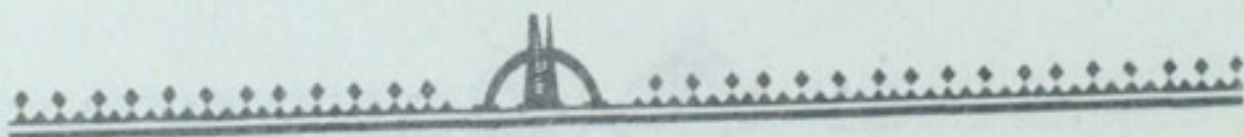
- Нет, летом не годится. Как ручейки, растекутся олени по ущельям и между каменных гряд. Их не увидите и людей потеряете. Ведь без пули теперь оленей не отдадут. Лучше настигнуть разбойников на весновке - с телятами далеко не уйдут. - И Варкай нарисовал подробный план, где до появления зелени пасет свое стадо Окотэтто.

Начальник милиции человеком оказался хватким. Прямо на весновке и настигли Тумбу. Когда повезли его в район, он в толпе отыскал глазами Варкай и крикнул:

- Говорят, гусей на Каре растил ты, а поел их я. Хороши! Но главное, узнал я теперь, где летуют эти дуры-казарки. Ты корми их снова, а я вернусь - откручу им головы, и до тебя, может, наконец очередь дойдет. Ха-ха-ха!...

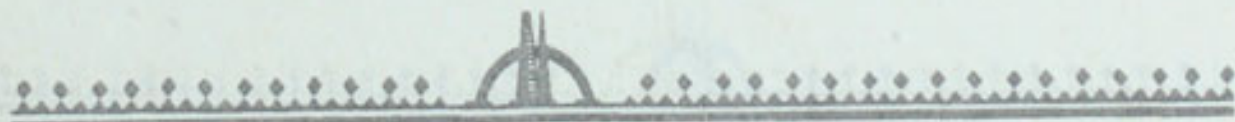
* * *

... Утро выдалось сырое. Моросил дождь, своими тупыми иглами вонзаясь в оперение, он, однако, не мог пробить плотный ореол

пуха. И тело подранка-самца краснозобой казарки под ним оставалось неуязвимым и горячим.

Подранок зорким глазом видел, как люди в широких шароварах и чалмах, вооруженные колотушками, мокрые и злые, шныряли на остроносых лодках по лиману. Это они выпутывали уток из растянутых над водой и погруженных и глубину лимана сетей. Часто их добычей становились доверчивые к людям краснозобые казарки. Набив лодки дичью, люди в чалмах направляли их к дымящей трубами день и ночь фабрике. Подранок облегченно вздохнул. На этот раз он сумел сберечь свою стаю. Как и подобает вожаку, прежде чем посадить ее, подранок несколько раз облетел лиман, придирчиво осматривая воду и камыш. От его взгляда не ускользнуло, что на месте постоянной остановки стаи на кормежку появились длинные бамбуковые шесты с туго натянутыми между ними проводами. Достаточно было птице коснуться их лапкой или кончиком крыла, электрический разряд убивал ее. Но не это старого вожака заставило вздрогнуть и молниеносно взвиться ввысь. У самой кромки камышей он увидел чуть покачивающийся на волнах предмет, чем-то напоминающий опрокинутую соломенную шляпу. Человека в ней не было видно, но подранок знал, что он здесь. И только ждет момента, как бы половчее скрасть, а затем сбить выстрелом оказавшуюся над ним птицу. В таком положении как-то однажды оказался подранок. Увидев в камышах "шляпу", он из любопытства над ней снизился, замедлил взмахи крыльев, вглядываясь, и в этот момент внизу что-то грохнуло, плеснуло в крыльях, и они перестали слушаться. Обезумевший от страха и боли подранок минуту-другую лежал на воде без движения. Потом, услышав сопение собаки, встrepенулcя, пробовал взлететь - только захрипел от боли. А морда пса все ближе. И подранок вспомнил, что он может ускользнуть от погони под водой. Окунув голову, он что было сил загреб лапами, но крылья никак не хотели складываться, и подранка выталкивало наверх. Поняв, что и этим ничего не добьется, гусак решил пойти на хитрость. Выбрав густые заросли камыша, он подплыл к ним, открыл рот и жадно втянул воду. Тело его, отяжелев, погрузилось в глубину, а сверху осталась только маленькая дудочка черного клюва. Чтобы ненароком не задеть за камыши, которые своим покачиванием могут непременно его выдать, подранок плыл с большой осторожностью. Пес, только что видевший барахтающегося гуся, не находя его ни чутьем, ни глазом, закружился на месте. Выплыв к коренному берегу лимана, подранок оказался у торфяного заросшего островка. Вода вытянула много крови, и, ослабевший, он едва смог на него влезть. Вскоре

голова подранка отяжелела и не поднималась из-под крыльев, хотя и просушенных уже солнцем, но по-прежнему безжизненных.

В одну из ночей разбудил гусака гомон большой птичьей стаи. А на рассвете в небе над лиманом потянулись друг за другом косяки. Улетели птицы на Север без подранка. Его место вожака занял другой. Он провел стаю над подранком, и, плавно покачиваясь на волнах воздуха, оглашая округу радостным кличем, она медленно растаяла вдали.

Со своего островка подранок выплывал только ночью. Вдоволь насытившись, обмывшись чистой водой, он затаивался так, чтобы днем ястреб не смог его высмотреть в камышах.

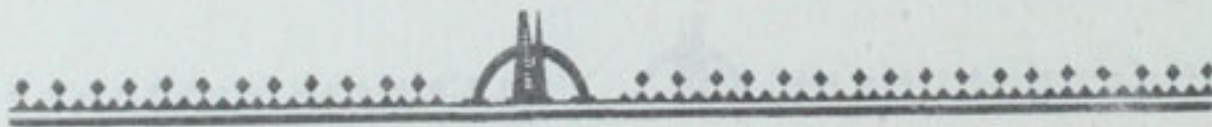
Со временем боль в крыльях утихла. Гусак осторожно поднимал их, подолгу держал на весу и, вглядываясь в небо, надеялся, что скоро взлетит. Но каждый день отговаривал себя от этого решительного шага, пугаясь, что снова боль опояшет тело и тогда не останется у него даже надежды стать крылатым.

Вероятно, долго еще мучила бы подранка нерешительность, но однажды утром его разбудил шорох раздвигающегося камыша. Люди в чалмах приближались к торфяному островку, отлавливая сетью начинающих летать уток. Подранок притаился, ожидая, что лодка минует островок. Однако с каждым взмахом шеста становилось ясно, что люди направляются прямо к нему. И подранок решился, собравшись в пружину, прижался он грудью к своим крепким лапам, разнес для взмаха крылья и, когда лодка поравнялась с островком, оттолкнулся и на какое-то мгновение завис над камышами. На смену страху к подранку пришел восторг, что он уже в воздухе и надо только вытянуть шею, прижать к животу лапы, и крылья уверенно понесут его вперед. Так оно и случилось. Крылья, хотя еще и с трудом, но слушались подранка, и, немало удивив округу неурочным казарочьим гоготанием, он прошел над всем лиманом.

А теперь он снова вожак стаи. Она собирается на Север. Обрастают гуси пухом, кормятся, набираются сил. Ведь дорога их ждет нелегкая, но прямая. Поведет свою стаю подранок над морями и реками, а компасом ему будет ветер. Если в крыльях станет свистеть студень, значит, правильного курса придерживается вожак. И радостный крик возвестит стае о том, что земля, укрытая вечными снегами и не заходящим летом солнцем, скоро появится.

* * *

Старый Варкаи, оторвавшись от воспоминаний, тревожно глянул за окно. Сероватый клочок неба стал вдруг голубым, из глубины его

проступила позолота. Это солнце уже гуляло по небу. "А я все нежусь", - подумал Варкай и сбросил одеяло. Осторожно, на цыпочках, стараясь не брякать посудой, взял со стола электрический чайник и, долив в него воды, включил в розетку. Снова взглянул в окно, и сам собой рот его растянулся в улыбке. Пуро и Налто были тут как тут. Вопросительно уставившись на хозяина, они словно бы говорили: "Спать ты горазд, а кормить нас кто будет?"

- Сейчас, сейчас, - одними губами прошептал хозяин.

- С кем это ты разговариваешь? - вдруг раздалось за спиной.

Варкай, вздрогнул от неожиданности, оглянулся. Сзади с полотенцем на плече стоял Алексей.

- Вот так да. Я стараюсь не шуметь и не будить внука, а он уже на ногах.

- Боялся проспять рассвет.

- Э-э, да ты в своей Тюмени не знаешь даже о том, что ночи в наших краях весной и летом не бывает.

- Что, постоянно светло, как сейчас?

- Конечно, но мы, старожилы, его приход предчувствуем. На улице становится не холодно, но еще и не тепло. И тишина такая, что треснет сук под лапой зайца у ближнего ручья, а кинутся наутек косые по всей округе. И будто побеленные, покрытые за ночь куржаком, кусты начнут чернеть. Это тепло к земле подходит. В общем, мы, Алексей, с тобой проспали приближение утра. А значит, надо торопиться, чтобы хоть к обеду дойти до места.

- Укладывай на нарты вещи, а я запрягу собак и разыщу вторые лыжи.

Когда все было готово, Варкай, намотав поводок собачьей упряжки на руку, пошел впереди. Миновав речушку, дед с внуком оказались на берегу круглого большого озера. На льду его, как в блюде, стояла вода, и Варкай предостерег Алексея:

- Смотри под ноги. Выбирай лед гладкий, а ноздреватый обходи. Он сейчас уже крепости не имеет и под ногою сразу обвалится.

Увидев, как внук нерешительно ступил на лед и после его слов стал прощупывать и внимательно осматривать сантиметр за сантиметром, Варкай посоветовал Алексею ступать за ним след в след.

Часа два ушло на переправу. До места охоты оставалось перевалить только извилистую и узкую долину. Варкай по-прежнему шел впереди и не видел, как Алексей, чуть свернув в сторону, ушел под лед. Но тут же вынырнул и, держась за край майны, закричал. Варкай метнулся к внуку. Течение все сильнее забивало того под лед, и чтобы вытащить Алексея, деду потребовалось бросить в воду волочившийся за нартами конец тынзяна, до предела

напрячься самому, заставив вожака удерживать упряжку на месте. "То, что обувь и одежда промокли - ерунда", - подумал Варкаи и приказал Алексею бежать по оголившемуся, но еще мерзлому берегу протоки до поворота.

- Там, - объяснил Варкаи, - будет моя землянка. Перед дверями, чтобы, значит, не замело, бутылка с соляром на шнурке привязана. Плесни из горлышка на дрова и сушишь у печки. Стой! Стой! Спички сухие возьми.

Когда дед с нартами дошел до землянки, из ее трубы валил дым. А в открытую дверь было видно, как внук, переминаясь с ноги на ногу, в одних трусах крутился вокруг печки.

- Обсох хоть? - поинтересовался дед.

- Почти.

- Тогда бери из рюкзака запасную рубаху со штанами и одевайся. Да двери, двери запри.

Переодев внука, Варкаи наскоро приготовил поесть. Вскипятил чай, нарезал крупными ломтями так и не успевший замерзнуть кусок отварной оленины.

- Сейчас, - говорил он Алексею, - мы будем с тобой рыть окопы.

- Что ты, дед, войну вспомнил? Наверное, обычные ямы в снегу?

- Нет, окопы, - возразил Варкаи, - потому что скрасть на белом снегу утку, а тем более гуся - дело непростое. Надо замаскироваться так, чтобы нас, значит, не было видно, а внутри соорудить полки для патронов, сухой обуви и рукавиц.

Работа оказалась непростой, тем более, что копать оттаявший, отяжелевший снег приходилось веслом от калданки. Но все же вскоре, расставив профили гусей, дед с внуком притаились. Почти беспрестанно вскидывая бинокль, Варкаи вглядывался в пронзительно голубое небо, но птиц не видел. И Алексей, отчаявшись, уже стал дремать в своем укрытии, когда услышал шипящий шепот деда:

- Идут. Не торопись и стреляй только после меня.

Алексей чуть приподнялся. Черные точки, появившиеся на горизонте, становились все четче. По бокам их, как тонкие усы, шевелились крылья, и вот уже стали различимы длинные вытянутые шеи и серые животы.

- Гуменники, - подумать успел Алексей и тут же услышал выстрел, за ним другой. Две птицы выпали из стаи. Шарахнувшись в сторону, одна вышла на него. И, плавно нажав курок, Алексей почти одновременно почувствовал, как сильный удар обрушился на его плечо.

- Так тебе, - благодушно заметил дед. - Не будешь молчать. А

теперь подбирай гуся и в землянку. Вечерний перелет закончился и надо поспать, чтобы открыть глаза ровно в ту минуту, когда начнется утро.

Алесею снов не снилось, но деду стоило немалого труда, чтобы разбудить его. Наполнив землянку неповторимым ароматом, в котле варилась гусятина. Самый большой и жирный кусок Варкай положил в чашку Алексея.

- Так незаконно, дед. Ведь ты сбил гуся.

- Все законно. Это твоя первая охота, и выстрел был меткий.

Когда позавтракали, Варкай велел Алексею убрать посуду, а сам достал из вещевого мешка маленького деревянного божка. И, как бы извиняясь перед внуком, сказал:

- В бога я не верю, но такой у нас порядок.

Помазал божка рыбьим жиром.

- Ты, Яб - бог удачи и сильнее бога Сэрада, и поэтому прошу тебя, чтобы небо было чистым, а птицы шли над нами.

Хитро прищурившись, дед оглянулся на Алексея и сказал:

- Раньше дед с бабкой вымажут Яба самым вкусным нашим лакомством - оленьим вемом, а мы, ребятишки, подкроемся к вандеям и слижем его. - Но потом опять, словно забыв о внуке, продолжал: - Перед тобой я, Яб, ни в чем не виноват. Ружья ни ребенку, ни женщине все также в руки не давал. И от несчастья уберег себя. Пошли мне, Яб, удачи.

- А зачем ты, дед, сказал своему божку, что ни ребенку, ни женщине ружья не давал? Разве это так важно?

- Важно, Алексей. Ведь несмышленные, не умеющие обращаться с оружием, как с огнем, большую боль природе и людям причинить могут.

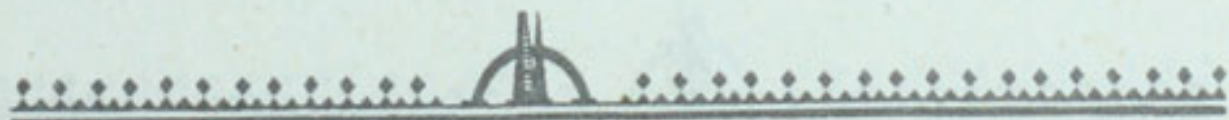
На этом Варкай смолк. А Алексей понял из немногих, но со значительной интонацией произнесенных слов, что ружье для ненцев не священное, а презираемое оружие. И прибегает к нему тундровик только в том случае, если нет у него другого выхода, чтобы прокормиться. А издревле честной и славящей ненца охотой считалась охота на зверя и птицу с ловушками. Тут уж хитрость против хитрости, ловкость против ловкости.

- А что, ири, разве только с профилями охотятся на гусей? - перевел разговор на другую тему Алексея.

- Почему? Где-то, я слышал, посыпают снег кусками битого стекла, и гуси, думая, что блестит вода, снижаются. У нас, случается, охотятся с собаками.

- Как это?

- А вот так. Вбивают в землю кол и привязывают к нему белую

собаку.

- А почему именно белую собаку?

- Вот в этом-то и вся соль. Будь собака другого цвета, она не привлечет внимания гусей, а белая похожа на песка, который съедает яйца и давит не только птенцов, но и взрослых птиц. И гуси уж никак не могут пролететь равнодушно мимо, - улыбнулся дед. И тут же спохватился: - Заговорились мы с тобой. А ведь приехали охотиться.

Накинув на себя и подпоясав худенькую, с вытертой шерстью малицу, служившую Варкай теперь только весной и осенью, он помог одеться Алексею, и они вышли из землянки. Солнце уже успело размягчить подстывший за ночь снег, и на каждом шагу охотники проваливались. Пока дошли до окопов, Алексей вспотел и хотел уже расслабить дедовскую тасму, но услышал его предостерегающий шепот. Алексей осторожно осмотрелся. Прямо на профили, но довольно высоко, летела какая-то птица. По редкому взмаху крыльев и крупным размерам он решил, что приближается орел.

- Орел, - чуть слышно сообщил он деду.

- Это мы сейчас посмотрим, - скороговоркой ответил тот. На миг птица попала в слепящий глаза солнечный круг и заслонила его, от этого ее оперение еще больше потемнело. Алексей опустил ружье, полагая, что не ошибся в своем предположении, но когда птица была уже над головой, увидел красные лапы. И снова его опередил дед. Гуменник упал в сугроб, и Алексею пришлось изрядно потрудиться веслом, прежде чем удалось откопать гуся, пробившего почти метровую толщину спрессовавшегося снега. К обеду на счету Варкай было уже пять убитых птиц, две удалось сбить Алексею. Промаяхнувшись несколько раз, он истратил свои десять патронов и потянулся в дедов окоп за новыми, и удивился:

- А что ты, ири, взял так мало патронов? Я слышал, что поселковые охотники набрали в магазине по сотне, а то и по две.

- Потому что, ты не обижайся, ваш брат, молодежь, любят шуму-грохоту наделать. Что поймают на мушку, в то и стреляют, а часто по пустым бутылкам. Пользы от этого нет, сплошной вред.

- Какой? Ведь патроны и водку они покупают за свои деньги, значит, пусть и палят себе на здоровье.

- Э-э, нет. Будь моя власть, я на охоту бы с водкой не выпускал. Мало того, что такие охотники все живое уничтожают, они ведь часто и друг друга калечат. А потом ты другое учти. - Голос деда напрягся, зазвенел и чувствовалось, что затронутая внуком тема его волнует давно и по-настоящему. - Многие стрелять ладом не

умеют и отпускают подранков. А это с любой стороны - браконьерство. Или, наоборот, навалят птицы мешками, а потом выкинут ее. Они забыли законы, которым подчинялись люди в тундре веками. Хотя бы взять нашу семью. Наверное, слышал, что жили мы бедно. Мне даже собаку иметь мать не разрешала, опасаясь, что та объест нас. Особенно тяжело было летом. Морошка еще неспелая, а рыбу ловить - сетей нет. И все же на дармовое мясо мы не зарились, хотя оно ходило рядом. Целыми днями гомонили возле чума гуси и утки. На гнездах, значит, своих сидели. И пожелай я, за день добыл бы не один десяток гусынь, ведь не боится тогда птица ни зверя, ни человека. И случаи бывали: выпадет на побережье среди лета снег по колено, замерзнут гусыни, а с гнезда не сойдут. И опять сами голодные, но если найдешь живого птенца, стараешься его выходить и обогреть. Вот так и жили, как одна семья. А когда поднимались птицы на крыло, добывали их, чего же. Только каждый столько, сколько требовалось для пропитания. А чтобы излишки или ради забавы - такого не было. Помню, - заулыбался Варкай, - ушел я на фронт и вскоре получаю от Катерины письмецо. В нем каракули Ивана, твоего, значит, отца: "Сколько раз, папа, несется чайка?" Ну, я понял, о чем речь идет. И сообщаю, что порой, если брат у нее из гнезда яйца, кладется она по три раза. Через полтора месяца получаю от Кати весточку, снова сердиться мне бы надо было, а я хвалю Ивана. И за что, ты думаешь? "Ванюша все ждал твоего письма, а когда оно пришло, из яиц птенцы уже вылупились. Так яиц мы нынче и не попробовали". Видишь, как? Боялся твой отец нечаянно, как говорят, природу ранить. Теперь делают по-другому. Лосей с вертолета стреляют. Поэтому-то они, бедные, из тайги к нам в тундру перекочевали. А как песца добывают, внук Алеша? Даже не ружьем, а настигают его на снегоходе, гусеницами давят. Это я сам видел.

Впрочем, последние слова деда Алексей уже не слышал. Он метнулся к кромке окопа и прицелился, но выстрелить не успел, тяжелой рукой выбил у него Варкай ружье. И тут же над профилями пронеслась стая небольших желтощеких и каких-то особо законченных по своей форме птиц.

- Ты что, дед? - опешил Алексей. - Так низко шли. Я бы пару наверняка свалил.

- Ты же целился в краснозобых казарок, а они в Красной книге. - И было у него еще желание добавить что-то снова о бережном отношении к природе, но только устало махнув рукой, Варкай предложил:

- Давай-ка, внук, собираться. Хватит гусей себе и соседей угостить.

* * *

Соснин любил свой кабинет, построенный из двух соединенных балков. Отделанный пластиком и темной полировки древесными плитами, он не уступал кабинету руководителя какого-нибудь солидного учреждения на "большой земле". Правда, кое-кто в экспедиции пробовал роптать, что слишком много себе позволяет Соснин, когда на буровых и базе не хватает жилья.

Но Владимир Михайлович, любивший жить широко и с комфортом, на это внимания не обращал. Расплатившись щедро с краснодеревщиком, столяром, он дал команду директору отдела рабочего снабжения экспедиции достать хоть из-под земли современную кабинетную мебель. И тот расстарался. Появился двухтумбовый стол, а всю противоположную от входа стену заняла ажурная, под мореный дуб стенка. Все тот же столяр ее немного перестроил, и нашлось место для переносного телевизора и бара. А под ним, с чугунной решеткой и мерцающим электрическим огоньком - камин. Завершала убранство кабинета внушительных размеров чеканка, отражающая труд буровиков.

В то утро, войдя в кабинет, Владимир Михайлович слегка поморщился от стойкого запаха лаков и красок и собирался уже сделать в календаре пометку о приобретении кондиционера, как нетерпеливо затрещал телефон. "Так может звонить только междугородный", - подумал Соснин и проворно схватил трубку.

- Да. Соснин.

- Здравствуйте, здравствуйте, Алексей Петрович.

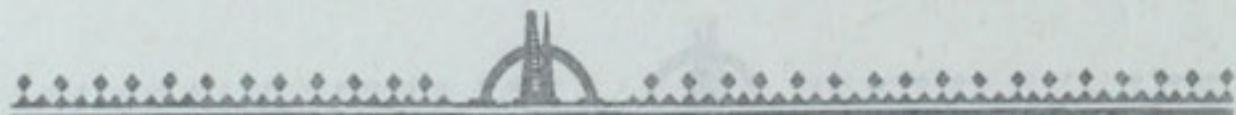
- Дела? Как всегда. Шестимесячный по проходке выполнить должен досрочно. Чуть отстаем с монтажом - авиация подводит. Но будем стараться.

- Что?

- Так. Слушаю.

Улыбка с лица Соснина сошла, уступив место страдальческому выражению. Он раскрыл было рот, чтобы возразить Шибанову, но вовремя опомнился. Уж кто-кто, а Соснин знал генерального директора объединения. Тот непослушных не балует.

- Хорошо! Хорошо! Алексей Петрович, я согласен выручить объединение, но разрешите высказать свои соображения? Предположим, вы добьетесь выделения дополнительных рейсов вертолетов, а мне их заправлять нечем. Горючим-то запаслись только в расчете на два борта. Значит, остается единственная

возможность в срок смонтировать на Утренней буровую и начать проходку - это построить переправу.

- Как никаких мостов?

- Правильно, лишние людские и материальные затраты. Наконец, время. А что же тогда мне делать?

- Ну, вертолеты, так вертолеты, - смирившись с доводом Шибанова, Соснин уже хотел попрощаться с ним, но неожиданно его пронзила новая идея.

- Алексей Петрович! Алексей Петрович, вы меня слышите?

- А что, если пересыпать Яху песком? И по дамбе перебраться на противоположный берег технику с оборудованием?

- Понимаю. Поднимется вода.

- Нет, нет, заповеднику она вреда не причинит. Он стоит на высоком берегу. А нам только будет выигрыш.

- А землеройной техникой не поможете?

- Хорошо, обязательно будем ждать.

Повесив трубку, Соснин возбужденно заходил по кабинету. Дело, которое предложил ему начальник объединения, было выигрышным во всех отношениях. Ведь заканчивалась пятилетка, и экспедиция, из года в год выполнявшая планы по бурению и приросту газа, выходила на первую ступень в республиканском соревновании. А если еще форсировать работы на Утренней, то и на орден можно рассчитывать.

Подогревала и другая мысль. За экономию средств на строительстве переправы через Яху и своевременную заброску грузов Шибанов гарантировал немалую премию. А его слово - кремень.

Подойдя к карте, Соснин нашел на ней Яху. Ее лента против поселка сужалась, и Владимир Михайлович в этом месте решительно поставил точку. И тут же связался по селектору с главным инженером.

- Это, Владимир Михайлович, вы? - донеслось из динамика.

- Да, я. И связался с вами вот по какому поводу. Подберите двух экскаваторщиков.

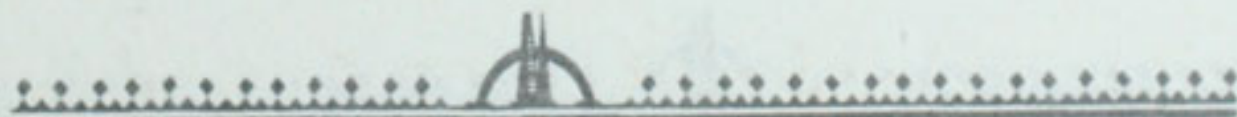
- А что за операция намечается?

- Будем пересыпать Яху.

- Тогда и трактористы понадобятся?

- Не нужно. Шибанов шлет к нам два "Катерпиллера" уже с трактористами, а вот на экскаваторы люди нужны.

- И еще, Владимир Михайлович, один вопрос. Как я понял, мы будем строить дамбу. А не вызовет это затопления тундры, и в том числе Яхинского заповедника?

- Все рассчитано уже. И не задавайте ненужных вопросов. Лучше действуйте.

Только успел Соснин щелкнуть выключателем, как снова раздался телефонный звонок. Снова на проводе был Шибанов.

- Владимир Михайлович, забыл тебе напомнить, и вот пришлось звонить снова. Комитет партии и райисполком не позднее этой недели требуют от меня представить мероприятия по охране природы на летний, особо пожароопасный, период. Всем экспедициям такие задания даны, и твои соображения я жду к вечеру.

Нажав кнопку селектора, Соснин вызвал начальника отдела кадров.

- Будем писать приказ, - сообщил ей. - "В целях охраны природы в летний пожароопасный период мастерам буровых бригад, руководству цеха вышкостроения приказываю: испытать и содержать в полной готовности пожарный инвентарь; оборудовать всю вездеходную технику, занятую на работах в тундре, искрогасителями..." Написали?

- Да.

- "Для исключения загорания буровых при пожарах в тундре обваловать их. Высота земляного вала должна быть не меньше одного метра по всей окружности буровой".

- Владимир Михайлович, как только этот приказ попадет к руководителям района или Шибанову, нам не сдобровать.

- Почему вы так считаете?

- Потому что в прошлом году я своими ушами слышала, как Шибанов ругался. Говорил, чтобы не нести затрат и не отрывать людей от основной работы, Соснин отгораживается от пожаров земляным валом. А ведь тундра из-за неряшливости его работников горит...

- Так и сказал?

- Точно.

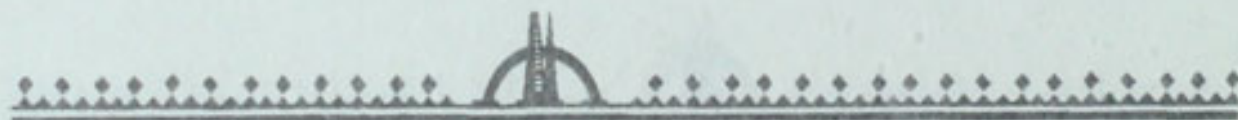
"Вот тебе и на, - подумал растерянно Соснин, - я хотел угодить ему и сэкономить средства, а он подножки ставит. Но я все же останусь верен себе. Пусть горит эта тундра - забота не моя".

- Ладно, вычеркните этот пункт и добавьте следующее: "Составление подробных мероприятий по обеспечению пожарной безопасности и контроль за их выполнением возлагается на главного инженера". Живо приказ отпечатайте и отправьте на буровые.

Когда дверь за начальником отдела захлопнулась, Соснин набрал междугородную и попросил Москву. Дали связь почти сразу же.

- Алло! Игорь?

- Это я, Соснин. Все получили. Большое спасибо.

- Нет, ничего с охотой не выйдет. Придется ее отложить на осень.

- Настаивает Шибанов разбуривать Утреннюю сейчас.

- Но что я сделаю? Не обижайся. Осенью устроим охоту. И специалиста-аборигена я уже нашел.

- Всего наилучшего тебе тоже. В августе звони.

* * *

На следующий день утром Соснину сообщили, что баржа с двумя экскаваторами и двумя "Катерпиллерами" прибыла. Владимир Михайлович, облачившись в легкую стеганую фуфайку и высокие резиновые сапоги, направился к пристани. Ему самому хотелось руководить пересыпкой Яхи, а еще любопытно было посмотреть, что это за такие "Катерпиллеры".

Разгрузка на пристани уже шла вовсю. Один экскаватор благополучно сошел по деревянным брускам, перекинутым на манер трапа с баржи на берег. Рабочие ломом раскручивали жгуты проволоки, которыми к специальным креплениям был на период транспортировки намертво притянут второй. Владимир Михайлович, протиснувшись между ограждениями борта и колесом экскаватора, на миг замер. Как желтое чудовище, хищно оцетившееся холодной отполированной сталью лопаты и угрожающе нависшим над палубой клыком-рыхлителем, стоял "Катерпиллер". Одобрительно прищелкивая языком, Владимир Михайлович обошел обе машины. И благодаря свое начальство за расторопность, думал: "Такой техникой быстрее, чем лопатой ручей, можно запрудить Яху".

Одновременно с этой мыслью почувствовал себя Соснин полководцем, которому поручено выиграть ответственное сражение. Появилось настроение распорядиться и советовать. Выбрав наиболее высокую точку на берегу Яхи, он подозвал к себе механизаторов и показал место, через которое намечено было перекинуть дамбу. Один из механизаторов - седой, спокойный на вид мужчина, - внимательнее и дольше других осматривал берега реки. Наконец, когда его товарищи уже направились к машинам, он остановил их и, обращаясь к Соснину, сказал:

- Вы знаете, товарищ начальник, я всю жизнь проработал на газопроводах и знаю, что этот ручеек двум экскаваторам и "Катерпиллерам" засыпать не составит труда.

- Вот и отлично, - обрадованно хлопнул его по плечу Соснин.

- Подождите, я не закончил, - не обратив внимания на похвалу начальства, продолжил тракторист. - Сегодня нам поселковые ска-

зали, что вот тот остров на противоположной стороне -заповедник. Оно и правда похоже. Вокруг карликовая береза да тальничок, а на нем, укрывшемся между прибрежными речными холмами, лиственницы, березы и черемуха, наверное, имеется. Говорят, ученые за островом наблюдают и все никак не могут доказать, откуда в голой тундре взялся такой оазис. Так вот, я, как калач тертый, думаю, что мы не только заповедный остров утопим, но и еще много дел наделаем. Эта речка, как многодетная мать молоком, свежей водой в округе все озера питала. И сейчас перекрой ее, подо льдом рыба и все живое в озерах погибнет.

Соснин, не терпевший, когда его учили, едва выдержал, чтобы грубо не оборвать тракториста.

- Все это бредни, - бросил он. - Переправа нам потребуется в течение одного-двух дней. Вода, если и поднимется, то ненадолго. А рыба. Какая там рыба? Наверное, со всех озер едва на уху наскребешь.

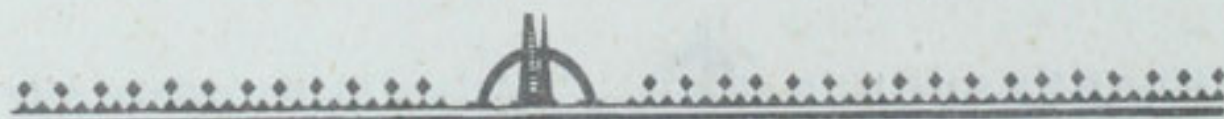
Штурм Яхи одновременно начали с двух сторон, сосредоточив на каждом берегу по одному трактору и одному экскаватору. Вгрызаясь в берега, экскаваторы ссыпали грунт под ножи тракторов и те, упираясь, толкали его в реку. Соснин, забросив все дела в конторе, неотрывно наблюдал, как шли работы. Доводы тракториста окончательно убедили его в том, что дамба через Яху - палка о двух концах, но перерешивать уже не было времени, да и за свой авторитет Соснин опасался. Поэтому торопил людей и метался с берега на берег, как заведенный. С каждым часом полоса воды между идущими навстречу друг другу тракторами становилась все уже. Вместе с тем Владимир Михайлович замечал, что уровень воды у дамбы начал подниматься. Он бросился торопить службу главного инженера и механика с погрузкой на автомашины материалов и всего необходимого для строительства буровой. Глубокой ночью, когда была отсыпана дамба через реку, напутствуемые Сосниным грузовики тронулись на Утреннюю.

* * *

...Склоняясь под тяжестью рюкзаков и опираясь, как на посохи, на гребни от калданки, дед с внуком долго шли по тундре, прежде чем показался высокий песчаный мыс, а на нем чернеющая смоляными боками калданка. Подозвав к себе собак, Варкаи, хитро улыбаясь Алексею, сказал:

- На телеге, на санях ты уже видел, как перевозят груз, а вот на калданке по снегу, наверно, нет. Сейчас и посмотришь.

Рюкзаки сложили на дне лодки, и подбадриваемые Варкаи со-

баки легко потянули ее по косогору к виднеющейся впереди речке.

Алексей едва успевал за упряжкой.

- Ири, - запыхавшись, взмолился он. - Я скоро упаду без чувств. Останови их.

Варкай окликнул жожака, и упряжка послушно встала. Присев на край калданки, Алексей, положив свою руку на руку деда, виновато улыбнулся.

- Знаешь, дед, я вначале на тебя обиделся. А теперь все понял. Действительно, та охота, которую я представлял раньше, скорее была похожа на убийство. Правда, совсем ни к чему валить птицу косяками, не нужны и двести патронов, если удовольствие можно получить от десяти-пятнадцати метких выстрелов. Правда, этому еще надо научиться.

- Хорошо, что понял разницу между браконьерством и охотой, - одобрил дед. - А метко стрелять, я думаю, ты учишься.

Не доверяя внуку, Варкай сам сел в калданке за гребни. А Алексей зорко вглядывался вперед, чтобы лодка не налетела на торчащие из воды коряги. Особенно опасными были осенцы. Это льдины, которые осенью пристали к пологим склонам берегов, а весной, оттаяв, с бешеной силой выскакивали наверх. Ударь такая льдина о дно калданки, и если не расколется, как семечко, то перевернется наверняка. Но не корягу и не льдину увидел впереди Алексей, а большую болотную кочку, посередине которой было гнездо с пятью белыми, чуть меньше куриных, яйцами. Дед удивился этому:

- Гнездо утиное, и не такая уж утка бесшабашная, чтобы строить его совсем рядом с водой.

- Ири, смотри, смотри, еще одно гнездо, - закричал Алексей. Построенное из больших сучьев и палок, рядом с калданкой плыло гнездо с двумя крупными яйцами.

- По-моему, лебединые, - заключил Алексей.

- Верно, - кивнул дед Варкай и направил калданку к берегу. Сорвав с кочки соломинку, он воткнул ее в снег рядом с водой и стал наблюдать. Алексей тоже вперился в нее взглядом. Буквально на глазах вода скрыла соломинку.

- Уровень в реке поднимается, - заключил дед.

- А почему? - поинтересовался Алексей.

- Такое бывает во время ледохода. Какая-нибудь большая льдина застрянет между берегами, на нее налетит другая, третья, и так натрамбует льда до самого дна, чем тебе не плотина. Но чтобы случилось это через неделю после ледохода - не помню.

К ночи калданка выплыла к последнему повороту перед посел-

кам, и дед с внуком отчетливо услышали надсадный и мощный гул техники. Но не поэтому Варкай качнулся в лодке, едва ее не перевернув. Его поразило, что на том месте, где должен был быть заповедный остров, гуляла вода. И, как редкие кустики, виднелись над ней вершины берез и лиственниц. Лосиха с лосенком, вероятно, выгнанные водой с острова на противоположный берег, пугаясь гула техники, кружились посередине реки.

- Что это такое? - шептал дед своими побелевшими губами. - Ведь теперь погибнет вся птица по берегам реки. Задохнется рыба в озерах ниже этой земляной плотины. А лиственницы? Наши прадеды, мы считали их святыми и не стреляли на острове ни птицы, не зверя.

Покачиваясь, как пьяный, Варкай ступил на берег. Но растерянности в нем уже не было. Весь он клокотал от возмущения и жаждал расправы. Подбежав к сердито рокочущему трактору, он едва не попал под гусеницы, но все же сумел схватить тракториста за полу телогрейки.

- Ты что, старый, спятил? - заорал тот.

- Зачем плотину эту нарыли и затопили заповедник? Зачем нас, стариков, не спросили, какое зло может причинить река?

- А я причем? Беги к начальнику экспедиции. Он, говорят, сильно премии захотел, да скорее всего, что ничего у него из этого не выйдет. Утонул остров, а теперь под водой уже пилорама и почти все склады.

Начальника экспедиции Варкай нашел у дамбы. Потный и злой Соснин не захотел его даже слушать:

- Пошел ты, старик, со своим островом! У меня склады, понимаешь, склады утонули, и не все еще на Утреннюю переброшено. - И тут же при Варкай Соснин отдал команду водителям "Катерпиллеров", чтобы они еще выше нарастили дамбу.

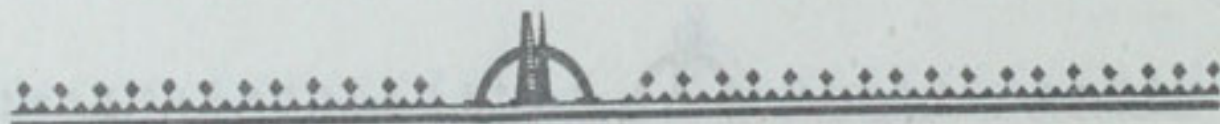
Уговоров внука, советовавшего не волноваться, Варкай словно не слышал. А когда тот сказал, что теперь уже все равно все потоплено, метнул в него уничтожающий взгляд:

- А отвечать за это кто будет?

На телефонной станции Варкай заказал председателя райисполкома. Тот знал Варкай Лаптандера. Как же, в районе и до войны и после нее не было председателя колхоза, кто пользовался бы таким авторитетом, как он.

- Здравствуйте, слушаю вас, товарищ Лаптандер, - донесся до Варкай глуховатый голос председателя райисполкома Потапова.

Собравшись с мыслями, Варкай коротко и толково рассказал ему о трагедии. В трубке некоторое время было тихо. Потом что-

то запищало, и прорвался голос Потапова.

- Варкаи, мы с тобой знакомые старые, и я тебе верю, что на Яхе случилось беспрецедентное. Но не надо так волноваться. Пойми, что просто взять и наказать Соснина или, как ты говоришь, снять его мы не можем. Ведь он предпринял эту рискованную переправу не для себя, а в государственных интересах. Он ищет на Утренней газ. А как Соснин помогает району? Если бы не экспедиция и его личные старания, разве была бы в поселке новая электростанция, школа, а клуб какой отгрохали?

Варкаи слушал Потапова, с которым когда-то вместе поднимал колхозы, и не мог понять, что с ним случилось. Почему он не возмутился и даже не пытается призвать к порядку Соснина.

- И понимаешь, его экспедиция ведь на республиканскую премию тянет, а это честь для всего района..

И еще что-то говорил Потапов, но Варкаи его уже не слушал. На слабых, как ватных, ногах он вышел к берегу и увидел: на самой середине река прорвала дамбу, и медленно, как тяжелый жук, по подмытому откосу стал сползать в воду "Катерпиллер". Тракторист выпрыгнул. К нему бежали люди, и в другой момент Варкаи побежал бы тоже, но сегодня с ним что-то случилось.

* * *

Протопав грязными сапогами по медвежьей шкуре, Соснин, не раздеваясь, упал на кровать.

- Устал чертовски, - сказал он вслух, - но все же победил!

И перед глазами его снова стала переправа - лента земли через реку, по которой все грузы до последней крошечки удалось перебросить на противоположный берег. Правда, чуть не утопили трактор, но тот "тертый калач", действительно, механизатором оказался бывалым. Он настоял, чтобы за фаркоп прикрепили трос, и страховой конец выручил. Когда трактор уже клюнул воду своим носом, трос успели зацепить за второй "Катерпиллер". И он выволок своего собрата на сухое.

Пошарив над головой, Соснин включил приемник, и тут же раздался щелчок открывшегося дверного замка. Улыбаясь, в комнату юркнула Алиса.

- Не ждал?

- Не до этого было.

- Да слышала, слышала. Ты какую-то грандиозную построил плотину через Яху и вызвал всемирный потоп.

- А о том, что за какие-то сутки все оборудование на Утреннюю площадь перебросил, не говорят?

- Ну, ты сразу же и обижаться, - примирительно прошептала Алиса, наклоняясь над Владимиром Михайловичем, но он, казалось, не видел ее. Теперь пришла очередь обижаться Алисе. Сбросив на кресло свой модный длиннополый с капюшоном плащ, она подошла к окну. За ним плескалась река. Берега ее, еще сырые от схлынувшей в пролом плотины воды, тускло поблескивали. И Алиса подумала, что точно так же, как и с рекой, поступил Соснин с ней. Налетел, искалечил и бросил. Алиса с глазами, полными слез, повернулась к Соснину. А он думал о том, что осенью намерена сюда приехать жена, и пора этот роман кончать. Иначе не оберешься, действительно, греха ни дома, ни на службе.

- Ты что, Соснин, решил меня в своем доме не принимать? - все еще стараясь казаться независимой, насмешливо спросила Алиса.

- С Тумбой договорилась?

- Он к тебе уже несколько раз, наверное, приходил. А вообще, живет Тумба где-то рядом с совхозной конторой. Можешь наведаваться к нему сам. - И, помолчав немного, снова по-кошачьи цепко впиалась в Соснина глазами. - Так ты мне не ответил. Будешь разводиться со своей женой, или вопрос на эту тему уже не стоит? - Все еще с надеждой в голосе проговорила Алиса.

- Конечно, нет, - набравшись, наконец, решительности, вымолвил Владимир Михайлович и стремительно поднялся с постели. Оставляя на медвежьей шкуре ошметки грязи, Соснин подошел к Алисе. Стараясь казаться добрым и ласковым, положил на ее плечо руку, но обнять себя Алиса не дала. Резко отстранилась от него, и давно душившие ее слезы прорвались наружу. Теперь она забыла о том, что вести себя в номере гостиницы нужно тихо и неслышно. - Правильно говорила Танька: ты поиграешь со мной и выбросишь, как пустышку. А я, дура, верила тебе.

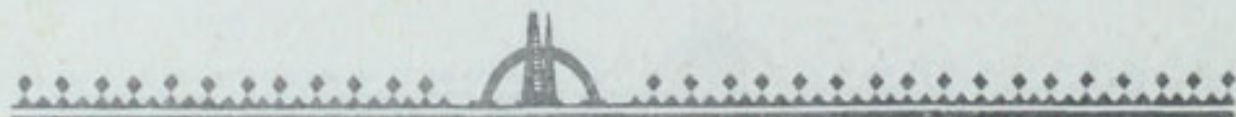
- Алиса, Алисонька, - умоляющим шепотом просил ее Владимир Михайлович. - Не надо так громко. Ну, давай объяснимся в каком-нибудь другом месте?

- Нет, ни за что. Я тебе скажу все сейчас, и пусть это слышат другие!

Соснин еще раз попытался обнять Алису, и это ее привело окончательно в какое-то дикое возбуждение. Она всей пятерней наманикюренных острых ногтей впиалась в его небритую, измазанную копотью щеку.

- Ты что, спятила, потаскуха! - прошипел Соснин и наотмашь ударил Алису.

- Кто? Я?! Да я с тобой, больше ни с кем в постели не лежала. И это может подтвердить вся гостиница и вся деревня. Или счи-

таешь, вокруг тебя все слепые?

Соснин уже не слушал и не утихомиривал ее. Он торопливо стирал полотенцем со щеки кровь и одновременно судорожно рылся в тумбочке, пытаясь отыскать йод или пластырь.

Теперь он уже не мог похвалиться своим самообладанием. Руки тряслись, в голове назойливо стучала мысль: "Как теперь с такой щекой к людям? Ведь сразу же догадаются: если не кошка, то баба разукрасила". И снова приступ ярости овладел Сосниным. Отшвырнув полотенце, он повернулся к Алисе, чтобы тут же выкинуть ее за шкуру из номера. Но не сделал этого по двум причинам. Во-первых, Алиса уже одевалась сама. Во-вторых, поразил Соснина ее вид, и Владимиру Михайловичу за себя стало даже чуточку неловко. Алиса стояла спокойная и серьезная. Как будто и не было только что пережитых ею бурных минут. А сухие глаза смотрели на Соснина все с той же цепкой внимательностью.

- Я уйду сама, и мне от тебя ничего не нужно, кроме разве алиментов.

До Владимира Михайловича вначале не дошел смысл этого последнего слова. А когда он опомнился, Алиса была уже за порогом. Соснин бросился туда и рывком возвратил обратно.

- Что ты сказала?

- Что слышал.

- Брюхом запугать решила? Не выйдет. А, может, понесла от молодого доктора, который тогда тебе у старика Варкаи понравился? - От своей находчивости Соснин даже прихлопнул в ладоши. Но на Алису, казалось, никакого впечатления этот нагловатый выверт не произвел. Она, презрительно смерив взглядом Соснина с головы до ног, просто взяла и вышла.

Вечером, успокоившись и помывшись под душем в экспедиционной котельной, Владимир Михайлович пошел искать Тумбу. Домишки, построенные еще во времена создания колхоза, были маленькими и какими-то приплюснутыми. Поэтому почти все они до крыши были занесены сугробами. Несколько раз провалившись в глубокий снег, под которым уже пробивались ручьи, Соснин наконец отыскал дом Тумбы. В сенях без дверей было полно снега и темно. Пошарив, он нащупал скобу. Тяжело, со скрипом дверь отворилась, открыв убранство квартиры, которая служила и кухней, и столовой, и спальней. В ней было грязно и неприбрано. У противоположной, промазанной в пазах, но не беленой бревенчатой стены лежал соломенный мат, а поверх него - две-три оленьих постели и малица без сорочки. Сам же хозяин квартиры суетился за дощатой перегородкой у печки и увидел Соснина первым.

- Насяльника, ты али нет?

- Я, я, - ответил Владимир Михайлович, стараясь отыскать взглядом Тумбу.

А он, протягивая руку для приветствия, сам вышел навстречу. Щуплый и худой, Тумба двигался с суетливой быстротой, поэтому подвязанные к поясу кисы на его кривых, но цепко ступающих ногах хлябали и морщились. Кожа его круглого лица была измятой и обвислой, как на шаманском бубне, не нагретом еще на жарком костре. Зато маленькие глаза глядели из щелок век живо и с любопытством.

Поставив посередине комнаты единственный некрашенный табурет, Тумба предложил его Соснину. Владимир Михайлович посчитал, что лучшей заявкой для разговора, тем более для такого, какой предстоял впереди, будет спирт, и вынул из кармана пальто непочатую, с голубой наклейкой бутылку.

Угодливая улыбка на лице Тумбы сменилась на какой-то миг растерянностью, но, сообразив, что начальник с таким угощением пришел не иначе, как о чем-то просить, моментально приосанился. Выдвинул из-за кутка у печки низенький столик, за которым можно было сидеть, только поджав ноги. Проворно сбегал в сени и принес кусок соленой рыбы. А затем демонстративно, чтобы видел Соснин, из свистящего паром чайника окатил алюминиевую кружку. Все это он, как будто священнодействуя, творил молча. И только когда на столике оказались нож и буханка хлеба, заключил:

- Моя са.

"Говорит, кажется, что свое все поставил", - подумал Соснин и плеснул в кружки неразбавленного спирта. Потянулся к Тумбе, чтобы с ним чокнуться, но тот уже опрокинул кружку.

- Саво. Сопсем саво. Моя вчера пила, а седня болела маленько.

- Ничего, поправишься, - подбадривающе подмигнул Соснин и снова потянулся к бутылке. Заметив, что себе он налил меньше, Тумба, изучающе прищурившись, полюбопытствовал:

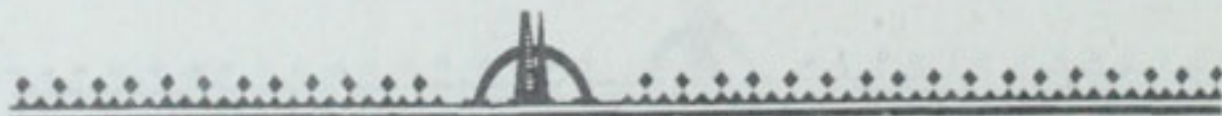
- Что, начальник, спить хочешь?

Сказано это было на чистом русском языке и заставило Владимира Михайловича покраснеть до корней волос. И он подумал: "Да, не такой Тумба простачок и дряхлым тоже только прикидывается".

А Тумба, все так же внимательно глядя на Соснина, как бы оценивая его, придвинулся ближе и, хотя в квартире кроме них никого не было, оглянувшись, шепотом спросил:

- Что от меня надо?

Плутоватый, заговорщицкий тон и воровская привычка оглядываться вначале как бы отрезвили Соснина: "С кем я связываюсь?"

И он отшатнулся от Тумбы, будто боясь замараться обо что-то липкое и грязное. Поэтому с ответом на вопрос повременил и спросил сам:

- Где ты научился так разговаривать по-русски?

- В тюрьме за десять лет академиком сделают.

И, видя, как от удивления Соснин разинул рот и замер, Тумба тут же решил его подбодрить:

- Да я не за мокрое дело отбывал, а за свое.

- Как это?

- Просто у отца оленей отобрал колхоз, а я потом - у колхоза.

- Все понял.

Разлив по кружкам остатки спирта, Соснин подумал: "И это даже хорошо, он уже ученый. Если возьмется за дело - язык будет держать на замке. Гарантия".

И, выплеснув в рот жгучую жидкость, Владимир Михайлович, как бы решившись, и теперь уже окончательно, рубанул рукою воздух:

- Тумба, ты гусятину любишь?

- А кто не любит? Считаю, с пеленок меня ею баловали. Набьют работники казарок и гуменников, а мать и младшие жены отца давай щипать их да палить...

При воспоминании об этом явилась к Тумбе давно забытая изнеженность и чванливость. Откинувшись на соломенные маты, он гладил себя по животу и говорил нарастающим тоном, как бы желая показать Соснину: "Будь другое, то, старое время, я бы разговаривал с тобой только разве что из одолжения".

И Владимир Михайлович понял его. Бесцеремонно толкнув несостоявшегося князька ногой в мягкое место, предложил продолжить рассказ.

- Потом с самых жирных мест пластинами сало срезали и ставили в чугуне на медленный огонь. А когда оно растапливалось, макали кусками. Приберегала сало мать и на зиму. На случай, если кто-нибудь обморозится или обожжется. Умела она мастерить и куклы. А головы для них из клювов тех же гусей делала.

- А какой гусь вкуснее?

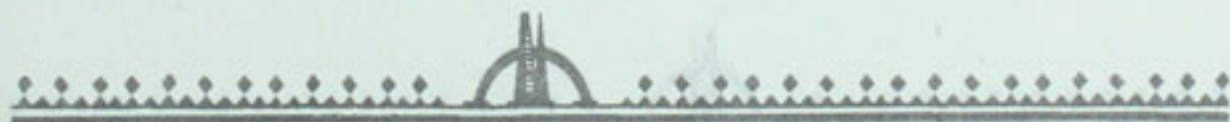
- Все вкусные. А мягче мясо у казарки.

- Вот я затем и пришел, чтобы наелся ты его досыта.

- Э-э... ты не шути, начальник. Теперь она под запретом.

- Я на полном серьезе. А запрет для нужного дела придется нарушить.

- Что, разве у того, кто об этом просит, выпали зубы, и он не может есть мясо потверже? Или такой охотник, что с тридцати

метров в гуменника промазать боится, а казарку надеется уकोкошить палкой, ведь она почти ручная?

- Все правильно. Он и ружья еще в руках не держал. Вот и хочет научиться пока стрелять по непуганой птице.

- Я слышал, что русские домашних гусей держат, тогда бы ему в самый раз начинать с них, - не удержавшись от колкости, тонко хихикнул Тумба.

- Ладно, об этом хватит. Лучше скажи, сможешь организовать охоту?

- Можно. Только сам понимаешь, во второй раз меня запрятать могут еще надолго. А за что я рисковать буду?

Соснин удивленно уставился на Тумбу. Он никак не думал, что ненец с ним еще будет торговаться и кроме спирта попросит еще что-то.

- Ну, говори, чего хочешь?

- Вот шуба на тебе хорошая, овчинная - такую можно. Унты тоже надо. А самое главное - сижу я ведь без денег, и на время охоты неплохо, если твоя экспедиция мне оклад положит.

- Ишь чего выдумал!

- А как же? Сейчас задаром никто не работает.

- Тебе-то бы можно было, ведь сколько батраков на вашу семью задаром спины гнули. - Хотел Соснин прибавить еще что-нибудь посолонее, но опомнился и примирительно пообещал:

- Ладно, с одеждой и обувью придумаем, а вот насчет оклада особо не гарантирую. Теперь вот какое дело. Скажи мне - то место, где мы будем охотиться, глухое? Ведь надо, чтобы никто нас не видел и не слышал стрельбы.

- Не бойся, начальник, стрельбы не будет вовсе. А место там узкое, где протока Кары соединяется с большим озером. Почти пятьдесят лет назад был на берегу его чум - место Варкаи.

- Кого, ты сказал?

- Этой полярной совы - Варкаи.

- Верно, верно. У этого паршивца глаза совиные, - зло сжав губы, процедил Соснин. - А почему ты говоришь, что стрелять не будем?

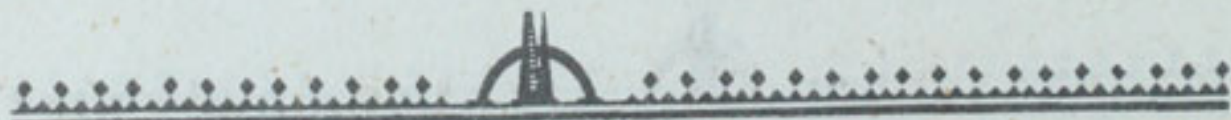
- Потому что повезу я вас в то время, когда гуси будут линные. Знай себе только подгоняй их да головы откручивай.

- Ну, что-то загнул ты из области фантастики.

Тумба обидчиво засопел и, стукнув себя в грудь, поинтересовался:

- Ты видел когда-нибудь купеческую охоту? Нет? А я видел!

- Что это еще такая за охота?

- Слушай. Каждое лето к моему отцу приезжал русский купец. Большой такой и важный. Он не терпел ездить на оленях, а все на лодках. Их целый караван из Щучьей ему пригоняли ненцы. На одной, самой длинной и широкой, он из бересты соорудил себе будку. Говорил: на реке не так душно и комаров поменьше. И верно, мы дымокурами в чумах спастись не могли, а от его будки ветер всю мошкарку отгонял. Но не отдыхать купец приезжал. На том самом озере, о котором я уже говорил, по берегам, заросшим плавучим кустарником и недоступным даже для зверей, облюбовали себе место гуси. Добывали мы их себе только на варево, а когда объявился купец - стали заготовливать впрок. Встаем чуть свет. Несколько охотников на легких калданках с длинными шестами едут на озеро и выгоняют гусей на протоку. Деваться им некуда, ведь по берегам женщины с ребятишками и собаками их пугают. Вот и плывут казарки да гуменники вниз по протоке, а в самом узком месте она перегорожена. И тут опять стоят охотники. По коридору из мережи загоняют гусей в яму.

- И сколько за такое... - с языка Соснина едва не сорвалось "убийство". - ... за такую охоту враз гусей убивали?

- Тыщу. Нисколько не вру. Потом солили и вялили их. И с полными лодками уезжал купец вниз по Каре. Но скоро возвращался снова. У той самой загородки, которая помогала нам гусей задерживать, щекур останавливался.

- А что ему тут надо было?

- Как что? Он по этой протоке на нерест в Кару поднимается.

- И сейчас тоже?

- Конечно.

- Скажи, от Утренней это далеко?

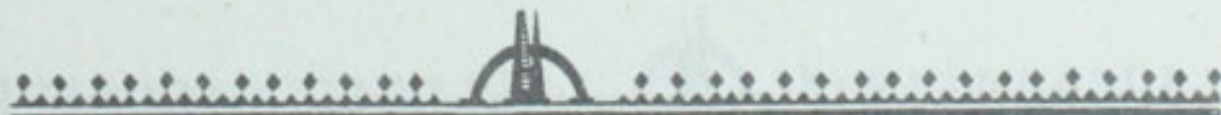
- Почему? Как раз на пути к ней.

Соснин, загадочно улыбаясь, теперь уже сам придвинулся к Тумбе и воровато оглянулся.

- Знаешь, у меня возникла идея. Теперь я в угоду таким, как Шибанов, Потапов и старик Варкай, построю мост по всем правилам инженерного искусства. Из металла, на сварке.

- А зачем он нужен, если там перебрести можно? - изумился Тумба.

- Мозгами шевелить надо, дура. Станем путаться с сетями и разными запорами, все равно кому-нибудь попадем на глаза. А сварщики соорудят мостик - все будут думать, что он нужен для переброски все тех же грузов на Утреннюю. И вот, когда наш гость из Москвы приедет, мы на сваи мостика возьмем, да и накинем капроновую сеть. А потом в нее гусей погоним.

- Тогда уж не капроновую, а вольерную, пусть сварщики заодно прихватят.

- Хорошо. Гусей она удержит, а с рыбой как?

- А куда щекур денется? Другого хода у него нет. Тут весь под мостиком стоять и будет. Останется только тебе, начальник, соорудить сачок и черпать рыбин с полным животом икры.

- Значит, по рукам?

- Э-э, нет. Сначала шубу, штаны, оклад, и уж потом, как бы это милиционер сказал: стану соучастником, - нагло вато рассмеялся в лицо Соснину Тумба.

* * *

Становились ночи короче, а дни длиннее. И, пролетев теплые моря, однажды ударился вожак о тугие и холодные струи северного ветра. Как больная дробь, царапнул его крылья заряд сухого, колючего снега.

Но Подранка это не испугало. А наоборот - обрадовало. Гортанный громкий крик, вырвавшийся из его груди, наверное, должен был означать, что стая на правильном пути. И птицы наперебой загалдели. Стройный гусиный косяк распался. Летящий навстречу ветер, от которого вожак закрывал широкой грудью стаю, ударил по казаркам, и они заметались растерянно на месте. Однако и Подранок вел себя как-то странно. Он, словно на что-то нацеливаясь, стал описывать широкие круги, все снижаясь над землей.

Стая, все так же беспорядочно хлопая крыльями, беспрестанно галдя, следила за вожаком с высоты. Вот он снизился, описав еще круг. И по тому, как заискрился на солнце за ним голубой след, птицы поняли, что Подранок плывет. Смешно переворачиваясь в воздухе, как кубарем с горы, вся стая тоже плюхнулась в озеро.

По какой-то, ему только одному ведомой примете, Подранок определил, что зима в родных краях задерживается. А отдохнуть, подкормиться стае нужно. Но в глубоком песчаном озере кормиться было нечем. И, вдоволь побрызгавшись и покупавшись в чистой, еще не нагретой солнцем воде, гуси затихли.

Подранок тоже, казалось бы, дремал у камышей. Хотя нет, он не сомкнул глаз. В родном плеске волн и шорохе камыша вожак различал каждый посторонний звук. Поэтому, когда солнце только краешком своего обжигающего большого круга коснулось горизонта, и сильнее зашумел в камышах ветер, он поднял стаю в воздух. Лишь когда успели обсохнуть черные лапы и с их перепонок сдуло ветром песчинки, тогда только гусиный косяк опустился на землю. Голодные птицы начали искать рассыпанные и оставшиеся на поле

от прошлой жатвы зерна, откапывали каких-то жучков и дождевых червей.

Так дважды в день летала стая на кормежку. И только когда на подсохшей пашне уже зашумели трактора, позвал Подранок стаю в дорогу. Насытившись, лениво поднимались казарки в небо. Но с каждым часом полет их становился стремительнее. Опьяненные запахом оттаивающей, сырой земли, рвались птицы вперед.

И вот уже стая над белой пеной снегов. Ласкаемая солнцем, покачивается она на волнах тепла и, не чувствуя усталости, летит и летит к Северу, к морю. До самого горизонта блестело оно, как стеклянное. И, отражаясь от граней торосов, лучи солнца слепили глаза. Но не это ошеломило Подранка. Задохнулся, онемел он от того, что под крыльями поплыла родная земля. Это она, стонущая под ветрами, нашла ему тепла, обмыла в чистых струях вод.

Там, в камышах на лимане, он тосковал и помнил о ней. И ждал момента, когда окажется в краю, где столько простора и света. Где не надо бояться людей в чалмах. Как ритуал почета, описав в воздухе круг, опустилась стая на склоне чернеющего торфяником собкая. Здесь можно было укрыться от холодного ветра с моря, а главное - сколько хочешь в оттаявшем торфе корма и зеленой травки.

Вытянув свои короткие шеи и важно надув рыжевато-желтые щеки, казарки дружно прогоготали. Но теперь в их голосах уже слышалась радость не только от прибытия в родные места, но и предостережение. "Мы будем здесь кормиться и выводить своих птенцов. И на этот собкай никого не пустим".

С того дня принялась стая строить гнезда. Подранок своей гусыне помогал в этом тоже. Насытившись и отдохнув, они стали выщипывать на вытаявших кочках сухую травку и в клювах носить ее к склону. Пока Подранок взбивал мягкую постель, гусыня, как бы прихоращиваясь, расчесывала клювом на себе перья, выбирая при этом легкими щипками пух. Устелили пухом дно гнезда. Но и когда гусыня села в гнездо, Подранок не покидал ее. Лишь изредка он поднимался в воздух, всматриваясь, не появился ли рядом злейший враг-лакомка - белый песец.

Прибавилось хлопот у вожака с появлением пушисто-желтых в темных отметинках птенцов. Силенок у малышей еще не много, купаться им позволяется только у берега озера, а не то ветер может унести их на середину и потопить в волнах. Вместо того чтобы маскироваться или бежать, они могут из любопытства, себе на беду, глазеть на волка. А вот на песца шипят с детства.

В середине лета Подранок и другие гусаки стаи ненадолго ос-

тавили ее без мужского глаза. Внезапно поднявшийся ветер взметнул к небу тучу легких, как снег, перьев, известив тундру о том, что у гусей началась линька.

Постанывая от боли и с завистью глядя на птиц, парящих в высоте, Подранок глубоко забрался в плавучие кусты озера, куда ни зверь, ни полярная сова не могли добраться, и на сухом пучке валежника устроил себе что-то вроде гнезда.

* * *

Рано утром рядом со школой сел вертолет. Алиса, остановившись у крыльца, видела, что встречали его Соснин и Тумба. Когда дверь вертолета открылась, в объятия Владимира Михайловича оттуда вывалился длинный парень в пушистом свитере и джинсах, заправленных в высокие резиновые сапоги. Вспомнив рассказ Соснина, Алиса поняла, что это Игорь. Тот самый представитель из министерства, для которого нужно было устроить охоту на краснозобую казарку.

- Тоже мне - охотник, - процедила иронически Алиса. - Поди привязать вначале гусей заставит, а потом уж и стрелять начнет.

И зло хлопнула дверью. Взяв в учительской журнал и тетради, начала урок. Но звук взлетающего вертолета вновь напомнил ей, зачем и куда он отправляется. И неожиданно, прервав свой рассказ перед детьми, она подумала: "А почему я молчу? Ведь не пощадил же меня Соснин..." И эта мысль так засела в ее голове, что, едва закончив урок, Алиса тут же решила действовать. "Но кому сказать? К кому идти?" - заметалась она. И вдруг вспомнила, как разъярился Варкай, узнав о плотине Соснина. И бросилась к нему.

Варкай на построенных прямо в ограде вешалах разбирает спутанные, забитые речным мусором сети, постоянно отбиваясь от наседавшей на него мошкары.

- Вот ведь жаднучие, и жизнью своей не дорожат. Их дымокурор морю, давяю руками, а они все летят, - улыбаясь, проговорил Варкай, завидев Алису. - Чего долго-то не бывала? Или думаешь, что появился у меня внук, так есть теперь в доме пареное и жареное? Ничего подобного. С утра до вечера он все в своей больнице. А я, как умею, кухарю.

- Хорошо, хорошо. Приду как-нибудь вас, холостяков, досыта вкусненьким накормлю. Только я сейчас за другим. Ты видел, недавно вертолет поднялся?

- Их сейчас много летает. Не обратил внимания.

- А надо было, - досадливо заметила Алиса. - Тем более, что полетел он к озеру, что рядом с Карой. Говорят, там раньше твой

чум стоял?

- Было дело, - теперь уже заинтересованно глядя на Алису, согласно кивнул Варкай. - Что, разве Соснин там нашел газ?

- Нет, туда он полетел с Тумбой и еще одним мужиком из Москвы.

- Подожди, подожди, - подняв предостерегающе свою беспалую руку, зачастил Варкай. - Тумба, ты говоришь? О, этот пакостный сармик! И добра от него тундра никогда не видела. Но зачем же, зачем он повез их туда? - еле слышно, будто спрашивая сам себя, проговорил Варкай.

И вдруг круто повернулся к Алисе. Она отшатнулась. Лицо Варкай было мертвенно-бледным. Серые глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит, и тонкие бескровные губы растерянно тряслись.

- Послушай, Алиса, ведь там гнездится казарка! А ее по закону стрелять нельзя. Да и линная она. Какая же может быть охота летом?

- А они поехали на охоту, - подтвердила Алиса.

Если бы не жерди вешалов, в которые уперлась костлявая спина Варкай, он, наверное, бы упал. Настолько поразила его усланная от Алисы весть. Она, оправившись от испуга, уже досадливо думала о том, что, пожалуй, зря расстроила старика и надо было кому-то другому сказать об этом. Решительно подойдя к Варкай, взяла его за руку, чтобы усадить на завалинку, но он оттолкнул ее.

- Я сейчас же поеду туда на "Вихре", - задыхаясь от решительности и гнева, проговорил Варкай. - Под этим мотором лодка мчится, как стрела, и не успеют они похозяйничать, как я подлечу. А ты беги к телефону. Звони Шибанову и этому, как его? - Потапову. Все обскажи, что знаешь.

На почте Алисе сказали, что пока связи с районом нет. И когда будет - неизвестно. Выйдя на крыльцо, она услышала гул мотора и увидела вырвавшуюся из-под яра легкую дюралевую лодку. Закутавшись в зеленый брезентовый дождевик, Варкай направлял лодку к Каре. Глядя на удаляющуюся, сгорбившуюся на корме маленькую фигуру старика, Алиса подумала: "А как же он один против троих?" Возникло желание вернуть Варкай. Алиса бросилась к берегу. И тут же, поняв, что сделать это уже невозможно, решительно зашагала в поселок.

Алексей с сотрудниками больницы занимался уборкой территории. Алиса даже порадовалась этому - не надо бегать по кабинетам. Вот только женщины. Они, казалось, догадывались обо всем и

смотрели прямо на живот, который трудно было уже скрыть. Широкие полы плаща под ним предательски разъезжались. Почувствовав, как загорелось лицо, Алиса все же решительно направилась к Алексею. И, отведя его в сторону, торопливо рассказала ему, куда и зачем умчался Варкай.

- Ты с ума сошла! Разве можно было его отпускать одного? - возмутился Алексей. - Ведь Тумба ни перед чем не постоит, чтобы только свести с ним счеты. Да и Соснин, похоже, к нему обниматься не полезет.

Алиса растерянно молчала. И Алексей понял, что погорячился, сконфуженно замолчал тоже. Так, больше не сказав друг другу ни слова, они дошли до крыльца почты.

- Ты поезжай к деду. А я буду звонить в район, - не оборачиваясь, бросила Алиса.

* * *

Лодка шла ходко. И заметив темную точку вертолета, возвращающегося с Кары, Варкай подумал, что свое злое дело компания начать еще не успела. Но ошибся. Когда в неполном бачке закончился бензин, и мотор заглох, не дойдя до места два крутых поворота, Варкай услышал, как впереди тревожно, то срываясь, то переходя на беспрестанный гогот, кричали гуси.

"Это Тумба. Ведь он мне когда-то говорил, что понравились ему казарки. И если вернется, то уж наестся до отвала".

Забыв о том, что бензин кончился, Варкай бросился к мотору и стал дергать стартер, пока не задел ногой пустой бак. Зло отшвырнув его, Варкай подсоединил шланг к другому. Выбросив едкий дымок, мотор рванул "дюральку". Так, на полном ходу, Варкай вылетел из-за поворота и, вильнув, чтобы не налететь на резиновую лодку, в которой сидел неизвестный ему длинный парень, ткнулся в берег. Боком он больно ударился о переднюю беседку, но тут же соскочил и осмотрелся.

Человек в резиновой лодке гнал по узкой протоке к мостику, под которым натянута была вольерная сетка. Справа высился яр, и гуси не могли на него взобраться. А стоило им только приблизиться к левому берегу, как Соснин длинным шестом отгонял их. Теснимые так, птицы, подминая, давя друг друга, устремились к единственно свободному пути. Им был узкий коридор. С одной стороны его возвышалась насыпь мостика, с другой - растянутая на кольях мережа.

Не подозревая о западне, казарки обрывались в этом коридоре в глубокую яму, из которой брали когда-то землю для сооружения насыпи.

"Все, как в былые времена на купеческой охоте, устроил, пар-

шивец", - подумал Варкаи. И новый прилив ярости вывел его из оцепенения.

- Эй ты, старик! - крикнул ему человек из резиновой лодки. - Что тебе здесь нужно? Проваливай! Или не слышишь?

Варкаи, действительно, не слышал. В несколько прыжков он оказался рядом с Сосниным и, вырвав из его рук шест, бросился к яме, откуда доносился раздирающий, от дикой боли и отчаяния, гусиный гвалт. Соснин предостерегающе крикнул:

- Куда ты, псих? Цацкаться Тумба не будет. Заодним свернет и твою шею!

Оглохший от гомона птиц, забрызганный кровью, Тумба свирепо колотил гусей по головам палкой. Но добить крупного гусака не успел. С хрустом по его спине прошел шест.

... Подранок, тяжело оторвав от земли разбитую голову, напрягся и хотел подняться на лапы. Но тут же обессиленно повалился. Однако, стараясь поспеть за скатывающимися обратно к реке гусями, поднялся снова. Покачиваясь и сотрясаясь от боли, он ошеломленно крутил головой. И не видел людей в чалмах. Тогда, собравшись с силами, Подранок хотел крикнуть, должно быть, желая подбодрить стаю или известить о том, что жив, но, захлебнувшись кровью, упал.

- Смотри, смотри, убийца, как птица умирает, - заломив руки Тумбе, неестественно громко, прямо в лицо ему закричал Варкаи.

Подбежавшие Соснин и длинный угреватый его помощник на миг растерянно замерли на месте. Голова гусака на онемевшей и непослушной шее пыталась спрятаться под крыло. А широко открытые глаза смотрели на людей внимательно и тоскливо. И не закрывались, а потускнели, будто вылилось из них что-то светлое, и навсегда. По перьям, как будто кто-то торопливой рукой их перебрал, пробежала судорога.

Варкаи, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать, еще сильнее стиснул руки Тумбы.

Тот истерично взвизгнул, и почти одновременно Варкаи почувствовал, как качнулась под ногами земля. Но хотя удар был сильный, смягчила его ушанка, и сознание Варкаи не потерял. Оказавшись на земле, увидел прямо перед собой сапоги в рыжих подтеках глины. Они, как ушастые и глазастые твари, казалось, стерегли каждое его движение. И только стоило шевельнуться, как сапог замахнулся, а вот ударить не успел. Цепкой хваткой опоясал его Варкаи и опрокинул Тумбу.

Тот, задыхаясь от бешенства, изогнулся, чтобы укусить, но не сумел. Тогда, скрипнув зубами, пообещал:

- Не я буду, если не отправлю тебя к предкам. Рассчитаюсь и за Катерину, и за олешек своих.

И тут откуда-то снизу раздался голос Соснина:

- Моторная лодка сюда чешет. Бросай, Игорь, гусей и ненцев вместе с ними - пускай расхлебываются.

Услышав Соснина, Тумба изловчился и высвободил руки. И почти сразу же, как кипятком, ожгло живот Варкаи. Потом стрелы боли понеслись по всему телу. Негодование, а скорее всего презрение к Тумбе, пустившему в ход против человека оружие, что особо жестоко каралось в тундре, заставило Варкаи забыть о боли и броситься за Тумбой. И вдруг лицо Алексея, растерянное, бледное, появилось рядом.

- Дед, ты ранен? Давай в лодку.

- Нет, - почти шепотом ответил тот. - Тумбу отпускать нельзя.

- Хотел Варкаи сказать еще что-то, но его голос перекрыл рев откуда-то внезапно взявшегося вертолета.

И еще колеса вертолета не успели нащупать уверенную опору под собой, и он, покачиваясь, крутился на месте, а из дверей уже высыпали люди. Глубоко проваливаясь во мху, бежали к Варкаи Потапов и рядом с ним какой-то высокий, седой мужчина.

- Чего рот разинул? - набросился на Алексея Потапов. - Видишь, человек ранен, быстро его в вертолет! А ты, Шибанов, лови своего Соснина и всю его компанию!

Впрочем, времени на это потребовалось немного. Оказавшись на мысу, с одной стороны которого была Кара, а с другой - протока, Соснин, Тумба и Игорь могли укрыться только в тундре, но там на пути стоял вертолет.

- По всем правилам купеческой охоты, - проговорил на ухо Алексею в вертолете Варкаи.

- Не понял я, дед?

- Говорю, по всем правилам купеческой охоты отрезал Тумба гусям пути, а вы - ему. Спасибо. Теперь мне и помирать легче...

- Ты еще будешь жить, - подбадривающе улыбаясь деду, проговорил Алексей. - Рана не сквозная, но крови потерял много, так что полежать придется.

Вероятно, вслушивающийся в разговор внука с дедом, вмешался Потапов:

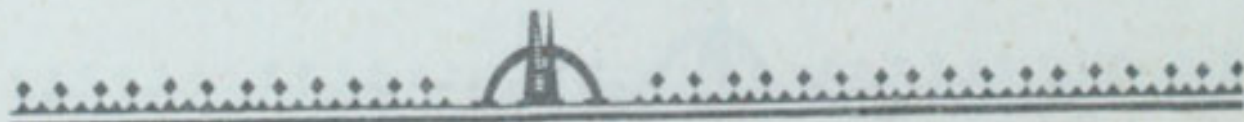
- Мы ему путевку на курорт, Алексей, выхлопочем, - и, смутившись под внимательным взглядом Варкаи, отвернулся.

- Чего, Потапыч, душу царапаю? - приподнявшись на локтях, обратился к нему Варкаи.

- Царапаешь. Извини, что не прислушался к тебе. Хотя ведь должен был. Вместе колхозы строили...

И хотел, наверное, Потапов уже вспомнить что-то из тех времен, но Варкаи его остановил:

- С тобой мы поговорить еще успеем. Сейчас седого мне этого

позови.

- Хватит, хватит, дед, тебе утомляться вредно, - возразил Алексей.

- Но ты же мне сказал, что полежать придется. Вот, значит, и отдохнуть успею. Тяни, тяни его сюда, Потапов.

И Варкай видел, как Потапов склонился к Шибанову, и тот было уже поднялся, но сел обратно. Вертолет, накренившись, начал снижение.

Принесли Варкай на носилках прямо домой, где уже, видно, давно хлопотала Алиса.

При виде смиренно и беспомощно лежащего на носилках Варкай она растерянно прильнула к косяку кухонной двери. Но тут же, спохватившись, выбежала за раскладушкой. Ее поставили у печи и придвинули стол.

- Вот теперь мы с тобой рядом, - улыбнулся Шибанов и, стараясь быть осторожным, все же как-то неловко, по-мужски, рывком обнял Варкай.

Присутствующие недоуменно переглянулись. Повернув к ним растроганное, взволнованное лицо, Шибанов объяснил:

- Воевали мы с Варкай вместе. Хотя фамилию я его помнил, а вот признать, наверное, и не признал, если бы не рука.

И он поднял с одеяла левую руку Варкай, на которой, кроме большого и указательного пальца, остальных не было.

Уже разошлись званые и незваные гости, а Потапов с Шибановым все сидели возле Варкай. Спорили, вспоминали, и незаметно разговор повернулся снова к Соснину и Тумбе. Потапов недоуменно качал головой, волнуясь за то, как будет объясняться за имевший место факт в верхах, Шибанов молчал. Затем, наполнив себе и Потапову рюмки, провозгласил:

- Выпьем за природоохранителя!

Почувствовав, что Шибанов вложил в свои слова какой-то особый смысл, Потапов поинтересовался:

- Что ты этим хочешь сказать?

- А то, что в объединении давно есть единица инспектора по охране природы, только подходящего человека найти не можем. Теперь он есть.

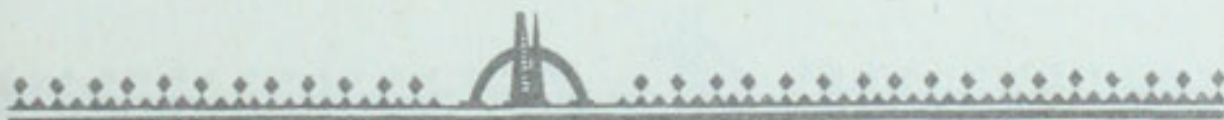
И, обращаясь к Варкай, добавил:

- Дадим тебе транспорт, склад, спецодежду.

- Спасибо, спасибо, - улыбнулся Варкай. Но тут же посерьезнел. - Транспорт и форма, конечно, хорошо. И ружье, может, дашь? Но и тогда я природу охранять не сумею. Зверей, рыб и птиц должны беречь все.

- И особенно гусей, - широко улыбаясь, вставил Потапов.

- Подожди ты, - оборвал его Шибанов. - Варкай дело говорит.

МЯТЯЖНЫЙ ОБДОРСК

(главы из повести)

Песец, не таясь, неспешно что-то выискивал, вынюхивая у крыльца, и Афанасий Дружинин, вывалившийся из избушки первым, чуть не наступил на него. Сердито твякнув, песец запрыгнул на сугроб и будто растворился в сером полумраке.

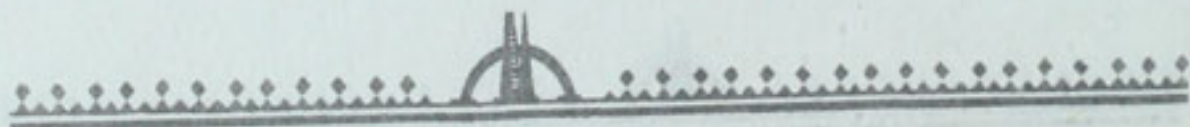
- У-у-у! Поскалься еще. Я тебя быстро во, туда - на ярмарку, - пообещал появившийся из сеней следом за дружком Явай Тэтако и ткнул пальцем в сторону холма.

- Не испугаешь ты его, - хохотнул Дружинин. - Наверное, песцы уже чуют, что ярмарки нынче не будет.

- Откуда ты взял?

- Народ говорит, а он все знает, - уклончиво ответил Афанасий и широко зевнул.

- Брось, брось к подушке падать, - толкнул его Тэтако. - Лучше к купчихе Бронниковой давай закатим. У нее всегда веселье.

- Ну и сказал тоже. Нас с тобой, таких оборванцев, она только ждет.

- Именно что ждет. Вчера в лавке мне выговаривала:

"Вы, Тэтако Саворкович, человек торговый, а свою, можно сказать, компаньоншу, вниманием обходите".

- Это ты-то торговый. Ой! Уморил, - залился звонким смехом Афанасий. - Да ты же грузчиком у купца Чупрова числился. Или забыл?

Тэтако, сконфуженный, молчал.

- А Корнилов, содержатель торгового дома в Мужах, к ней случаем, не пожаловал? - вдруг поинтересовался Афанасий.

- Приехал.

- Это серьезный человек. Кого можно и послушать. - И, сам того не замечая, Дружинин прибавил шагу. Путавшийся в полах длинной малицы на крутом лесистом склоне, поднимающемся с речки Поляпты к Обдорску, Тэтако окончательно отстал и взмолился:

- Подожди ты, лось. Чисто загнал меня.

Дружинин остановился. Огонек избушки Тэтако светил далеко внизу, а прямо над головой высился огромный щит, на котором витиеватой вязью было выведено: "Дмитрий Аристархович Чупров. Постоянная торговля и рыбопромышленность в Обдорске хлебом, чаем, сахаром и другими съестными припасами. Мануфактурными и галантерейными товарами, табачными изделиями, рыболовными принадлежностями, дробными ружьями разной системы и ружейными принадлежностями. Разной пушниной в сыром виде, куропачьими товарами, ворванью, оленьими шкурами, моржовыми и мамонтовыми клыками и шкурами медведей".

- Вот, значит, мы с тобой стоим сейчас на том самом месте, на котором, начиная с рождества и по крещению Обдорская ярмарка веселилась, - проговорил Тэтако. - Купцы товары раскладывали на лавках, а ненцы, приезжающие из тундры, - на нартах или прямо на снегу. А какие разряженные они были. Малицы - не малицы, кисы - не кисы. Все бисером вышито, песцами, лисами оторочено.

- Правильно. Ведь на ярмарку приезжали только богачи. А бедняку в дырявой малице здесь торговать было нечем.

- Уж так и нечем!?

- Зря ерепенишься. Слышал я и о том, как торговали купцы с вашими князьками. Давали первую чашку водки даром. А потом бутылку, разбавленную водой, уже продавали за полтора рубля. И пропивали ваши князьки на этой ярмарке почти исключительно все. Иной раз в ход шла даже та женская одежда, которую ты только что сейчас расписывал.

Это, похоже, не на шутку задело самолюбие Тэтако, и он, чуть ли не хватая Афанасия за грудки, по-петушиному наскакивая на него, принялся доказывать.

- Не такие мы, ненцы, дураки, чтобы мешок пушнины русскому

купцу за глоток водки отдавать. А ты о нас так говоришь, наверное, потому, что тебя когда-то самого крепко обманули.

В окнах дома Бронниковой горел свет. На улицу вырывались скрипучие звуки граммофона, заглушаемые хохотом и крикливыми голосами. С перил второго этажа амбара кто-то, свесившись вниз, орал:

- Августа Вячеславовна, нельмы просили или осетрины малосоленной?

- Нельму, нельму. Да выбери пожирнее, побольше. Народу-то навалило званого и незваного.

- А вы куда претесь? - раздался все тот же голос из амбара. Но Тэтако, не удостоив работника даже ответом, широко распахнул дверь и попятился назад. В огромной прихожей со стены на него смотрела устрашающая клыкастая голова моржа. Отверстия глаз, заплавленные осетровым клеем, таинственно поблескивая в полумраке, смотрели на пришельцев вопросительно.

- Ну, чего застопорил? Это всего лишь то, что от моржа осталось, и повесили сюда башку в расчете на таких, как мы с тобой. Чтобы помнили, в чью лохань суемся. Потому, как ты хоть человек торговый, но всего твоего капитала не хватит ни на один моржовый клык, - с издевкой прошептал на ухо Тэтако Дружинин. И в тот же самый момент из боковой комнаты, откуда доносились музыка и голоса, вышла Бронникова, и Афанасий, только что насмехавшийся над нерешительностью Тэтако, сейчас оробел сам. Столь серьезной и строгой показалась ему Августа Вячеславовна.

Заметив, как замешкались гости, Августа Вячеславовна решительно распахнула двери в залу.

- К нам, рабочий класс!

- Милости просим! Проси-и-и-им, - нараспев загнусавил отец Федор. И попытался встать, но тут же грузно опустился на стул, макнув бородой в блюдо с холодцом. Зато Корнилов выскочил из-за стола, не мешкая. Худощавый, подпоясанный узким кожаным ремешком, он, казалось, ни на грамм не опьянел от выпитого. Горячими руками обхватив обоих друзей, он решительно посадил их рядом с собой. Дмитрий Чупров, всколыхнув огромным, как бычий пузырь, животом, негодуя, отмел от себя посуду так, что хрусталь со звоном полетел на пол, и вопрошающе уставился на Бронникову.

- Это что еще за чудеса, голытьбу со мной за один стол садите, Августа Вячеславовна?

- Поостынь, поостынь, Аристархович. Мы уже напились, наелись, самый раз гостей потчевать.

- Только не таких. Ишь, шляться ночами привыкли. Без стыда, без совести прутся в господский дом.

- Ну, негоже так с рабочим людом обходиться, - урезонил Чупрова и Корнилов. - Позвольте-ка нам, Августа Вячеславовна, выпить да

закусить.

Тэтакo после двух-трех рюмок захмелел, и его пришлось положить на лавку рядом со звонарем Спирькой. Туда же вначале мастился отец Федор, но, убедившись, что места ему не хватит, захрапел, навалившись на стол. Корнилов все пекся об Афанасии, подливая в его рюмку. А тот делал вид, что пьет исправно, зажав рюмку в кулаке, чуть помочив губы, он выливал ее содержимое в тарелку с ухой.

- Вроде и не пьянеет, чертов зырянин, - прошептала Бронникова на ухо Корнилову.

- А зачем тащила сюда?

- Так по нынешним временам попробуй им не угоди.

Дружинин догадывался по напряженной тишине, что он в этой компании лишний, и решил было уже выйти, но внутренний голос остановил его: "Корнилова послушай, он-то уж точно в такую даль не за пустяком ехал".

- Из ваших рук, Августа Вячеславовна, желаю водки, - вдруг осмелел Афанасий и отважно, до дна выпил рюмку, уронил голову на грудь. Все так же проворно соскочил с места Корнилов, с помощью Августы Вячеславовны дотащил его до лавки и втиснул между звонарем Спирькой и Тэтакo.

Голова Афанасия кружилась от выпитого и напряжения, но он приказал себе не спать.

- Наконец-то, - вздохнул Чупров, - успокоили, а то я чисто не знал, что делать. Или выталкивать этих гостей за порог, или самому сматываться восвояси.

- Но... - начала было Бронникова.

- Слышали уже, - недовольно перебил ее Чупров. - Сейчас уже не девятнадцатый, а двадцатый год, и перед всей голью перекатной шапки ломать надобно. Дули! От меня они такого не дождутся.

Корнилов, обойдя стол, остановился рядом с Бронниковой и суровым взглядом обвел присутствующих.

- Нас давно ждет серьезный разговор, а мы к согласию прийти не можем.

- Кстати, Августа Вячеславовна, эти двое, случайно, не большевики?

- Ха-ха-ха. Это грузчики мои, батраки, - закатываясь от смеха, стал объяснять Чупров. - А явились они сюда, потому что Бронникова, оказывается, сама их пригласила.

- Ну и правильно сделала, - более успокоенно заключил Корнилов.

- Действительно, по-другому надо сейчас говорить с беднотой. Особо не уводить ее от правды и при том склонять ее к союзничеству. Вспомните, сколько мы конспирировали телеграммы о февральской революции, а обдоряне все равно узнали и еще больше против нас за это укрывательство озлобились. Теперь возвращаю-

щиеся в Обдорск солдаты наверняка расскажут им о кооперации.

- А это что еще за напасть?

- А то, что стащит гольгтьба свое барахло в кучу, и наше с вами, конечно, не забудет, и организует кооператив. Говорят, такой в Березове уже есть.

Вначале Дружинину казалось, что в дом Бронниковой его привело чистое любопытство да еще желание увидеть и послушать такого именитого на всем Обском севере купца, как Корнилов. Но выскользнув из особняка Бронниковой, Афанасий понял, что руководило им совсем другое.

Давно с тайным восхищением он всматривался в серые от постоянных тревог, но решительные лица тех, кого называли в Обдорске большевиками. Их можно было пересчитать по пальцам. И каждый шаг, предпринятый этой горсткой людей, все больше убеждал, что стоят они за таких, как Дружинин - неимущих, обездоленных. И хотелось, ох как ему хотелось, хоть в чем-то им помочь. Но только ступил на крыльцо избышки Капрайтиса, как ноги отказались повиноваться. "Но-но. До тридцати трех лет дожил. Силой не обделен, а сердце, как у зайца", - дразня свое самолюбие, пробубнил под нос Афанасий и решил постучал в дверь.

Секретарь волостного комитета большевистской партии Иван Капрайтис открыл ночному гостю. По кровати, аккуратно заправленной шинельным серым сукном, Дружинин определил, что спать секретарь не ложился, а корпел над какой-то бумагой.

Подбадривающе улыбнувшись и подтолкнув Дружинина к скамейке, прижавшейся к стенке облупленной печи, Капрайтис поинтересовался:

- Ну, что тебя ко мне, орел, привело? Давай, давай, не стесняйся.

- Да вот какое дело, товарищ Капрайтис. Нежданно-негаданно нынешней ночью я оказался у Бронниковой.

- Так, так.

- И услышал разговор Корнилова.

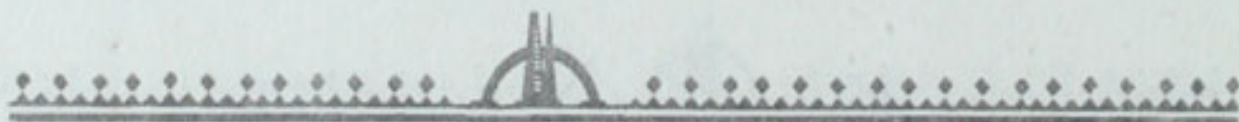
- Понятно.

- Он рассказывал разные интересные вещи. - И Афанасий слово в слово все изложил. Но еще не кончил он говорить, а Капрайтис уже послал истопника за начальником милиции Глазковым. Потом появились члены партийного актива Волков, Усков, Маслов, Галишников. Все были встревожены и ждали объяснений.

- Ты, Афанасий, пока погуляй, - попросил Капрайтис, и когда дверь за Дружининым закрылась, он опустил за двухтумбовый стол, покрытый красным, испачканным чернильными пятнами, сукном, поинтересовался:

- Никого подозрительного в Обдорске не заметили?

- Как это не заметили, - подал голос Усков. - Вон Глазков задержал некоего Рудольфа Муйвитсона, представившегося упол-

номоченным облыбы. При нем имелся револьвер при четырех пулях, а вот документа на право ношения оружия не оказалось.

- Придется отпустить, - спокойно, но твердо сказал Капрайтис. - Документ у него нашелся. А вот у другого человека - Корнилова - он если и есть, то недействительный.

- Как?! - почти хором выдохнули присутствующие.

- А так. Вот Афанасий Дружинин нечаянно-негаданно оказался сегодня у Бронниковой и рассказывает удивительные вещи.

Не дослушав еще до конца Капрайтиса, Глазков предложил перейти к решительным мерам. Но тот воспротивился.

- А как вы будете мотивировать появление в доме Августы Вячеславовны? Во-первых, обыск производить противозаконно. Во-вторых, можете спугнуть человека.

Глазков, поостыв, согласился с этими доводами. Было решено под какими-нибудь предлогами проникнуть в дом Бронниковой. Но ни этот шаг, ни наблюдение за домом результатов не дали. Корнилов, как в воду канул.

Утром следующего дня состоялось заседание ревкома. Выступая на нем с вопросом о текущем моменте, его председатель Манчинский, всегда очень сдержанный и спокойный, вероятно, все еще находясь под впечатлением бесплодных поисков Корнилова, говорил резко. Обвинял себя и коммунистов в бездеятельности.

- Мы считали, что купцы и паромщики Корнилов, Седельников, Чечуров, Рочев-Могоров, Тележкин, Слободсков, Чупров обезврежены, а имущество их экспроприровано. А так ли это на самом деле? Конечно, нет. В больших и малых делах они подстав-

ляют нам подножку, саботируют. И им это удастся. Потому что на самом деле они остаются еще крупными держателями сырья, продовольственных и промышленных товаров. И этому способствуем мы сами.

Помните, еще весной было издано распоряжение губпродкома об учете продуктов питания у частных лиц. Мы его добросовестно произвели. Но не изъяли, побоявшись нагоняя из Тобольска. А новый учет показал: хлеба осталось только 600 пудов, что втрое меньше, чем было. А масла и сахара нет совсем. В связи с этим предлагаю решиться на революционный шаг: оставим в распоряжении богачей только месячную норму на семью, а остальное передадим на хранение в продконтору.

* * *

Выпроводив детей на улицу, Августа Вячеславовна осталась в доме одна. Известия, доставленные Корниловым, ею уже забылись. Откровенно, она не во все сказанное и верила. Для этого были основания.

Как ни расписывал Никонов - правая рука Корнилова - могущество повстанческой армии, ей вряд ли удастся одолеть большевиков. Они теперь держат верх.

Еще год назад, получив из губернии запрос о работе среди женщин, малограмотный Капрайтис направил его для исполнения ей, прослышав о том, что когда-то Бронникова была "представительницей дамского комитета". А теперь эти гордецы Манчинский и Глазков не то что за советом, а так, на чашку чая не приходят. Тем самым, как бы выражая к ней пренебрежение не только как к классовому врагу, но и к женщине.

И это она переживала особенно болезненно.

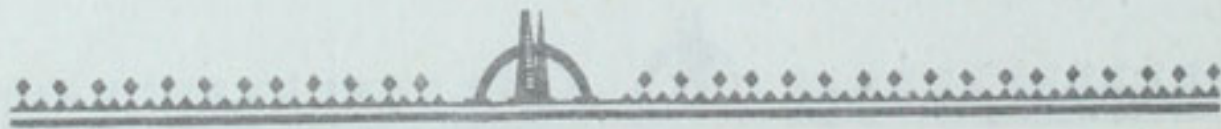
- Да и кому я, действительно, нужна, - неожиданно вслух сказала Августа Вячеславовна, кокетничая, рассматривала себя в огромное, от пола до потолка, зеркало. Но тут она явно переигрывала. В предвечернем матовом свете ее голубые глаза светились какой-то особой, ласкающей, притягательной силой. И, вероятно, устыдившись своей неискренности, она резко отвернулась от зеркала.

Сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, Августа Вячеславовна прислонилась к запотевшему окну. Вся ее небольшая, но красивая фигура напряглась, окаменела. А воспоминания вернули Августу Вячеславовну не далее, как на сутки назад. Тогда, вечером, оставшись наедине с ней, Никонов уже в который раз предложил ей выйти за него замуж.

- Августа! Мы знаем друг друга давно. И чего тебе маяться в одиночестве?

- Я дала себе слово: после мужа у меня не будет никого.

Опьяненный близостью Августы Вячеславовны, Никонов не смог себя сдержать и обнял ее. Холодно отстранившись и смерив холод-

ным взглядом его с ног до головы, Бронникова предостерегла:

- Эдак ты потеряешь и дружеское мое расположение.

- Дура, дура я! Чем, действительно, неподходящая партия? Никонов - человек честный и добрый. За это его и покойный муж уважал.

Августа Вячеславовна вспомнила, как уже будучи личным адъютантом Колчака, ее муж однажды попал в переplet. А точнее, распорядился выдать вид на проживание в Омске одному приезжему, как оказалось, ярому большевику.

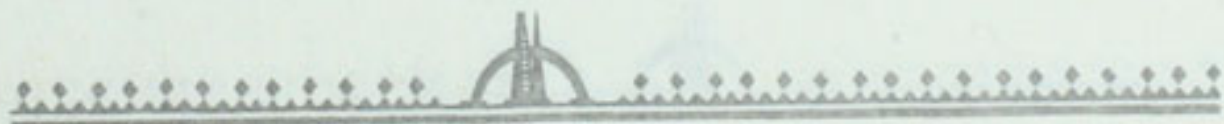
За это, по законам времени, полагался расстрел. Но в защиту Бронникова встал Никонов. Он убедил Колчака в том, что если кого-то наказывать, то прежде всего его, как сотрудника особого отдела.

Колчак по достоинству оценил смелость молодого офицера и дал приказ Бронникова из-под стражи освободить.

Холодная капля воды сорвалась с оконного переплета и обожгла грудь. Это вывело Августу Вячеславовну из воспоминаний. И возникла реальность со своей страшной неизвестностью. Но Бронникова, потерявшая в жизни уже многое, не пугалась ее. И если еще вчера, прослышав об изъятии излишек, она раздумывала, стоит ли заводить из-за этого сыр-бор, то теперь "черкнуть" в губернию решила твердо.

Порывшись в шкафу со старой посудой, она извлекла пузырек с чернилами и медленно, обдумывая, как бы хлеще очернить предпринятые ревкомом меры, принялась писать.

Через некоторое время в Обдорск пришла гневная депеша из Тобольска, категорически запрещающая произво-

дить экспроприацию излишек, "а если таковое уже имеет место, все без остатка вернуть хозяевам." Правда, касаясь оленей, "сердитая бумага" предписывала их у зажиточной части населения отбирать нещадно. И даже список подлежащих раскулачиванию "спускался". Вот только по какому-то недоразумению в нем не было фамилии самой Бронниковой, к тому времени владелицы оленьего стада в десять тысяч голов.

* * *

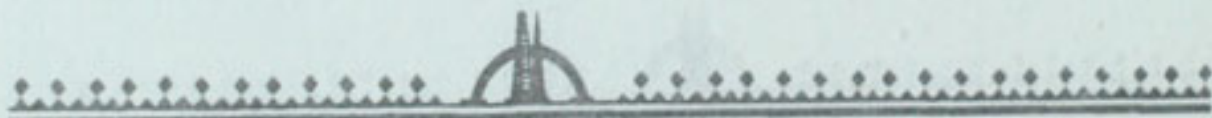
Еще витал в России дух гражданской войны. А Сибирь уже, казалось, о ней забыла. В Обдорске царили довольство и праздность. Купцы и кулаки, потеряв свое влияние над промыслами, однако не унывали. Паровой движок на мельнице, отпыхиваясь от тяжелой нагрузки, напоминал им, что мука наполняет мешки. А где хлеб, там благополучие.

И в состоятельных домах по-прежнему задавались пиры под граммофон, затягивавшиеся с вечера до утра. Стайки женщин в расшитых бурках и кисах, в платках с кисеей после службы в церкви бесцельно бродили по улицам. Мужчинам тоже не к чему было приложить руки. Новая власть еще не окрепла, и конторы ее только создавались. Да и зима, к тому же, всегда в обдории считалась сезоном бесполезным. Судите сами. Обь "сгорела". И от ее гниющей воды рыба скатилась в губу. Значит, рыбакам делать нечего. А рыскать по тундре за диким зверем - занятие неблагодарное и опасное.

- Но ничего, скоро, совсем скоро Обдорск оживет, - думал Афанасий Дружинин, размахисто шагая к берегу Полуя. Настроение у него было приподнятое. Как же! Сам Манчинский, вероятно, проникшись к нему доверием, под большим секретом сообщил, что со дня на день ожидается приезд в Обдорск специальной экспедиции по строительству мощной "опорной" радиостанции. Она через радиоцентр Челябинска должна будет осуществлять связь Карского моря с Сибирью и всей Россией.

- А кто с моря-то звонить нам будет? Моржи, что ли? - хохотнул Афанасий.

- Не моржи, а моряки, - пояснил Манчинский и, дружески обняв Афанасия, восторженно стал говорить о будущем советского Севера, которому нужны товары, станки, машины. Вот и задумало правительство завозить их морем. - То есть до бухты Находка английские купцы их доставят сами. А мы навстречу к ним выедем с пушниной, лесом. В общем, торговать будем. И надо сказать сразу же, что дело рискованное. Ведь наши льды и шторма - это, брат, не фунт изюма. Следовательно, без надежной связи нам не обойтись.

- А я-то тут в чем могу помочь? - поинтересовался Дружинин.

- Ну, перво-наперво хотя бы тем, что пойдешь сейчас на берег и присмотришь, где лучше выгрузить караван экспедиции. А заодно выбери амбары посуше, поновее. Из тех, что принадлежат пароходчику Тележкину. В них разместим грузы. Если нужен ремонт, найди мужиков и организуешь.

Только что еще сошел на склонах снег, и солнце не успело их просушить. Увязнув в одном месте так, что едва удалось выручить из няши бродень, Афанасий зло чертыхнулся и решил совсем разуться.

- Ты что - спятил, Афонька? - вдруг с вершины холма донесся до него голос. Оглянувшись, Дружинин увидел Озыр-Ваня. Как всегда, под хмельком, с царапиной во весь лоб.

- А тебе какое дело?

- Так ведь жалко. В такие молодые годы если от чахотки загнешься.

- Себя пожалей, - насупился Дружинин. - Жизнь в вине топишь.

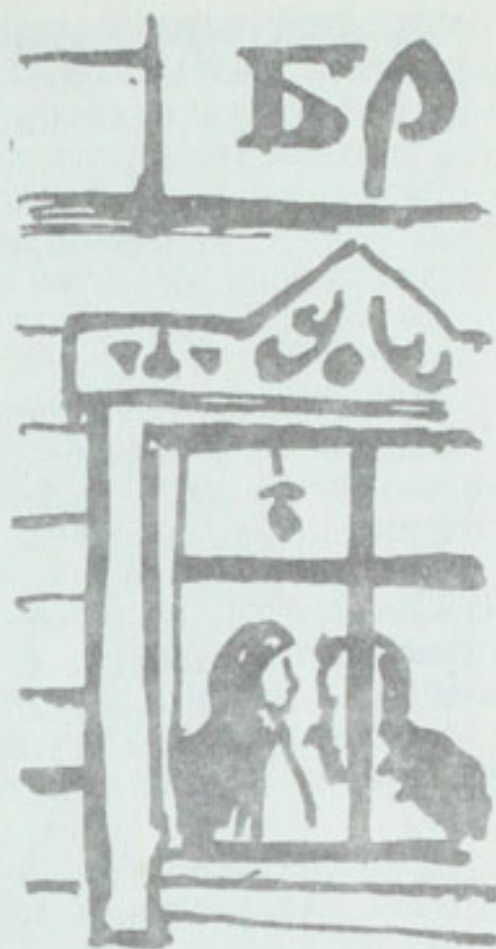
И вдруг, что-то решив, Афанасий требовательно приказал:

- Спускайся сейчас же ко мне!

- Я что, мерин, чтобы тебя на закуорках по грязи таскать, - залился хохотом Озыр-Вань. Но тут же осекся, увидев, как Дружинин решительно стал карабкаться наверх. А связываться с ним у Конева не входило в планы. Потому как силу трудового кулака Афоньки ему однажды уже отведать приходилось.

- Ладно, ладно. Спускаюсь, - недовольно буркнул он и стал юзить вниз.

Осмотрев амбары, Дружинин послал Озыр-Ваня в Обдорск. Посоветовав, к кому поименно нужно обратиться

ся за помощью. А сам, скинув с широченных плеч полупальто, принялся выволакивать из амбаров оставшийся от пароходчика хлам. Когда сатиновая рубаша потемнела от пота, Афанасий присел на порог и раскурил трубку.

Седой дымок колыхнулся над темной полуйской водой. Проследив за ним взглядом, Афанасий подумал, что так же невесомо и стремительно уносится время. Нет в живых работяги-отца. Сорвавшись при побелке с лесов в доме купца Первова, разбилась на смерть мать. И остался он один-одинешенек в двенадцать лет. Но судьба "вывезла". Братство Святого Гурия в 1898 году открыло в Обдорске миссионерский инородческий пансион. И Афоня попал к педагогам в черных рясах, готовивших "ловцов душ самоедов и остяков."

Обучение Закону Божию, славянскому языку и пению попы Иоанн Егоров, Алексей Охранов и псаломщик Александр Козлов практиковали через битье. Так, что ломались у воспитанников пансиона кости. Но в отчете братству отписали:

"Частая смертность детей обуславливается, по всей вероятности, чрезмерно резкой переменой предшествовавшей жизни на приютскую".

Пыхнув трубкой, Афанасий чему-то усмехнулся, наверное, тому, что за ним навсегда закрепилась слава "последнего батрака хантыйского князя Тайшина". Что было, то было. А что случилось потом? В конце лета 1918 в Обдорске причалил пароход "Мейснер". Он привез отряд белогвардейцев. Злобное торжество кулаков выливается в белый террор. Руководителей Обдорского совдепа арестовывают. Под осень в Обдорск приезжают чехи. Снова аресты. Снова поиски большевиков. А зимой 1919 года белый террор достигает своего апогея. Замеченных в причастности к большевизму, членов совдепа расстреливают. Только в конце года, услышав о крупных поражениях колчаковской армии, белогвардейцы уезжают в Тобольск.

В Обдорске создан ревком. Но кулаки готовятся к реваншу. Афанасий выбил из трубки табак. И, будто продолжая разговор с невидимым оппонентом, вслух сказал:

- А летом восемнадцатого я как раз и был в числе тех, кто улизнул от белогвардейцев. Иначе мне, как члену Совдепа, они бы спуску не дали.

- Ты оглох? - ударив Афанасия по плечу, воззрился на него Озыр-Вань. - Кричал сверху, кричал, а ты ни гу-гу. Пришлось ехать на четырех костях по няше.

- Плотники идут?

- Нет. Видишь, народ на яр вывалил. Дым над горизонтом появился. Видать, пароход идет. Вот только чей?

ПУБЛИЦИСТИКА

В кого целился бюрократ?

На Крайнем Севере аборигену без ружья часто делать нечего. Это настолько очевидно, что ни в каких доказательствах не нуждается. Но ум чиновника чужд логике, а поэтому 23 июля 1975 года появилось постановление Совета Министров, предписывающее продавать гладкоствольные и нарезные охотничьи ружья гражданам только "по разрешению органов внутренних дел, с одновременным предъявлением охотничьего билета".

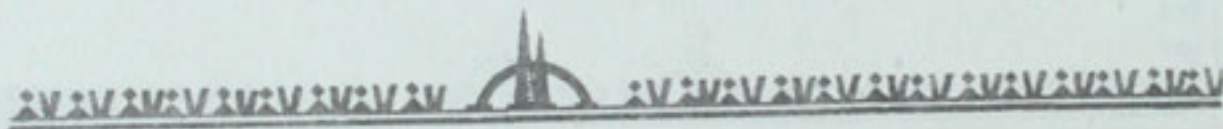
И закрутилась карусель, которую иначе как издевательством над человеческим достоинством не назовешь.

Разрешительная система по этому документу выдвинула требования: пройти комиссию, сфотографироваться и затем уже получить "добро" участкового на покупку ствола. Жителей крупных поселков и городов эта процедура мало задела. А в тундровиков попала, по сути сразу же исключив их из числа претендентов.

Судите сами. Как практически охотник или оленевод может купить ружье, если в райцентр он попадает не чаще одного-двух раз в год? Да и то или участкового либо инспектора разрешительной системы на месте нет, или на базу ружья не завезли.

Но это только первая рогатка в классически разработанной бюрократами системе. С выходом пресловутого документа, поведала мне директор рознично-торгового объединения Казанцева, в тундре обязали строить подобия стальных бункеров. Но ни средств, ни возможностей у объединения на это нет. Так что охотничье оружие с факторий "вымели".

Реакцией на это стало сокращение закупок ружей и припасов к ним. В динамике это выглядит так: в 1991 году рыболовпотребкооперация Ямало-Ненецкого округа закупила 1 миллион 200 тысяч охотничьих патронов, в 1992 году - уже миллион, а нынче и того меньше. В 1992 году, чтобы удовлетворить спрос, требовалось свыше тысячи ружей, а кооперация сумела приобрести лишь 270. Да

и эти крохи уже не попали к тем, кто испытывает в оружии острую необходимость.

Замечу, что при условии дефицита и астрономических цен ружье особо дорого охотнику или оленеводу. Но это никак не могут понять те, кто пытается перестраховаться, снять с себя ответственность набившим оскомину "низ-зя".

"Ижевки" и "тулки" заставили заключить в специальные сейфы. Договориться же со сварщиком о "левом" заказе не у каждого есть возможность и средства. А коли так, появился еще один повод оружие изымать. Не исключено, что в числе тех, кого постигнет эта участь, будут кочевники и жители поселков и деревень Ямала.

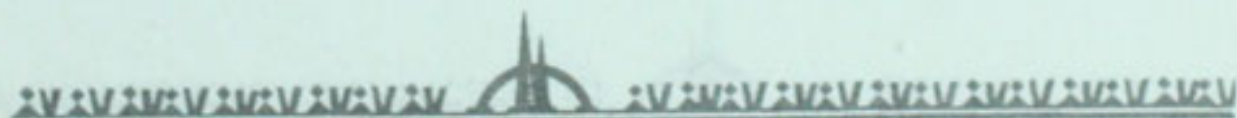
Впрочем, обидеть человека в тундре могут без всякого повода. Как рассказала Галина Яр, её отца Поду за высокие показатели в оленеводстве наградили карабином. Поду, как полагалось, его зарегистрировал. Однако это не остановило милиционера. Он изъял карабин у Поду и обменял его на песка.

По всей видимости, примеры такого рода бесчинств нередки и в других уголках страны, если в письме к начальникам региональных центров и отделов первый заместитель председателя Госкомсевера Князев сообщает, что "по поручению правительства от 12.02.1993 г. комитет, учитывая специфику северных регионов, ходатайствовал перед МВД России о правильном соблюдении местными органами разрешительной системы МВД, инструкций и законодательных актов в оформлении документов на приобретение, хранение и использование огнестрельного оружия и боеприпасов".

Не могу не заметить, что при верной постановке вопроса меня смущает тон первого зама. Нужно не просить, а требовать у правительства корректировки устаревших документов в пользу аборигенов. Ослушаться, не подчиниться распоряжению правительства, может быть, и не посмеют.

Между тем коммерсанты без помех торгуют в округе карабинами. И состоятельные люди, часто далекие от охоты, но высоко ставящие свой престиж, получают на их покупку разрешения. А оленеводам и штатным охотникам в этом отказывают. И как результат - угрожающий рост травежа оленей волками и медведями. По подсчетам специалистов, за десять месяцев нынешнего года лишь в Гыданском рыбзаводе серые разбойники зарезали 600 оленей. А в целом по Ямало-Ненецкому округу, выходит, многие тысячи.

Не исключено, что в момент, когда сводки МВД часто пахнут порохом, кое-кому эта тема режет ухо. Но я ведь говорю не о "калашниковых" и "макаровых", а об обычном дробовике. Том самом, который уже не одно столетие был неотъемлемым предметом уклада человеческой жизни на просторах тайги и тундры.

По кромке льда

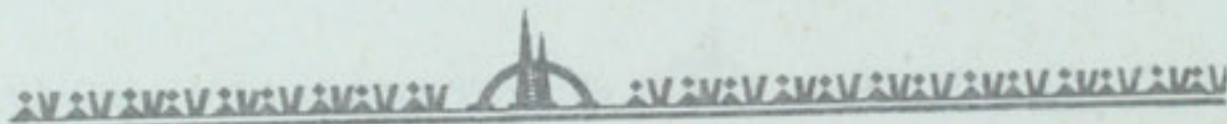
"Дорогая Начия! Написанное в записной книжке - это для тебя. А здесь, наверное, для органов дознания: причина гибели З.Малания, меня и В.Мамаева. Эту бумагу я нашел в портфеле. Портфель повесил на дерево. Он желтый, и спасатели обратят на такой цвет внимание - лучше виден".

Это письмо написал перед гибелью мой хороший знакомый Е.Сейфитдинов. Добрый и смелый человек.

Лет пятнадцать назад перед Сейфитдиновым (в то время капитаном флота объединения "Ямалрыба") поставили задачу перегнать несколько судов к побережью Ледовитого океана, в Гыду. На дворе стыл октябрь. Не сегодня-завтра мог грянуть мороз. Никто не мог дать гарантии, что где-то на маршруте перехода суда не закует во льдах. Ганеич - Сейфитдинова чаще называли по отчеству - благополучно провел рискованную операцию, словно прошел по кромке льда.

Но судьба все-таки подкараулила Сейфитдинова. По служебным делам как-то потребовалось добраться до одного поселка. На Севере известно, тысяча километров не расстояние, тем более - сотня. Сборы велись второпях, что непростительно опытному северянину. На обратном пути вездеход проломил лед озера и затонул. У экипажа не оказалось даже топора, не говоря уже о запасе продуктов, теплой одежде и обуви. Ганеич со своей хромотой не ходок, а потому отдал свои унты и остался у места гибели вездехода. Малания с Мамаевым пешком по глубокому снегу отправились к строителям железной дороги Обская-Бованенково за подмогой. Не дошли.

О случившемся теперь судят по-разному. Кто-то искренне жалеет их, кто-то говорит, что в гибели они виноваты прежде всего

сами, потому что с Севером шутки плохи. Однако от красивых и правильных слов ситуация не изменится. Крайний Север, Арктика - это зона риска. Суровые природно-климатические условия, отсутствие необходимой техники безопасности и халатность ежегодно уносят множество человеческих жизней. Вспоминаю, как за время только одной короткой летней навигации в штормах в Приуральском районе погибло более 20 человек.

Так что же нужно предпринять для исключения трагедий? В первую очередь на "ледовом континенте", где по разным источникам проживают от 11 до 13 миллионов человек, необходимо создать специальные подразделения по оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях. Проблема в связи с широкомасштабным освоением "северов" настолько актуальна и болезненна, что дилетантский, любительский подход для её решения просто безразличен и опасен. Нужна основательно проработанная, принятая на уровне правительства программа.

Горноспасательные станции - это уже пройденный этап. Их всерьез, скажем в Ямало-Ненецком округе, не принимали. Ведь и ориентировали их только на ЧП по горному туризму. Эти спасатели оказались беспомощными в поиске группы Сейфитдинова в тундре.

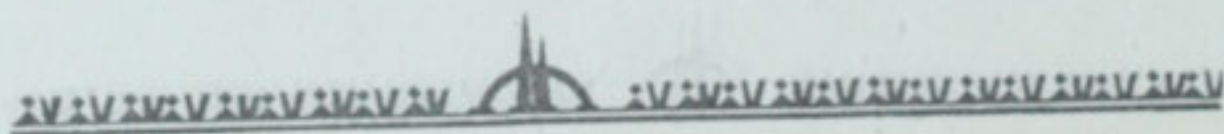
Через полгода такая служба в округе всё-таки появилась. Спасателям установили престижные оклады. Это позволило принимать на работу специалистов высокой квалификации, владеющих в совершенстве двумя-тремя профессиями.

Однако, как всегда, "нерешенки" - воз и маленькая тележка. Во-первых, материально-техническое обеспечение спасательных команд далеко не отвечает международным стандартам. Во-вторых, существует постановление правительства о создании резервных фондов финансирования на случай аварии и чрезвычайных происшествий. В Ямало-Ненецком округе рекомендовано иметь фонд в пределах одного процента от его бюджета. Распорядителем его должен быть штаб гражданской обороны через председателя чрезвычайной комиссии. Но администрация до сих пор этими полномочиями наделяет только председателя. А вдруг в момент его отсутствия что-нибудь стряется? Что тогда? Бюрократизм и формализм у нас, как сиамские близнецы, - неотделимы.

Есть и другой момент. В гибели группы детей, происшедшей на Полярном Урале несколько лет назад, наряду с халатностью инструктора знающие люди обвиняют авиаторов. Вот свежий пример: местному филиалу авиакомпании Тюменьавиатранс понадобилось два часа, чтобы утрясти формальности, когда требовалось срочно снять экипаж с терпящего бедствие катера.

На наш взгляд, назрела необходимость на Крайнем Севере создавать центры выживания человека. Ямало-Ненецкий округ и особенно полуостров Ямал в ближайшее время станут ареной новой волны освоения месторождений углеродного сырья. Тогда в Арктике окажутся сразу тысячи "необстрелянных" неопытных людей.

Тундру разделить - не поле перейти

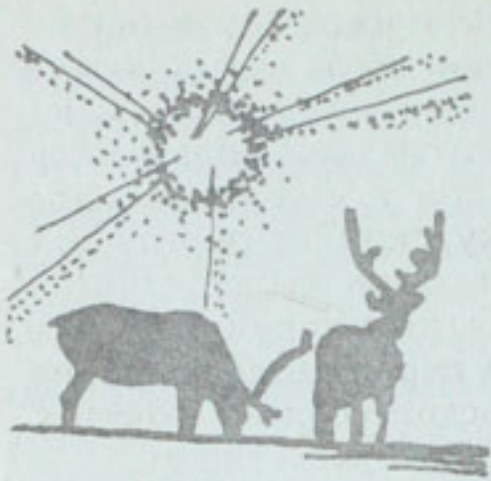
Еще пятилетку назад такого рода документы, как постановление правительства "О порядке реорганизации колхозов и совхозов" и Указ Президента "О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР", прошли бы под "одобрямс". А теперь на Севере, например, они не восприняты.

Почему? Ведь программа реформ обещает выход из тяжелой ситуации. Дело, видимо, в том, что каждому аграрному региону требуется свой подход.

Для малочисленных народов Крайнего Севера ничего приемлемее "социалистической мамы" в лице совхозов диалектикой развития государства пока не найдено. К такому выводу пришло совещание глав администраций городов и районов, руководителей рыбной отрасли, директоров совхозов Ямало-Ненецкого автономного округа. И нужно учесть, что пресловутая номенклатура на этот раз выражала мнение тундровиков. А тундровики негодуют:

- Такое впечатление, что "верха" так ничему и не научились у прошлого! Без совета с теми, кто непосредственно занят в совхозном производстве, они пытаются поставить на нем крест, - говорил мне дважды лауреат престижных премий бывшего Союза, заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР, бригадир оленеводов совхоза "Ярсалинский" С.Сэротэтто. - Но одного не учитывают думающие за нас чиновники: советская власть научила ненцев читать и считать! Арифметика подвела нас к выводу, что такое новшество, как дробление северных совхозов на фермерские хозяйства, обойдется себе в убыток. Чтобы материализовать эту идею, нужны колоссальные средства. А оленеводство в силу своей трудоемкости всегда требовало коллективных усилий... Наш совхоз, например, один из самых крупных в Ямало-Ненецком округе - и

один из самых рентабельных. А сейчас, когда мы начали вести более глубокую переработку оленьего сырья, в том числе пантов и окостенелых рогов, и вышли с этим на международный рынок, возможности совхоза только возрастают...

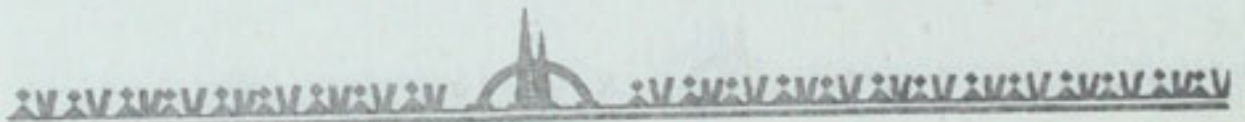
И все же диагноз, поставленный правительственным "бумагам" на Ямале, - это еще не мнение всего Севера. А как, к примеру, в соседнем Ханты-Мансийске? Может, там документы попали в точку? Всё-таки там у совхозов несколько иная специализация и более благоприятные, по сравнению с Ямалом, природные и климатические условия.

Но заместитель главы администрации Ханты-Мансийского округа Л.Калашников по сути не оставил довода для иллюзий:

- Можно ли поделить нашу землю и замкнуть оленевода в несколько соток участка? Специфика отрасли предусматривает постоянные кочевья, с летних пастбищ - на зимние, затем на весенние, отельные. Эти маршруты, бывает, вытягиваются на тысячу километров и более...

Оленеводу нужна не земля в конкретном её понимании, а ягельники, которых где пусто, где густо. Так что при дележке появится обязательно категория оставшихся "с носом". А это превратит территорию традиционного землепользования в зону конфликтов.

Унификация, предложенная северной глубинке центром, опасна взлетом напряженности и среди тех, кто кормится от охотпромысла и рыбалки. "Победная поступь" нефтяников и газовиков растоптала миллионы гекта-

ров земель, пригодных для этих целей: птица и зверь там исчезли, рыба погибла. А где найти методику, которая могла бы поделить оставшееся по справедливости, без обид?

Что же касается совхозов и колхозов - тут ситуация иная. Если на Ямале совхозы, как правило, крепкие, то у соседей немало "лежачих": "Таежный", "Ильичевский", "Покурский" и другие. Их не поставят на ноги уже никакие инъекции. Один выход: ликвидировать их, считает Калашников. Но как быть в таком случае с безработными? И кому в этой-то глубинке передать содержание объектов соцкультбыта? Один садик в ямальском совхозе "Россия" по ценам прошлого года "потянул" на миллион с хвостиком...

Тем не менее в Ханты-Мансийском округе создано 600 крестьянских хозяйств. Правда, четверть новоявленных фермеров еще не ударили палец о палец. Потому что расчеты оказались далеки от реальности.

Иван Вайс из города Урая вырастил в прошлом году 700 гусей. А тут Указ Президента о выделении квот на продажу углеводородного сырья предприятиям, его добывающим. Вайс и его единомышленники, которые думали найти рынок сбыта в нефтяных городах, были сразу оттеснены волной бартера: в обмен на нефть в числе прочих товаров стало поступать импортное продовольствие самого широкого ассортимента и высокого качества. Теоретически можно было попытаться счастья где-нибудь на чужбине, но автономные округа до сих пор остаются такой глухоманью, что к стоимости телушки-полушке добавится не один рубль за перевоз...

Этот случай, конечно, стечение обстоятельств. Но он сыграл против реформ, заставил снова задаться вопросом, то ли делаем? Туда ли идем?

Директор совхоза "Салехардский" В.Незнамов говорил:

- Совхозы нищали потому, что государство всегда устанавливало для них самые низкие закупочные цены. Потом цены отпустили. Мы было воспрянули духом. А тут новая команда: "Сворачивай совхозы!"

Уместно заметить, что и тон постановлений "О порядке реорганизации колхозов и совхозов" тоже действует на аграриев как холодный душ. От документа, в котором все расписывается от сих до сих, вплоть до рода наказаний, явно тянет душком времен коллективизации. Не почувствовать этого невозможно.

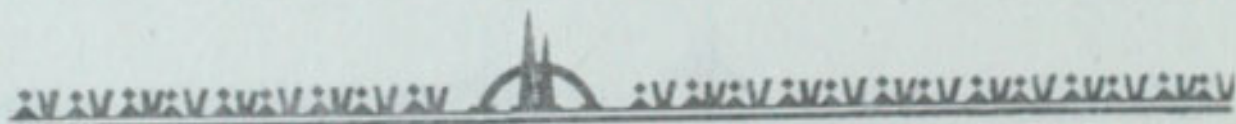
Однако я бы не хотел, чтобы с моей подачи о северянах судили, как о нового типа саботажниках. Нет, они понимают, что жить по старинке нельзя. Но ждали они не такую "бумагу", которая из центра навязывает им форму собственности, а такую, чтоб предло-

жила серьезный механизм, способствующий организации рынка сбыта, транспортных связей. Наконец, гарантировала бы материальное снабжение под "реформу".

В центре, судя по всему, любят схемы крупного масштаба. Им не до частных. Создатели ряда документов о частном предпринимательстве, фермерстве и реорганизации колхозно-совхозного строя, видимо, и не подозревают о том, что на Ямале издавна существует множество крепких личных хозяйств. Но если за минувшую пятилетку совхозы поставили к народному столу свыше семи тысяч тонн мяса, то частный сектор при одинаковом с ними поголовье оленей - 830 тонн. Не учитывать этого нельзя.

Как нельзя не учитывать и другое. По выражению председателя Ямало-Ненецкого агропромобъединения И.Д.Кутаевского, "сберкнижка у тундровика на четырех ногах ходит в тундре". То есть цена на мясо всегда высокая, и ненец это знает. За "деревянные" забивать оленей он не будет. Ему товар подавай. Лодочные моторы, снегоходы "Буран", оружие, товары национального спроса. А без этого никакой документ, даже пограмотней предыдущего, не заставит оленевода кормить северян.

Рабыни тундры

В мокодаси, отверстие на верху чума, заглядывают звезды. Значит, до рассвета еще порядочно. Но я не сплю, потому что давно не приходилось ночевать на жестком ложе из оленьих шкур. А Нину Худи - чумработницу четвертой оленеводческой бригады совхоза "Ярсалинский" - поставил на ноги в такую рань долг хозяйки.

В скупом свете звезд вижу, как она тянется к лампе. Снимает с нее стекло и, обшелушив с фитиля нагар, зажигает свет. Затем, зябко кутаясь в ягушку, подходит к умывальнику, но знакомого постукивания язычка не слышно. Значит, вода замерзла.

Нина подсаживается к печке и начинает вынимать из нее тонкие, как карандаши, ольховые ветки. Положенные в горячую золу еще вечером, они подсохли. Если зажечь, прогорят, как порох, и не успеет вскипеть чайник. Поэтому Нина поверх сухих веток кладет сырые. Через некоторое время железная печка, дымя, начинает нагреваться.

Мы любим много и вдохновенно говорить о преобразованиях в тундре. Как из рога изобилия, сыплем цифрами. И не всегда останавливаем свое внимание на том, что не поддается арифметическим подсчетам. А проблемы женщины-тундровички, знаю точно, руководители традиционных отраслей на Ямале замалчивают потому, что вроде бы неловко вытаскивать их на свет. Ведь граничат они поистине с вековой отсталостью.

Сейчас трудно представить себе даже ямальскую квартиру без газа, электричества и отопления. А какие же перемены принес научно-технический прогресс в стойбище? Полагаю, даже маленькой картинке, подсмотренной утром в чуме семьи Худи, достаточно для того, чтобы понять неуместность такого вопроса. Но есть и

другие. В том числе: по какой причине на многие годы кочевая тундра оказалась изолированной от достижений цивилизации.

Знаю, найдется ответ, за которым, как за удобной ширмой, можно спрятаться в любой момент. Суть его сводится к тому, что ничего подходящего для тундры промышленность не предлагает. И это так. Забыли в далеких центрах о том, что есть в арктических широтах оленеводы и охотники, которые по роду своих занятий не могут проживать оседло. Но и возить с собой на нартах громоздкую мебель, стиральную машину и цветной телевизор для них тоже не представляется возможным. Все это должно быть в миниатюре, прочно и удобно.

Однако, если по совести, то в первую голову винить надо руководство окружного и областного агропрома, директоров совхозов. Они обязаны были привлечь внимание научно-исследовательских институтов к данной проблеме. А по сути не знают, как туда открываются двери. Объясняется это не избытком скромности, а желанием не наживать себе хлопот.

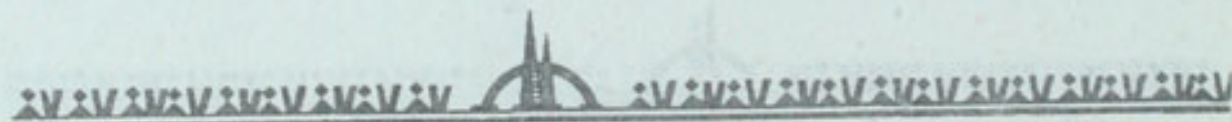
Может, потому прорвавшиеся в тундру бытовые новинки, обещающие хозяйке чума избавление от горьких мук, вызывают только разочарование.

- На юге, что ли, их испытывали? - возмущается по поводу печей, которыми завален весь склад, директор совхоза "Ямальский" И.Тусида. Судите сами. В инструкции написано: "Три-четыре килограмма топлива достаточно для того, чтобы печь в течение шести часов не остывала". А мы ее топим целый день и чайник вскипятить не можем. Между тем, такое "чудо" стоило больше ста рублей по старым ценам.

В бытность председателем сельского Совета Тусида обратился в облисполком с просьбой помочь приобрести совхозу 400-500 портативных газовых таганков. Но ему отказали.

Кое-кто считает, что и правильно: потому как обращаться с газом тундровики не умеют. Последнее слово в разговорах, касающихся новинок техники, проскальзывает особенно часто и несет в себе неточную, или, прямо скажем, даже оскорбительную смысловую нагрузку. Мол, народ этот темный и куда ему до таких сложных вещей. Это глубокое заблуждение. Средний общеобразовательный уровень ямальской молодежи сейчас достаточно высок. И если тундровик овладел лодочным мотором и снегоходом "Буран", то уж обучиться подключать газовый баллон для него и вовсе труда не составит.

Другое дело - газ на морозе замерзает. Следовательно, использование его ограничивается. Но должно же быть, наконец, найдено

средство, которое бы сняло проблему тепла и света в стойбище.

Приглядевшись к жизни транспортных строителей и газовиков, оленеводы увидели его, это средство. Именуется оно в народе "ветряком" и обеспечивает электроэнергией трассовые микророселки. Почему бы не занять новинку окружному агропромышленному объединению? Тем более, что такого "топлива", как ветер, в тундре круглый год в избытке.

- Но к нашему огорчению, "ветряки" не сняли проблему. Основные их минусы: ненадежны в эксплуатации и громоздки, что затрудняет транспортировку на нартах, - считает директор совхоза "Ярсалинский" Д.Хороля.

И все-таки скоро, видимо, появится реальная возможность электрифицировать тундровые стойбища. Ее я связываю с портативными японскими электростанциями "Хонда", которые мы стали получать по бартеру, в обмен на панты.

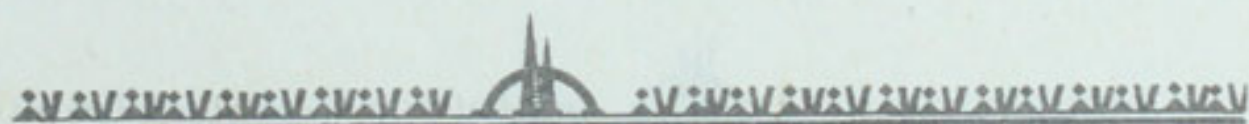
Заместитель председателя Шурышкарского районного Совета Е.Ямру поведал мне хантыйскую поговорку: "У женщины дорога кривая, а у мужчин прямая". Под этим надо понимать, что у мужчины обязанности в кочевой жизни ограничены довольно строго. Он или пасет стадо, или охотится. А у женщины? Где у нее заканчивается работа и начинаются дела по хозяйству? Такие грани очертить, пожалуй, никто не возьмется. Ведь чум для нее и цех, и дом.

... Из-за низенького столика, за которым можно сидеть, лишь поджав под себя ноги, пастухи, как будто подстегиваемые плеткой, поднимаются враз. Плетка эта, именуемая весенним касланием, бьет и по женщинам.

Нина торопливо убирает со стола посуду, которой, как и другим предметам домашнего обихода, сейчас место в вандако - грузовых нартах. А вот глубокую тарелку с чуть заметной трещиной после придирчивого осмотра выбрасывает. Все равно не выдержит тряской дороги.

После этого наступает черед заняться чумом. С давних времен сооружение и разборка его считается делом женским. Хотя требуется незаурядная сноровка и немалое напряжение человеческих сил. По мере каслания за год эту операцию женской половине стойбища приходится осуществлять бесчисленное количество раз.

Вот шесть аккуратно связаны, сложена высокой стопкой оболочка чума, именуемая нюком. И сейчас бы присесть и немного отдохнуть. Но Нина торопится на возбужденные голоса пастухов - начинается отлов ездовых оленей. А потом их надо запрячь, собрать разложенный на солнце для просушки хлеб. Все крепко связать так, чтобы не растряслось по дороге. Но и в аргише женщина едет

не как барыня, развалившаяся на мягких шкурах. Она им управляет. И дети с ней.

Само собой понятно, что труд тундровичек оплачивается. До недавнего времени каждая оленеводческая бригада имела только одну ставку чумработницы. Теперь уже три. Но надо учитывать, что женщин в стойбище порой семь-восемь.

- При том условии, если она будет обшивать и готовить для двух пастухов, чумработница получит 1000 рублей в месяц, - говорит экономист совхоза "Мужевский" Т.Ефимова.

Значит, на круг придется чуть более 500. А я смею напомнить, что потребительская корзина на конец февраля в Ямало-Ненецком округе "тянула" на 1,5 тысячи рублей на одного жителя.

В качестве соломки "трудовики" предлагают подряд. Но, кажется, не допускают мысли о том, что поправить хромающий бюджет можно и за счет нарядов.

По расценкам пошив малицы в совхозе "Байдарацкий" стоит порядка 300 рублей. Кстати, минувшей зимой только за укорачивание шубы и подгонку рукавов в Салехардском комбинате бытового обслуживания с меня взяли около 150 рублей. Понятно, там был ценнее мех и фасон сложнее. Но здесь поистине мастерица и швец, и жнец, и на дуде игрец. Она сама раскраивает изделие, готовит нить из сухожилий и шьет.

Не удержусь от соблазна привести еще один пример. В старину за готовый нюк тундровичка получала быка и важенку, что соответствует сейчас примерно 1800 рублей. А теперь в совхозах платят от 300 до 400 рублей.

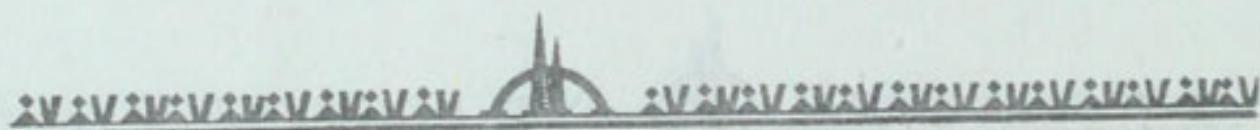
Не берусь утверждать, что товарообмен надо брать за эталон, но он наиболее отражает истинный объем трудовых затрат, связанных с изготовлением нюка. В среднем на него идет около 40 оленьих шкур. Каждая требует двойного замачивания, копчения над дымом костра и потом многократной выделки ручным способом. Весь этот процесс, рассчитанный на кожемяку с атлетическими бицепсами, длится 10-15 дней.

- 300 рублей за пошив малицы, конечно, маловато, - рассуждают экономисты. Но, между прочим, устанавливать расценки дано право нам. И мы их можем изменить.

Так в чем же дело? Когда, наконец, в системе оплаты будет наведен порядок?

Экономисты совхозов не утруждали и не утруждают себя поездками в стада, а хронометраж операций составляют со слов зоотехников. То есть судьба заработка тундровичек в полной зависимости от их смьщленности и словоохотливости. Так было всегда.

Еще в ярсалинском магазине, где товара немного, я обратил внимание, что тундровички говорливой стайкой то подлетят к от-

делу готовой одежды, то отпрянут. Что-то их не устраивает. Ясность вносит Нина:

- Платья нам нужны фланелевые, вельветовые. Они теплее и дольше носят, да еще с глухим воротом, иначе как женщине кормить грудью ребенка.

Но со всей остротой проблема высветилась уже в тундре. Чем больше маршрут каслания тяготел к Карскому морю, тем холоднее становились туманы, такие обычно на арктическом побережье весной. Мужчинам, облаченным в прорезиненные костюмы, они особого беспокойства не доставляли. А у женщин меховые дохи буквально набрякли от сырости. Значит, того и гляди, кого-то из них скосит простуда. А разве может быть для человека, отдаленного на сотни километров от больниц, поставленного в условия постоянной борьбы за самовыживание (будем называть вещи своими именами), большей беды, чем эта.

Но почему-то до сих пор экипировка женщины тундры не стала предметом особой заботы. И говорю я это с полным основанием, потому как в совхозах округа для нее спецодежда не предусмотрена вообще.

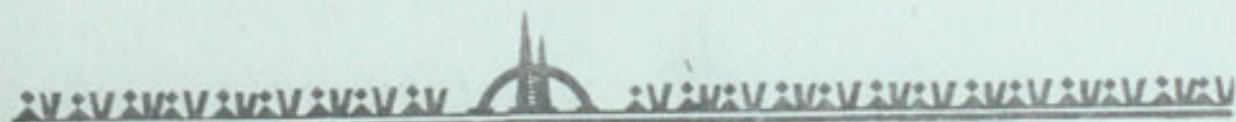
А тундровички и просят немного! Куртку на меху, покрытую водостойкой тканью, или удобный плащ с капюшоном, который надевался бы поверх ягушки. Надо бы сразу подумать и об обуви для них. Диву даешься, как день-деньской, не снимая с ног, носит все лето женщина пудовые негнущиеся мужские сапоги.

Понятно, что разрабатывать и заказывать обувь надо где-то в тех далеких центрах, в которых забыли о нуждах северянок. А, по моему, ехать никуда не нужно. Взять да пригласить на Ямал специалистов того же Тюменского дома моделей. Они найдут с тундровичками общий язык. А уж с пошивом, наверное, справятся местные мастера. Причем, неплохо бы для этих целей организовать с постоянной пропиской в тундре разъездной комбинат бытового обслуживания. Ведь бывать в поселке чумработницам представляется возможность только один-два раза в году.

- Забьете гвозди, а нам вытаскивать, - в напутствие мне недовольно обронили в агропромышленном объединении.

Но гвозди "забивало" годами равнодушие управленческого аппарата. А вытаскивать их действительно придется. Когда у одних все блага цивилизации, а у других только мечта о них, мы дальше рассуждений о социальной справедливости не пойдем.

... Утро начинается для Нины как обычно. Лопатой, отполированной до блеска, на берегу ерниковой речки она вгрызается в плотно спрессованный снег. Сколько кубометров его придется выбросить, чтобы раздобыть хотя бы охапку тонких, как карандаш, ольховых веток и вскипятить чайник.

Падающие восьмерки

Мы уже шли на посадку рейса, выполняемого из Надыма в поселок газовиков Пангоды, когда девочка лет семи-восьми, вырвав из материнской руки свою, категорически заявила, что на "вертушке" не полетит. Боится.

- Вот тебе раз! - недоуменно уставилась на нее мать. - Все время летала, а тут испугалась.

- Ага! Сама же говорила, что они бьются.

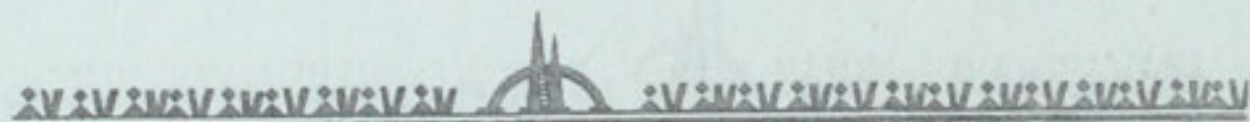
Не знаю, что испытывали при этом попутчики, но я, кого служебный долг вот уже двадцать семь лет обязывает систематически в качестве пассажира подниматься в небо, содрогнулся, представив непоправимое.

Мной руководили не только эмоции, но и суровые факты. За одна тысяча девятьсот девяносто первый год в воздушном пространстве Тюменской области и особенно ее "северов" произошла целая серия "ЧП" с вертолетами МИ-8, унесших восемнадцать человеческих жизней, и плюс к этому столько же пассажиров и членов экипажей получили увечья различной тяжести.

Стынет кровь от воспоминаний о катастрофе в Лаборовской тундре. Когда при заходе на посадку "вертушка" грохнулась камнем о землю. И в ее чреве заживо сгорели врач и борт-фельдшер, с которым я когда-то учился.

А случай с бортом 22605 Ханты-Мансийского отряда? Он вылетел из села Абатское на Север с вахтой из десяти человек. И как в воду канул.

Впрочем, так и считали, подтягивая поиск к озеру Большой Уват. Но злая судьба, водившая вокруг аварийно-спасательные подразделения гражданской и военной авиации, специалистов Главкосмоса, экстрасенсов, сжалилась над ними только по истечении

десяти месяцев. Когда вертолет совсем случайно обнаружили лесорубы.

Итак, тот год был окрашен в черное. Не располагает к оптимизму и одна тысяча девятьсот девяносто второй. По крайней мере, за первые четыре месяца в результате авиационных происшествий и катастроф погиб один и ранено двадцать один человек. И в основном снова трагедии в небе произошли на "восьмерках".

Что же такое случилось с вертолетом, испытанным Афганистаном, успешно соперничающим и сейчас в небе за рубежом с винтокрылыми машинами иномарок?

Взявшись ответить на этот вопрос, я потратил немало времени. И постепенно причины, пометившие "восьмерку" знаком беды, более менее стали понятны.

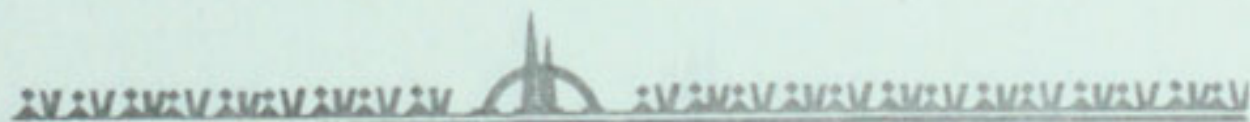
Создалось впечатление, и не без основания, что те, кто поднимает в воздух "вертушки", просто-напросто добровольно берут на себя роль камикадзе.

По данным начальника отдела эксплуатации воздушных судов и авиадвигателей авиакомпании "Тюмень-авиатранс" В.Л.Пушников, на сегодняшний день семнадцать процентов из парка вертолетов наработали от восемнадцати до двадцати тысяч часов. Точнее, моторесурс на финише.

И старение парка имеет тенденцию неумолимо расти.

Казалось бы, легко это предотвратить. Закупить новые машины - и дело с концом. Так, видимо, бы и поступили. Но авиакомпания не располагает возможностью, не то чтобы приобретать, но и ремонтировать вертолеты.

В мае долг северных подразделений компании за услуги Тюменскому

авиаремонтному заводу вырос до восемнадцати миллионов рублей. Да и не удивительно, если стоимость двигателя подскочила до миллиона. А кстати, по мнению специалистов, высказывающих претензии к КБ Миля, самым больным местом "восьмерок" является именно двигатель, который самоотключается в полете и разрушается верхний его редуктор.

Вообще, если ситуацию с вертолетным парком на тюменском Севере не поправить, она грозит в самое ближайшее время отрицательно отразиться на выполнении народно-хозяйственных задач. Ведь, как известно, оленеводы, геологи, газовики, нефтяники без "вертушки", как без рук.

А кто может дать гарантию, что по этой же причине не произойдут новые "ЧП" в небе? Хотя вынужден оговориться, что в конкретно рассматриваемых случаях виновата не техника, а люди. Если точнее, в шестидесяти процентах авиапроисшествий.

В качестве иллюстрации к этому суровому обвинению, начальник инспекции по безопасности полетов Тюменьавиатранса Ю.А.Суханов привел еще "горячий" пример.

Двадцать восьмого февраля одна тысяча девятьсот девяносто второго года малое предприятие в Новом Уренгое привезло на площадку контейнер со стеклом, который требовалось на внешней подвеске вертолета МИ-8 доставить на таежную заимку.

Отдел ПАНХ (применение авиации в народном хозяйстве) филиала компании, удостоверившись в наличии справки о весе и характере груза и заявки, гарантирующей оплату полета, на все остальное закрыл глаза.

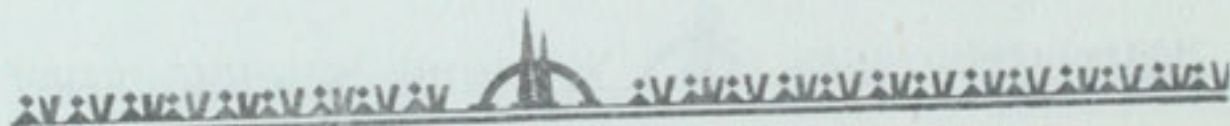
Расследованием установлено, что ПАНХ не ознакомил представителя малого предприятия со статьей N 6 Воздушного Кодекса СССР одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, признаваемого и сейчас департаментом воздушного транспорта в качестве юридического документа, а вместе с ним и с "Правилами подготовки и строповки грузов заказчиком для транспортировки на внешней подвеске вертолета МИ-8".

Иначе руководитель малого предприятия бы знал, что за правильность отправки груза он несет ответственность.

Впрочем, опасная халатность, допущенная ПАНХом, могла быть предотвращена пилотами. Согласно вышеупомянутому документу, увидев нарушение в строповке, командир был обязан от транспортировки контейнера отказаться.

Но он сделал вид, что не заметил. "Подумаешь. Впервой, что ли?" И с того момента трагедия стала неотвратимой.

Закрепленный на два узла подвески из четырех, причем карабин второго крепился не так, как полагалось, через один час сорок четыре минуты злополучный второй карабин оторвался.

В связи со смещением распределения нагрузки, цельнометаллическую крышку контейнера выдрало. И в тот момент, как его содержимое полетело вниз, внешняя подвеска и крышка "пошли" под вертолет. Ударили по лопастям несущего винта. Затем пробили хвостовую балку.

Халатность, беспечность, грубейшее нарушение руководства полетной эксплуатацией вертолета МИ-8, которое каждый пилот, летающий на этом типе машин, обязан знать, как "Отче наш", стали источником преобладающего числа трагедий.

Но был и особенный случай. Не вписывающийся в обычное понятие о причинах воздушных происшествий.

Исходя из него, даже выдавшие виды специалисты авиации говорят, что если не беспредел, то где-то рядом с ним находится состояние дисциплины сегодня в отдельных летных экипажах.

Так чем же отличился экипаж вертолета N 22317 Салехардского филиала Тюменьавиатранса, потерпевший катастрофу двадцатого февраля девяносто третьего года?

"Экипаж в составе: командир М.М.Бугров, второй пилот А.В.Свириков, бортмеханик В.А.Чех производил полет в районе н.п.Бованенково в целях, не связанных с выполнением производственного задания", - говорится в акте по результатам расследования катастрофы, подписанном директором Департамента воздушного транспорта, первым заместителем Министра Транспорта Российской Федерации А.А.Лариным.

"... В разрушенном вертолете комиссией была обнаружена подствольная часть охотничьего ружья (цивье), не являющаяся имуществом вертолета.

При осмотре личных вещей бортмеханика В.А.Чеха (погибшего в результате АП) в карманах находившейся на нем куртки обнаружены охотничьи патроны, часть из которых стреляные.

Из сопоставления анализа всех фактов, выявленных в ходе расследования, наиболее вероятной целью выполняемого экипажем полета, не предусмотренного заданием, является поиск и отстрел с воздуха диких животных..."

Задаюсь вопросом, как дисциплина, являющаяся основой основ бывшего Аэрофлота, вдруг перевоплотилась в диаметрально противоположное качество - вседозволенность?

- Совсем не вдруг, - возразил мне начальник инспекции по безопасности полетов Тюменьавиатранса Ю.А.Суханов. - А с приходом "коридорной демократии".

Такое определение Юрий Александрович дал периоду ажиотажа с выборами руководителей.

Тогда вместо В.И.Васильева в Салехарде и А.Ф.Скорого в Тазовском, требовательных, грамотных командиров авиаподразделений,

"выскочили" В.Г. Бабкин и Л.Г. Григорьев.

Последний обещал летному составу, что их забытый Богом и людьми заполярный поселок будет воздушной гаванью современных авиалайнеров. А летчикам он гарантирует рейсы за рубеж. Но ни того, ни другого не состоялось. И с командиром, умевшим красиво говорить, коллектив распрощался. Бабкин продолжает работать. Но его манера передоверять контроль за безопасностью полетов третьим лицам выходит боком. Так, в августе девяносто первого года произошло в филиале две катастрофы и один инцидент.

В общем, полагаю, теперь всем ясно, откуда берутся "вертушки" со знаком беды.

Но я бы сильно покривил душой, если бы не задал логически верный в этом случае вопрос: кто за безответственность, наконец, должен отвечать?

В Тюменьавиатрансе, похоже, никто. Сложилось впечатление, что здесь порой ищут не истину, а возможность "отбиться". Как, к примеру, было с урайской 224-ой машиной.

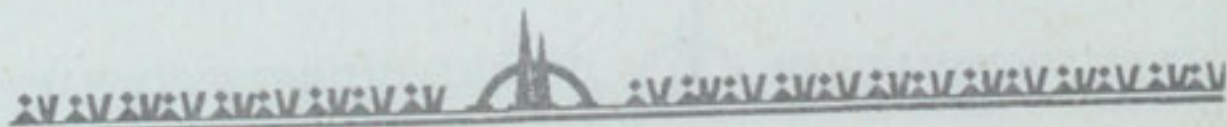
Авиакомпания никак не хотела брать вину на себя, а сваливала ее на Тюменский авиаремонтный завод. И только дополнительная комиссия доказала, что разрушение хвостового вала "восьмерки" не брак завода, а следствие грубых посадок летного экипажа.

Кстати, я никоим образом не хочу бросать тень на инспекцию по безопасности полетов. И тем более на Ю.А.Суханова. Чувствуется, он человек старой закалки. А этим все сказано. Но не надо забывать, что инспекторы получают зарплату в авиакомпании. А там, где корпоративность, многое шито-крыто. То есть напрашивается необходимость независимой инспекции, которая бы по-настоящему взяла лихачей и любителей разного рода "художеств" в воздухе за шиворот и помогла восторжествовать дисциплине.

Кстати, в постановлении Правительства от 11 июня 1992 года идет речь о создании региональных управлений воздушного транспорта, в функции которых входит "государственный надзор за обеспечением безопасности полетов".

И еще. Я возьму на себя смелость сказать, что серия трагедий с "восьмерками" в Северном небе - это, по большому счету, продукт, прямое следствие тех катаклизмов, которые происходят сейчас в стране.

Нужно ли быть прорицателем, чтобы предугадать "ЧП", если двигатель "вертушки" уже на пределе, а купить новый не по карману. Если в небе голова пилота забита земными хлопотами: как прокормить семью на свою нищенскую зарплату и где приклонить голову. И в этой связи я нисколько не утрирую. В Салехарде часть летного состава до сих пор ютится в бараках сталинского ГУЛАГа.

Последние из дикарей

В январе нынешнего года, оказавшись в Норильске, я услышал фразу: "Все настоящие мужчины сейчас в тундре". Другой бы мучил себя вопросом: "Что они там потеряли в столь суровое время года, когда мороз и ветер достигают своего пика?". Кстати, всю первую неделю января в Норильске сохранялась чрезвычайная ситуация. Ее создал штормовой ветер, закатавший снегом улицы города на уровне третьего этажа.

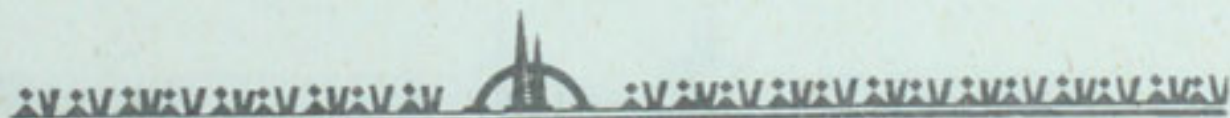
А я знаю, что поводом для оттока мужского населения Норильска в тундру послужила массовая миграция дикого северного оленя, или на местном лексиконе - "дикаря". Он с побережья Ледовитого океана устремляется к границам тайги, где сама природа создала идеальные условия для выпаса и воспроизводства потомства.

И вот на этом пути - долгом и трудном, как велось многие десятилетия назад, так и нынче, поджидали "дикаря" вооруженные до зубов "настоящие мужчины". Вопреки всем гуманным принципам, в том числе запрещающим бить животных на переправах, их там и бьют. Расстреливают в упор проваливающихся под лед, беззащитных сотнями и тысячами.

Говорят, река Пясины, где из года в год происходит это "побоище" по воле госпромхоза "Таймырский", становится красной от крови.

Как нельзя представить пустыню без верблюда, так и тундру - без оленя.

Естественно, во все времена северяне видели в нем не только предмет экзотики, а прежде, средство существования. Мясо "дикаря" шло в пищу, а шкура - на изготовление одежды и обуви. Но никогда для них олень не был объектом обогащения и наживы.

Однако с некоторых пор, а точнее с наплывом на Север приезжих, акцент в этом вопросе стали расставлять по-другому.

И акции, происходящие на Пясине, стали не исключением, а нормой.

Помню, еще лет двадцать назад бывший собкор "Тюменской правды" по Ямалу Г.Никитин опубликовал фельетон "Золотой олень". Где к позорному столбу пригвоздил директора совхоза "Ныдинский", который растеряв государственных оленей, решил "вывезти" план по сдаче мяса государству на "дикаре". И учинил расстрел животных с вертолета в преддверии отела.

Обезумевшие от страха и боли важенки на ходу абортировали и погибали вместе со своим потомством.

Впрочем, главный охотовед Норильской охотинспекции В.Иванов, руководствуясь тем, что с начала года его службой оформлено всего десять дел на браконьеров, кажется, готов признать, что такого рода обхождение с "кораблями" тундры становится достоянием истории.

Но я этого оптимизма не разделяю.

По мнению специалистов, госпромхоз "Таймырский" становится нерентабельным по той причине, что дикий олень не выдержал прессинга, оказываемого на него ежегодно, изменил маршруты миграции. То есть пошел не через Пясины, а через плато Путуран на Диксон, а также на восток Ямало-Ненецкого округа.

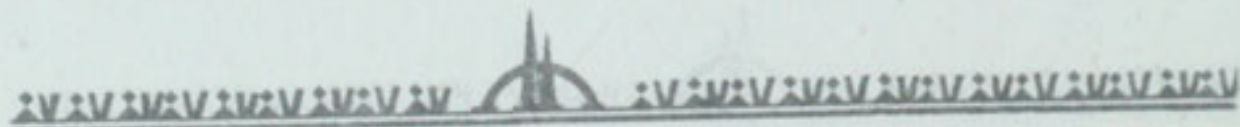
Как же живет переселенцу и местной Надымско-Пуровской популяции?

Начальник отдела охотничьего хозяйства администрации Пуровского района М.Беседин в качестве ответа на этот вопрос предложил облететь места обитания "дикаря".

И вот мы в воздухе. Низовая метель не дает мне возможности в деталях рассмотреть картину под брюхом "вертушки". Но Беседин и его подчиненные, инспекторы, бывшие работники авиации П.Северин и А.Быков, отлично ориентируются в обстановке. Менее чем через час я увидел, как кто-то из них прошел в кабину летчиков, и тут же мы резко начали снижение. На снегу появился вытоптаный пяточок со следами крови.

Вертолет сделал разворот, и все мы прилипли к иллюминаторам, пытаясь разглядеть, в каком направлении умчались браконьеры на своих "Буранах". А вот и сани, доверху груженные, можно сказать, еще горячей лосятиной. Через несколько минут - другие. И точно с таким же содержимым. Их браконьеры бросили, видимо, заслышав звук приближающейся "восьмерки".

Продолжая прерванный полет, мы, наконец, оказались в районе

реки Ягинетты. Я вижу, как стадо "дикаря" заволновалось, затем бросилось врассыпную. Но несколько оленей, раненых, закутились на месте.

Значит, где-то совсем рядом могут быть те, кто по ним стрелял. И предположение не обмануло. Мы столкнулись с охотниками, действующими под вывеской законности.

Что я имею в виду? А то, что не так давно, вопреки логике, но учитывая бедственное положение служб охотничьего хозяйства, им разрешили заниматься отстрелом дикого северного оленя строго по лицензии.

А что из этого вышло? Сваленное в кучу мясо обветрилось и почернело. Его поклевали птицы и погрызли звери. В таком состоянии, скорее всего, оно в пищу человеку уже непригодно. Спрашивается, во имя чего был уничтожен целый косяк "дикаря"?

Но это, впрочем, не единственный грех на совести охотоведа Новоуренгойской охотинспекции Н.Коренева.

Диву даешься, кому доверена охрана животного мира, если он даже представления не имеет о служебной дисциплине и правилах охоты.

На базе отстрела, в отсутствие хозяина, мы застали двух человек, на руках у которых не было охотничьих билетов, но ружья были. И тут же валялось на нартах табельное оружие самого Коренева, имею в виду карабин. Такого рода вольности, видимо, для должностного лица непростительны. А браконьерство просто преступно. Это суровое обвинение требует доказательств, и они есть.

В первый прилет Пуровской экспедиции на базу отстрела двадцать девятого января одна тысяча девятьсот девяносто третьего года, по словам М.Беседина, в трофеях бригады лосей не было. Да и откуда они бы могли взяться, если охота на них разрешена только до начала января. Но, оказавшись с рейдовой бригадой 13 марта в корневской вотчине, я собственными глазами увидел лосиные головы. Причем замечу, что охотовед - большой гурман. Такое охотничье лакомство, как лосиные губы, были аккуратно отрублены и уложены в отдельный ящик. Впрочем, если моим словам нет особой веры, то я сошлюсь на официальный документ. Им является материал для служебного расследования по факту отстрела диких копытных, направляемый М.Бесединым в адрес прокурора Пуровского района О.Малахевича.

"13 марта 1993 года я залетел на базу, охотовед Корнев отсутствовал. В районе вертолетной площадки лежало штабелем 50 диких оленей и 5 голов лосей...

19 марта на площадке появились свежие туши дикого оленя в количестве 16 штук. Сторож Р.Сахабутдинов сказал, что отстрел был произведен примерно 15-16 марта...

Есть подозрение, что все олени отстреляны с применением вертолета МИ-8. Так как на базе были изъяты кровавые веревки, по-видимому, применяемые для перевозки отстрелянных оленей".

И если факт использования авиации требует еще доказательств, то браконьерство очевидно. Ведь по ныне действующим правилам охоты отстрел диких оленей разрешен только до 1 февраля.

Из выше сказанного видно, что создается реальная угроза существованию северного оленя не только в отдельных регионах, но и в целом.

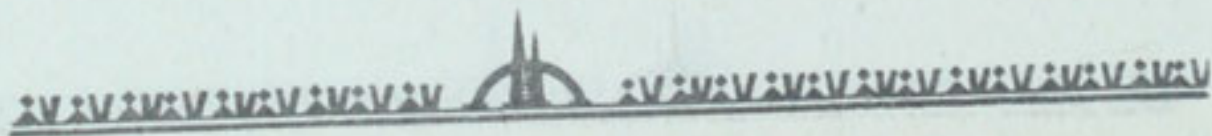
Обстановка самая тревожная, считает Я.Кокарев, заведующий отделом биологии промысловых животных научно-исследовательского института Крайнего Севера, базирующегося в Норильске.

- Сейчас в погоне за пантами, самцов "дикаря" бьют чуть ли не круглосуточно. Это грозит изменениями в структуре популяции в половом и возрастном плане.

Впрочем, подрывают поголовье не только браконьеры, но и штатные промысловики. Для них бесконечно продлевают сроки. К примеру, в Эвенкии с отстрелом определились до 28 февраля, а я знаю, что в середине марта охотники еще не зачехлили ружья.

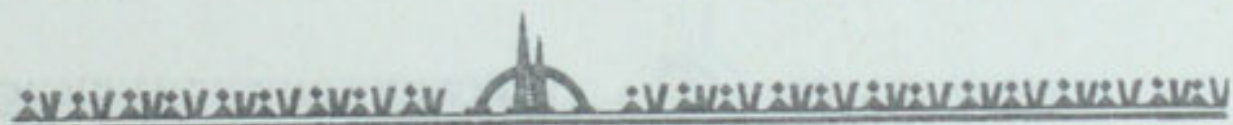
В такой обстановке очень важно регулярно проводить учет животных. И если мы знаем, что в 1989 году их насчитывалось на побережье Ледовитого океана порядка 600 тысяч голов, то сколько теперь - неизвестно. Нет на авиацию средств. А обещание руководства Красноярского края, Таймыра и Эвенкии выделить для этих целей 35 миллионов рублей так и осталось невыполненным. Вообще везде для северного оленя плохо, а будет еще хуже, если его заставят из труднодоступных районов Арктики действительно мигрировать на Таз и Пур. Потому что, к примеру, в Пуровском районе уже сейчас яблоку негде упасть. По данным 1985 года, отводы под промышленное освоение здесь превысили нормы в 25 раз. А сколько понастроили дорог, газо-нефтепроводов, поселков за последние восемь лет? Поэтому давно уже тесно местной Надымско-Пуровской популяции, что в конечно итоге оборачивается большими потерями для совхозного оленеводства.

"Дикари" выбивают пастбища домашних оленей. Как наиболее сильные и выносливые, разбивают стада, угоняя в свои гаремы важенок. Последний такой случай имел место в феврале-марте нынешнего года. Пронесшийся вихрем по вершине реки Южной Тыде-Отты "дикарь" угнал у совхоза "Верхне-Пуровский" стадо в

тысячу голов, а от второго - половину. Потом надо иметь в виду, что дикие северные олени могут быть носителями различных инфекционных заболеваний, в том числе копытки. Какой же выход? Я его вижу прежде всего в жестком регулировании отстрела животных и в создании специальной правительственной программы, рассматривающей территории массового обитания "дикаря" как приоритетные экологические зоны, где всякого рода хозяйственная деятельность должна быть ограничена или запрещена совсем.

Если появятся другие идеи, пожалуйста. Но нужно быстрее действовать. Иначе мы можем безвозвратно потерять то, что украшает Север, а для коренных народов является традиционным источником, без которого жизнь для них немыслима.

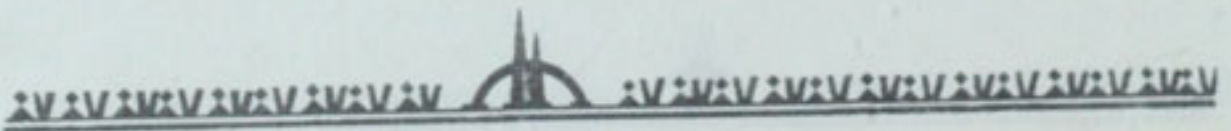
Пантокрады

Сначала заготовка пантов сулила только блага. Буквально лесом из рогов обросли за десятилетия забойные пункты совхозов Ямало-Ненецкого округа. И вдруг за "хлам", который сгребали в кучу, крошили гусеницами тракторов, обещают немалые деньги!

В Москве с участием ямальцев (местное стадо оленей по численности второе в мире) создано совместное советско-американское предприятие "Ранторин". Цель - собирать и перерабатывать панты северного оленя в высокоэффективные лекарства. Например, ранторин, сравниваемый по целебности с женьшенем. И закрутился бартер. С Севера - панты, на Север - импортное оборудование для сушки и первичной переработки продукции, одежда, обувь. Случались и курьезы. Так, на доллары, заработанные оленеводами совхоза "Ярсалинский", администрация вместо снегоходов и лодочных моторов приобрела пляжные костюмы.

Наметились и разногласия между поставщиками сырья - "Ранторина" с "Агросевером". Последние задолжали тундровикам около 200 тысяч долларов. И рассчитываются к тому же не деньгами, а тряпками, которых теперь и в России пруд пруди. Поэтому от посредников попытались уйти.

Совхоз "Ярсалинский", возглавляемый новым директором Дмитрием Хороля, решил создать совместное предприятие "Ямал-Аляска". В дополнение к филиалу "Ранторина" на территории округа было создано предприятие "Моро", призванное объединить владельцев личных оленей. И в тундровиках уже укрепилась уверенность, что панты помогут им выбраться из нищеты. Но началось элементарное околпачивание доверчивого коренного населения. Механизм хорошо прослеживается в действиях кооператива "Витт" из Норильска.

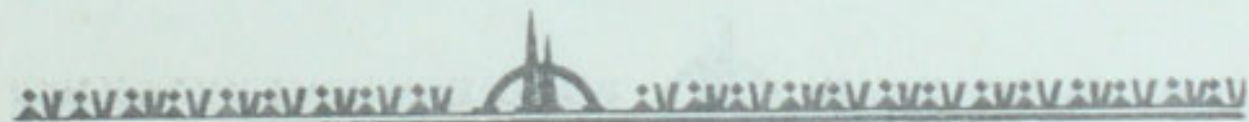

Гыданский рыбокооп закупает панты у частников по 100 рублей за килограмм, а норильчане - по 500. Сбитые с толку этой ценой, ненцы, естественно, хотят иметь дело с предпринимателями. И попадают в капкан. Потому что масло им подсовывают за 400-500 рублей, а бутылку спирта аж за тысячу. Между тем в Гыданском рыбокоопе масло - по цене 30 рублей.

Директора совхозов, добывающие продукты для тундры, Советы ставят вопрос ребром: продаешь пушнину, рыбу и панты кооператорам - пусть они тебя и отоваривают. Почему территория из скудного бюджета обязана давать дотации на товары повседневного спроса тем, кто способствует обогащению конкурентов?

Вот типичный случай одурачивания, о котором рассказывает директор совхоза "Россия" Валентина Вахнина: "Действующая под туристической вывеской фирма "Полярный круг" за 200 килограммов пантов осчастливила "Бураном" тундровика Николая Сэротетто. Нетрудно подсчитать, сколько "наварили" преуспевающие бизнесмены на этой сделке, если килограмм пантов в среднем идет по 100 долларов, а снегоход стоит 100 тысяч рублей".

Опутанная обманом и вымогательством тундра напоминает сейчас времена колониальной политики. Методы и приемы те же, а основным ввозимым товаром является водка. "С целью вымогательства рыбы и пантов коммерсанты в течение всего года завозят в тундру спиртное. В том числе и сомнительного качества, - зафиксировано в официальном акте проверки. -

В результате употребления алкоголя в стойбище Есе-Яха скончался молодой рыбак Михаил Яптунай".

Глава администрации Тазовского района Н.Харючи рассказал, что злополучный "Витт", получив от Яптуная панты, обещал привезти ему "Буран". А явился с водкой... В Ямальском районе "зеленый змей" послал на тот свет всю бригаду снегозаготовителей. В Приуральском только за 2 месяца путины утонуло больше десятка рыбаков.

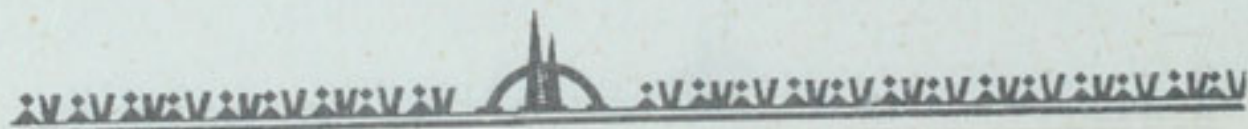
Проблема настолько остра, что в автономных округах России распространено письмо председателя Комиссии по вопросам социального и экономического развития автономных республик, автономной области, автономных округов и малочисленных народов Верховного Совета России З.Корниловой. В нем говорится о неконтролируемой торговле спиртными напитками в районах проживания малочисленных народов Крайнего Севера. И о том, что "складывающаяся ситуация требует незамедлительного государственного вмешательства".

Впрочем, эта бумага носит скорее рекомендательный характер. А между тем назрела острейшая необходимость действовать уже сегодня, вносить дополнения, изменения в указ о свободной торговле винно-водочными изделиями и принимать самые строгие меры к тем, кто в качестве расчета за пушнину и панты предлагает аборигенам водку.

Наконец, пора ставить точку в хищническом растаскивании богатств Севера. Опасаюсь, что объектом браконьерского экспорта могут в ближайшее время стать и дикие гуси. Ведь известно, что купцами царской России только из района Гыды ежегодно вывозилось порядка 10 тысяч забитых палками в период линьки гусей.

Ждать указов из Москвы - не то время. Имея достаточно самостоятельности, местная администрация сама может выработать меры по защите интересов коренного населения и своих территорий. В отношении пантокрадов самое реальное - это лицензии. Выдавать их должна местная власть после того, как кооператив или малое предприятие убедят ее в здоровом коммерческом интересе, подкрепленном не водкой, а товарами широкого ассортимента. Учитывая, что автономные округа вводят на своих границах таможни, от коммерсантов должны потребовать медицинское "свидетельство" состояния здоровья вывозимого товара, а такой документ будет только у тех, кто получил лицензию.

Не исключено, что отдельные лица будут искать возможность вывезти панты неофициальным путем, своими вертолетами, о появлении которых в воздушном пространстве округа никого не известяют. Здесь не обойтись без помощи департамента транспорта, Министерства внутренних дел и пограничников.

Лошадку не даром зовут невеличкой

Картинка из детства. Колокольчик в руках "ночного директора" - сторожа тетки Акулины - возвещает об окончании занятий. И мы всем классом выкатываемся на крыльцо школы, а там - снежки, чехарда... Но в какой-то момент я замираю как вкопанный.

По улице, синей от сумерек, будто на нее только что перевернули чернильницу, едет хантыйская кошева. От обычной ее отличают облегченные, стремительной конструкции, как у оленьих нарт, полозья и широченный развал высокой спинки. Кошева едет окутанная паром. А лошади не видно. И только когда она оказывается совсем рядом, различаю крохотную лошадку, напоминающую Конька-Горбунка.

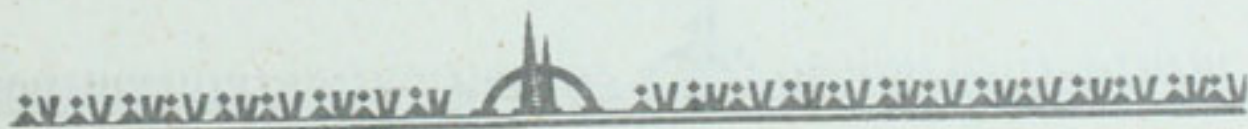
Многие годы спустя эта картинка подтолкнула меня к теме, которая может заслужить внимание как государственного аграрного сектора, так и нарождающегося фермерства.

И.Палкин, известный в Шурьшкарском районе тем, что работал на единственной в Ямало-Ненецком округе конеферме, вспоминает:

- Осуществление лозунга "Пересядем с коня на трактор!" выразилось в безжалостном уничтожении лошадей. Только у нас пустили под нож сразу около ста голов. А сколько по округу?..

И до сих пор место лошади в хозяйственной деятельности человека так и не занято. Ведь на тракторе за сеном через реку или за лесом по таежным болотам раньше января не попадешь.

Кстати, почему я ограничиваю круг деятельности лошади только сельским хозяйством? Старожил села Мужи Ф.Рочев прислал выписку из материалов Государственной земельной экспедиции 1931-1933 годов: "Перевозка грузов, почты, пассажиров на расстояние 500 километров (Мужи-Березово, Кушеват-Обдорск) осуществлялось на

лошадях и оленях. Грузооборот в зимний период 1931 года составил 17500 тонно-километров".

Предвижу, найдутся те, кто откровенно посмеется надо мной: "К чему он нас призывает?" К разуму. Вдумайтесь только: один конедень, к примеру, в совхозе "Горковский" стоит около 70 рублей, а за трактор нужно платить все 200. Так что выгоднее хозяйственнику?

Лошадь - это клеточка организма природы. И если округ захлестнуло экологическое бедствие, то в какой-то мере и потому, что клеточку удалили.

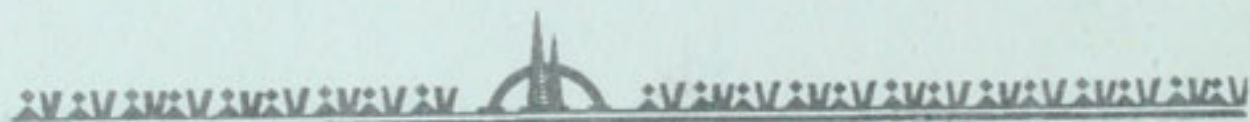
Сейчас во всех четырнадцати совхозах округа лошадей вместе с хромыми и больными едва ли насчитывается около 500 голов. "За бочкой воды или мешком муки едем на тракторе, - пишет из Нового порта В.Вануйто. - Гужевой транспорт не в моде. И никто не хочет брать во внимание, что колея трактора в тундре на вечной мерзлоте оборачивается протаиванием льда и появлением оврагов".

Итак, все аргументы - за коневодство в тех районах Крайнего Севера, где это возможно. В Ханты-Мансийском округе по крайней мере это поняли давно. Только в госпромхозе, не считая колхозов, тысяча лошадей. И себестоимость содержания их по сравнению с откормом молодняка крупного рогатого скота намного ниже.

Здравый смысл подсказывает, что встать на ноги отрасль может лишь при условии правильного выбора пути своего развития. Хантымансийцы сразу же проголосовали за "тебеневку" - содержание животных на зимних пастбищах, где они находятся на вольном выпасе. В феврале же, когда снег становится уплотненным и доступ к кормам затрудняется, их помещают в отгоны и содержат там до вытаивания "грив", то есть возвышенных травяных участков.

Так что же машает ямальцам раскрутить "тебеневку", к примеру, на базе бывшей Овгортской конефермы? Вопрос этот полтора года назад я задавал начальнику производственного отдела окружного агропромышленного объединения, ныне управления сельского хозяйства, Ю.Вокуесу. От ответил лаконично: "Невыгодно". Ведущий зоотехник подсобных хозяйств того же объединения, а сейчас главный специалист по приватизации и поддержке фермерских хозяйств и новых форм предпринимательства В.Ковун аргументировал свой отказ отсутствием возможностей приобрести лошадей на племя.

- Поскольку "тебеневка" широко практикуется в Якутии, то

отправляли гонцов туда, - рассказывал он. - Но вернулись они ни с чем. По полторы тысячи за голову просят Якуты - дороговато. И потом, не внушает доверия инфекционное состояние животных.

Выходит, ямальцы - рачительные хозяева? А я могу биться об заклад, что это вовсе не так. Помнится, несколько лет назад за русских рысистых, от которых в наших климатических условиях оказалось пользы, как от пресловутого козла, они отвалили по четыре тысячи...

Дефицит племенного поголовья - это надуманная проблема. Его, в конце концов, можно было бы приобрести и у соседей в Ханты-Мансийске. Причем сделка с ними выглядит более выгодной не только арифметически. Она гарантирует, и это особенно важно, что приобретается не кот в мешке, а кони, приспособленные к нашему климату. Лошадки-невелички до сих пор существуют. Хотя о них, сохранившихся в хантыйских деревеньках, говорят, еще не знает наука.

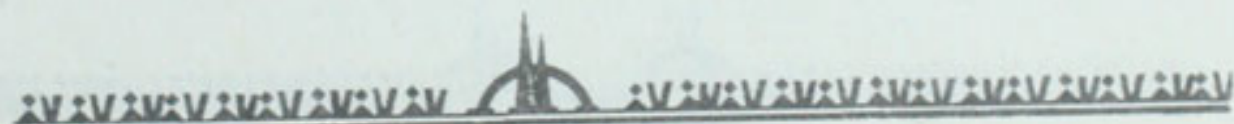
- Пират, - представила мне Евдокия Лонгортова кроху, обросшую длинной шерстью. Грозная кличка явно не соответствовала облику животного. Но в данном случае меня больше интересовали характеристики. И хозяйка выдала их.

- Пират наш не весит и трехсот килограммов. А груза везет шестьсот-семьсот. Сена ему всего около двух тонн ставим, а порой и того меньше. В общем, живут такие лошадки на самообеспечении. Как олень, копытят корм из-под снега.

Так почему же не посмотреть на крохотного конька, как на объект для выведения ямальской тебеновой лошади? Но, как известно, под лежащий камень вода не течет. Не озадачивал агропром ученых таким вопросом. Набрали в рот воды и фермеры. Не проявляет активности управление сельского хозяйства.

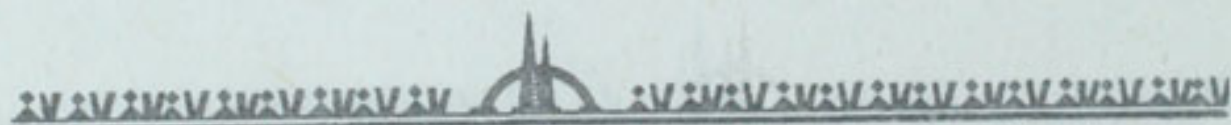
Помнится, Ковун называл мне большие суммы затрат на изгороди, конюшни для жеребых кобыл. Тем самым, не скрою, поколебал представление о перспективности тебенового коневодства. А хантымансийцы доказывают обратное.

- Всем трудно, в том числе и нам, - признается директор промхоза В.Сафронов. - И все-таки "тебеновка" - дело выгодное. Молодняк всегда у нас покупали на племя. И нынче желающим предлагаем. Но есть еще более прибыльная область применения наших усилий. Это пищевая. В Горноправдинске мы открыли небольшой цех по изготовлению колбасы и окороков из конины. И продукция идет нарасхват.

Что ж, и в Ямало-Ненецком округе далеко до продовольственного изобилия, конская колбаса, наверное, не оказалась бы лишней... Но есть и другие аргументы в пользу лошади.

Не принято было об этом говорить, а теперь вдруг открылось, что призрак безработицы уже длительное время витает над Севером. Придут люди, покрутятся у стенки в конторе совхоза "Полярный" - и разойдутся ни с чем. Нет работы. А перспектива еще безрадостнее. И в этом случае "тебеневка" - как спасательный круг. А при врожденной любви малочисленных народов нашего Севера ко всему живому на земле она бы гармонично вписалась в их жизнь... И вообще, кто позволил нам забыть нравственные и воспитательные аспекты? Было ведь когда-то: от горшка два вершка, а уже на конях. И не только забавы ради, а чтобы помочь в хозяйстве. И получали ребятишки в общении с булаными и гнедыми уроки доброты и уважения к животным.

Двое среди снегов

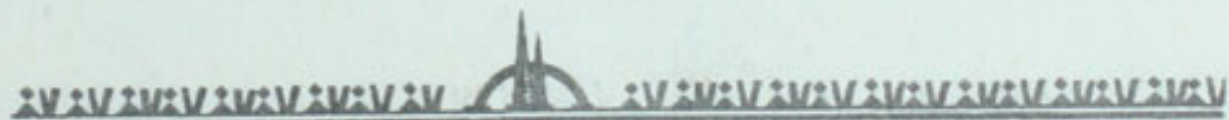
Попутный вертолет подбросил на Моржовую. Так называют речку, узкой ленточкой выбегающую с полуострова Ямал в Карское море. Когда снежная карусель, поднятая винтами "восьмерки", остановилась, показался голубенький домик.

Проваливаясь в снегу, я вскинул глаза только перед самым крыльцом. И увидел мужчину в латаном полушубке, шапке с кожаным верхом и в "резинках" - сапогах, на которые в Арктике сезон уже давно прошел. Позже я узнаю, что в этом домашнем наряде начальник полярной станции Евгений Васильевич Маклаков вот уже больше двух месяцев. Потому что все это время он тракторист, механик, моторист и начальник в одном лице.

В коридоре "полярки" появилась женщина и приветливо протянула руку: "Мы рады гостям". Что произнесенное Екатериной Егоровной - не проформа, убеждаюсь моментально. В кают-компании - кстати, прошу взять во внимание, что на "полярках" принято выражаться морскими терминами, - появляется угощение. И завязывается разговор. Вначале, как это бывает обычно, о погоде и природе.

- Смотрите! - неожиданно привстает со стула Евгений Васильевич. И я вижу, как по самой кромке берега невозмутимо шествует песец. Он, на языке охотника, еще не "подошел", то есть еще в серой шубке. Но по тому, как "давит" мороз, можно ожидать, что она вот-вот побелеет и зверек станет абсолютно неразличим на снегу.

Все время, пока длится наше чаепитие, я чувствую, что мои собеседники напряженно и чутко прислушиваются к звукам морзянки из "рубки". В какой-то момент Евгений Васильевич поспешно уходит. И Екатерина Егоровна коротко бросает: "Наш срок".

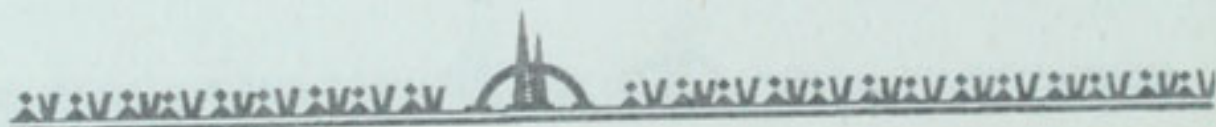

Видимо, и мне пора от описания общего экзотического фона, окружающего станцию, перейти к конкретике, основу которой составляет будничная работа экипажа в вакууме Арктики, в изоляции от людей, от цивилизованных бытовых и социальных благ.

Начну с того, что сейчас на "полярке" вместо восьми человек только муж и жена. По регламенту им положено восемь раз в сутки выходить на связь. Но каждому сеансу должно предшествовать "снятие" данных с приборов, установленных на открытых площадках в тундре. Так что на сон времени не остается.

И, просыпаясь несколько раз ночью, я слышал: Маклаковы на ногах. Откровенно им сочувствовал и утешался тем, что сейчас им легче, нежели полмесяца назад. Тогда Евгению Васильевичу пришлось практически в одиночку выгружать из морского корабля продовольствие, снаряжение, горючее. Словом, все, что требуется для долгой полярной зимовки.

Свидетелем этой эпопеи служит трактор. Он, как монумент, застыл на склоне, радиатором к морю. Чтобы, покотившись, завестись без аккумулятора. Ох уж эта смекалка и золотые руки Евгения Васильевича! Они не однажды спасали полярников. Несколько месяцев назад из-за отсутствия этого же злополучного аккумулятора едва не замерла жизнь в голубеньком домике. По крайней мере, уже приготовились сливать воду из системы отопления. Но в самый критический момент Маклаков все же нашел выход. Не поверите: запустил двигатель с помощью ручной дрели!

Об этом мне рассказала Екатерина Егоровна. А Евгений Васильевич как бы нехотя: "Что, мол, тут особенного?" - по дороге на футшток добавил несколько подробностей. "Футшток" - где я это слышал? Ах, опять же от Екатерины Егоровны.

Она еще сказала: "Женя уйдет на футшток, а я трясусь от страха: вернется или нет живой?"

Это мудреное слово обозначает площадку, а точнее берег Моржовой, где установлены приборы наблюдения за уровнем и температурой воды. А "трясется" Екатерина Егоровна за жизнь мужа по той причине, что окончательно обнаглели медведи.

Порой находятся в такой опасной близости к человеку, что того и гляди сцапают. И хотя Евгений Васильевич меня уверял, что "нрав у них ничего" и только важно неожиданно на мишку не набрести, я усомнился. Потому что видел собственными глазами медвежьи забавы: разорванное сиденье на "Буране" и приведенную в негодность многоместную резиновую лодку.

- Не медведи ли виной тому, что на "полярке" постоянный недокомплект штата?

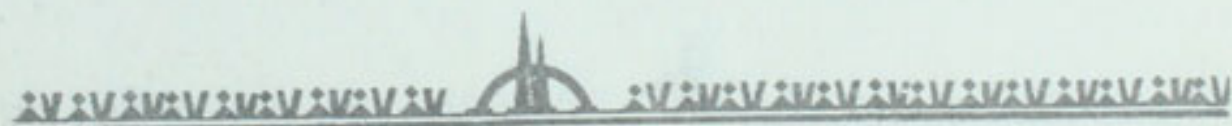
- Конечно, определенный дискомфорт медведи для полярников создают, - считает Евгений Васильевич, - но причины все же другие.

И их целое множество. Я уже не говорю о том, что почта на станцию из Харасавэя доставляется по остаточному принципу. А такой первоочередной вид обслуживания, как медицинское, и вовсе на полярников не распространяется. Когда у Екатерины Егоровны от перенапряжения (и не мудрено) затекли кровью глаза, из Харасавэя ответили: "Пусть отдохнет. А вообще, вы не наши".

Из года в год обеспечение "полярок" катится под гору. Вместо кофе в иных банках оказалась... береста. Вместо масла в ящик положили кирпичи. За исключением мелочей, ровно ничего нынче не поступило для ремонта двигателя электростанции. А впереди зима. И остановка дизеля в таких широтах, как Моржовая, может запросто обернуться гибелью людей.

Я смотрю, как хрупкая Екатерина Егоровна подходит к Евгению Васильевичу. Она верит, что пока он рядом - с ней ничего не случится. Гордо выкладывает передо мной высокие награды, которыми родина удостоила мужа. И вроде Екатерине Егоровне невдомек, что, опять же не будь ее, возможно, никогда не проявился бы Евгений Васильевич как специалист, как человек.

Но одно ясно обоим, что лучшие годы и здоровье отданы любимому делу. Почти тридцать лет по "северам"! Заработная плата Евгения Васильевича как начальника полярной станции в сентябре

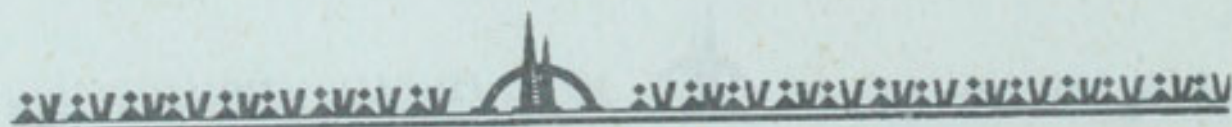

составила всего лишь 11 тысяч. Ничего себе "длинный рубль"! Но окончательно подводит правительство полярников к категории лишних людей отсутствием гарантии на собственный угол на Земле.

У Маклаковых, к примеру, на шестерых чуть больше двадцати "квадратов". Они было кинулись в родное Амдерминское управление по гидрометеорологии. Но им сказали: "Обращайтесь по месту жительства". А оттуда отфутболили на место работы.

... "Вертушка" за мной пришла в точно назначенное время. И видел, как две фигуры на фоне замерзающего неприветливого Карского моря махали вслед вертолету. И я махал. Мысленно желая им всего того, что заслуживают люди, во благо другим избравшие судьбу робинзонов.

На фоне космоса ненецкое семейство...

Мы переживаем времена, когда с огромного количества бумаг с шорохом осыпается гриф "секретно". И уже не столько для северян - для всей страны не является новостью тот факт, что два района Ямало-Ненецкого округа - это место, куда падали и падают отделяемые части ракет. Тот, кто не бывал на Севере, но бывал на космодроме Байконур, видел, какие они. Малиновый носовой обтекатель и внушительных размеров сигарообразные топливные баки...

Но меня в колыбель космической славы привело не праздное любопытство, а чисто прозаические вопросы.

Например: содержат ли "железки", падающие на нашу землю с небесной выси, радиационную заразу? Меня заверили, что в этом вопросе нет на Байконуре компетентнее человека, чем полковник В.Доронин. А он голову дал на отсечение: такой опасности их техника не несет. Ведь в качестве топлива в космических летательных аппаратах - безобидные керосин и кислород.

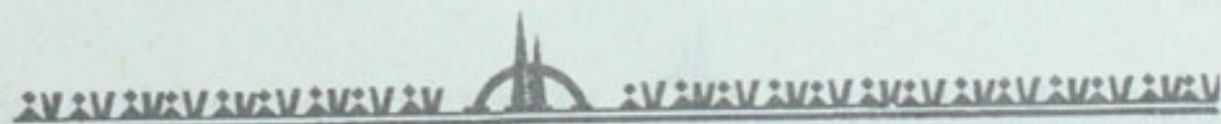
Правда, потом Доронин все же признался, что у правила есть исключение - корабль "Протон". Он работает на агрессивных компонентах топлива. И когда ступень отделяется, то в пространство, а следовательно, в воду и на землю, проливается до 200 килограммов вещества, которое для природы скорее яд, чем бальзам. Однако он утверждал, что такие ракеты с Байконура не стартуют.

А откуда? Может, с космодрома Плесецк?

- Нет-нет! Мы с "Протонами" дела не имеем! - открестился от этой ракеты и заместитель начальника штаба Плесецка В.Василенко.

Не знаешь, кому и верить. Что в таком случае значит снимок, который мне дали на Байконуре? На фото запечатлен момент, когда "Протон", весь в облаках пара, готовится к прыжку в космос.

Может, эти старты в прошлом? Однако факт, что "Протоны" использовались. Тогда хотелось бы знать, где и в каком количестве, на горе всему живому, распространяли их остатки заразу? Уж не

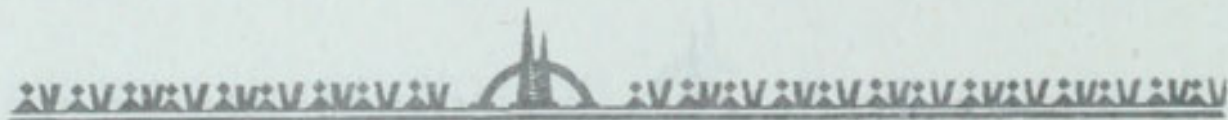
в Уватском ли районе Ямало-Ненецкого округа? Председатель районного Совета Ю.Свяцкевич вспоминает, как в 1987 году внезапно появились и буквально обложили район люди в военной форме. Их было много, и они что-то тщательно искали. Теряясь в догадках, Свяцкевич подал депутатский запрос Д.Язову. Министр обороны отказался удовлетворить его законное любопытство. Но заверил, что такое больше не повторится.

Столь же исчерпывающие ответы получал, по сути, и я. Причем плесецкие специалисты оспаривали даже термин "пассивный полигон" применительно к Тюменской области. По их мнению, место падения отделяющихся частей ракет никак нельзя назвать полигоном. Однако "Советский энциклопедический словарь" на этот счет сообщает следующее: "... участок суши или моря, предназначенный для испытания оружия, боевых средств, техники..."

Допускаю, что два первых определения не из этой оперы, но разве ракета, даже используемая в мирных целях, не является техникой? И чем же, как не полигоном, можно назвать участок суши, где запрещена народно-хозяйственная деятельность и который стал просто свалкой космических железок? Здесь ранят ноги олени, здесь небезопасно ходить и человеку.

Но не надо думать, что если свалка, то нет порядка. За двое-трое суток до запуска летательного аппарата военное ведомство дает телеграмму местному Совету, на чью территорию должен приземлиться космический подарок. Стороны договариваются, что все, кто работает в непосредственной близости с опасной зоной, подлежат на время эвакуации. Но эта система предосторожности иногда допускает осечки. К примеру, около двух лет назад Плесецк потребовал отогнать на полуострове Ямал оленье стадо на 40 км от искомого района. И ровно на столько же космодром ошибся в расчетах. "Болванка" (или, если хотите, отделяемая часть ракетоносителя - ОЧРН) весом в 5-6 тонн ухнула рядом с чумом пастухов. После этого местные власти снова потребовали перенести свалку куда-нибудь в Карское море. Официальная реакция была такова: сие нецелесообразно. Потому что запуск под другим наклоном не обеспечит эффективного использования космических аппаратов... Но злые языки утверждали, что в ведомстве просто не нашлось ума, который мог бы скорректировать расчеты легендарного Королева...

Как обстоят дела сейчас? В районе с условным названием "Тобольск" (это в восьми-десяти километрах от Увата) тайга и болота буквально щетинятся старыми и новыми обломками ракет, не сгоревшими в плотных слоях атмосферы. Между тем у "Тобольска", в некогда глухом углу, открыто перспективное Кальчинское месторождение нефти. Где-то через год здесь протянут продуктопрово-

ды... Нетрудно представить, какой трагедией может обернуться неточность приземления ОЧНР. Все больше интересуются этим районом и геологоразведчики. Свои расчеты у лесозаготовителей.

Почуяв, что слова "экология" и "суверенитет" вошли в моду, начали считать да прикидывать и местные Советы. А не потребовать ли с космодромов компенсацию за убытки? Сейчас сами над собой смеются, вспоминая, как раскатали губу, предвкушая миллионные прибыли от захламленной территории... Ничего, конечно, не вышло. И дело не в скупости ведомства. Отрасль, вобравшую в себя передовую науку и олицетворяющую технический прогресс, держат, как известно, не только в ежовых рукавицах, но и в черном теле. Министр обороны разрешал, в частности, Плесецку раскошеливаться лишь в случае прямого ущерба. То есть если части ракет со всего маху угодят в стадо и оборвут безмятежную жизнь нескольких оленей...

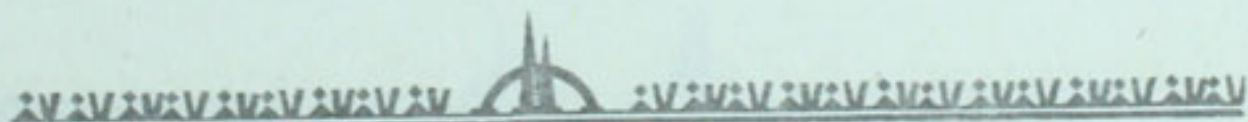
А в остальных случаях? "... По возможности оказывать практическую помощь материальными и техническими средствами для укрепления социальной сферы..." Такие обязательства дало год назад руководство космодрома Плесецк Уватскому районному Совету. Однако возможности, видимо, не представилось. Да и чего было ждать от расплывчатой, ни к чему не обязывающей фразы!

Имелся, правда, в документе и более привлекательный пункт. Из него следовало, что войсковая часть 13991 обещает начать сбор и утилизацию отделяющихся частей ракетносителя в районе падения. Увы! Свалка продолжает расти. Ее масштабы помогут представить такие цифры. За тридцать лет районы Тамбея и Яр-Сале использовались как место сброса 130 раз. Рядом с армированными, легкими обтекателями здесь покоятся железки весом пять тонн и больше.

Байконур, как известно, "свои" железки не бросает. Его специальное подразделение уже много лет работает в Томской области. Со ступени ракеты снимают драгоценные металлы, затем разрезают и вывозят... Северяне же, которым надоели отговорки Плесецка, сами решили поставить космический металлолом на рельсы конверсии. Носовые обтекатели они приспособливают под каркасы чумов. А топливный бак ракетносителя в зверооленоводческом совхозе "Россия", например, используют как склад для хранения комбикорма.

Некоторые горячие головы, правда, все-таки хотят пойти дальше - требуют запретить запуск ракет с Плесецка. Хотя понимают, что без спутников сегодня - ни туда и ни сюда. А их выводят на околоземную орбиту ракетносители с Байконура и Плесецка.

Но и сидеть в созерцательной позе в отхожем месте нашего мирного космоса им тоже больше не хочется. И разве они не правы?

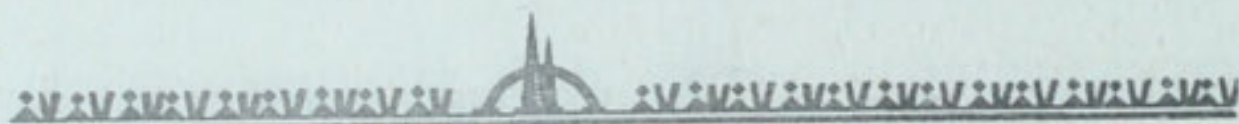
Ярото - стойбище вымирающих

Говорят, перестройка возродила в человеке личность. Понимать это надо так, что теперь с человеком считаются, его жизнь и достоинство не втаптывают в грязь... Ой ли? Я бы во всяком случае заменил глаголы: возрождает, должны считаться, нельзя втаптывать... И все законы, все указы правительства, все, что делается исполнительной властью на местах, рассматривал бы через такую призму: способствует ли возрождению? Считается ли с достоинством? Распрямляет ли человка?

В самой глубине Ямальского полуострова есть два огромных озера, на карте обозначенных как Ярото-1 и Ярото-2. Летом они восхитительно голубые и радуют глаз. А в октябре зима окрашивает их в одинаковый с тундрой чистый белый цвет. Для тундровиков это цвет одиночества, полной оторванности от всего внешнего мира.

При всем драматизме ситуация вообще-то вполне обычная. Но - только для молодых людей, полных сил и энергии, которые хорошо подготовились к долгой зиме. А в стойбище на Ярото - увечные да старые. Забытые всеми, они сбились в жалкую кучку на краю света, на краю жизни.

Мужчина в малице с истлевшей сорочкой. У него гноящиеся, угасающие глаза. Рядом женщина с исхудавшим, по-мальчишески угловатым лицом. И тоже изношенная до дыр одежда. Как уроженец здешних мест, знаю, что такое старье если уж и донашивают, то в относительно теплое время года. А у этих, видимо, просто нет ничего новее и теплее. Еще больше поразила меня другая встреча. У Нертю Езынги из-за систематического переохлаждения на охоте и рыбалке к старости отнялись ноги. Все надежды теперь - на сына. Но у военкома вместо сердца в груди оказался кусок льда, парня наравне со всеми призвали на действительную военную

службу.

- Только и думал: не умерли ли мои от голода и холода? - вспоминает сейчас Сергей.

Не умерли. Нертю ползал, опираясь на короткие палки. Так он проверял капканы и сети, таскал на себе дрова.

Единичный случай? Нет, к сожалению. Прошу положиться на мое знание здешней жизни и верить, что для обобщений у меня есть самые веские основания.

Север осваивался с пафосом и пылом. В его недра жадно вгрызались, в его отлаженную веками жизнь самоуверенно вмещивались. Но пыл - штука недолговечная. И очень быстро "местные" оказались вычеркнутыми из круга государственных интересов. Их отбросили, как бросают изработавшихся оленей на обочине дороги. Позабыты многие из тех, кто еще вчера вместе со всеми тянул тяжелый аргиш в традиционных для Ямала отраслях хозяйствования. Одиноким чумы можно встретить в районах Яптик-Сале, Тамбея, Антипаюты, в таежных дебрях Пуровского и Красноселькупского районов и даже на острове Литке.

Первое условие независимости и возможности смотреть в будущее - это все-таки материальная обеспеченность. Так вот, не верьте выдумкам, что на Ямале у всех толстые кошельки. Бесспорно, кое у кого сбережения имеются. Но большинство тундровиков едва сводили концы с концами. Основных причин, пожалуй, две. Одна - общая для страны: диспропорция между трудом и его оплатой. Другая отдает северной экзотикой. Это порочная практика, когда пастухов, не разбирая вины, заставляли погашать недостачи в совхозных стадах за счет личных оленей.

Последние решения российского правительства по пенсионному обеспечению и социальному обслуживанию лишь чуть подсластили горькую участь моих земляков. Понятно: государственный карман - не резиновый. Но жизнь дорожает - и не постепенно, а скачками. Цены берут одну высоту за другой, как знаменитый Бубка. Что же делать таким, как Нертю Езынги - подползти, опираясь на свои палки, и смотреть снизу вверх?

Кто же обязан помочь моим пенсионерам? На этот вопрос отвечали по-разному. В первую очередь называли взрослых детей. Резонно! И, к чести коренных жителей республики, они сумели воспитать в своих детях чувство долга. Парни и девушки в таких случаях сознательно отказываются от любимой работы, от возможности устроить свою личную судьбу и остаются с родителями в тундре. Все тяготы жизни в крохотном стойбище пенсионеров, знаю, делит сейчас с Петром Езынги его дочь. Отец ее, постарев, обезножил. Можно восхититься благородством дочери, но нужно, наверное, и спросить: почему оказался забытым знатный некогда

бригадир оленеводов совхоза "Ярсалинский", кавалер ордена Трудового Красного Знамени Петр Езынги?

Об осечках социального обеспечения говорят в последнее время немало. И о том, что должны делать "наверху", а что под силу местным властям. Можно, например, увеличивать пенсию особо нуждающимся старикам за счет своего бюджета.

- Всем никак не поможешь, - объяснял заместитель председателя Ямало-Ненецкого окрисполкома И.Билкей. - В Красноселькупском районе, допустим, где минимальные пенсии получали 20 человек, средства для надбавок в прошлом году еще нашлись. А в Тазовском их уже 300, не меньше в Ямальском. Даже если выскребем для этих целей весь бюджет, и тогда на всех денег не хватит. Считаю, должны сейчас помогать и те предприятия, где эти люди гнули спину...

Должны-то должны, но...

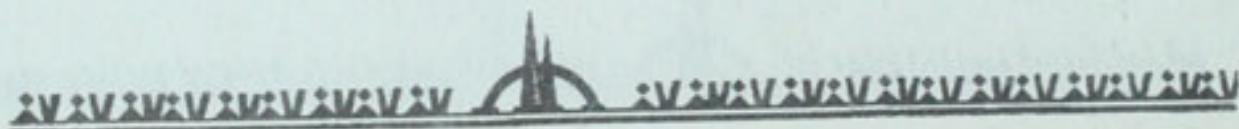
- До сих пор так ведется: ушел человек на пенсию - и на нем поставили крест, - откровенно объясняет главный инженер совхоза "Россия" А.Шапошников. - Разве что по его заявлению окажем единовременную помощь.

Общеизвестная практика! В прошлом году я пытался найти исключение и звонил в совхозы "Антипаютинский", "Тазовский", на Новопортовский рыбозавод, в другие хозяйства окружного агропрома и объединения "Тюменьрыбхоз". Не нашел. В лучшем случае в конторе где-то завалился список пенсионеров-тундровиков. Но о целевой программе шефства над ними никто никогда и не помышлял.

... В январе на наш полуостров, как цепные псы, набрасываются морозы. В Салехарде из-за этого год назад было объявлено чрезвычайное положение. Не хватало топлива, света, газа... В городе на это время отключают освещение улиц - лишь бы согреть дома. А на Ярото? Если в моей квартире термометр показывает плюс десять, то какая же температура в чумах, если снаружи минус пятьдесят?

На Ярото было пять чумов. Один буквально шокировал убогостью. Вместо привычного нюка из зимних оленьих шкур его покрывали заплаты из брезента, вытертого меха, резины. На уровне человеческого роста - вырез, затянутой целлофановой пленкой. Так семья Вылко впускала в свое жилище свет, компенсируя отсутствия керосина. Но это летом. Зимой здесь, как известно, все 24 часа в сутки - непроглядная темень.

Как-то на глаза мне попало сообщение о том, что еще в одна тысяча двенадцатом году Петр I издал повеление об устройстве "по всем губерниям" госпиталей "для самых увечных и зело престарелых людей". Прошу обратить особое внимание: "по всем губерни-

ям"! Ненец не может без своей тундры. А его отправляют, к примеру, на самый юг Тюменской области, в Ишимский интернат для престарелых. Да разве старое дерево пересаживают? А мы делаем это дело - грубо, с каким-то тупым удовольствием отряхивая корни...

- Такой интернат давно пора построить на нашем полуострове, - говорил бригадир пастухов совхоза "Ярсалинский", заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР Александр Худи. - И обязательно рядом с хорошим озером. Чтоб старики могли порыбачить, поохотиться.

Хотяко Езынги тогда - председатель Ямальского райисполкома, а сейчас - представитель главы администрации в районе, в связи с этим припомнил, что неподалеку от стойбища пенсионеров на Ярото когда-то была фактория. До сих пор о ней напоминает мерзлотник. Так вот, с осени до глубокой зимы те, кто из-за преклонного возраста или отсутствия оленей каслать по тундре не мог, - те охотились здесь и рыбачили. Часть того, что ловили, сдавали Новопортовскому рыбокоопу (который, кстати, содержал и разъездную торговлю).

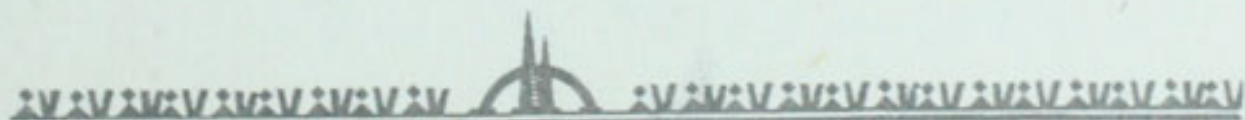
- И мы тоже могли бы оживить этот людьми и богом забытый уголок, - утверждал Х.Езынги. Рассказывал о планах: в Ярото, Усть-Юрибее, Тарко-Сале надо построить и малокомплектные школы, бани, медпункты - словом, все необходимое для тундровиков. И не сомневался, что затраты окупятся рыбой, ягодами, пушниной.

- Местным жителям, в том числе и пенсионерам, надо дать возможность подзаработать. Как? Например, создать в поселках минипункты обработки рыбы и пушнины. Тогда охотник будет выделывать шкурки песца сам и за каждую сможет получать втрое больше, чем сейчас.

Но планы эти делает малореальными все то же: скудность местной казны. Однако раскошелиться на доброе дело могли бы совхозы и рыбозаводы округа, которые пока ничего не сделали, чтобы отдых ветеранов действительно походил на заслуженный. Выяснилось, что упускаются и возможности компенсационного строительства...

Впрочем, не мне искать по сусекам нужные миллионы. Есть в округе люди, кому это полагается делать по должности. Кто хорошо знает, в чем нуждаются тундровики. Понимает, что зря мы, например, вычеркнули когда-то из лексикона слова "культ аза", "красный чум", "разъездной ларек", "фактория". Из жизни советской Арктики к концу XX века было вычеркнуто многое, что облегчало трудную судьбу ненцев.

Маленькое стойбище Ярото ждет. И как бы мне хотелось, чтобы о нем позаботились прежде, чем его старики уйдут к "нижним людям"!

Белый ягель

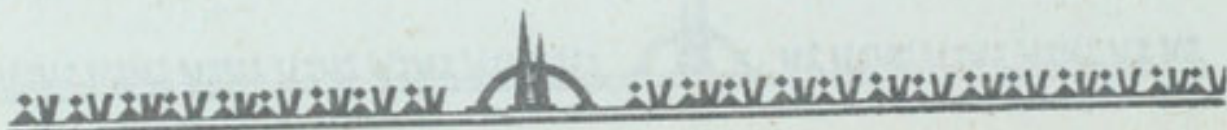
"Белый ягель". Не правда ли, красивое название для повести? Но ее автор, ненецкая писательница Анна Неркаги, думала отнюдь не о романтике. Для малого народа, каковым являются ненцы, ягель - это символ жизни, добра, благополучия. Будет ягель - значит, обеспечен корм оленям. А олень - это мясо, одежда, транспорт...

Сегодня представление о незыблемости этой схемы, обкатанной веками, пошатнулось. Теперь ученые хором говорят о слабости и экологической неустойчивости биоценозов Севера. Так вот, еще до начала строительства железной дороги "Обская-Бованенковское" только геологоразведкой на Ямале было выведено из оборота более десяти тысяч гектаров ягельников и земель, имеющих охотничье-промысловое значение.

Как слон в посудной лавке, вели себе и подразделения министерств и ведомств. Пресса трещала о высокой миссии - дать богатства Ямальских недр Родине... Возможно, кто-то стал с этого богаче. А мы - беднее. Безоглядная эксплуатация механического транспорта, пожары, сверхнормативный (в 23 раза!) отвод земель в Пуровском районе - все это уничтожило три с половиной миллиона гектаров ягельников. В Надымском - около двух миллионов. Сейчас на очереди полуостров Ямал.

За эти бесчинства принято приглашать на эшафот гласности геологов, строителей и газовиков. А как же те, кто по своей профессии и по должности обязан оберегать природу, родной дом своего народа? Почему они не встали на пути экологической экспансии ретивых хозяйственников?

Защитников природы принято жалеть по причине их общеизвестной слабости и вечного бесправия. Что, мол, за указ для маг-

натов решение какой-то местной инспекции! Чем может, к примеру, "прижать" рыбоохрана? Штрафом в сто рублей?

Так было во времена застоя и вседозволенности. Но им на смену пришли годы перестройки - и еще большей, как выясняется, вседозволенности. Ведь интенсивное освоение Ямальского полуострова началось уже в период плюрализма мнений и широкой гласности! Так что причины слабости и бесправия защитников природы надо искать в другом.

Я хорошо помню одно совещание представителей министерств и ведомств. Они собрались в Салехарде, чтобы обсудить "выход на полуостров". Выступающих хватило на два дня. Однако тогдашнему первому секретарю окружкома КПСС Миронову дали слово только для приветствия. Хотя, по логике вещей, он как хозяин должен был диктовать условия совещанию. Но смелость и неуступчивость могли ему стоить секретарского кресла.

Когда я написал об этом в отчете для окружной газеты "Красный Север", в свою очередь сработал инстинкт самосохранения у заместителя редактора. Статья света не увидела.

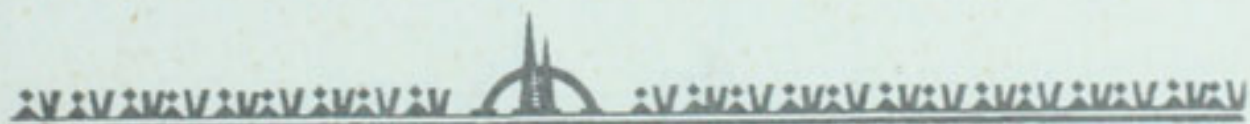
Гражданского мужества, самоуважения, позиции - вот чего как не хватало, так и не хватает. И природоохранительным органам тоже.

Хотя, если они захотят, - найдутся и сила, и право. Пример - операция Ямало-Ненецкой инспекции рыбоохраны, закончившаяся запрещением добычи гравия из реки Сось. Но этот "залповый выброс" принципиальности был первым и последним. Видимо, посчитали, что у принципиальности все еще высока себестоимость. Как будто она когда-то падала!

Короче, убедившись, что для китов из министерств и ведомств гарпун еще не выкован, там снова всецело отдались погоням и рейдам по Оби. Ведь до сих пор бытует практика, когда о работе инспекции судят по количеству "дел". А количество дают те, кто хоть и незаконно, но берет от природы лишь на свое пропитание.

Я не склонен умалять вреда браконьерства. За год с таких нарушителей удерживали до 50 тысяч рублей. Но разве можно сравнивать эту цифру штрафов с многомиллионным ущербом от гибели природных комплексов на Ямбурге и полуострове Ямал! Почему в голосе инспектора не хватает металла?

На оставленной без присмотра территории между тем уничтожается все живое. Помню, как председатель Ямальского райисполкома Хотяко Езынги (теперь он представитель главы администрации в районе) жаловался, что полуостров буквально наводнен самозванными заготовителями. Они отлавливают песка, выставляют

сотни метров сетей на озерах и речках...

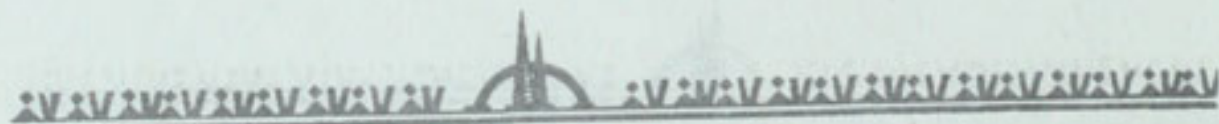
В глубине Байдарацкой тундры правят бал воркутинцы. На реках Сыня и Войкар объявились браконьеры из Коми республики, Лабытнаног, Харпа. Осенью, как выяснилось, государственным заготовителям не удался лов на реке Тонью: бригаду опередили любители легкой наживы, предпочитающие сетям взрывчатку. Не поставлен заслон скупщикам и браконьерам и в Красноселькупском, Тазовском районах. Особенно хищнически обирается Тазовский. Отсюда уже многие десятилетия уходит в Красноярский край пушнина, высокоценная рыба, в том числе - красная...

Вот такая ситуация. И в ее контексте очень интересной кажется деятельность окружного общества охотников и рыболовов. Контроль за его работой обязана осуществлять охотинспекция. Но руководство инспекции сразу признается, что тут ей "не хватает в голосе металла". Хотя из пятисот вскрытых за прошлый год инспекцией нарушений половину допустили члены общества.

Если б такое рвение общество проявляло в исполнении своих обязанностей! Пока здесь одно научились делать: драть с рядовых членов общества по три шкуры. Вместо того, чтобы продавать сезонную путевку, а затем, на остаток года, отдельное приложение, заставляют покупать их весной, осенью и зимой. Если учесть, что в округе восемнадцать тысяч охотников, то общество никак нельзя назвать бедным. Между тем его уголья пребывают в убожестве и, за исключением Лабытнаног, нигде не охраняются.

Или другой пример. В Куноватском заказнике уже много лет как у себя дома хозяйничают бригады лесозаготовителей. Явное нарушение санкционировано, по словам начальника охотинспекции Будылдина, бывшим заместителем председателя окрисполкома В.Бычека. Это он разрешил тресту "Ямалгражданстрой" вырубать тут лес. Охотинспекция не могла отменить это решение, но имела возможность посадить "лесовиков", как говорится, "под колпак", не спускать с них глаз. Однако где громкие дела о браконьерстве в заказнике? Их нет.

Между тем местные жители, которые все видят, утверждают, что обед для "лесовиков" не обед, если нет на столе свежей лосятины. Почти начисто исчез здесь глухарь - и к этому приложили руку незваные гости заказника. А сколько здесь было глухарей! Но все же красотой и гордостью Куновата считались стерхи. Этих величественных птиц, занесенных в Международную Красную Книгу, в России сейчас насчитывается всего триста пар. Две пары гнездились как раз в Куновате. Но грохот техники, стрельба по всему живому заставили их сменить место жительства. Умная птица

права!

Сейчас есть все основания думать, что такая же участь может постичь и верховья Полуя.

Отчего же в таких случаях слабеет голос инспекции? Не от того ли, что там понимают: если в нашем государстве одна фирма, истребляющая, живет лучше другой, охраняющей, - это не случайно, это кому-то нужно, это - политика? Инспекторы с первого взгляда подмечают, что у общества охотников и рыболовов и контора уютнее, "и техники - не в пример нашему"... Понимают, что ветхий, мелкочейстый невод выдается с умыслом: такого, мол, калибра нарушителей и ловите. Понимают, что время настоящей, без дураков, охраны природы еще не пришло.

В качестве подтверждения приведу два ряда фактов. Вот какой суровый вердикт в очередной раз вынесла наша гидрометеослужба: "... произошло увеличение загрязнения Оби в ее низовьях фенолами в четыре, моющими веществами - в три раза". Подарочек этот приплыл из Ханты-Мансийского округа. Но было бы заблуждением считать, что салехардцы никак не обнаружили своей любви к родной природе. Зимой и летом зловонные ручьи стекают в Полуй, а затем и в Обь с рыбоконсервного завода, животноводческого комплекса, из отстойников в районе Шайтанки, гостиницы "Ямал" и туберкулезного диспансера. Да что там! "Сочтемся ядами, ведь мы свои же люди!" Север отравляют все, кому не лень. В условиях мелководья, например, капитаны судов с легкостью необыкновенной сбрасывают часть своего жидкого груза за борт, чтобы хоть на пузе, но вползти в реку Надым. А сколько экипажей зачищают танки в открытой губе, туда же отправляют и подсланевые воды?

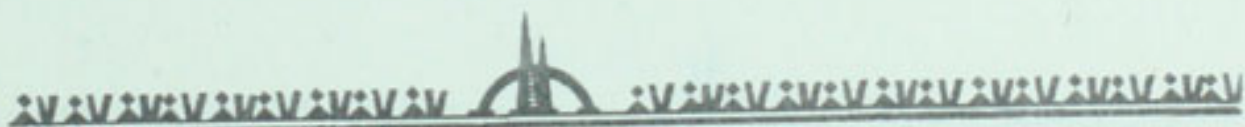
Нетрудно представить, какую "манную кашку" получает на завтрак молодь ценных видов рыб в Обской и Тазовской губе. Ведь по своему природному назначению та и другая губа - это рыбы питомники.

А теперь другие факты.

Я сам прошлым летом, когда наш самолет, выгребая против сильного ветра, буквально завис над Санными пугорами, видел, что внизу на якорях стояла целая флотилия "Омских", "Сибирских", "Тюменских". Браконьеры. От судов, обозначенные пунктирами поплавков, тянулись сотни метров сетей.

Знаю, что, завидев в губе тихоходный "РРС" рыбоохраны, капитаны передавали по радиации друг другу: "Плывет рыбкин инспектор!" Сматывали сети и благополучно уходили от ответственности.

Ясно, что установить порядок в Обской и Тазовской губе можно лишь с помощью специального флота и авиации. А рыбоохране -

курам на смех! - эту самую авиацию, например, в год выделяли лишь на сорок часов. Оперативным работникам впору драться из-за пригодных к работе лодочных моторов. Спросишь, какие новости, а они: осталось два несписанных мотора... встал последний "Буран"... Вечно не хватает раций и спецодежды.

И разве что-то по-другому в охотинспекции? Курьез: на пятьдесят ее работников выделяют аж шесть комплектов форменных кителей и брюк!

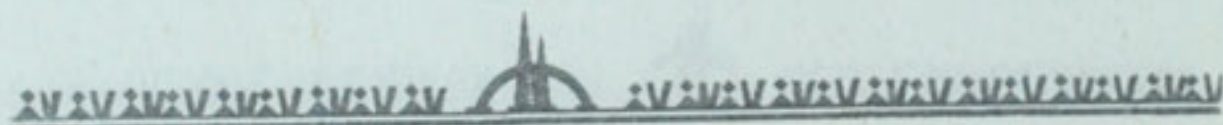
Все нормально: если уж такое святое дело, как финансирование рекультивации, строительства очистных сооружений, внедрения ресурсо-сберегающих технологий, идет по остаточному принципу, то на оснащение инспекции транспортом, современными средствами связи, спецодеждой и вообще государство вкупе с ведомствами не раскошелится.

Неужели это росток нового?

Не могу, однако, умолчать об одном факте. Специальное строительное объединение "Арктикнефтегазстрой" первым в округе создало экологическое управление.

Что это? Как расценить этот шаг? Неужели наши покорители природы начали что-то понимать? Например, то, что белый ягель, если вдуматься, есть у каждого народа, большого или малого. У каждого есть свой символ жизни, добра, благополучия, есть какая-то основа национального и человеческого существования. И эта основа сейчас почти повсеместно под угрозой. Неужели прозревают?

Нет, не хочу торопиться с выводами.

Лающий волк рук не лижет

"В марте или в апреле, когда солнце день и ночь уже сидит на самой высокой елке, мой пес Альбион убежал за сукой и как сквозь землю провалился. А летом гребу на лодке - "ветке" по Часельке, комары со всех сторон обсели и кровь сосут. Думаю: "Надо, пожалуйста, от яра к песчаной косе перегрести. Какой-никакой, а ветерок там воду морщит".

В косу весло воткнул. Стал отдыхать. Вдруг мне почудилось, что я здесь не один. Поднялся на ноги. И правда: за корягой, которую, наверное, еще весной большой водой в песок засадило, лежат десятка два-три собак. Языки высунули - и на меня ноль внимания.

Откуда их здесь столько? Ведь до самой нижней фактории, считай, все двести километров будет.

И вдруг сердце чуть не выпрыгнуло. В меня впились коричневые глаза.

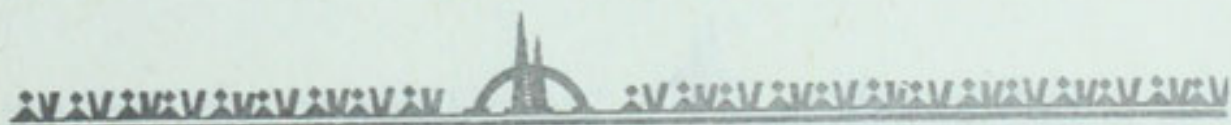
Да! Точно! На меня смотрел Альбион.

- Альбион! - позвал я потихоньку.

Глаза его моргнули, я позвал еще раз. И он перемахнул через корягу, виляя хвостом. Он узнал меня. Я обрадовался и выскочил из лодки навстречу. Но вдруг за корягой раздалось вначале тихо, потом громче рычание. Альбион остановился, я шагнул к нему - и испугался. Альбион сморщил нос и показал верхние клыки. Не дожидаясь, когда он на меня кинется, я отступил к лодке..."

Вот такое письмо я получил от охотника Владимира Пяка. Оно вызывает сочувствие. Без четвероногого друга охотник в тайге как без рук. Но Альбион - жертва случайности, и я не буду по этому поводу давать волю эмоциям. А сосредоточу ваше внимание на стае одичавших собак.

В центре России, где миллионные города, такие явления не

новости, но чтобы они объявились у нас - не укладывалось в голове, пока не заручился заверением бывшего директора совхоза "Верхнепуровский" П. Остапенко, самолично "пощипавшего" из ружья такую стаю.

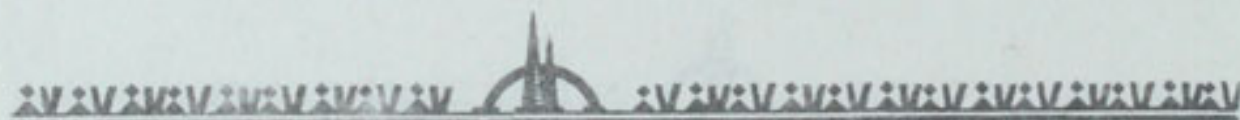
Одичавшие собаки появились у нас не сегодня и не вчера, а еще в шестидесятые годы, когда по северным регионам расползлась газоразведка. В моем блокноте осталась запись: "Июль 1991 года. Бригада вышкомонтажников Красноселькупской ГРЭ встречает вертолет с четырьмя собаками. Зачем их столько? И почему собаки в разгар лета, когда у птицы и у зверя потомство, что называется, еще от горшка два вершка, живут на буровой без привязи?"

- Медведей боимся, - нагло ответили те".

Не надо обладать даром предвидения, чтобы представить будущее этих четвероногих стражей. К ним фортуна изменчива. Если не показала себя собака в охоте (а в данном случае в браконьерстве), ее пустят на шапку или на все четыре стороны.

Итак, уточняю: геологи, геофизики положили начало появлению полчищ одичавших собак и способствуют этому до сих пор. Но основным "поставщиком" такого рода стай в настоящее время все же являются регионы Нового Уренгоя, Ноябрьска, Надыма и Пуровского района. А недавно опасение стал вызывать и полуостров Ямал. Во временных поселках строителей, транспортников, газовиков, нефтяников собаки повсюду. И большей частью без хозяев и кличек.

Охотовед-биолог Ямало-Ненецкой окружной охотинспекции Ю. Середонин так охарактеризовал повадки и пси-

хологическое состояние пса, обреченного на скитание и бродяжничество:

- Собака живет в буферной зоне между человеком и дикой природой. От первого она "впитала" рефлекс. Научилась хитрости и, мне кажется, в организации охоты если не изобретательнее, то наглее волка.

Поэтому, как только собака становится бездомной, мы в ее лице приобретаем опасного врага. Домашние животные, бдительность которых усыплена тем, что перед ними не хищный зверь, поистине сами идут в зубы собаке.

В моем распоряжении есть официальная справка Уральского отделения Академии наук СССР. Волки "слизнули" с народного стола в 1990 году в округе 6700 голов оленей, в последующих годах чуть-чуть поменьше. Но, к сожалению, нигде не удалось найти сведений о том, какое количество олешек ушло на кровавое пиршество собак. Это наводит, и вполне справедливо, на мысль, что компетентные органы до сих пор беды не видят, хотя она уже на дворе. Ведь для удовлетворения своих естественных потребностей собаки не гнушаются ничем живым - даже волки по диапазону охоты против них сущие агнцы.

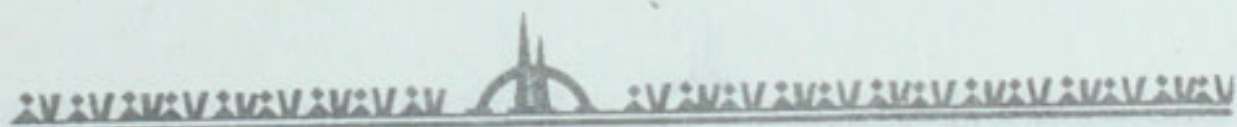
Старший охотовед Пуровской районной инспекции М.Беседин рассказал о своих наблюдениях. Они сводятся к тому, что за последние годы на угодьях сократилось количество куликов, глухарей, тетеревов. Собаки пожирают яйца, птенцов, линную дичь.

В прошлом году на совещании оленеводов Ямала заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР бригадир пастухов совхоза "Ярсалинский" А.Худи просто ввел в панику присутствующих. По его словам, строители железной дороги Обская-Бованенковское уже заполнили полуостров собаками. Мало того, что от них не стало житья совхозным оленям, нависла угроза уничтожения местной популяции белого песца. Собаки без труда справляются со зверьками, а норы их используют в качестве своего жилища. Уместно заметить, что доля полевой пушнины, поступающей с полуострова, всегда была самой значительной в заготовках округа и области.

Хозяйственники сейчас забили тревогу. В качестве спасительного средства им предлагают отстрел. Но я очень сомневаюсь, что он эффективно скажется на регулировании количества одичавших и бездомных "альбионов". Параллельно надо узаконить меры, которые бы исключали в дальнейшем бесконтрольный завоз их на буровые и в вахтовые поселки. То есть я предлагаю установить административный и законодательный заслон.

Впрочем, возможно, такие документы уже увидели свет? Жила во мне тайная надежда...

Но нет, того, что искал, так и не нашел. Между тем уже давно

по долгу своей службы охотинспекции, охотобщества, комитеты по охране природы обязаны были взять инициативу решения проблемы на свои плечи.

Однако, мне кажется, первую скрипку все же тут должны играть местные Советы. Разве для них это не тот самый момент, когда требуется власть употребить и проявить самостоятельность? Помнится, директор совхоза "Полярный" В.Ямов на одной из сессий Красноселькупского районного Совета народных депутатов предлагал проводить досмотр вертолетов, вылетающих на буровые. И в случае обнаружения на борту собак "гасить" у командира талон нарушения. Но депутаты промолчали. То есть санкционировали дальнейшее распространение зла, последствия которого трудно измерить.

Этой фразой можно было бы закончить, но...

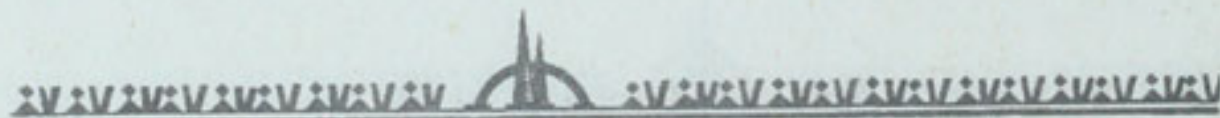
Кого-то, возможно, удивило название. Волки действительно не лают. А кличкой "хоротты-вой", что в переводе с хантыйского - "лающий волк", оленеводы окрестили волкособак. О гибридах волка и собаки говорилось и писалось достаточно. Они давно уже "наложили лапу" на домашний скот Воронежской, Курганской и других областей. Нас долго Бог миловал. А потом оленеводы стали замечать зверей крупнее волка, почти совсем светлой окраски, и шерсть чуть длиннее... Когда волк бежит - он будто перекачивается, а у "хоротты-воя" спина не гнется.

Они приходили в стадо и спокойно бродили среди оленей. Те их совсем не боялись...

Одичавшие собаки, как и волкособаачьи гибриды, изучены наукой слабо. Поэтому в обширной монографии "Волк", изданной в 1985 году, уделено им всего несколько страниц. Я выписал вот эти строки: "По отношению к человеку волкособаачьи гибриды вели себя смелее, чем волки, что подтверждается появлением хищников вблизи населенных пунктов в светлое время суток и нападением на домашних животных в присутствии людей... агрессивностью к человеку".

Строчку из басни Крылова о слоне, которого не заметили, я в данном случае должен отнести к себе. Ведь я обязан был в первую очередь рассказать о том, что в любой момент жертвой хищников может стать человек. Слышал, года два назад такое случилось в Белоярском. А уж на доброту волкособак и вовсе рассчитывать не приходится. Начальник областного управления охотничьего хозяйства В.Азаров как-то нарисовал мне ужасающую картину их расправы с людьми в Прибалхашье...

"Альбион мне руки уже не лижет" - это последняя строка из письма охотника В.Пяка. Рвется еще одна цепочка, связывающая человека с живой природой. Но в наших силах ситуацию изменить.

Бригада, пропавшая без вести

Вылпосл - маленькая деревенька на левобережье Оби. Сухого места в половодье днем с огнем не сыскать. И леса нет, только чахлый кустарник. Но многие поколения низовских хантов упорно селились здесь.

Нравилось, что охота и рыбалка под боком, а главное - обеспечена полная самостоятельность, чем особенно дорожат коренные жители. Чего, кстати, не понимают или не хотят понять те, кто упрямо агитирует за большие национальные поселки. А там при устроенном быте и благах цивилизации остаются вчерашние рыбаки и охотники без дела. Но это тема уже особая.

Владимир Иванович Теткин, даже если бы заставляли, не ступил бы ногой из Вылпосла. Но иногда обстоятельства сильнее нас.

Одного за другим похоронил он своих братьев. Сначала Акрама, потом - Иосифа. А самому, с некрепким здоровьем, возня с сырыми бревнами, используемыми на дрова, как и выжимающая сто потов подледная рыбалка, оказались не под силу. Вот и пришлось уехать в Харсаим.

До меня доходили слухи о несладком житье-бытье Теткина в этом поселке. И чтобы удостовериться, насколько они отвечают действительности, наведаясь к своему старому знакомому.

Скажу, что за годы, прожитые на Крайнем Севере, мне доводилось видеть всякое. И "колхозные домики" тоже. Это название прилипло к избушке образца 30-х годов. Строились они действительно при колхозах, в то лихое время, когда люди были рады любому углу. И пора бы им давно быть музейными реликвиями. Но... В такое вот жилье и "впихнули" Теткина.

Осторожно ступаю на взбугрившийся пол, едва не касаясь головой потолочной балки. Два узких оконца на уровне земли прак-

тически не дают света. Из кухни, отгороженной дощатой переборкой, не рискую проходить дальше, потому что просто некуда. В крохотной передней теснота.

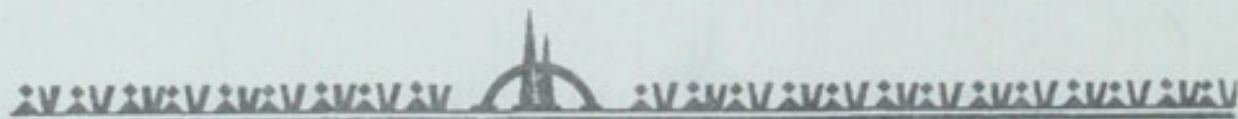
Может возникнуть вопрос: почему в качестве "натуры" выбран именно Теткин, ведь из так называемых неперспективных деревень были переселены сотни людей. Более двух тысяч семей коренной национальности в округе нуждаются в квартирах. Привилегию такую Теткин заслужил хотя бы своей былой известностью. Исходя из нее, казалось бы, никак уж не должны были обойти Владимира Ивановича вниманием.

Говорят, Приуральский район "стоит" на рыбе. Среди тех, кто завоевывал ему эту славу, была и молодежь. В 60-х годах первым бригадиром комсомольско-молодежной бригады был А.Рочев, а в 70-х - Теткин. Кажется, не знали в то время фамилии популярней. Писали о нем газеты. Ехали в Вылпосл за опытом делегации. А в красном уголке бригады становилось тесно от вымпелов и призов, Почетных грамот. Сам Теткин, когда только он спал? Его маленькая фигурка, слившись с "Прогрессом", стремительно пересекающим обские воды, мелькала то на Молпане, то на Круптинке.

Пальцев не хватит, чтобы перечислить все заботы бригадира в разгар путины. Кто, как не он, должен беспокоиться о бензине и продуктах для рыбаков. А документация, отчетность - разве не его дело? Подозреваю, и не без основания, что первые год-два крепко "болел" Владимир Иванович тем, как "перекрыть кислород" нарушителям трудовой дисциплины. Откуда при сухом законе бралось в бригаде зелье, он знал. Ведь пассажирскому или грузовому теплоходу только покажи "рыбий хвост" - и все в порядке.

Бригадирское удостоверение - не документ для капитанов. Тогда Теткин обзавелся "корочками" внештатного рыбинспектора. Впрочем, воевал он не в одиночку. Добрым словом вспоминает Владимир Иванович первого секретаря Приуральского райкома партии Н.Будылдина, директора Аксарковского рабозавода Н.Корепанова. При них дышалось Вылпослу легко. Он едва успевал примерять обновки. Появились пекарня, магазин, красный уголок, электростанция. В этих переменах, как в зеркале, отражались дела бригады. Ее взлет. К титулу комсомольско-молодежной прибавилось имя Н.Островского. А к комсомольским наградам - правительственные. Сам Теткин получил орден "Трудовой славы" третьей степени.

Но не суждено благополучию надолго свить свое гнездо в Вылпосле. И вижу в этом прежде всего стечение обстоятельств. Смерть братьев, смена руководства района, а затем и рыбозавода, ударили по рукам Теткина. И он написал заявление. По-разному был истол-

кован этот поступок. Одни посчитали, что иного Теткину не оставалось. Другие, что он бригаду просто бросил. А тут еще злые языки заговорили о его выборе нового места работы.

Не имея возможности физически выполнять обязанности рядового рыбака на промысле, Владимир Иванович принял магазин. В числе прочих товаров торговал и водкой. Но этому придали окраску: спаивает, мол, вылпослинцев. Хотя всем известно, что в те времена спиртное разрешалось продавать повсеместно. Потому не буду останавливаться на факте, которым пытались очернить Теткина, но которому есть вполне трезвое объяснение. А более предметно вижу необходимость поговорить о том, кто в действительности бросил бригаду.

Год назад с первым секретарем Приуральского райкома комсомола С.Каневым состоялся у нас примерно такой разговор:

- Нельзя ли бригаду поставить на ноги, вернуть ей былую славу?

- Там практически не осталось комсомольцев.

- А если прикомандировать из Харсаима?

- Не вижу смысла.

- А на опыте какого коллектива вы думаете воспитывать молодежь, растить новое поколение рыбаков?

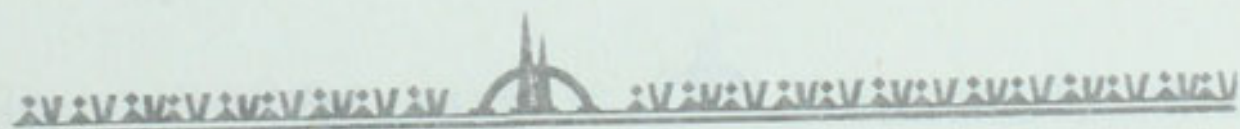
- Насколько я знаю, на рыбозаводе кадры укомплектованы полностью.

Такая позиция комсомольского вожака, мягко говоря, меня озадачила. Хорошо, в районе дефицит рабочих мест. Но многие, в том числе специалисты рыбной промышленности, видят выход из затруднительного положения в том, чтобы создавать крупную обрабатывающую базу на местах. И снова вспоминаются ребята из бригады имени Н.Островского - Роман Ендырев, Петр Мелехов, Дмитрий Тяви, Иосиф Теткин. Глаза горят от гордости. Как же: на бортах их бударок красуются значки с силуэтом Ленина. А звание комсомольско-молодежная на дороге не валяется. Его завоевать надо.

Предвижу, что у кого-то это вызовет усмешку: "За Почетную грамоту теперь никого работать не заставишь. Премии давай!"

Конечно, ни ханты, ни ненец не откажутся от премии, но слово "почет", заложенное в основе Почетной грамоты, они до сих пор понимают в буквальном смысле.

Сильным организатором был Теткин. Он сумел девиз "Работать без отстающих" сделать нормой для своей бригады. До 1500 центнеров рыбы добывала она в среднем за путину. Не будет преувеличением, если скажу, что свой успех вылпослинцы обеспечивали

еще на стане. Утро в бригаде начиналось с планерки. На ней Теткин делал анализ прошедшего дня и ставил задачу на будущий. На каком рыбацком песке есть еще такие порядки? Обязательным делом Владимир Иванович считал быть на Оби с рыбаками. Это их дисциплинировало. Это им нравилось.

Я всегда выступал против ликвидации маленьких деревень. И Теткин был моим единомышленником. Но начальник рыбоучастка Г.Лаптев поставил, видимо, цель - смести Вылпосл с лица земли. Что у него практически и получилось. Только какая от этого вышла польза? Вот вопрос. Рыболовецкая бригада, которой не было равных в области, распалась. И сразу забыли о Верхней Хоровой, Ворсанском соре и других водоемах. Этого следовало и ожидать. Ведь раньше ими занимались вылпослинцы, а теперь кто будет? Да и добираться до рыбных и охотничьих угодий из Харсаима дальше. А в условиях хозрасчета, когда каждый килограмм горючего на счету, просто невыгодно.

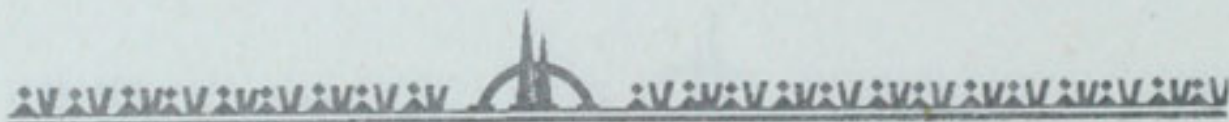
Начальником участка двигали не трезвый расчет, а массовый поход на неперспективные деревни, и райком комсомола не защитил свою бригаду, не проявил настойчивости.

Еще в начале статьи крутился на языке вопрос, почему закрыли глаза на происходящее окружной и областной комитеты ВЛКСМ? Ведь от лучей славы рыбацкой бригады грелись и они.

- Сын рыбака Рускаламава в прошлом году бросил школу, - рассказывал Владимир Иванович. - Отец умолял руководство участка разрешить взять его к себе. Но там и слушать не захотели. А чтобы отец не обивал пороги и не надоедал, отстранили от дела и самого.

Видит бог, я не ставил цель проводить параллели, но они прослеживаются. Значит, дело не только в "старом" или "новом" составе руководящих органов комсомола. А в самом подходе к работе с молодежью и, в частности, из числа лиц коренной национальности, занятых в традиционных областях хозяйства. Полагаю, что она запущена в Ямало-Ненецком округе сразу же по уходу из комсомола бывшего первого секретаря окружка ВЛКСМ, ныне директора Салехардского педагогического училища В.Артеева. Новое комсомольское руководство, восплавленное сердцем к кабинетному стилю, перепоручило своих подопечных - комсомольско-молодежные бригады - на всю путину командирам производства. И, естественно, оставляя за ними право "казнить и миловать".

Ну, а "сошедшие с круга"? О них и вовсе не желали думать. Жертвой такого холодного равнодушия и стала вылпослинская бригада.

К слову, автор этих строк как-то пытался "заразить" желанием помочь рыбакам в прошлом первого секретаря окружкома ВЛКСМ А.Дегтярева. Но тот пропустил рассказ о горькой истории бригады мимо ушей. Его больше заботили дебаты о том, с каким уклоном - промышленным или сельским - быть окружному комсомолу?

Потому и проживает семья Владимира Ивановича Теткина в той "музейной реликвии". Впрочем, "проживает" - сказано сильно. На площади в 12 квадратных метров ютятся муж с женой и семеро детей.

Причем двое - оставшиеся от братьев сироты. Размышляя над этим фактом, хотелось бы уже сказать, что забыли в Приуральском районе слово "справедливость", а "милосердие", наверное, еще и не дошло. Но, кажется, выглянуло солнце из-за туч - Теткину обещают квартиру. Никогда не догадаетесь, что намерен он перенести в нее в числе прочих вещей. Поэтому приоткрою тайну. Переходящее знамя окружкома ВЛКСМ, переданное коллективу на вечное хранение, и вымпел обкома комсомолу об учреждении бригады имени Н.Островского.

Это не ностальгия по утерянной славе. Слава всегда с ним. Тогда не вызов ли? Противостояние одного многим?

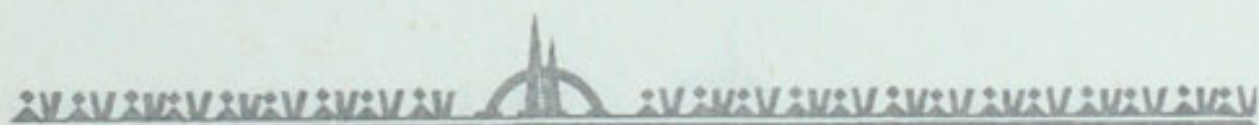
В Салехардском аэропорту как-то встретился с бывшим членом вылпослинской бригады Д.Тяви, улетающим на областную партийную конференцию. И когда разговор закрутился вокруг бывшей бригады, он выразил уверенность:

- Трудно, но ее можно поставить на ноги.

- Выходит, Теткин не один. И бережет дорогие вылпослинцам награды с затаенной, но ясной мыслью. А чтобы не возникло у кого-то желание уличить Владимира Ивановича в карьеризме, успокою: на роль лидера он вовсе не претендует, а вот наставником быть - посчитал бы, возможно, за честь.

Но это в случае благополучного исхода. А пока все по-прежнему. Делают вид, что ничего не произошло, районный и окружной комитеты ВЛКСМ, администрация Аксарковского рыбозавода и Приуральский райком партии. Они, вероятно, относят эту историю к частным. Между тем зачисление бригады имени Н.Островского в список "пропавших без вести" - это потеря не района, а в целом округа. Вспомните, как "снимали" с нее "копии" в Ямальском и Шурышкарском районах. Как на нее хотели походить.

А Вылпосл - это не просто хантыйская деревенька, которую принялись раскатывать по бревнышкам. Это частичка родины маленького северного народа.

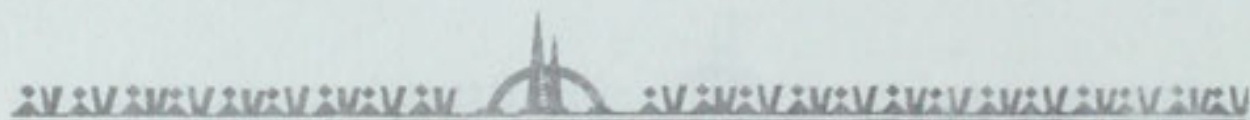
Вторая гибель Мангазеи

Летом 1642 года стояла такая сушь, что на деревьях листья скручивало в трубки и истомленное жаждой зверье металось по селькупской тайге в поисках водопоя. Поэтому хватило искры, чтобы Мангазею поглотило пламя ненасытного пожара.

Сибирский приказ не мог смириться с утерей Мангазеи и требовал от воевод ее восстановления. На что они отвечали: "Нам, холопям твоим, порченных, разломанных и разрытых мест Мангазейского города и острог ставить на голом месте, съезжую избу, воеводский двор и государевы амбары делать некем: да в Мангазее служивых людишек всего 94 человека, да из них 70 человек посылаются на государевы годовые, по ясачным зимовьям и с ясаком в двухгодовые и трехгодовые службы в Москву, 10 человек сидят в тюрьме, и остается в Мангазее для бережения государевой казны 14 человек... дети и жены наши, живучи в Мангазейском городе, терпят голод, а теперь и должаться не у кого, потому что город опустел..."

Итак, Мангазея - город-крепость в нижнем течении реки Таз, куда знали дорогу голландцы, англичане и другие заморские купцы, Мангазея "златокипящая", именуемая так в исторических документах за ежегодный взнос в казну государеву 25-30 тысячами штук соболей, перестала существовать, погибла.

Сразу же оговорюсь, что, приступая к статье, я имел представление о предмете. Именно этой теме когда-то была посвящена моя дипломная работа. И в качестве главного аргумента, не позволившего осветить ее глубже, помню, выставял отсутствие архива Мангазеи, сгоревшего во время пожара. Наиболее богатым источником являлись "портфели" Миллера, историка и археографа. Но они хранились где-то в Академии наук.

В значительной степени пролила свет на характер Мангазейского поселения, на его материальную культуру комплексная экспедиция Института Арктики и Антарктики и Института археологии Академии наук СССР, работавшая на Мангазее с 1968 по 1970 год и в 1973 году под руководством доктора исторических наук профессора М.И.Белова.

Сама того не подозревая, экспедиция оказала первому городу за Полярным кругом и медвежью услугу. На берега Таза началось самое что ни на есть нашествие.

Привело сюда людей из разных уголков нашей страны не желание прикоснуться к историческому прошлому. Их гипнотизирует, влечет к себе слово "златокипящая". Воображение рисует, наверное, россыпи золотых монет мангазейской казны, погребенной под пеплом пожара, а может, что и поценнее.

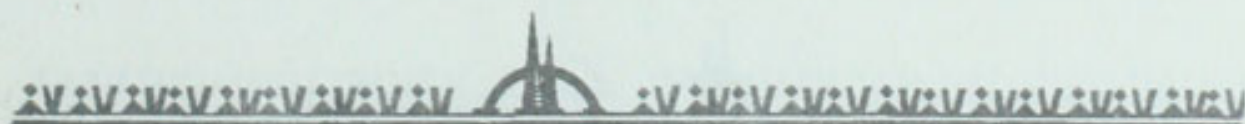
И с начала навигации сюда едут и едут. Трудно оценить ущерб нашему национальному культурному достоянию от "рассасывания" по частям мангазейской культуры.

Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Постарался быть верным этому принципу и я. И до сих пор не могу без волнения, душевного трепета вспоминать тот момент, когда шагнул из вертолета на землю Мангазеи.

Время сделало свое дело. Пробираясь сквозь заросли тальника и рябины, чуть ли не в рост человека травы, натыкаюсь на красноватый, рассыпающийся от прикосновения, ствол дерева. Скорее всего, это одно из бревен окладника здания или мостовой, распорванных пятнадцать лет назад экспедицией Белова. И больше ни одной приметы о существовании здесь когда-то жизни. Разве только памятники. У кромки берега, у которого когда-то Мангазейка качала на волнах корабли с иноземными флагами, их три. Два - в виде столбов, установленных экспедицией Белова и экипажами омских яхт "Дружба" и "Отрада". На третьем в виде стрелы из четырех заостренных бревен - надпись: "Русским землепроходцам, открывателям и исследователям Сибири", Киев, научно-спортивная экспедиция - "Путями землепроходцев", журнал "Турист".

Но если бы только время накладывало отпечаток обреченности на этот кусочек земли, кусочек истории нашей Родины. Благодаря усилиям "самодеятельных археологов" территория Мангазеи похожа сейчас на лунный ландшафт. Канавы, ямки, ямы, свежерытые и обвалившиеся, говорят о том, что "златокипящая" по-прежнему не дает спать многим.

В двух местах прибрежный песок распахан, как плугом. Это след от кораблей. Они приставали сюда за тем же самым, только

метод раскопок у "мореманов" другой. Роль лопаты они отвели гребным винтам, которыми мощные корабли подмывали берег, и тот, рушась, обнажил свои тайны. Кое-кого такой метод приводит просто в восхищение. А между тем впору плакать от сознания нашего невежества.

Но что слова! Нужны доказательства. Фамилии тех, кто без какого-либо на это права приложил к Мангазее руки.

Мне повезло. Буквально перед моим приездом в Красноселькупе была проведена выставка случайных находок на Мангазее.

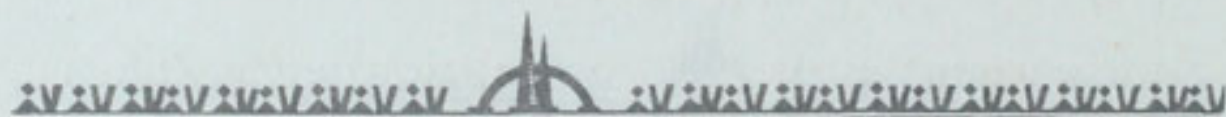
Старожил этих мест Л.Шестаков с горечью рассказывает:

- Я лично был знаком с Беловым. Но и до его экспедиции о Мангазее мы были наслышаны достаточно. Однако всегда это место считали чуть ли не святым. И в мыслях не держали искать там черепки и монеты. "Эпидемия" эта охватила Красноселькуп с приходом нефтегазоразведочной экспедиции и строителей. Как в зону отдыха, никого не стесняясь, стали они выезжать со своими семьями в субботу, воскресенье в Мангазею. И мы еще вначале посмеивались над этими культурными, цивилизованными людьми, отдающими себя на съедение комарам. Ведь невдомек было, что из мангазейского "старья" можно делать деньги. А теперь слухи об этом все упорнее ползут по району. Боюсь, что, на приезжих глядя, втянулись в нечистое дело уже и местные жители. Только вот по какой цене сбывают товар - не знаю.

В Красноселькупе мне сказали, что рассчитываются с "археологами" чаще всего "флаконом" водки. А вообще, какова цена на мангазейские находки? Этим я решил поинтересоваться в окружном краеведческом музее. Но ничего толком не добился. Зато сделал еще одно открытие. Сводится оно к тому, что под занавес раскопок профессор М.И.Белов передал в Салехард коллекцию находок, что подтверждается официальным актом от 12 апреля 1973 года.

"Мы, нижеподписавшиеся, директор музея А.М.Пушникова, научный сотрудник Л.В.Мизина, составили настоящий акт в том, что для фондов музея получены экспонаты от Белова М.И. - руководителя Мангазейской экспедиции. Экспонаты записаны в фонде N 2". Находим фонд. И что же? В нем полная неразбериха. Нигде даже полусловом не обмолвлено о том, какие еще вещи поименно приняты от Белова. А поэтому невозможно узнать, все ли они на месте. Сделано ли это специально, чтобы экспонаты могли свободно "утекать" из коллекции, или настолько безграмотными оказались музейные работники - сказать трудно.

В сотне километров от Мангазеи - Красноселькуп. Еще ближе

Сидоровск. А совсем недавно осчастливила ее своим нежелательным соседством подбаза нефтегазоразведочной экспедиции. И гарантия уцелеть тому, что покоится в земле и ждет археологов, уменьшилась до минимума. Кто и когда наконец возьмет "златокипящую" под защиту?

Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года городище Мангазеи внесено в списки памятников республиканского значения. Поэтому вполне закономерно, что Красноселькупский райисполком запросил о дальнейшей судьбе памятника Министерство культуры РСФСР. И получил ответ, который и приводить даже неловко, но вынуждают обстоятельства. Обнаружив абсолютное незнание истории своего государства, из столичного учреждения затребовали: "Сообщите... координаты Мангазеи". К слову, запрос в Министерство культуры был первой и единственной попыткой Красноселькупского райисполкома противостоять разграблению Мангазеи.

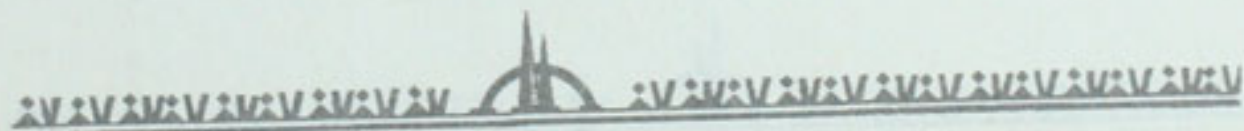
Не хочу, чтобы создалось впечатление, что райисполком я выбрал в качестве стрелочника. Подспудно возникает вопрос и к Институту Арктики и Антарктики, к Институту археологии Академии наук. Что, неужели так и положено - раскопать памятник и потом о нем забыть, не интересоваться его дальнейшей судьбой? Не утруждать себя хотя бы рекомендациями по его сохранению? Не удостоили пока своим вниманием Мангазею Ямало-Ненецкий окрисполком, окружное и областное отделение Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры.

"В народной памяти и легендах Мангазея едва ли уступает сказочному граду Китежу, а по своему влиянию на судьбу освоения Сибири, на географическое ее открытие и на развитие арктического мореплавания не сравнима ни с одним другим городом".

Во все времена считалось нормой общечеловеческой культуры, первейшим нравственным долгом живых увековечивать в бронзе или камне подвиг народа или отдельной личности. А разве не заслужила этого Мангазея?

В Туруханском районе Красноярского края, входившем когда-то в состав Ямало-Ненецкого округа, как видно, считают такой вопрос излишним. Отобрав у ямальцев приоритет в увековечении памяти Мангазеи, здесь давно ее именем назвали улицу, торговый комплекс, а в краеведческом музее такая экспозиция, что "аж слюнки текут".

Но если все же речь пойдет о памятнике у нас, то эту идею прежде надо взвесить на "аптечных весах". Думаю, что для таежной глухомани, куда организованный туризм привлекать бессмыс-

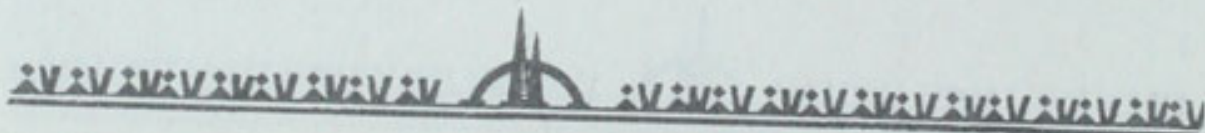
ленно из-за огромных расстояний и короткой летней навигации, тратиться на капитальное сооружение не стоит. А уж если возвести его, так в столице округа - Салехарде. На высоком красивом Ангальском мысу, причем неплохо было бы, если бы памятник был копией Мангазейского кремля. И момент вполне подходящий, приступила к осуществлению программы в Западной Сибири московская мастерская под открытым небом института Спецпромреставрация.

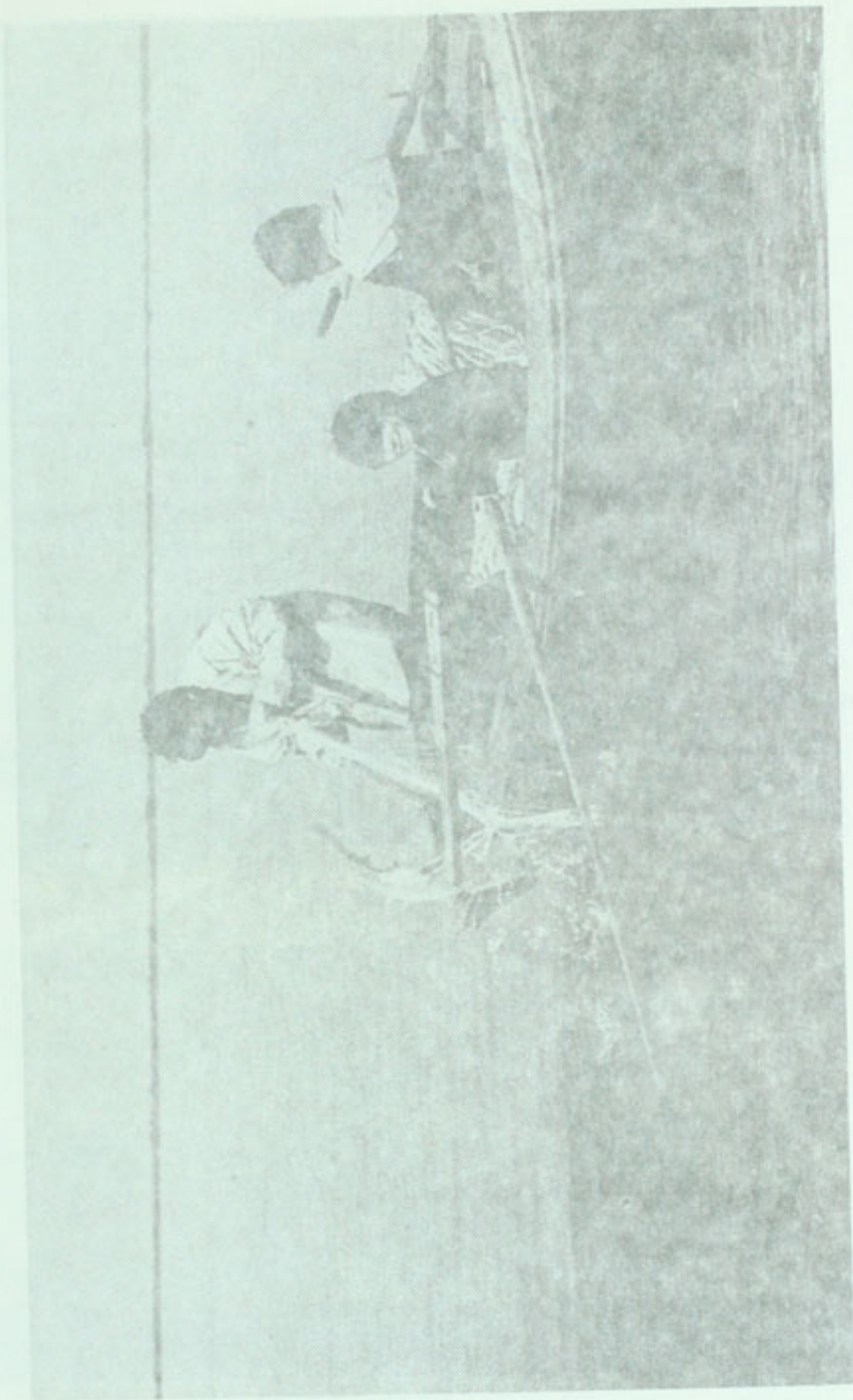
Как распорядиться помещениями невозведенного кремля? На мой взгляд, их можно использовать в качестве этнографического музея малых народностей, населяющих округ. И, конечно, должно быть место историческим ценностям Мангазеи. Вот тут-то и потребуются помощь археологов, в полном понимании этого слова.

Ведь имеющиеся в распоряжении музеев страны и округа экспозиции находок столь крохотны, что не дают глубокого представления о Мангазее как о достижении градостроительного искусства на вечной мерзлоте, как о высоком уровне полярного судостроения, развитии ее промыслов и торговли.

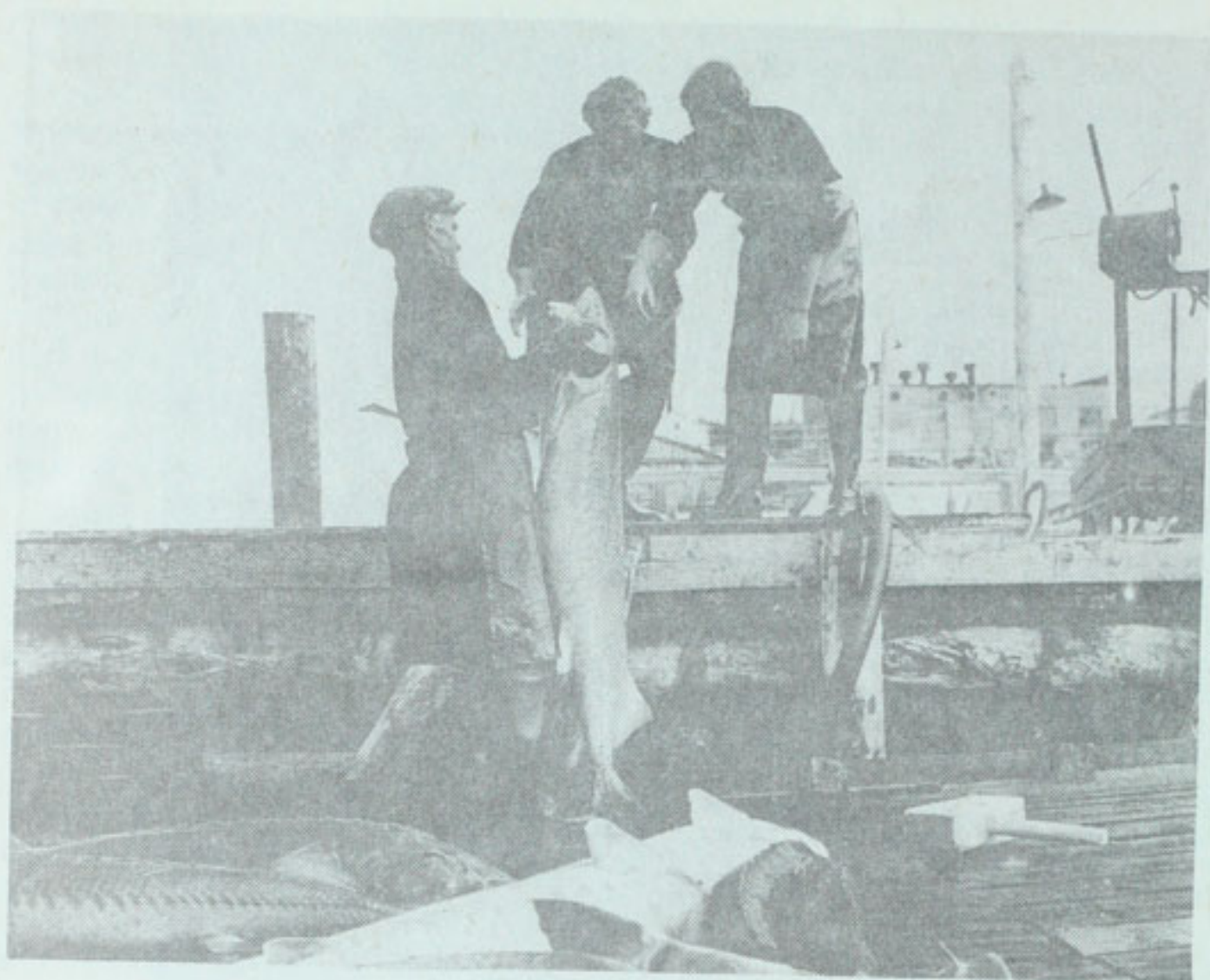
Со всем этим надо торопиться. Мангазея гибнет от времени и рук тех, кто наше историческое наследие переливает в деньги. Или образует собственные музеи.

У каких учреждений должна болеть голова, я назвал. А чтобы они не пропустили этот крик о помощи мимо ушей, есть смысл, к примеру, Ямало-Ненецкому окружному Совету поставить данный вопрос в повестку своих заседаний или даже сессий. Ведь не исключено, что судьба Мангазеи уготовлена и другим историческим памятникам.

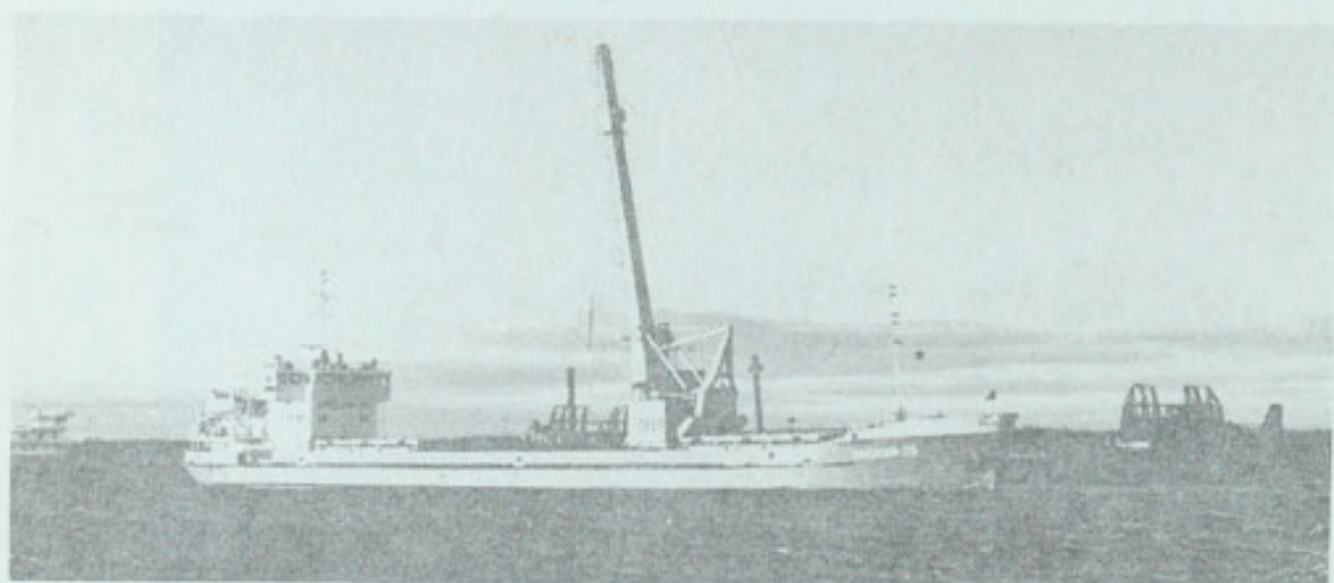

Выборка плавных сетей.

Прием осетра на живорыбницу.

Обской рейд.

Рыбаки сдают рыбу.

Знаменитый рыбак орденоносец Михаил Кельчин с сыном Володей.

Моржи у речки Моржовой на Харасавэе.

Из расфасовочного отделения Салехардского рыбконсервного выходит "Ряпушка в масле", что по своим вкусовым качествам на несколько порядков выше известных "Шпрот".

Рыбачок.

Все ордена Союза "собрал" известный не только на Ямаде, но и в России кормоплавич Ю.С. Цыбин.

Н.Я.Будылдин, бывший генеральный директор "Ямалрыбы", начальник "Сибрыбпрома". Вся его жизнь связана с Салехардом, с Ямалом.

В руках мастера Салехардского рыбоконсервного завода Т.И. Романовой - ямальский деликатес - икра "Северянка".

Бывшие руководители Салехардского рыбоконсервного комбината.

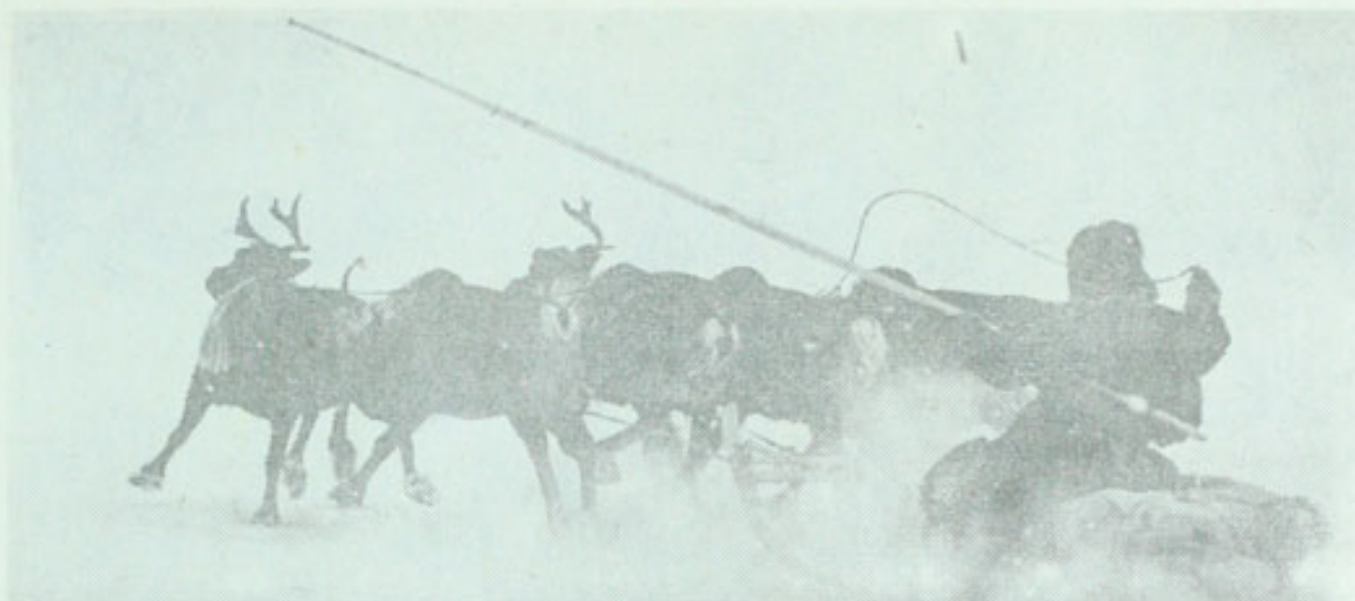

Бывший директор совхоза "Горковский" Ю.Саенко, оленевод П. Родянов и автор книги.

Пора "резать" панты.

А олени - лучше!

Норвежский оленевод Аутто Унто.

Фактория.

Вертолет - помощник оленеводов.

Собрание оленеводов в тундре (совхоз "Байдарацкий").

Во льдах Байдарацкой губы. По ее дну намечено "пробросить" газопровод с полуострова Ямал.

В.Т.Подшибякин, генеральный директор государственного предприятия "Ямалнефтегазгеология", лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического труда. Он стоял у открытия крупнейших в мире месторождений углеводородного сырья, в том числе Уренгойского, Бованенковского и многих других.

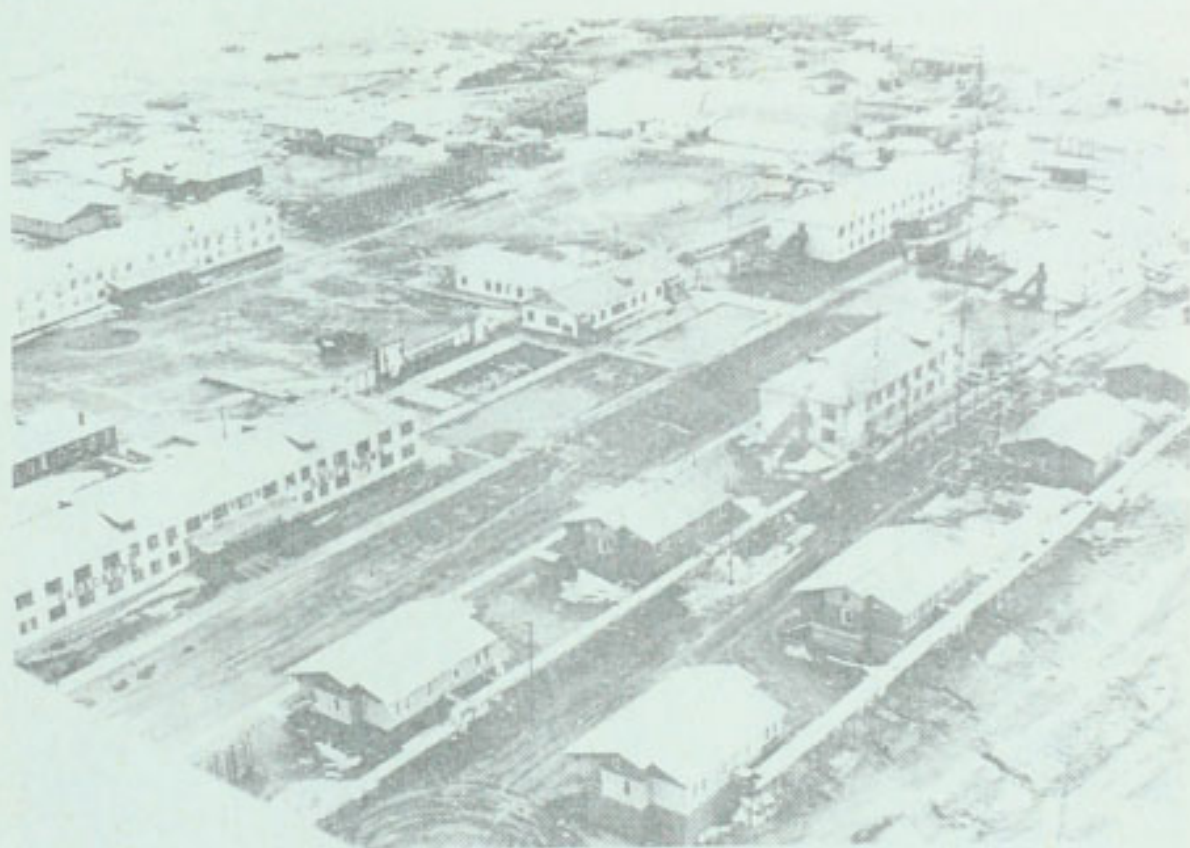
Все микрофоны - к губернатору Ямала Ю.В. Неелову с многозначительным вопросом: "С чем приехал из Москвы?"

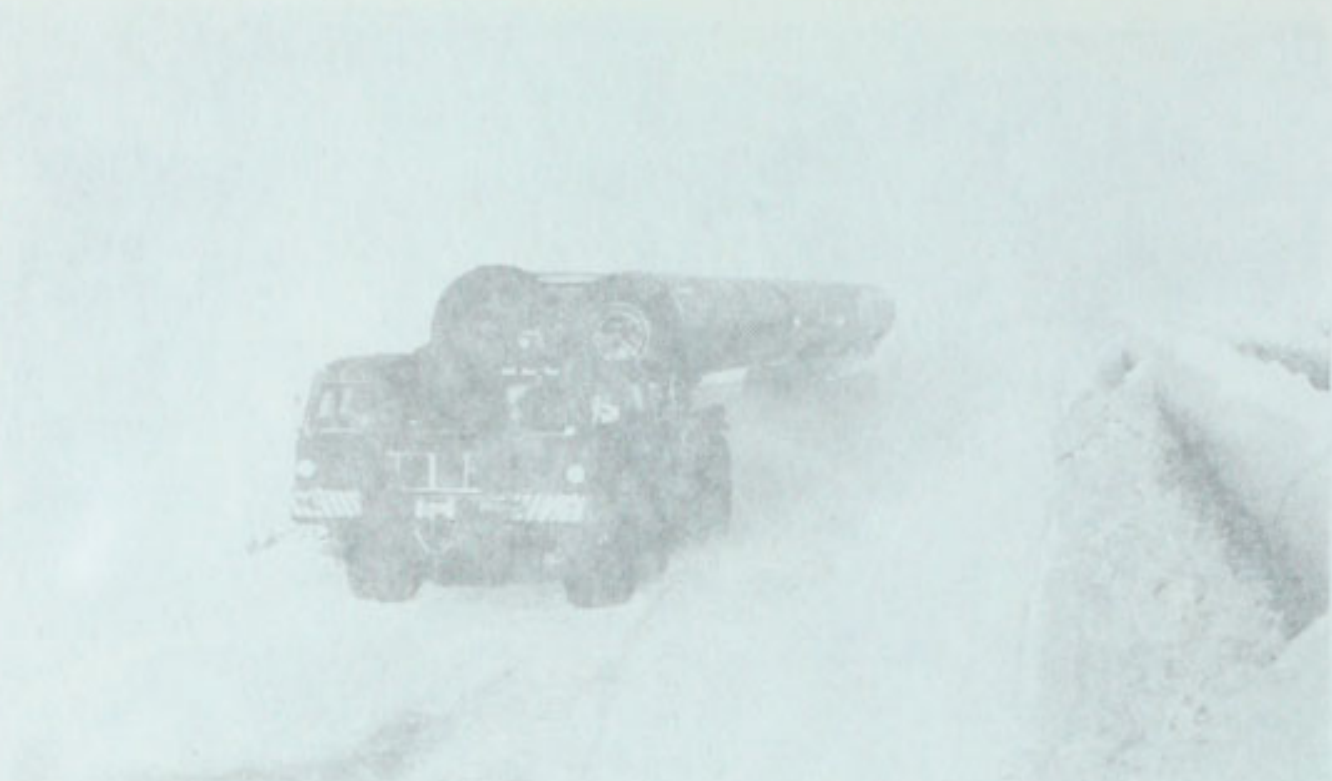
Главы администраций первой волны демократии А.Г.Бусалов, Л.Е. Савченко, О.В. Демченко, В.Г. Толстов, С.А. Ламбин, Н.В. Комарова, Л.И. Захаров, М.А. Ямкин. (Фото Е.Гапонова.)

Буровой мастер.

Харасавэй - база Ямальской геологоразведки на берегу Карского моря.

Зимник на газопровод "Уренгой - Помары - Ужгород".

Мертвая железная дорога.

Здесь стояла Мангазея-"златокипящая".

Падающие "восьмерки".

Улица таежного Красноселькупа. Недавно в честь 50-летия района она была празднично украшена.

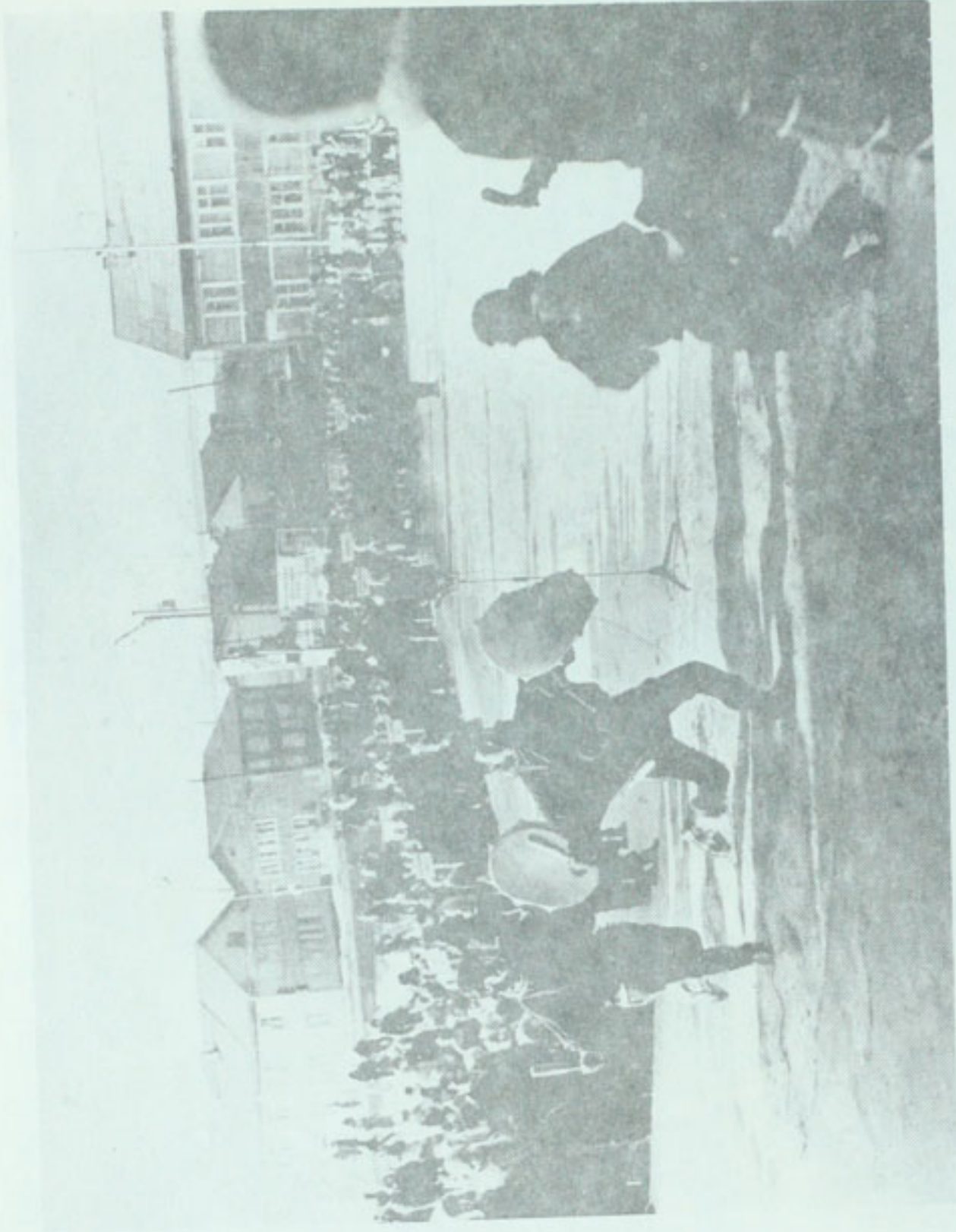
В Питлярекой библиотеке.

Космодром Байконур. Космонавты А. Баландин и А. Соловьев перед вылетом в космос на десятиминутке психологической разрядки.

Китай. Наш соотечественник Мятлов.

Перед салехардцами выступает "Сыра-Сэв".

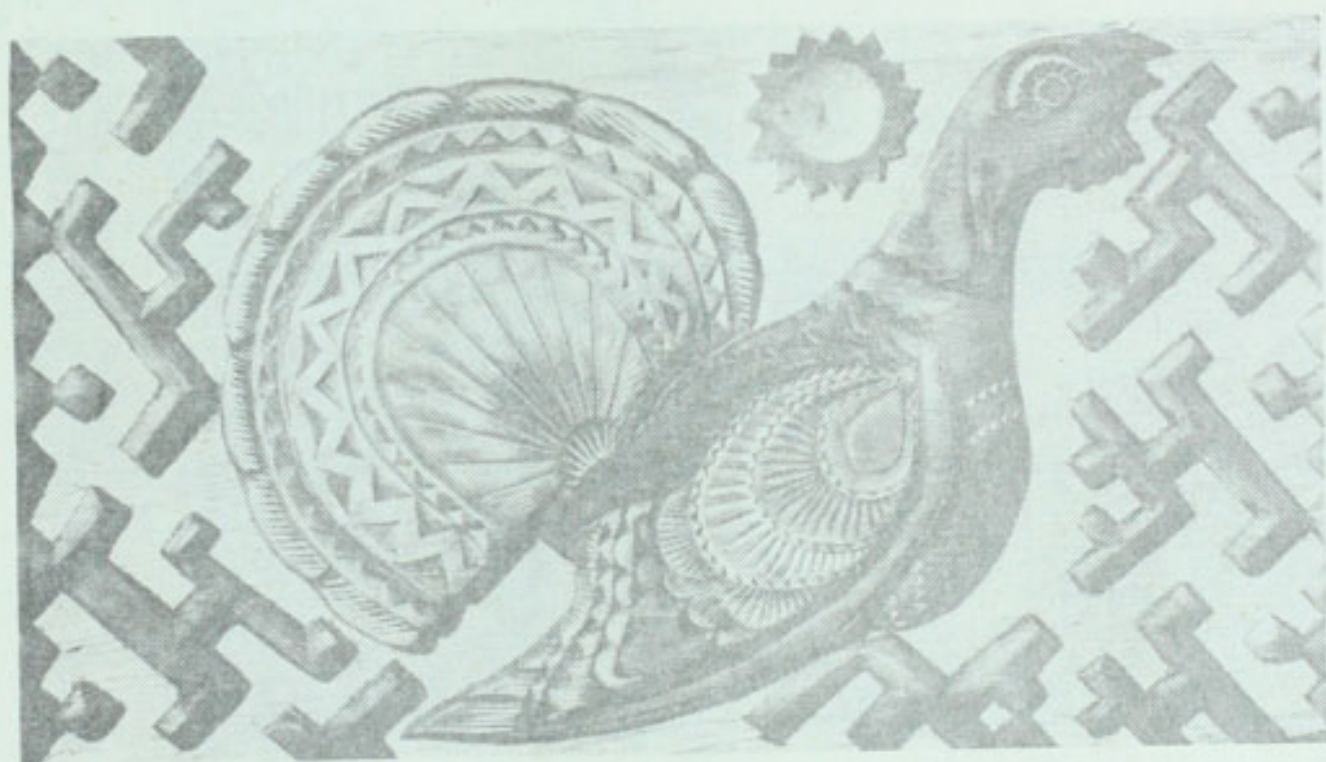
На торжественном открытии международного фестиваля "Дети Арктики".

Медсанчасть Ноябрьска "Сказка".

В роддоме Ноябрьска.

"Токующий глухарь" вылетел из-под резца хантыйского художника Г. Хартаганова.

В Салехарде, единственном в мире городе на Полярном круге, есть памятник Полярному кругу.

"Лишние"

Эта проблема впервые обратила на себя внимание в 1985 году. Тогда в Салехарде, на совещании по развитию Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса, начальник управления рабочих кадров Мингазпрома СССР (а это была женщина) задала вопрос:

- Зачем сегодня "раздувать" Лабытнанги до 220 тысяч человек, если завтра, когда закончится обустройство и начнется промысел газа из недр полуострова Ямал, половина из этого количества окажется лишней? Министры, "настряпавшие" в северных широтах десятки "ведомственных" городов, тогда пропустили мимо ушей этот первый звоночек.

Не услышали они и второго. В 1991 году во время визита в Тюменскую область президент России Б.Ельцин назвал эти города "мертвыми".

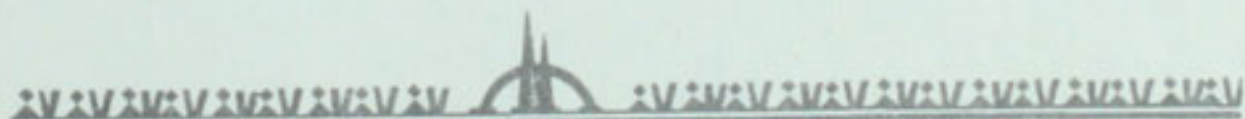
А теперь на всех уровнях, в том числе в министерствах и правительстве, говорят о том, что "севера" "тонут" от перегруза лишними людьми.

Какова же "цена" перегруза? Сейчас среди экономистов "гуляет" цифра 1,5 миллиарда. То есть в такую сумму обходится содержание на севере одного человека в год.

- И подобно ненасытному аллигатору, эта статья расходов в самом ближайшем будущем поглотит еще более значительную сумму, - говорит глава администрации Ямало-Ненецкого автономного округа Ю.В.Неелов.

- Объяснение простое. Жизнь дорожает. А объемы добычи нефти и газа падают.

- К примеру, предприятия Тюменьтрансгаз, Надымгазпром и другие, "делающие погоду" на рынке рабочих мест, на будущий год

не собираются заключать договоры со своими субподрядчиками-транспортниками, строителями, буровиками. То есть уже в будущем году примерно 20 процентов ямальцев останутся не у дел.

Что же в таком случае они "прилипли" к округу, отнесенному американскими учеными к "зоне дискомфорта для проживания человека?"

А если я скажу, что им ехать некуда? Лет двадцать-тридцать назад судьба "забросила" кого-то из них сюда "по зову партии", кого-то за "длинным рублем", но так или иначе, их руками свершились "открытия века" - Уренгой, Ямбург, Медвежье. А что взамен?

У того, кто уезжал "на юга" еще "при Союзе", хватало на квартиру и машину. И пенсия гарантировалась общесоюзная. Но лет пять-шесть назад, когда рубль стал "деревянным", а республики "бывшими", не осталось и иллюзий на самостоятельные решения проблем.

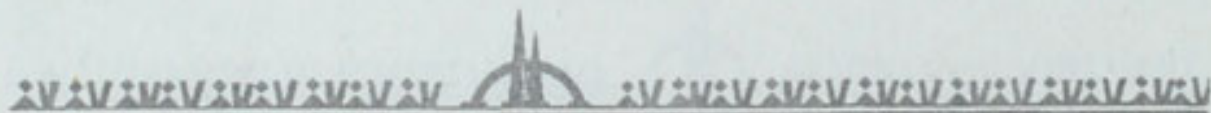
В местной прессе одна за другой появлялись публикации о "заложниках Севера".

Однако эта "буря в стакане" если и дошла до правительства СНГ, то по-настоящему так и "не раскрутила".

Правда, в 1993 году бывшему Миннацу правительство России поручило заниматься переселением с Крайнего Севера и районов, к ним приравненных. И обещало "под идею" 100 миллиардов рублей. Но пока не получено ни копейки. Думаю, что нет смысла критиковать "верха" в бездушии и, наконец, в собственной непоследовательности - они не покраснеют. Но кто в этом случае подставит свои плечи под тяжелейшую проблему? Пытаются окружная администрация и РАО Газпром. Последний в октябре нынешнего года сдал под ключ 500 квартир на Украине для газовиков Надьма и Нового Уренгоя.

Кстати, как оказалось, построить квартиры за пределами России, еще не значит избавиться от лишних людей. Сегодня не секрет, что, получив на Украине угол, построенный на российские деньги, многие его живо приватизируют и "наостряют лыжи обратно". Другие по образу Фигаро скитаются туда-сюда, но не теряют северной прописки и не принимают украинское гражданство. Это аномальное поведение диктуется не изъязном характера, а стремлением выжить.

Что это значит? А то, что, к примеру, на Украине нет закона о социальной защите людей, работавших на Севере. То есть за пенсией, вот зачем вынуждены периодически наведываться сюда "украинские северяне".

В этой ситуации, как сторона наиболее заинтересованная, губернатор Ямала Ю.В.Неелов вынужден был проявить инициативу встретиться с президентом Л.Кучмой. Украинская сторона с пониманием отнеслась к Ямальским проблемам. И при обсуждении вопросов двойного гражданства и пенсий признала предложения Ю.В.Неелова справедливыми. Одно из них, в частности, сводится к тому, что при условии перевода северной пенсии на Украину или в другое государства ближнего Зарубежья ее получатель автоматически лишается жилой площади в Уренгое, Ноябрьске или Надыме.

Окончательную точку в этом вопросе поставят переговоры между украинским и российским пенсионными фондами. Но появился реальный шанс восстановления справедливости. А вместе с тем, надежда на то, что люди с "северов" поедут.

Впрочем, администрация округа не разделяет этого оптимизма в силу неутешительной статистики. А она говорит о том, что если в 1989-1992 годах фиксировалось устойчивое снижение численности населения в нефтегазовых городах, то уже в прошлом году пошел обратный процесс. Свыше 30 процентов "осчастлививших" север своим прибытием - граждане Украины и Белоруссии. В порядке 20 процентов - из Закавказья и Средней Азии.

Не без авторства мигрантов второй волны возросла организованная преступность. В крайнем случае, по данным УВД округа, каждое пятое вооруженное ограбление или разбой совершаются криминальными группировками.

А надо заметить, что Ямал - это крупнейшая провинция страны по стратегическому сырью. Наконец, это историческая родина ряда малочисленных народов Крайнего Севера. С их традиционным укладом, обычаями и со своими бедами. Наукой давно доказано, что организм аборигенов, растлеваемый алкоголем или наркотиками, излечению не подлежит. А в погоне за мехами, рыбой, пантами в тундру валом валят верткие дельцы с "пузырями".

Как защитить округ от нашествия непрошенных "лишних"? Над этим сейчас ломают голову администрация и окружная Дума. Последняя подготовила Постановление об ограничении въезда в отдельные районы округа. Но утвердит ли Российская Дума этот документ - остается под вопросом. Так как есть опасения, что кто-нибудь в нем немедленно усмотрит ущемление прав человека.

В "таинственной" стране

"Китай (Китайская народная Республика, КНР) - государство в Центральной и Восточной Азии. На востоке омывается Желтым, Восточно-Китайским и Южно-Китайским морями Тихого океана. Крупнейшая в мире страна по численности населения.. Свыше 50 народов принадлежит к различным языковым группам и семьям..." Это выдержки из главы "Китай" в Большой Советской Энциклопедии.

За лаконичными строками трудно "разгадать" жизнь огромной страны, являющейся нашим пограничным соседом, с которым исторически, за исключением небольшого периода, складывались самые дружественные отношения. И вот представился счастливый случай побывать в Китае.

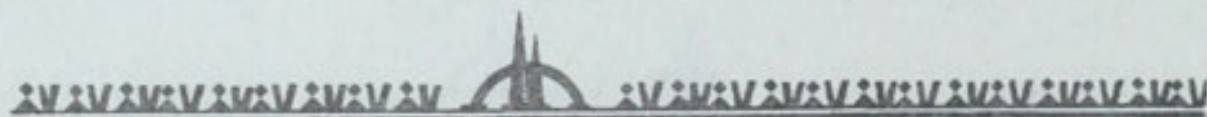
Спутниками моими были представители рыбного хозяйства области и кооперации. Они ставили перед собой цель: пользуясь предоставляемой возможностью выхода на прямые торговые связи с зарубежными фирмами, завязать контакты в Китае.

Итак, странички из дневника этой необычной и интересной поездки.

ЕХАЛИ МЫ, ЕХАЛИ..

От Читы фирменным поездом "Даурия" мы едем по степи, пустынною и промозглым сквозняком напоминающей ямальскую тундру. Только вместо оленей - бараньи отары и коровы, своим обликом похожие на яков, шерсть на них длинная, и кормятся они тем, что добывают копытами из-под снега прошлогоднюю желтую траву.

Пролетели полсуток пути - и где-то рядом Забайкальск. Еще

сравнительно недавно, в семидесятих годах, на советско-китайской границе обстановка была взрывоопасной. А теперь, к общей радости, - потепление.

Оно чувствуется с первых же шагов по Забайкальску. На железнодорожном вокзале надписи на китайском. На путях вагоны с лесом и оборудованием. Это уже не крохи приграничной торговли, а объемы, поистине отражающие перестройку экономики и внешней политики двух великих держав.

Закончен таможенный досмотр, и поезд Москва-Пекин устремляется к границе. До нее рукой подать - всего семьсот метров. Проезжаем огороженный "колючкой" коридор нейтральной полосы и - Китай.

По обеим сторонам поезда, приложив руки в белых перчатках к зимним шапкам, в приветствии вытянулись пограничники.

Волнуемся: за окном поезда страна, которую издавна называют "таинственной". И вполне обоснованно. Ведь ухудшившийся политический климат не давал возможности в нее заглянуть на протяжении почти четверти века. Мы будем одними из первых очевидцев поистине революционных перемен, выдвинувших Китай на ведущее место в мире по производству продуктов питания, техники и электроники.

В моем блокноте сохранился листок из китайского календаря, на нем дата - 1 февраля. В этот день Ким Дэсик, директор отдела внешней торговли международной корпорации по развитию новой техники провинции Хэйлунцзян и одновременно наш пе-

即席

реводчик, предложил сделать первую остановку в Маньчжурии.

Все вокруг было непривычным. В магазине прямо на железнодорожном вокзале глаза разбегались от ярких этикеток, необычных форм упаковки, невиданных товаров. Но над всем этим господствовали термосы. Счастливыми обладателями их являются и многие в нашей стране. Долго сохраняющие тепло, ярко расцвеченные, они стали обязательной деталью поездов, гостиниц, общественных присутствий. Причем, мы заметили, что наполняют сосуды, как правило, вечером. Оказывается, по существующему у китайцев обычаю, вода, переночевавшая в термосе, становится "живой" и исцелительно действует на организм человека.

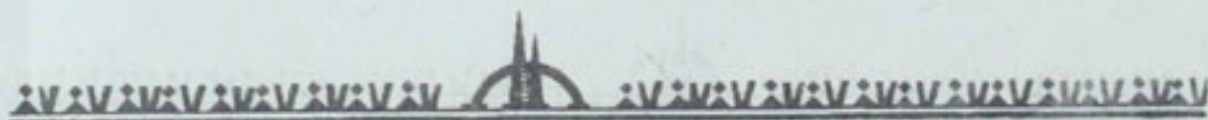
Впрочем, заведя речь о "хранителях тепла", я хотел сказать не о заурядных термосах, ставших привычными и для нас, а о тех, как будто изваянных из куска белого камня, вместительностью до трех литров. И главная их особенность в том, что не требуется отвинчивать крышку, а достаточно только легко нажать на нее и насос выдает порцию кипятка. Есть термосы, у которых этот процесс сопровождается музыкой, льющейся из специального устройства на крышке.

Забегая вперед, скажу, что достигнута договоренность о строительстве предприятия по изготовлению китайских термосов в Приморском крае.

Новые сюрпризы ожидали нас в поезде местного назначения. Вагон "для лиц первой категории" оказался комбинированным. То есть одна его половина состояла из купе, а вторая - из трехъярусных полок плацкартных мест.

Укладываясь спать, обратили внимание, что подушки в голубых шелковых наволочках не ватные или поролоновые, а набиты зерном маиса. Поймав мой вопросительный взгляд, Ким сослался на народную медицину, которая утверждает, что это хорошее массирующее средство, уберегающее от остеохондроза. А голова, она и на жестковатом ложе найдет удобное положение. С непривычки у меня это получилось не сразу. И, может, даже к лучшему, потому что, вперившись в окно вагона, сделал еще несколько открытий для себя.

Когда на повороте поезд изогнулся и стала видна его голова, то оказалось, что тянет его самый обычный паровоз. Боюсь ошибиться, но он так походил на наш отечественный. И еще, чем ближе к Харбину, тем больше на пути стало попадаться деревень и сел. В одном дружная артель "колдовала" над мазанкой, шлепая на деревянную решетку будущей ее стены лепешки глины. В другой группа крестьян, держа на привязи коров, овец, обступила человека в

зеленом крытом полушубке, вероятно, оптового покупателя. В общем, обычные сцены из крестьянской жизни, но во многом не похожие на наши.

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА КИТАЯ

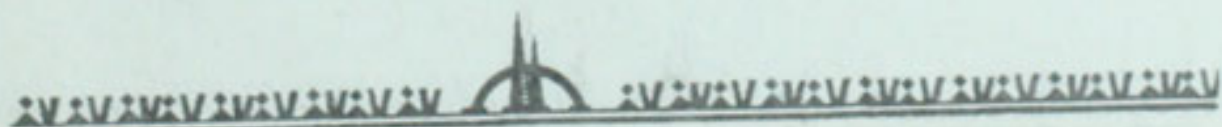
Этот город, насчитывающий около двух с половиной миллионов жителей, образованный когда-то монголами, называют северной столицей Китая. И на столь высокую роль он, наверное, действительно тянет. Айсберги офисов плывут в море бесчисленного множества домов разных стилей и времен. Уместно заметить, что походила здесь и рука русских архитекторов. Колонны, лепные фронтоны зданий это подтверждают.

На Большом проспекте Харбина в глазах рябит от иероглифов, похожих на золотистых пауков и обозначающих названия корпораций, фирм, контор. Вот здание "Хина оф Бэнка", что в переводе, как вы уже догадались, - "Банк Китая". У самого входа полукруглые, одновременно похожие на тыкву и воздушный шар братьев Монгольфье, красные шелковые фонари. Остается позади громада универсама "Хэсин", а чуть в отдалении от делового центра - политехнический институт, в который ежегодно приходят на лекции около 10 тысяч студентов. А вот серого камня здание, почти близнец МГУ. В нем, торжественно величавом, располагается провинциальный комитет партии. А напротив, через улицу, транспортное управление. На его площади с рукой, вытянутой в приветствии, ростом в полтора десятка метров фигура Мао Цзэдуна.

Принадлежность города к северу подчеркивает климат. В феврале здесь пощипывал морозец, загоняя ртутный столбик термометра до минус 20 градусов. И прохожие, особенно по утрам, основательно кутаются в плащи и капюшоны.

В Китае есть шутка: курица сначала садится и только потом несется, а велосипедист несется сразу же. Что верно, то верно - не позавидуешь милиционеру, регулирующему уличное движение. Велосипедисты сигналы его жезла игнорируют, а охрипшие гудки "Фиатов", "Гойот", "Мерседесов", "Волг" и подавно. Монопольное владение проезжей частью улицы, даже при наличии специальных велосипедных дорожек, объясняется большим количеством двухколесных машин. На "великах" едут на работу.

Но верхом неприкосновенности все же пользуются люди. Они могут переходить автомобильную магистраль в любом месте. Обычно спешат, поглядывая на часы. Но дисциплинирует их не только время. В Китае, с его рекордным населением, не изжито такое

явление, как безработица. И лучше перетрудиться, чем опоздать. К слову, праздники китайцев можно пересчитать по пальцам. День образования республики, 8 Марта, когда отдыхают только женщины, пять дней праздника весны. Выходной на неделе один. А отпусков нет вообще. Правда, сейчас идет речь о предоставлении 20-дневного отпуска хотя бы для передовых коллективов.

- У вас, кажется, говорят: "трудятся, как пчелки", - прерывает мои мысли Ким. - Это с полным правом можно отнести к китайцам. Хайлунцзянская провинция, центром которой является Харбин, дает лес и уголь, пшеницу и бобы и первое место в Китае занимает по производству мясомолочной продукции.

Но зачем толкаться в тесных очередях под открытым небом, когда все, что душе угодно, есть в "Чурине". Так китайцы называют огромный магазин, занимающий чуть не полквартала, с торговыми рядами под землей и тремя этажами наверху. Принадлежал он русскому купцу Чурину, открывшему свое дело в 1926 году.

Чего только здесь нет!

Гирлянды колбас и сосисок, конфеты с драконом на коробках, печенья и вина, вышитые женские кофты ручной работы, чемоданы самого притязательного путешественника с замками и ручками фантастической красоты и форм, видеомэгафоны и телевизоры...

Нет, пожалуй, только копченой колбасы и черного хлеба, приготовленных по особому чуринскому рецепту и так почитаемых китайцами. Но не по этой причине из главного магазина северной столицы уходят без покупок. А по той, что кусаются цены. Батон хлеба в пересчете на советские деньги стоит около двух рублей, а колбасу или сосиски отец нашего переводчика может себе позволить купить разве только по большим праздникам. Потому что, хотя его профессия строителя и считается одной из самых высокооплачиваемых, дает она не больше 300 юаней в месяц, или 70-80 рублей.

У дверей крупных магазинов и на тротуарах дышат паром и притягивают ароматом бочки или котлы - как их лучше назвать, не знаю, - в них на углях печется картошка, специально для этих целей подмороженная. Вот тут торговля идет бойко. По сходной цене китайцы покупают сладковатые клубни и тут же на улице их едят.

Этим, казалось, можно бы и закрыть очередную страницу дневника, но остается невыясненной природа охватившей Китай инфляции.

По мнению директора продовольственного магазина Джо Дау, причин несколько.

- В стране, - говорит он, - государственных торговых точек раз, два и обчелся. Правят бал частные владельцы. А они, как заблагорассудится, так и накручивают цены. Дачи, подсобные участки горожанам иметь не разрешается. И все, что идет с крестьянских полей через перекупщика, в два-три раза дороже.

ДЕЛУ - ВРЕМЯ...

Что китайцы прежде всего - люди дела, мы испытали на себе. Не успели распаковать чемоданы и перевести дух, как нас подхватил вихрь экскурсий и переговоров.

Мягко качнувшись, белые "Тойоты" остановились в квартале домов с иголки. Специалисты корпорации на примере хотели показать нам, что и в Китае человеческому фактору сейчас открыта зеленая улица.

Ежегодно своими силами корпорация строит до 200 тысяч квадратных метров жилья. Для этого ей пришлось обзавестись собственным кирпичным заводом, открыть производство декоративных отделочных материалов и проектирование взять на свои плечи. Что в итоге получилось, можно посмотреть.

Зеленый холодильник с маркой японской фирмы никак не поддается грузчикам. И пока они решают эту проблему, подмечу существенную деталь.

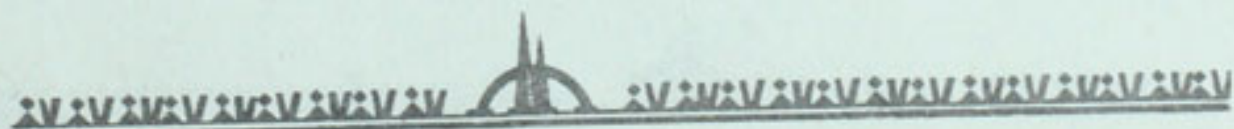
Не имея своих технологий и "ни в зуб ногой" в компьютерах и ЭВМ, китайцы однажды, а точнее, лет десять назад, "сняли с себя последнюю рубаху" и приобрели лицензии у Страны восходящего солнца практически на весь блеск научно-технического прогресса. Сюда надо отнести счетные и копировальные машины, телевизоры, бытовую технику. Затраты окупились быстро и с лихвой. Теперь сами китайцы выступают в роли экспортеров.

Это еще один феномен подъема экономики и насыщенности китайского рынка.

Вот холодильник, наконец, водружен на свое законное место, и мы осматриваем квартиру. Это уже не клетушка, какие доживают свой век на окраинах Харбина, а уютное просторное жилье со всеми благами цивилизации.

Впрочем, строительство жилья - дело понятное. А вот то, что фирма, именуемая международной корпорацией по развитию новой техники, изготавливает текстильные товары, содержит большое поголовье скота и звероферму, не укладывается в голове.

Между тем ларчик открывается просто. Корпорация держит курс на бартерную торговлю, то есть торговлю, основанную на

обмене товарами. И чем они разнообразнее, тем больше шансов пополнить карман фирмы. При этом ставится цель связать отрасли безотходной технологией.

Кстати, мои восторги по поводу умения китайцев торговать не разделил генеральный директор корпорации Сюе Жуйчжао.

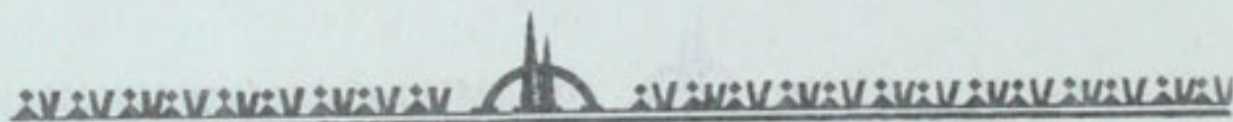
- Мы имеем давних партнеров в Северо-Западной Азии, к ним можно отнести Корею, Японию. Налаживаются контакты и с СССР. Так что, думаю, и у вас найдут спрос наши компьютеры системы "Чжунхуа", копировальные машины марки "Рикорх", промышленные холодильники. В этой связи хочу заметить, что наличие у нас "косточки" предпринимательства сильно преувеличивают. Приведу такой пример. Одна из отраслей корпорации специализируется на изготовлении лекарств народной медицины. В том числе пасты, излечивающей экзему и другие кожные заболевания, и препараты, способствующие избавлению от лишнего веса. Давние партнеры с удовольствием и в большом количестве закупают их у нас, а вот на Запад пробиться пока не можем. Ломали голову - почему, и пришли к выводу, что не умеем рекламировать товар. И еще. Если западные "купцы" вначале изучают покупательский спрос, а потом уже пускают изделия на поток, то мы часто делаем наоборот. В результате склады ломятся от товара, а сбыта нет.

Сюе Жуйчжао еще раз выразил свою искреннюю радость по поводу потепления климата в советско-китайских отношениях. Он рос в Харбине среди русских, глубоко изучал работы Ленина о нэпе.

...А ПОТЕХЕ - ЧАС

Как же может быть такое - Новый год и весна в одно время? Но в Китае не отводится на раскачку до весны целый квартал, как у нас. Новогодний праздник здесь отмечается по лунному календарю первого февраля. И если помните предыдущие страницы дневника, то длится торжество целых пять дней. А с 6 февраля уже весна.

Зрелище это трудно описать. Еще днем на всех перекрестках бойко торговали какими-то трубочками, шариками, пакетами. О предназначении их мы узнали только в 12 часов ночи, когда город вдруг озарился вспышками фейерверков, сопровождаемых звуками, похожими на автоматные очереди. Та-та-та! - неслось с соседней улицы. В первые минуты мы втягивали головы в плечи и растерянно озирались. Казалось, по всему Харбину развернулись боевые действия. А когда освоились, кто-то из нас пошутил, что

случись такая канонада где-нибудь в Салехарде, тут же призвали бы к порядку. А в Китае, оказывается, взрывы петард и хлопушек являются неотъемлемой частью торжеств.

То тут, то там на тротуарах горели костры, и мы, по незнанию, захотели было у одного из них погреться. Но выяснилось - разводили их новогодней ночью совсем для других целей. Девушка и парень объяснили, что в данном случае совершается религиозный обряд. А подкладываемые на языки всепожирающего пламени длинные полосы белой бумаги именуются деньгами, которые, превращаясь в пепел, улетают к небесам в обиталище умерших.

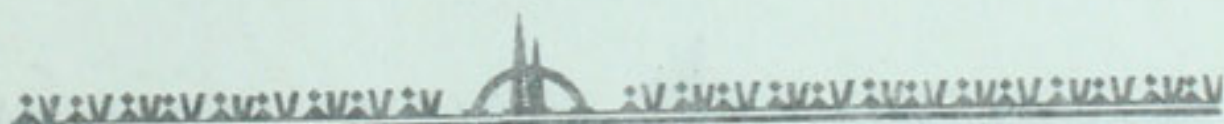
Как-то вечером нам была предложена экскурсия на побережье реки Сунгури. Из шумного центра машины нырнули на тихую улицу Сталина, и почти сразу же открылась река. Она по ширине почти равна Иртышу. К обоим берегам жмутся маленькие прогулочные теплоходы и катера, вмороженные в лед.

Унылая зимняя картина. Но она забылась сразу же, как только мы оказались в сказке. Здесь нет никакого расхождения с истиной. Неопишуемой красоты ледяной городок действительно существует на окраине Харбина. Китайская пагода и гигантский фонарь, фигура прелестной танцовщицы и стая взлетающих лебедей... Все это изваяно изо льда. И с таким искусством, что не оставляет сомнения в высоком профессиональном совершенстве мастеров.

Впрочем, даже и оно не могло, наверное, привлечь на праздник "ледяного фонаря" такого количества туристов, а их в иные годы приезжает около 40 тысяч, если бы не прекрасное световое оформление. Разноцветные лампочки, смонтированные внутри ледяных фигур, преломляясь, рождают самые фантастические гаммы световой палитры. Фигуры оживают - и хочется к ним притронуться, дабы убедиться, что такое чудо сделано не из хрусталя, а из самого обычного речного льда.

С кем бы ни приходилось говорить, все считают, что основу этого праздника заложили русские. Они лепили у своих домов, церковью фигуры из снега и обливали их водой. Получалось красиво. Китайцы лишь изменили технологию. Теперь в качестве основного строительного материала идет лед с Сунгури. Его нарезают кубами и вывозят на территорию парка. И где-то в январе объявляют конкурс на лучшую ледяную фигуру. Есть и вознаграждение.

Скульпторы едут со всего света. Нынче были из Канады, Японии, Англии, США, Дании. Электрическими пилами они производили черновую обработку хрупких ледяных кубов, а затем уже доводили свои произведения более тонким инструментом. Чуть не упустил еще одну деталь. Естественно, сказочной красоты ледяной

город - это не мертвый памятник. Он живет с утра до вечера: на катушках резвятся ребяташки, которых, несмотря на сравнительно дорогой билет в один юань, здесь хоть отбавляй. Работают ларьки по продаже сладостей и сувениров. В программу "ледяного фонаря" входят и хоккейные баталии. Говорят, в прошлом году призерами стали хабаровское СКА и команда Филадельфии.

ГОРЬКИЙ МЕД ЧУЖБИНЫ

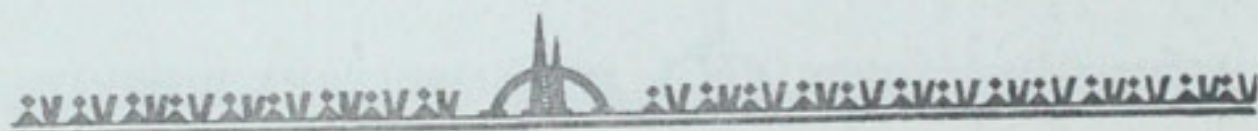
Русскую речь мне приходилось слышать в Китае трижды. В том числе от студентов китайских вузов и одной женщины, у которой мать когда-то эмигрировала из нашей страны. Представился случай побывать в доме русского человека.

От своей гостиницы мы идем к улочкам, на которых достатка поменьше. Тут лотки старьевщиков, зеленью торгуют прямо с телеги, запряженной осликом, а китайские вина выставлены или на крылечке магазинчика, или просто на тротуаре. И пока штурмуем шумный и говорливый поток запрудивших улицу покупателей, я, хотя бы в общих чертах, расскажу о том, как нас приняли китайские друзья.

Гостиница "Мир" покорила не так своим убранством, как сервисом. Двери распахивают и вытягиваются в приветствии швейцары. Здесь эта роль отведена молодежи. Девушка и юноша у входа в зеленой строгой форме с алой лентой через плечо, в фуражках с высокой тульей, белых перчатках. Далее, под опекой специального дежурного, путешествие на лифте, вмещающем до 20 человек, с зеркалами и телефоном. И вот мы на своем девятом этаже. Открывают номера, убирают в них, приносят в термосах горячую воду девушки уже в синей форме, подчеркивающей их статность и молодость.

Все в номерах нравилось - и компьютер, включающий свет, и телевизор, и кондиционеры, и разовые тапочки с фирменным знаком гостиницы. Украшением были цветные телевизоры. Не помню точно, но, по-моему, показывали они пять или шесть программ. Единственным неудобством оказалось отсутствие в гостинице элементарного электрического утюга. Они в Китае в большом дефиците. И рабочие, строящие жилье в Забайкалье, покупают утюги, что называется, про запас.

Впрочем, вот мы и дошли до цели. За низким забором - порядком заросший дворик, сарай и виднеющийся за ними старый покосившийся дом. В полутемных сенях нащупываем скобу, но дверь распахивается сама. На пороге среднего роста плотный пожилой мужчина. Русские, широко открытые глаза смотрят удивленно.

Представляемся. Директор Салехардского рыбзавода Н.Федоров вручает наши скромные сувениры.

В ответ слышим: "Михаил Михайлович Мятков. Милости просим". И проводит на крохотную кухонку. Чувствуется, что в первые минуты встречи с соотечественниками он просто не может прийти в себя. И, утоляя наше любопытство, начинает рассказывать о себе:

- С девятнадцатого года мы в Китае. И если учесть, что мне сейчас 77 лет, то выходит, что вся сознательная жизнь прошла здесь. А эмигрировала наша семья скорее всего по воле судьбы. В Самаре едва сводили концы с концами. И отец принял приглашение родственников, работающих на КВЖД. По причинам, которые мне трудно сейчас объяснить, мы остались в Китае. И, откровенно, не чувствовали себя оторванными от России. Ведь русских в Харбине проживало тогда множество. Встречались с ними на улицах, в церкви, ходили друг к другу в гости. Был у нас свой клуб. Первое Мая, 7 ноября отмечали в нем торжественно.

Здесь Михаил Михайлович сделал паузу. Его глубоко посаженные глаза под челкой седых волос помрачнели. И было отчего. В 1962 году похоронил мать. Потом "культурная революция", от которой и у китайцев "бока болели", а уж об эмигрантах и говорить не приходится. Свой дом для Мяткова являлся как бы крепостью.

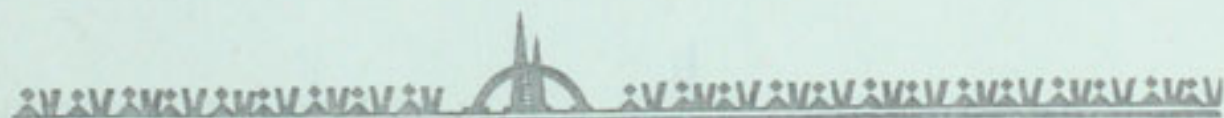
Имея за плечами политехникум, работал Михаил Михайлович в лаборатории хлебных злаков датской фирмы Восточно-Азиатской компании. Пенсии нет. Живет только на 42 юаня пособия. А на такие деньги не разбежишься. И, конечно, беспокоят мысли о завтрашнем дне. Соотечественников в Харбине осталось не более двух десятков. Встречаются редко. Только в церкви по праздникам. Единственное, что скрашивает одинокую жизнь Мяткова, - это газеты. Он регулярно выписывает "Голос Родины" и "Отчизну", издающиеся в СССР. И поэтому хорошо осведомлен о перестройке в нашей стране.

- Политику правительства СССР можно только приветствовать, - говорит он. - Но нужна активность всех и каждого и время, чтобы увидеть перемены.

Прощаясь с Михаилом Михайловичем, замершим у калитки в своей наглухо застегнутой синей куртке, я не удержался и задал главный вопрос:

- Не тянет вас в Россию?

- Покойные родители еще настаивали на этом, но момент был неподходящий. Насколько я знаю, только теперь совсем по-другому у вас взглянули на сталинскую политику, в частности, в отношении "врагов" и "предателей", строивших КВЖД. Мне тоже вроде бы не чинят препятствий в возвращении на родину. Но пока еще мы с братом не можем оформить продажу своего дела.

ДВЕРИ РАСПАХНУТЫ НАСТЕЖЬ

В предыдущих главах дневника я почти не обмолвился о том, как относятся китайцы к нам, что о нас думают. Сделано это отчасти специально. Боялся сорваться на эпитеты и выражения с восхваляющей окраской. А нам всем нужна объективность. На нее, пусть не совсем, но все же претендует интервью с заместителем председателя народного общества "Дружба с заграницей", заместителем председателя Общества китайско-советской дружбы Ли Пэйфу.

- Товарищ Ли Пэйфу, прежде расскажите немного о себе.

- Родился я в провинции Шандун. Долгое время был на партийной работе, а также заместителем председателя народного правительства города Харбина. А в общей сложности мой революционный стаж насчитывает 40 с лишним лет. При любых, самых трудных политических ситуациях я голосовал за мир и сотрудничество с Советским Союзом. И, видимо, есть на свете справедливость и в наших государствах трезвые умы, если наши руки снова сомкнулись в дружеском пожатии.

- Как вы относитесь к переменам в политике и экономике нашей страны?

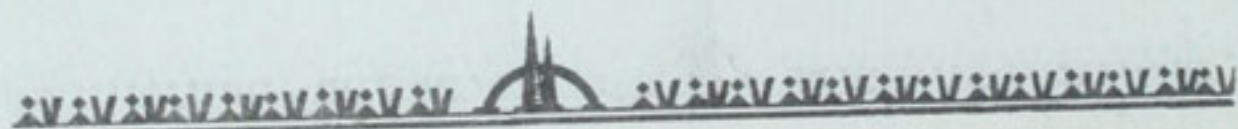
- Мы неплохо информированы о шагах, предпринимаемых правительством Горбачева. И считаем, что перемены просто необходимы. Только перестройка может улучшить жизнь народа. Наглядным примером пусть послужит наша экономическая реформа. За десять лет со дня ее реализации успехи достигнуты такие, что о них говорят уже во всем мире. Само собой, и у вас, и у нас не обходится без противоборства идей и характеров. И этого следовало ожидать. Ведь процесс обновления не так прост и легок, как кажется.

- Но трудности всегда легче преодолевать сообща. А потому хотелось бы узнать, каковы планы Общества на самую ближайшую перспективу?

- Наше святое дело - способствовать дружбе между народами. И выполняя эту роль, мы, что называется, готовы распахнуть все двери настежь. Вошли в самые тесные контакты с Амурской областью. Получено приглашение из Хабаровского края.

... Мысленно поторапливали автобус. Но 700 метров от границы до Забайкальска показались целой вечностью. Согретые теплом встреч на дружественной китайской земле, мы все же очень хотели попасть домой.

Китай - Россия.

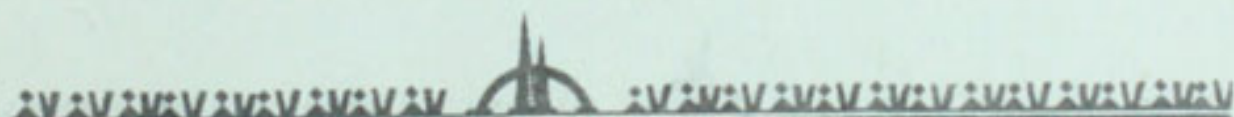

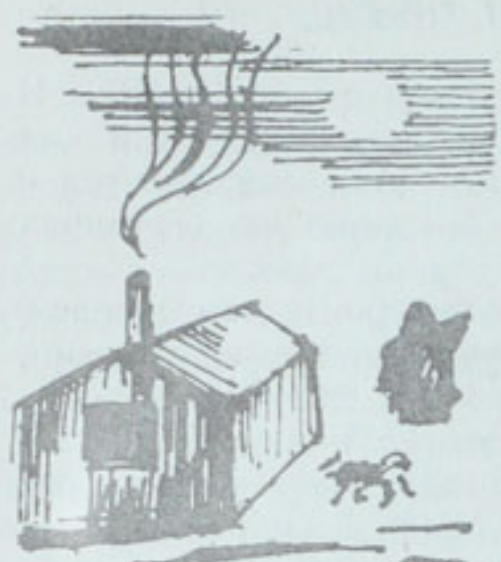
Рыбацкий Самотлор

Когда-то в шестидесятых Петр Николаевич Первушин, будучи директором Пуйковского рыбозавода, а затем генеральным директором объединения Ямалрыба, проложил путь в глубины Ямальского полуострова. Его экспедиция за рыбой-ряпушкой, которая и водится-то, говорят, только в трех водоемах мира, увенчалась успехом. Но не нашлось тогда у Первушина последователей и единомышленников, и дело заглохло. Возродил его десять лет спустя другой человек - Николай Яковлевич Будылдин. Причем, удалось ему заставить работать промысел с наибольшей отдачей.

Будылдин не курил. Но, устраиваясь в тесном самолетном кресле, он признавался себе, что не отказался бы сейчас от сигареты. Телефонный звонок, приглашающий его на бюро Тюменского обкома, не был неожиданностью. Самолет поднялся в сильный ветер, а где-то посередине трассы в воздушные струи вплелись седые космы бурана, и вместо Тюмени "Як", следующий из Заполярного Салехарда, посадили в Свердловске.

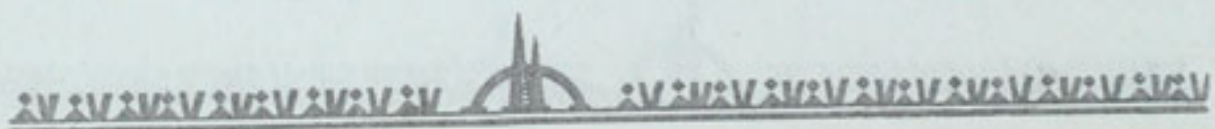
Первому секретарю Ямало-Ненецкого окружного КПСС Юрию Артемьевичу Долгих и генеральному директору производственного объединения Ямалрыба Николаю Яковлевичу Будылдину это было только на руку. В самолете и здесь, в переполненном аэропорту, они обсуждали, как лучше организовать промысел на водоемах округа, чтобы доля ямальской рыбы в общем улове страны была бы еще весомей. В общем, знал Николай Яковлевич, о чем говорить, но когда первый секретарь обкома полушутя, полусерьезно поинтересовался: "А что скажет нам в своей тронной речи Будылдин?" - выступил скромно. И было этому объяснение. Во-первых, не хотел, чтобы подумали, что бахвалится, во-вторых, по рукам связывала наука. Ученые из СибрыбНИИпроекта упорно настаивали на облове

таежных глубинок Пуровского района, характеризуя продуктивность озер астрономическими цифрами. А Будылдин диаграммой вылова за последнее пятилетие опровергал прогнозы, акцентируя внимание также на трудностях вывоза уловов из тайги. Ведь материальная база только что созданного объединения была слаба. А без гусеничных вездеходов, тракторов как на тайгу, так и на Арктику — этого грозного белого медведя, наступать бесполезно. Не отвергая доводы науки, Будылдин должен был предложить водоем, который бы выплеснул богатства, подобно Сямотлору. Есть такое в таежной хляби тюменщины болото-озеро. Птица его облетает, зверь обходит. А люди открыли на нем нефтяное месторождение, какому нет равных на земле. Тем более, что в разрезе Постановления перед рыбной промышленностью округа ставилась принципиально новая задача. По сути дела, большую часть областных поставок рыбного довольствия стране округ обязан был взять на свои плечи. А это значит, что на угодые, куда предполагалось бросить основные силы и средства объединения, по подсчетам специалистов, только за зимний сезон должно было вылавливаться не менее десяти тысяч центнеров ценнейшей по вкусовым качествам рыбы.

Копья по этому поводу ломали в объединении не один день. Знающие толк в добыче спорили с Будылдиным. Он, как старожил ок-

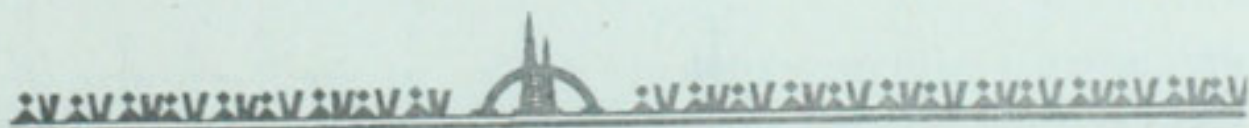

руга, - с ними. Наконец остановились на Яптик-Сале, что в переводе с ненецкого значит - мыс Яптиков.

Много на Ямале мест, видевших трагедии его основателей. И Яптик-Сале тому не исключение. До сих пор, когда высокий вал беспокойной Обской губы, именуемой здесь морем, скатывается с песчаного берега, открываются ребра остовов нескольких огромных барж.

- На них мы добирались в Тамбей, чтобы построить там поселок, - отдавшись горестным воспоминаниям, расскажет мне молдованин, бывший репрессированный, Василий Степанович Гуцу, затем прославленный бригадир рыбаков из Нового Порта. Но судьба распорядилась по-своему. Леденящий осенний ветер к вечеру второго дня плавания перерос в шквал, и полузатопленный караван выбросило на берег. Обломками барж и частично уцелевшего материала, предназначенного для строительства Тамбея, обшили вырытые в берегу землянки. И те, кто дожил до весны, остались здесь надолго. Потому что море кишело рыбой, спасшей людей от голода и цинги.

Всю эту предысторию Яптик-Сале Будылдин знал, видел, что затеваемое дело будет хлопотным. Но когда ему было легко? Что верно, то верно. За двадцать с лишним лет партийной и советской работы отдыхать приходилось немного. Ведь в Тазовском районе, в котором Будылдин от секретаря райкома вырос до председателя райисполкома, пришел он не на готовенькое. Довелось заниматься ликвидацией безграмотности и сбором тундровых ребятишек в школу. А разве он находился в стороне, когда начался в районе геологический поиск? Но многое - большое и малое - растеряла память Будылдина. А с ним остались искорки комсомольского задора и напористость, называемая в народе настырностью. И если бы не эти человеческие качества, присущие сильным людям, он давно бы уже, наверное, сломался под давлением критических ситуаций, ведь на его долю их выпадало немало. Как, к примеру, эта. Самолет, в баках которого бензин оказался вперемешку с водой, совершил вынужденную посадку в тундре, на сотни километров - голый Гыданский полуостров. Как потом рассказывали пилоты, и они, издавшие виды, растерялись, а Будылдин нашелся. Нацедил из бака бензина и в колке случайно выстоявших в этих широтах лиственниц, плеснул на высохшее дерево. Как жертвенный огонь ненецкого жирника, горела, потрескивая и чадя, старая лиственница. Тепла не было. Но только свет, свет надежды помог экипажу и пассажирам не погибнуть и в течение многих часов дожидаться на морозе подмоги. Вот и сейчас Будылдину думалось, что все вымерял он и рассчитал. Но Яптик-Сале орешком оказался более

крепким, чем предполагалось. В народе говорят: "Бедному собраться, только подпоясаться". Небогато тогда жило объединение рыбаков. Отрывая последнее, Будылдин живо снарядил экспедицию. И уже пошли известия о высоких уловах. Но порадоваться этому в объединении не успели. Арктика - грозный белый медведь, встала на дыбы. За один день унесло на ледяных полях свыше тысячи сетей, десятки тонн рыбы и - что страшнее всего - людей.

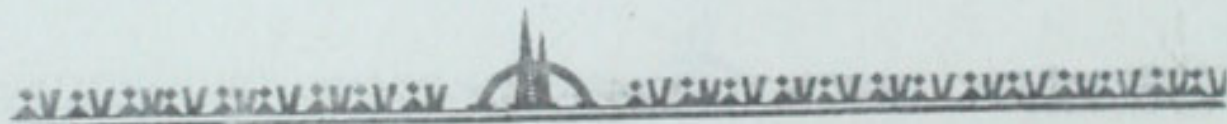
- Бригада не заметила, как оторвало льдину от припая, - вспоминает Николай Иванович Угля. - Да и предпосылок к этому вроде бы не было. Стоял мороз, что-то около тридцати градусов. Порядочной толщины был лед. Снижающийся над порядками вертолет приняли за сюрприз. А оказалось, что авиаторы уже двое суток разыскивают нас в открытом море.

Трагичность всего того, что могло бы случиться, рыбаки поняли лишь только в тот момент, когда вертолет, как гуттаперчевый мячик, отскочив от льдины, повис над морем. Слева и справа к белому полю с ясным очертанием палаток, ровным рядом прорубей и аккуратно сложенной в мешки и насыпью рыбы тянулись черные змеи. Это трещины кромсали на куски лагерь бригады.

Грохота ломающегося льда из-за шума вертолета люди не слышали. Но по фонтанам взлетающих в воздух брызг и ледяных обломков, наползающих друг на друга, встающих на дыбы, представляли, какая это была сила. И еще не успел вертолет закончить разворот, как палатка бригады медленно накренившись на бок, исчезла в темной пучине. На следующий день вертолет отыскал льдину и люди бросились выручать улов, но вынуждены были признать, что сделать это невозможно. Вода, залившая рыбу, замерзла, и, поблескивая серебристыми слитками, рыба оказалась навечно замурованной в лед.

Случается и сейчас: потревоженные волнением, приливом и отливом Ледовитого океана, льды на Обской губе раскалываются, как рафинад. И никакие народные приметы, а одна из них гласит, что если собака трижды за день чистит обледеневшие лапы - бойся трещины, не помогают вовремя сориентироваться.

"Все надо начинать сначала и по-другому", - думал Будылдин, поднимаясь в самолет. И чем был ближе Яптик-Сале, тем сильнее в нем росло ощущение того, что, сосредоточась на главном, они там, в объединении, не увидели мелких, не существенно важных деталей. В частности, плохо работала связь, медленно шла переброска рыбаков. А время, как раз оно, было сейчас дороже золота. Ведь заканчивался уже ноябрь, и одна другой грознее поступали телеграммы из областного центра.

"Вот, вот. Телеграммы, звонки. Разве они могут заменить живого руководства промыслом", - поймал себя на мысли генеральный директор. "Пока депеши из Салехарда доходят до бригад всех четырех заводов, многое устаревает. Значит, нужно непосредственно в Яптик-Сале сосредоточить все в одних руках".

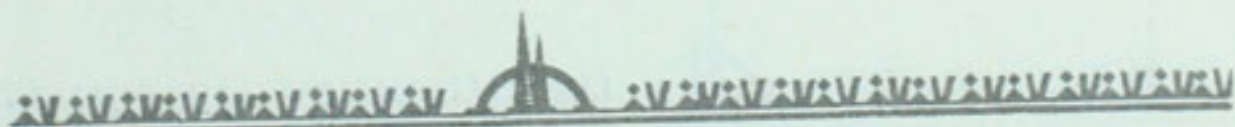
На следующий день оперативная группа, состоявшая из главных специалистов заводов, рекомендовала на должность начальника участка П.З.Лясковского. Она же вырабатывала новую тактику, позволяющую буквально вырвать у Арктики ее богатства. Для этого напроць отбросили прежний вариант заброски рыбаков в море. То есть не стали ждать утолщения льда, когда по нему можно будет пустить трактора с палатками и промысловым оборудованием. А определив места зимнего скопления ряпушки, прямо на них с вертолета стали высаживать рыбаков.

Другим, не менее важным вопросом в деятельности крупнейшего зимнего угодья округа оставалась вывозка улова на "большую землю".

- Самолеты "Ли-2" с вооружения авиаторов снимаются, взамен их пойдут более тяжелые машины, - выступил на совещании Лясковский. - Поэтому нам невыгодно строить взлетно-посадочную полосу на льду - снова пойдут трещины, вода. Да и слишком долго ждать утолщения припая. Не лучше ли подыскать место для грунтовой полосы?

Радуюсь разумному решению Лясковского, Будылдин думал о том, сколько грамотных, умных, преданных делу Севера людей встретил он за свою жизнь. В Тазовском это был Зиновий Саньков, в Приуралье - Николай Иванович Корепанов, Борис Иванович Ермолин, Юрий Степанович Цыбин, Гавриил Михайлович Рочев, а здесь - Геннадий Георгиевич Горицкий, Рудольф Иванович Зайцев, Николай Константинович Бобров, Александр Сергеевич Конев. Во всех делах, связанных с вопросами добычи, уже в объединении лучшими советчиками он считал Валерия Александровича Вакарина и Виктора Ивановича Храпова.

И теперь в этой сложнейшей ситуации ему особенно нужна была их помощь. А главную ставку Будылдин делал на молодежь. Провожая бригады в море, он долго беседовал с Михаилом Худи. Пути их не раз пересекались. И в испытывающем взгляде генерального директора Михаил уловил: "Не подведешь?" Ответить не успел. Да и надо ли было? Он брался за дело, которое знал с малых лет. Но в отличие от других рыбацким ремеслом Михаила когда-то заставило заниматься не детское любопытство, а единственная возможность иметь кусок хлеба.

Родился он на реке Юрибей, что несет свои холодные воды по всей Ямальской тундре. Не раз течение перебарывало маленького рыболова и вместе с кольями и сетью калданку уносило далеко в низовья. Престарелый дед, огорчаясь неудаче внука, только качал головой: "А дальше тебе еще труднее будет - безотцовщина", - и кряхтя, шел помогать ему хотя бы советом. Особенно голодно и холодно жила семья зимой. Тонкими, как карандаш, ветками тальника чум не отопишь, тут хотя бы вскипятить чайник и маломальски высушить обувь. Но чтобы заготовить тальник, требовалось выкопать настоящие туннели в толщине двухметрового снега. К концу работы силы иссякали, а ведь надо было еще добираться домой.

- Приехали! - толкнул Михаила в бок Григорий Окотэтто. Стали выгружаться, выводя на лед собак, выкатывая "Бураны". Пока бригада занималась этим делом, Михаил, вооружившись пешней, пошел осматривать место. Лед был гладкий и ровный, только в западном направлении в трехстах метрах от района высадки виднелась трещина. Михаил подошел к краю ее и опешил. На него смотрели четыре пары широко распахнутых, любопытных нерпичьих глаз. Выждав паузу, ластиногие нырнули и появились уже ближе. Так что Михаил мог рассмотреть пятипалые плавники и ворсинки будто расчесанного, золотистого меха. Бывалые добытчики ему говорили, что с появлением нерпы рыба уходит. Так это или нет, а на первых порах бригаде действительно не везло.

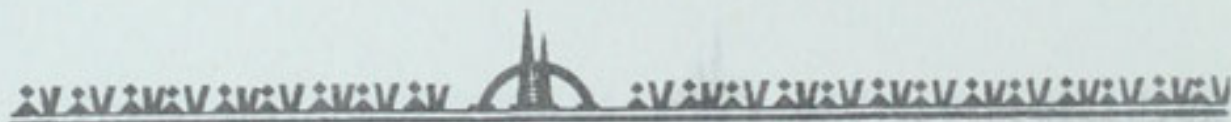
Собрав палатку, обтянув ее брезентом и обсыпав со всех сторон снегом, утром чуть свет вышли на работу. Встречный сильный ветер пробирал до костей. По давно установившейся традиции, Михаил сам пробивал первую лунку. Он не спешил, экономя силы. К обеду лунками, как пунктиром, была отмечена значительная часть поля. Люди устали, но Худи торопил.

- Надо, парни, подналечь. Лед тонкий, одно удовольствие работать. А через неделю все руки обобьешь, пока до воды достучишься, - знал бригадир, что говорил. По тонкому льду легче было проколоть почти триста необходимых для промысла прорубей.

В тот момент, когда Худи катил на упряжке собак к угодию, Будылдин уже знал о том, что он "вышел на рыбу", и собрал в кабинете главных специалистов.

- Обеспечив добытчиков связью, - начал он, - мы, по сути дела, одолели только сантиметр на километровом пути к промышленному освоению водоема. Чтобы быстрее добиться настоящих уловов, нужно создать механизированные бригады.

- Откровенно скажу, - вспоминает сейчас первый заместитель

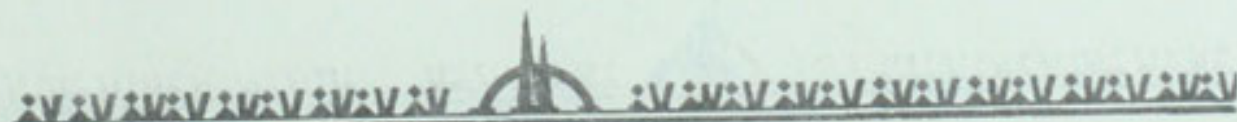
генерального директора объединения Виктор Иванович Храпов, - некоторым из нас тогда показалось, что мы ослышались. Разве можно было помышлять о дополнительной заброске транспортных средств в Яптик-Сале, когда склады Ямалрыбы уже и так подчистили под метелку и успели заавансироваться в Сибрыбпроме. Но в тот же момент, зная волевой характер Будылдина, чувствовали, что он своего добьется. Уверенностью его питало то обстоятельство, что решили мы задачу незаурядную. Включились в дело все активно.

Начались звонки, командировки. По разнарядке в адрес объединения отгрузили из Тюмени трактора "С-100" и "ДТ-75". Этому надо было только радоваться, а Будылдин задумался. И вот почему. Многие, и в том числе его близкие помощники, откровенно охладели к Яптик-Сале, считая, что для получения от него отдачи года мало. И в ряде первых серьезных аргументов выдвигали отсутствие такого легкого транспорта, который бы мог по тонкому льду увозить рыбаков в море. Авиация не оправдала себя. Была слишком дорога и полностью зависела от нрава капризной погоды.

А Будылдина далекая перспектива не устраивала. И он, совместно со специалистами, начал поиск. Вскоре объединение приобрело "Бураны", к изготовлению которых только-только приступил Рыбинский моторостроительный завод. По мнению генерального директора, теперь цикл берег - море должен был замкнуться. И он не ошибся. Обладая легким, высокопроходимым транспортом, бригадам удавалось быстро менять места добычи и идти вглубь моря по следам мигрирующих рыбьих косяков. Береговой службе участка теперь оставалось только заниматься вывозкой уловов на тракторах.

А нрав Арктики оставался все таким же. Трещины и внезапная ломка льда от резкого колебания температур и дыхания океана поджидали на пути тракторные поезда. Нелегко механизаторам было и в Яптик-Сале. В гараже, как шутили они, технику можно было прятать разве только от дурного глаза. Потому что стены, сколоченные из ящичной клепки, одинаково пропускали мороз и ветер. Да и кому в эту зиму было легко? Сейчас в Яптик-Сале со смехом рассказывают истории о том, как послали рыбака за водой. Долго долбился он и вернулся с пустым ведром. Точно такая же участь постигла бы второго и третьего. Ведь как оказалось, не умея ориентироваться в море, искали они воду на берегу.

Но отступить люди не желали. Характер человеческий стал против характера Арктики. Подспорьем к энтузиазму рыбаков явилась высокая оснащенность бригад техникой, радиосвязью. Для

ход к людям. Вот потому все начинающие и опытные готовы с ним в огонь и в воду.

В этом Михаил убеждался не раз и снова убедился в 1981 году. Тогда, в один из последних дней летней путины, его неожиданно вызвал Горицкий, разговор начал без обиняков.

- Понимаешь, Михаил, завод в прорыве, твоей бригаде нужно добыть еще хотя бы двести центнеров рыбы. Но для этого необходимо ехать в соседний район.

Худи рассудил: надо, значит, надо. И вернувшись на плавной песок, обратился к товарищам:

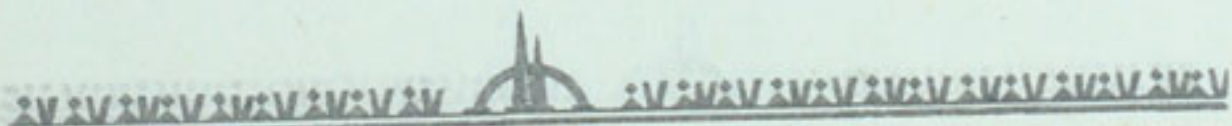
- Нас тридцать человек, а требуется десять, дело добровольное. Кто согласен?

Я! Меня! Нас! - послышалось со всех сторон. И к Михаилу шагнули все. Как будто никто из них только что не собирал вещи и не радовался скорой встрече с женами и детьми.

Оказавшись на новом месте, в незнакомых условиях, бригадир вначале изучил "расписание" хода ряпушки по речке Мессо. Скачивалась она рано утром и с наступлением сумерек. Бригаде удалось "черпнуть" такие уловы, каким завидовали хозяева песка.

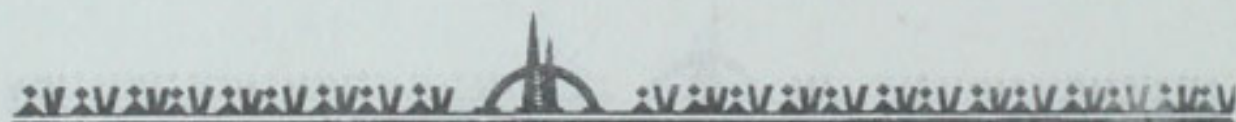
О новой трудовой победе бригады Будылдин узнал, уже будучи начальником Сибрыбпрома. Но тогда, в тиши Салехардского кабинета, у него имелись все основания думать, что Михаил только начал счет своим победам. И Николай Яковлевич поймал себя на мысли: "Вот так бы и другие". То есть хотелось ему, чтобы каждый рыбак в отдельности проникся сознанием того, что для него в Яптик-Сале сделано если на все, то многое, и отдался бы делу без остатка.

Впрочем, по этому поводу Будылдин беспокоился зря. Еще оставался целый месяц до окончания сезона, и бригады В.Гуцу, М.Худи, Р.Зайцева уже начали рапортовать о выполнении доведенных заданий. С каждой новой цифрой, новой добавкой к плану в Будылдине росло чувство большого и важного, и он не обманулся. Превзойдя ожидания и предполагаемые цифры, морской улов вместо 10 тысяч центнеров потянул 14 тысяч. Причем, вся рыба до последнего хвостика была вывезена со льда и на большегрузных самолетах доставлена на переработку в Салехард. Это ли не фонтан знаменитого Самотлора, только теперь рыбацкого и открытого не в таежных дебрях, а в студеном арктических широтах?! Это ли не доказательство искреннего стремления ямальских рыбаков быть всегда готовыми к выполнению поставленных партией задач?! На седьмом небе были от успеха рыбаки и специалисты добычи, и Николай Яковлевич торжествовал тоже.

На дворе стоял май. Из окна своего кабинета в Салехарде Будылдин видел окутанные туманом вершины Полярного Урала и почерневшую от скопившейся на льду воды Обь.

Скоро, со дня на день, содрогнув землю будто залпом тяжелых орудий, она должна была разорвать зимние оковы. Будылдин представил впечатляющую картину ледохода и мыслями оказался в родной деревеньке на Иртыше. Иртыш уже вскрылся. В затопленном, голенастом тальнике, покачиваясь на долбленых лодчонках, рыбаки наживляют переметы на язя. Веселит их, как молодое вино, свежая прохлада воды и запах только что вспаханной земли. И на какой-то момент вспыхнуло неудержимое желание бросить все и хотя бы на денек туда заглянуть. Но это только на момент. С новой силой навалились дела. На смену зимнему промыслу подошла рыбалка в Новом Порту, и надо было думать о подготовке к летней путине.

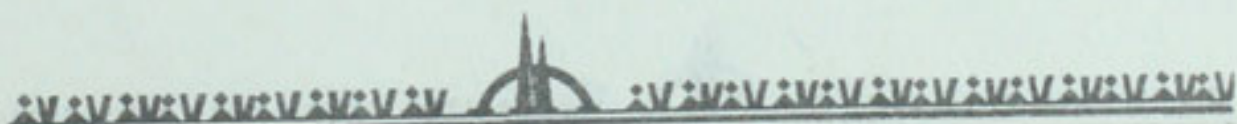

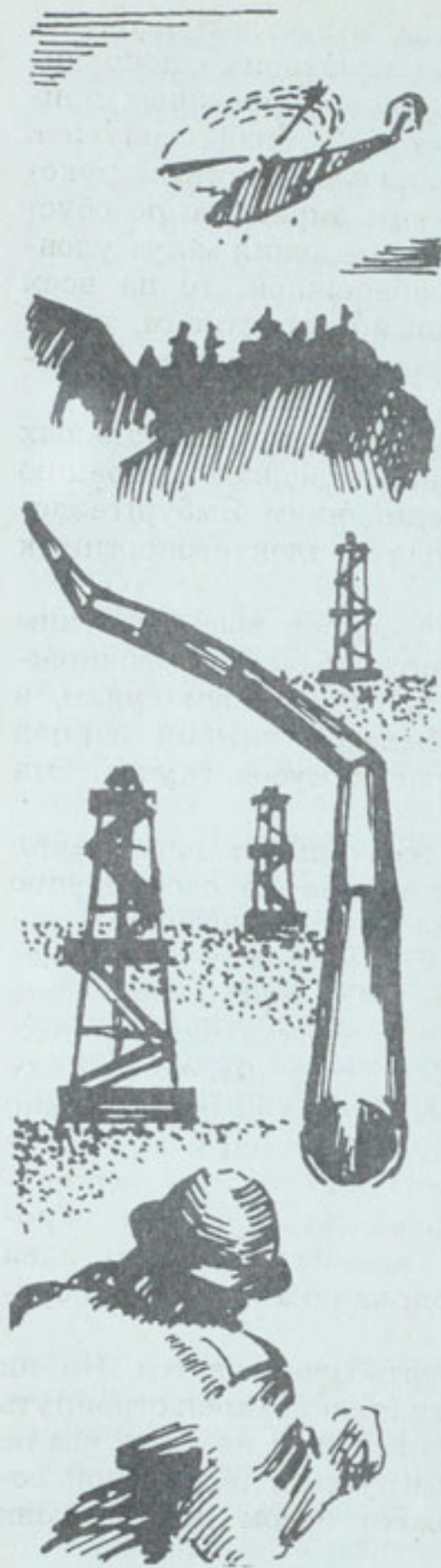
Ямбург с нуля

Вертолет от Надыма до Ямбура летит больше двух часов. Примерно на половине пути темная оторочка леса резко отступает перед снежным, без единого кустика, безмолвием. И пассажиры приникают к иллюминатору в надежде хотя бы по какому-то следу или штриху определить, что внизу действительно Ябургское газоконденсатное месторождение - младший брат знаменитого Уренгоя. Однако картина пока не меняется. Только некоторое разнообразие в ландшафт вносят продуваемые со всех сторон хои - возвышенные места, на которые оленеводы-ненцы выгоняют свои стада в особо жаркие летние дни. Но вот они круто обрываются. Под нами Обская губа, вдоль кромки которой тянется зимник. И от идиллии спокойствия и однообразия остаются одни воспоминания. По зимнику спешит желтый трактор с прицепом, навстречу ему - колонна автомашин. Через две-три минуты возникают разноцветные кубики балков и жирафы фигуры порталных кранов. Это и есть Ябург. Это и есть его основные грузовые ворота - речной порт.

**Поток грузов увеличится.
Пассивная позиция подрядчиков.
Будет ли у речного порта хозяин?**

Наращивание добычи и сохранение достигнутых высоких темпов развития газовой промышленности Западной Сибири в двенадцатой пятилетке возможно только при условии ввода в эксплуатацию Ябургского газоконденсатного месторождения. Причем сроки обустройства и добычи предельно сжаты. Для сравнения: на Уренгое сегодняшний уровень добычи газа был достигнут на седьмой год

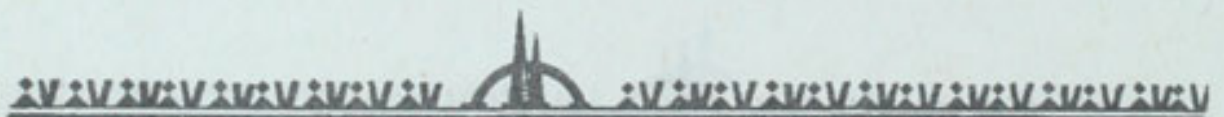

эксплуатации, а Ямбург на него должен выйти через четыре года. И эта конкретная, первостепенная задача, поставленная партией и правительством перед советским народом, уже начала воплощаться в жизнь. Ямбург строится, растет.

Большая заслуга в этом речного порта, принявшего в прошлом году более 300 тысяч тонн различных грузов. Но нынче, в период интенсивного обустройства месторождения, данный объем уже не может удовлетворить строителей. Поэтому в мероприятиях по подготовке и проведению навигации 1985 года, составленных объединенным Обь-Иртышским речным пароходством совместно с Мингазпромом и утвержденных Западно-Сибирской межведомственной территориальной комиссией Госплана СССР - (Зап-СибМВТК), нынче намечается доставить в порт различных грузов и топлива 1 млн 350 тысяч тонн, а заявки превышают более 2 млн тонн. И чтобы принять такой поток грузов, естественно, требуется увеличить обрабатывающую мощность порта.

И это диктуется не только острой необходимостью сегодняшнего дня. Но и будущим, когда железная дорога подойдет из Нового Уренгоя к Ямбургу, а порт будет играть главенствующую роль в приеме леса, железобетона, нефтепродуктов.

На брандвахте, небольшом судне, вмерзшем в лед речки Нюдимонго-епокояха, являющемся штаб-квартирой ПСО-34 треста ЗапСибгидрострой, висит генеральная схема по обработке флота в навигацию 1985 года в строящемся порту Ямбург. На нем в тем-

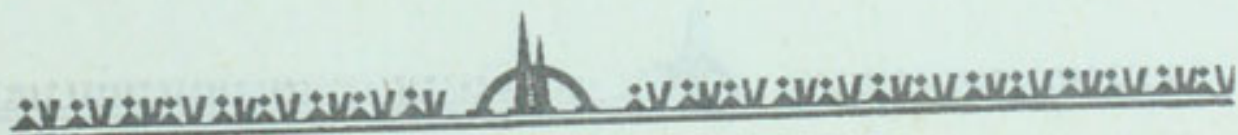
ный цвет затушеваны действующие причалы, в светлый - те, которые планируется построить. В навигацию необходимо дополнительно ввести шесть сухогрузных и три специализированных причала. Как же реализуется поставленная задача? Чтобы получить ответ на данный вопрос, пришлось встретиться со многими руководителями в Ямбурге. И выяснилось, что если дирекцию по обустройству Ябургского газоконденсатного месторождения могут удвоить темпы по забивке шпунтовой набережной, то на всех других участках, как генподрядчиком - ЗапСибгидростроем, так и субподрядчиком - Ябурггазпромстроем производственные операции выполняются с большим отставанием от графика.

Строительство подкрановых путей и монтаж двух порталных кранов не начаты. Хотя по нормам только на последнюю операцию должно отводиться три месяца. Пока объединением Ябурггаздобыча практически никак не решается подача электроэнергии к новым причалам.

Но еще острее на данном этапе встает вопрос выемки сухим способом грунта с акватории порта. Для того, чтобы дать возможность ежедневно разгружаться 10-12 крупнотоннажным судам, в устье Нюдимонготоепокояхи необходимо было за зимний период убрать с акватории порта не менее 70 тысяч кубов грунта. Эта работа только начата.

У ответственных за строительство тут же нашлись оправдания и проблемы. Генеральный подрядчик отставание по сооружению подкрановых путей объяснил отсутствием замораживающих устройств и термосвай, поставить которые обязан заказчик - производственное объединение Ябурггаздобыча. Для организации же работ на акватории генеральному подрядчику нужна помощь техникой. Главябургнефтегазстрой обязан был отрядить на выемку грунта два тяжелых бульдозера и три экскаватора, а объединение Ябурггаздобыча - три единицы землеройной техники и автотранспорт. Но за два с половиной месяца, прошедших со дня подписания мероприятий, объединенным Обь-Иртышским речным пароходством и Всесоюзным объединением Тюменьгазпром ни одна единица техники в адрес генерального подрядчика так и не передана.

Строительство временного причала нефтебазы ведется. Но ни объединение Сибкомплектмонтаж, ни управление Тюменьстройпуть к выбору площадок и строительству причалов еще не приступали. А ведь в период навигации предстоит выгружать подвижной состав, железнодорожную технику, моноблоки весом до 280 тонн каждый.

Именно эти вопросы рассмотрены на совещании, состоявшемся 27-28 февраля в Ямбурге, которое утвердило график подготовки Ямбургского порта к навигации, сроки и ответственных исполнителей.

Без сомнения, эти меры будут способствовать улучшению дел. Но стопроцентной гарантии того, что все пойдет как надо, нет. И прежде всего потому, что подрядчики или до сих пор не осознали всю важность поставленной задачи, или попросту не желают ее выполнять.

В частности, насторожило заявление главного инженера треста ЗапСибгидрострой В.В.Гончарова, который сказал:

- Техника для производства грунтовых работ на акватории порта в тресте имеется. Просто, по нашим планам, она должна заниматься этим в зимний период с 1985 на 1986 год. Больше того, наш министр мероприятий по подготовке к предстоящей навигации, утвержденных ЗапСибМВТК Госплана СССР, не подписывал...

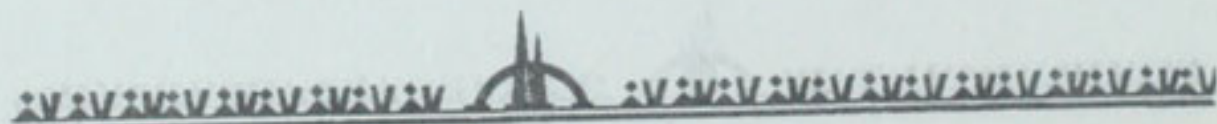
Вот такая позиция генерального подрядчика, призванного быть запевалой и прикладывать все силы для сдачи объектов в эксплуатацию в срок. Недалеко ушли и ближайшие помощники генподрядчика, а именно - Главямбургнефтегазстрой, высадивший в Ямбурге оснащенный на уровне захудалого участка трест Ямбурггазпромстрой. А ведь уж кого-кого, а главного инженера главка т.Завизиона, имеющего большой опыт строительства газопроводов и других объектов на Ямале, не надо учить, какими силами должно подкрепляться подразделение и что делать в том случае, если туго с землеройной техникой.

- Нужно взрывать, - говорит он. - Но у нас нет фондов на взрывчатку, специалистов и опыта - тоже.

С фондами, возможно, и так. Хотя весьма трудно поверить, что в Министерстве строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности отказались бы помочь главку, осуществляющему государственной важности задачу.

Насчет опыта главный инженер тоже явно лукавил. Его можно было бы перенять у надымчан, дважды рыхливших вечномерзлый грунт способом взрывов при подготовке временного подходного канала Ямбургского порта.

Столь приниженная активность, а точнее, безответственность главка, как болезнь, конечно, сразу передается тресту. И в Ямбурггазпромстрое поэтому "гужей не рвут" тоже. В прошлом году трест при плане 1,7 миллиона рублей по порту освоил только 170 тысяч. 10 процентов от плана?! И нынче дела идут не блестяще. Трест жалуется на слабое оснащение техникой и при любом удобном

случае кивает на ЗапСибгидрострой. Вот, мол, была бы у нас машина типа "Камацу", которой гидростроители убрали с акватории порта 3,5 тысячи кубометров вечномерзлого грунта, и мы бы с задачей справились не хуже. В ответ на это хочется сказать, что уж больно часто в последнее время руководителям вынь да положь "Катерпиллер" или "Камацу". Видите ли, престижно, модно. А не задумываются, во что обходится это государству, не замечают отечественной техники, успешно соперничающей с импортной. К примеру, у строителей Ямбурга есть мощные тяжелые экскаваторы "Д-455", но они на акватории порта до сих пор не задействованы.

Хочется остановиться еще на одном важнейшем вопросе, от решения которого также зависит развитие Ямбургского речного порта. В Ямбурггаздобыче считают, что еще изначально была допущена ошибка в определении заказчика и хозяина порта. И с этим нельзя не согласиться. Действительно, как могут газодобытчики одобрить или опровергнуть ту же генеральную схему по обработке флота в навигацию 1985 года, предложенную ЗапСибгидростроем, если в их отрасли специалистов такого плана нет. А с каждым годом масштабы работ по акватории причалов становятся объемнее и технологически сложнее. Да и задачи самих газодобытчиков возрастают. И им просто не разорваться.

Мингазпром неоднократно обращался к Министерству речного флота РСФСР с предложением о передаче порта в его ведение. И пока безрезультатно. Единственное, в ноябре 1984 года официальным приказом в Надымском речном порту был организован Ямбургский грузовой район, но от этого ничего не изменилось. Надымчане в период навигации здесь будут присутствовать со своим флотом и крановой механизацией только как исполнители грузоперевозочных работ. А юридического кураторства над портом им так и не дано. Хотя, наверное, всем понятно, что без этого трудно требовать от строителей качества работ и завершения их в директивные сроки.

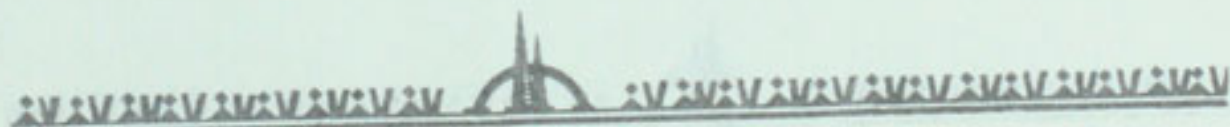
Газопровод, свет, тепло.

Отсутствует контакт между подрядчиками.

Долго строится короткая дорога.

1985-1986 годы для Ямбургского газоконденсатного месторождения особенны тем, что в этот период предстоит заложить основную материально-техническую базу, развить производственные мощности строительных и буровых организаций.

Выражаясь языком цифр, в эти годы необходимо построить 69

километров автомобильных дорог с твердым покрытием и произвести отсыпку 96 километров внутрипромысловых дорог к 30 кустам газовых скважин. Построить 61,2 километра газопроводов-шлейфов, ввести 5 подстанций, взлетно-посадочную полосу аэропорта Ямбург. Предстоит сделать еще многое другое. Общая сумма строительно-монтажных работ должна составить 465-480 миллионов рублей. Для того, чтобы выйти на эти рубежи, нужно было, конечно, создать значительный задел в прошлом году. Но не получилось. Трест Ямбурггазпромстрой при плане 10,6 миллиона рублей, освоил немногим более семи миллионов рублей. Не справился с задачей и Надымгазжилстрой. И только Надымгазпромстрой почти вдвое перекрыл план строительно-монтажных работ, в основном за счет времянок в Надыме и Пангодах.

Но ведь ошибки чему-то и учат. Потому предполагалось, что, накопив некоторый опыт, подтянув базы снабжения, строители поставят свою работу по-другому.

Одной из глобальных задач для них на данном этапе является возведение объектов энергообеспечения Ямбура. С этой целью на площадке базы минимального производственного комплекса (БМПК) построен пункт подготовки газа, где топливо будет редуцироваться, а потом уже поступать в котельные и электростанции поселка. Буквально на днях испытан и первый куст скважин под номером 207. Следует заметить, что ПМК треста Надымстройгаздобыча монтаж и обвязку куста произвела качественно. Надежность эксплуатации его гарантирована. Но беда в том, что пока нет "русла" для первой ябургской "газовой реки", хотя газопровод должен был вступить в эксплуатацию еще осенью прошлого года. Из 22 километров в настоящее время сварено в магистраль лишь семь.

Срыв ввода объекта в эксплуатацию в директивные сроки произошел по вине генерального подрядчика - треста Надымгазпромстрой и, в частности, СУ-39 и субподрядчика - треста Уренгойгазмонтаж. Занимаясь строительством установок 2В, IAC на Уренгойском газоконденсатном месторождении, последний попросту не обратил должного внимания на "мелкий" заказ.

Выступая на первой сессии Ябургского сельского Совета, генеральный директор объединения Ябургнефтегаздобыча Пашин заметил, что в настоящее время отношение строителей к газопроводу не изменилось. На его сооружение трест направил всего трех специалистов. На всем протяжении трассы действуют сейчас лишь два трубоукладчика, не хватает сварочных постов.

Вредит делу отсутствие взаимосвязи, контакта между ген- и субподрядчиком. В январе Уренгойгазмонтаж командировал на

газопровод бригаду из 25 человек, а фронт работ для нее оказался неподготовленным трестом Надымгазпромстрой, ответственным за прокладку траншеи, изоляцию труб, расчистку трассы.

Безответственное отношение подрядчиков к строительству объекта сказалось не только на вводе электростанций. Создалось критическое положение с дизельным горючим. Ведь в расчете на газ, его было завезено в Ямбург сравнительно немного.

Вызывает беспокойство эксплуатационников и бурение скважин. Оно сдерживается из-за медленной отсыпки площадок. К этой работе привлечены подразделения АТП из Пермской и треста Уралстройтрансгаз из Свердловской областей. Они вышли на месторождение с опозданием почти на полгода и поэтому вместо того, чтобы сейчас работать в полную силу над основной задачей, отрывают технику на собственное обустройство. Кстати, техникой подразделения небогаты. Бульдозеры и экскаваторы к ним еще не подошли, а "Татры" в заполярных условиях часто выходят из строя.

Будет сдерживать бурение эксплуатационных скважин и отсутствие дорог. По планам прошлого года их протяженность должна была равняться 14 километрам, а построить удалось только 7. Нынче в первом полугодии по графикам Минтрансстроя тресту Надымдорстрой планировалось строительство 20-километровой дороги от поселка до базы БМПК. Но, не вооружившись техникой как следует, не подготовив карьеры, трест работы ведет медленно и вряд ли до наступления распутицы сумеет сдать магистраль в эксплуатацию.

Имеется и другой серьезный вопрос к Надымдорстрою. Ямбуру необходима взлетно-посадочная полоса с твердым покрытием для приема большегрузных самолетов. Представив строителям полностью проектно-сметную документацию, заказчик настаивает на освоении 25 миллионов рублей, а трест принимает нынче в план строительно-монтажных работ только 5 миллионов. Вероятно, поэтому к объекту еще и не приступали.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что пока большинство подразделений, кому непосредственно доверено обустройство промысла, со своей задачей не справляется. В оправдание руководители приводят массу доводов. И с некоторыми из них нельзя не согласиться. К примеру, конечно, трудно Надымстрою производить отсыпку магистралей грунтом из ябургских карьеров, содержащим 40-50 процентов льдистости. Или вставить на ноги Главямбургнефтегазстрою, не имеющему для выполнения поставленных перед ним задач надежной материально-технической базы. Но порой приводятся доводы, которые можно и оспорить.

В этой связи придется остановиться на вопросе обеспечения техникой, так как в любой организации Ямбурга жалуются на ее нехватку. Не берусь судить. Возможно, ее действительно не столько, сколько надо. Но и при имеющемся парке, если его использовать рационально, можно осваивать значительно большие объемы. А в некоторых подразделениях автомашины задействованы только в одну смену. Остальное время они простаивают при работающих моторах, сжигая топливо, которого сейчас остро недостает в Ямбурге. Здесь мы затрагиваем и другой вопрос, где как не в Ямбурге должны строиться теплые гаражи. А их пока нет. Поэтому техника раньше времени выходит из строя. И хотя практически только еще началось освоение месторождения, по обочинам дорог уже валяются остовы искореженных, разукomплектованных тракторов и машин.

Принципиальное значение для обустройства промысла и поселка имеет перевод непосредственно к месту действия ряда организаций. А они пока не хотят покидать теплых, благоустроенных квартир.

Больше того, всеми правдами и неправдами продолжают за счет Ямбурга осваивать средства на строительство в других, более обжитых местах. Буквально 4 марта являлись в Ямбурггаздобычу визитеры с такой просьбой из Пангод. А один из руководителей Главямбургнефтегазстроя прямо сказал корреспонденту, что переждать пока, мол, нет смысла, так как на промысле еще не построено типовое, отвечающее всем требованиям, помещение главка. Поэтому, наверное, Министерству строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности надо помочь главку сдвинуться с места. Оказавшись в Ямбурге, почувствовав дефицит электроэнергии и тепла, руководители главка, может, тогда по-настоящему возьмутся за строительство баз ОРСа, источников теплоэнергоснабжения, водовода, жилья.

Объектам соцкультбыта и жилья - темпы.

Кто поможет преодолеть межведомственность.

Что не под силу сельскому Совету.

Выступая 15 февраля на пленуме Тюменского обкома партии, секретарь ЦК КПСС тов. Долгих В.И. сказал:

- Закрепление кадров - задача социально-политическая. Одно из средств ее решения - обеспечение жильем, объектами культурно-бытового назначения.

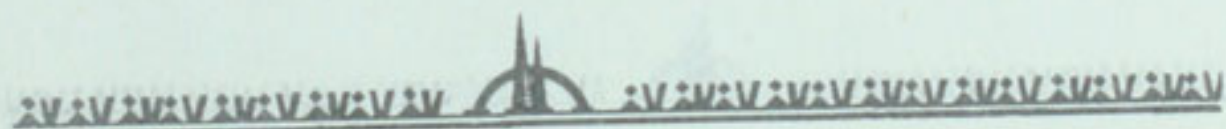
Это в полной мере касается Ямбурга. Объем работ на месторож-

дени уже сегодня требует быстрого увеличения людских ресурсов, а следовательно, усиления темпов жилищного строительства. И в этом направлении многое делается. С начала пионерного выхода на месторождении построены и оборудованы вагоны-городки на 1000 человек, три столовых, три вагона-магазина, два жилых комплекса типа "Вахта-80".

Данные эти взяты из официального отчета. Но уже устарели. На днях построена "Вахта-40", еще одна столовая, три общежития на финском комплексе. На этих жилищных объектах хотелось бы остановиться особо. Вахты, построенные в Чехословакии, имеют весь набор удобств. В них просторные, теплые комнаты, обставленные современной мебелью, вплоть до модных сейчас "стенок". А финский комплекс еще комфортабельнее. Здесь вопросы соцкультбыта и коммунального обслуживания решены практически полностью. Комплекс имеет свой торговый центр, баню, прачечную, столовую, хлебопекарню, холодильник и ряд других объектов.

В общем, все продумано, сделано с учетом суровых природно-климатических условий. Такое жилье, конечно, понравится новоселам. В ближайшее время в Ямбурге возникнут еще три, идентичных этому, комплекса. А также нынче выделено пятнадцать "Вахт-80" объединению Ямбурггаздобыча. И все же, если смотреть на вещи реально, то темпы строительства сейчас не удовлетворяют ямбуржцев. Обратимся снова к цифрам. В прошлом году Ямбурггазпромстрой из 1430 тысяч рублей освоил на возведении жилья только 19 тысяч рублей, то есть дал менее 15 процентов плана. Практически не приступал к строительству в Ямбурге Надымгазжилстрой, а осваивает средства за счет времянок в Надыме. Нынче в поселке должно быть построено 10 тысяч квадратных метров жилья, из них Ямбурггазпромстрою запланировано 3,5 тысячи, Надымгазжилстрою - 5,5 тысячи, Ямбурггазстройдобыче - около 2 тысяч. Кроме финского комплекса общей жилой площадью 1525 квадратных метров, возникнет еще микрорайон с магистральными сетями и улицами. Из всех вышеназванных подрядчиков, пожалуй, наиболее успешно производственную программу выполняет коллектив объединения Ямбурггазстройдобыча. Организации Миннефтегазстрой на заданные позиции медленно выходят по той причине, что длительное время у них не было координирующего звена непосредственно в Ямбурге. Они слабо еще оснащены техникой, в частности, землеройной и самосвальным парком. Особенно остро, наряду с упущениями в организации работ и планировании, этот вопрос встает в Надымгазжилстрое, провалившем план прошлого года и взявшем на свои плечи самый большой объем нынче.

Важнейшим условием закрепления высококвалифицированных рабочих и специалистов в Ямбурге на длительный срок является строительство объектов соцкультбыта.

К слову, молодежь, основной контингент освоителей месторождения, понимая всю сложность ситуации становления, особо многого не требует. Старший инженер ОТиЗ из СУ-15 Ольга Капустина рассказала:

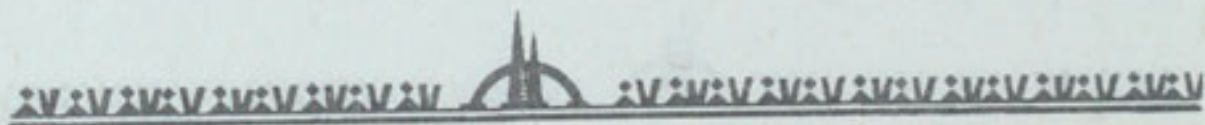
-У нас пока нет Дома культуры, и мы проводим вечера в красном уголке. Собираемся создать здесь свою художественную самодеятельность. А всего в различных организациях сейчас работает пять красных уголков. В них проводятся дискотеки, конкурсы.

Но с этим можно смириться, действительно, только пока. А в будущем молодежь запросит Дом культуры, комбинат бытового обслуживания, спорткомплекс. Сейчас в Ямбурге восемь пар молодоженов. Значит, пойдут дети. Нужна будет больница, детский сад и школа. Почему же со всем этим особо не торопятся строители? Если откровенно, то от неведения, каким должен быть Ямбург. Ведь институт ЛенНИИПрградостроительства выполнил уже детальную проектную планировку будущего города, в котором предусматривалось четыре микрорайона двухэтажной застройки. А потом кому-то пришла мысль, что длительное проживание человека на широтах Ямбурга невозможно. И пошла речь о строительстве вахтового поселка. Но, если даже и так ставится вопрос, возведение объектов соцкультбыта, планируемых для вахтового поселка, должно форсироваться. И руководители, конечно, знают об этом, но позиция растерявшихся в сложной ситуации многим из них на руку. Мотивируя этой и другими причинами, тресты Надымгазпромстрой и Ямбурггазпромстрой затягивают работы по котельной, водоводу с водозабором, не торопятся разворачивать стационарные ПАЭС.

Длительное время не может узаконить серии домов из ячеек КАДМО специально для Ямбурга и объединение Запсибжилстрой. Уже известный институт по согласованию с трестом Надымгазжилстрой выпустил проектную документацию объектов соцкультбыта, применив 123 серию, изготавливаемую на Надымском домостроительном комбинате. Но теперь "заупирался" трест: этих объектов нет в плане, и вообще, наше дело - жилье.

Этот пример дает возможность несколько шире осветить так называемые межведомственные барьеры. Да, таковые появились и в Ямбурге. Они мешают строить производственные отношения коллективам, выполняющим одну задачу.

Все знают, что в настоящее время ситуация с сооружением

речного порта сложная.

Управление механизации N 9 "задыхается" из-за нехватки бурильной техники. А в этот момент новенькие установки БТС-130, пришедшие в адрес СУ-73, из-за отсутствия фронта работ на своих объектах простаивают. Но заполучить их на порт оказалось невозможным, потому что, если платить зарплату будет СУ-73, то ему надо отдать и выполненные объемы. И еще. В поселке сейчас две пекарни. Одна, принадлежащая Ямбурггаздобыче, может выпекать по три тонны изделий, а вторая - ОРСа-16 - вполовину меньше. Если объединить усилия, то проблема хлеба в Ямбурге была бы полностью снята. Но об этом договоренность на уровне крупных руководителей не достигнута. А посему, сообразуясь с запросами своего коллектива, пекарня газодобытчиков выпускает ежедневно лишь по 700 килограммов хлеба. А ОРСа-16, обслуживающий строителей, вынужден летать за ним за 250 километров в Пангоды.

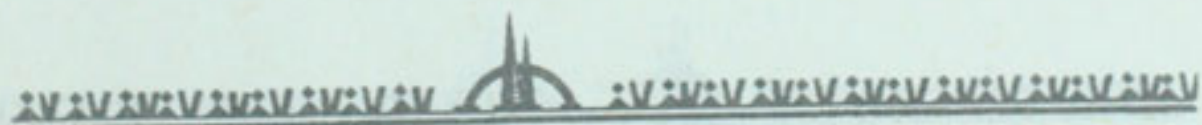
Холодок межведомственности, стремление решать вопросы поодиночке ясно прослеживаются и в образовании пионерных поселков. Они, как когда-то было в Новом Уренгое, Ноябрьске, строятся на приличном расстоянии друг от друга. Хотя в интересах экономии топливно-энергетических ресурсов, телефонной связи, с точки зрения чисто человеческой все организации должны бы жить одним большим, дружным коллективом.

Кто же должен помочь освоителям в решении вопросов?

Кое-кто считает, что координирующим центром обязан быть сельский Совет, а также совет секретарей партийных организаций.

Правильно. В вопросах организации работ коллективов, создания нормальных условий труда и быта они могут и должны оказать помощь.

А что касается крупных проблем, таких, как обеспечение трестов и управлений транспортной и землеройной техникой, необходимыми материалами, горючим, преодоление межведомственных барьеров, - это сельскому Совету уже не под силу. Значит, активно, не теряя времени, должны подключиться Надымский горком КПСС, министерства транспортного строительства, газовой промышленности, речного транспорта, строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности.

Двери во вселенную

Город-"невидимка"

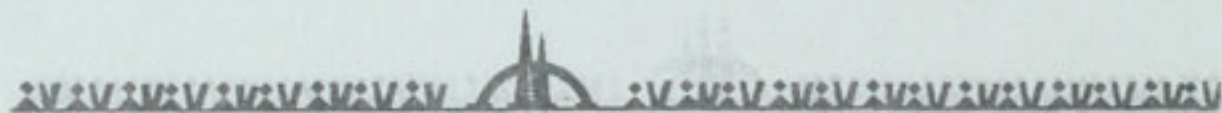
Рука так и тянулась к перу, но решил "остыть". Переждать какое-то время для того, чтобы эмоции и переполнявшие меня впечатления выстроились в определенную схему. А в памяти осталось только главное о командировке, которую без натяжки можно отнести к разряду необычных.

...Приникаю к окну. Вижу желтые и красные огни, кромсающие ночь лучи прожекторов. Это и есть "Сатурн" - станция дальней космической связи. Впрочем, подробнее о ней я узнаю только через несколько часов. А пока поезд замирает на большой станции в казахской степи. И думаю лишь об одном: увижу ли то, ради чего пересек страну из конца в конец?

На вокзале зуб на зуб не сходится. Но меня никто не встречает. И тогда решаюсь добираться самостоятельно.

Таксист при слове "Ленинск" смотрит испытующе и сразу же интересуется пропуском. Утвердительно киваю. Хотя не имею представления о том, каким он должен быть. Подъезжаем к контрольно-пропускному посту. Сердце стучит: "А вдруг завернут..." Подаю в окошечко дежурному офицеру телеграмму. Суровость на его лице сменяется приветливой улыбкой. Начинаю понимать, что телеграмма за подписью начальника Байконура генерал-лейтенанта А.Крыжко, приглашающего меня на Байконур, главнее всех других пропусков. И вот Ленинск. В нем, пусть простят меня за упрощенность изложения, живут те, кто собирает и запускает космические корабли.

Перед самым въездом в город один такой корабль на постаменте. Можно отвести ему роль памятника ученым, специалистам,

рабочим, своим умом и энергией выдвинувшим нашу державу на престижную высоту в освоении космоса.

Проиллюстрировать представление о Ленинске можно на следующих примерах. В нем больше десятка школ. Спортивно-оздоровительный комплекс, включающий в себя стадион, плавательный бассейн и другие сооружения. Есть своя пищевая индустрия. Жилье исключительно благоустроенное. Но не обошли ленинцев стороной и общие проблемы страны. Им тоже пришлось потуже затянуть пояса.

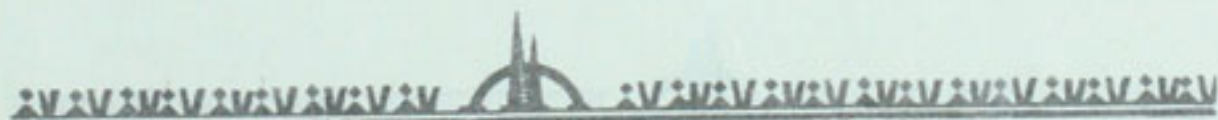
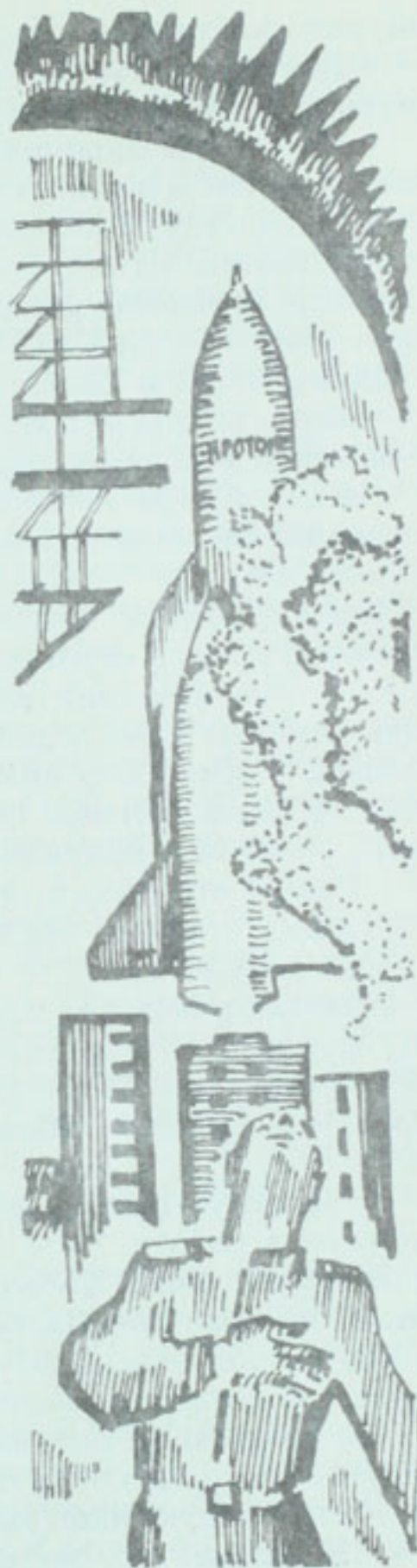
В общем, ничем не отличается этот город от тех, которые являются местом нашего постоянного проживания. Но только на первый взгляд. Как вы, наверное, уже догадались, в Ленинске основной контингент - военные. И этим все сказано.

Я не сторонник "твердой" руки и авторитарного руководства. Но о порядке, который пять-шесть лет назад обеспечивался в учреждениях даже "бюрократическим аппаратом", скучаю. С ленинцами работалось легко. И это не захлеб от восторга, а восхищение дисциплиной. Если интервью с руководителем достартовой подготовки космических комплексов И.Ермоленко было назначено на два часа, то ровно в два оно и состоялось.

Сколько стоит "билет" в ракете.

- Иван Петрович, наступило время "открытых дверей" во всех без исключения областях деятельности человека. И в космосе, наверное, тоже?

- Да, многие тайны Байконура ста-

ли уже достоянием гласности.

- Поэтому у вас как у одного из старожилов хотел бы поинтересоваться становлением космического центра нашей страны.

- История Байконура неотделима от развития космонавтики. А значит, надо и рассказ строить соответственно.

В 1956 году в глухой казахской степи было поручено найти самую глушь. Чтобы о замыслах, которые ассоциировались тогда больше с фантастикой, нежели с реальностью, и "ухом не услышали и оком не увидели".

Выбор пал на балку или даже заброшенный карьер. По нему протянули узкоколейку. И повезли грузы для строительства старта и базового города одновременно.

Робким шагом к тайнам Вселенной был запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 году. Потом триумфальный полет Юрия Гагарина.

Ракетноситель "Восток" был модернизирован, а точнее, к нему добавили третью ступень, что позволило выводить на орбиту более тяжелые космические аппараты типа "Союз". Потом пришла очередь "Протона". Он "поднял" межпланетные станции "Луна", "Марс", "Венера", "Мир", спутник связи "Экран". Это название вам, жителям северных районов страны, хорошо знакомо. Он дает возможность устойчиво принимать телевизионные программы из Москвы.

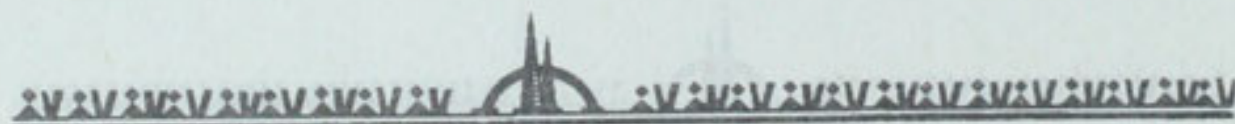
- Иван Петрович, я, что называется, нахожусь на пределе, так и подмывает задать "провокационный" вопрос.

- Пожалуйста.

- Часто приходится слышать, особенно в последнее время, о том, что "Буран" и все другие космические корабли только опустошают государственный бюджет, но пользы, по крайней мере денежной, стране не приносят. Насколько это соответствует действительности?

- Так могут рассуждать только несведущие. Космос уже давно впряжен в работу. Через спутники осуществляются телефонная и телеграфная связь. Действует ретрансляционная система. Кстати, совсем неверно связывать ее лишь с телевидением. Ретрансляционный спутник, выведенный нами на геостационарную орбиту в районе экватора, позволяет кораблям иметь связь с родиной из любого полушария. А космическая навигационная система "Глонас" в случае экстремальных погодных условий - тумана, шторма - дает кораблям точную информацию о месте их нахождения.

- Но вы все же не сказали о денежной отдаче космических

летательных аппаратов.

- По мнению министра общего машиностроения О.Шишкина, запуск модуля должен не только окупаться, но и приносить прибыль.

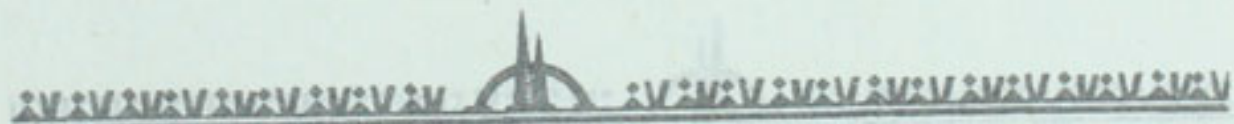
По совести говоря, считать мы стали недавно. И если дебет не сходится с кредитом, то здесь прямая вина бытующих установок под грифом "секретно". По этой причине ценная, нужная информация не могла обогатить нуждающиеся в ней отрасли народного хозяйства. Но руководствуясь не иллюзиями, а действительными фактами, скажу, что картина начинает меняться к лучшему. Именно в рамках коммерческого космоса с Байконура был запущен индийский спутник связи. Все наши расходы индийцы возместили товарами народного потребления. Валютой за запуск спутника "Гранат" рассчитались с нами французы, датчане и другие.

Американцы, не имеющие своей долговременной станции на орбите, попросили разрешения провести биологический эксперимент на "Мире". И снова мы можем рассчитывать на приличную денежную компенсацию. Что касается "Энергии" и "Бурана", то они должны также сочетать в себе надежность и экономическую эффективность. И могу с уверенностью сказать, что, в частности, "Энергия" как носитель, способный брать на себя до 100 тонн груза и выводить на орбиту целые модули космических станций, этим требованиям вполне отвечает.

"Бурану" судьба предназначила другое. Ни для кого не секрет, что мы научились "входить" в космос, а вот с возвращением из него есть определенные трудности. Разовый спускаемый аппарат оснащен не очень надежной парашютной системой, нагревается, да и обходится в копейчку. Поэтому созрело решение передать его функции "Бурану", который бы доставлял с орбиты грузы и, возможно, людей. А почему, к примеру, с этого транспортного средства космонавты не могли бы производить ремонт аппаратуры на спутниках?

- В свете сказанного вами не могу удержаться от соблазна задать вопрос, который особенно интересует нашего брата. Так ли уж престижен полет журналиста на орбиту? И сколько ориентировочно может стоить билет?

- По-моему, существует множество сфер, в которых мы должны утверждать свой престиж. А космос - это уже этап пройденный. Именно советский человек в нем оказался первым. Ссылка же на то, что, якобы, только журналист благодаря каким-то особым ощу-

щениям и умению владеть пером напишет интересную книгу, весьма спорна. Книги, которыми можно поистине зачитываться, уже есть. И написаны они самими космонавтами. Теперь о том, во сколько может обойтись удовольствие. В итоге несложного арифметического действия я прихожу в выводу, что "билет" в трехместном "Союзе" будет стоить что-то около миллиона рублей. Не лучше ли эту сумму получить в твердой валюте? С японца или представителя какой-то другой страны?

Байконур

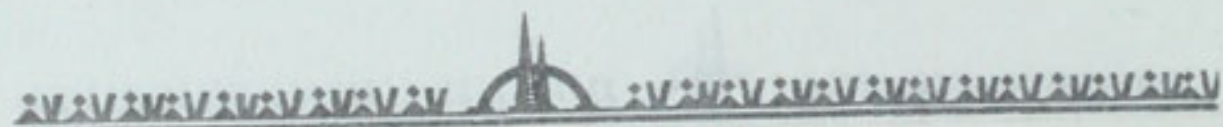
Ветер бьет по колесам автомашины и, кажется, ускоряет ее бег. За окнами проносятся памятник И.Янгелю, главному конструктору ракетной техники. Комплекс подготовки космонавтов и гостиница "Байконур". Кстати, построенная на валюту, "заработанную космосом". И вот мы уже за городом. Всмотриваюсь в очертания Сыр-Дарьи. Нет, она совсем не похожа на такую солидную реку, как Обь. А говорят, еще не так давно плавали по ней катера, а теперь единственный и тот стоит в Ленинске на суше. Объяснение этому факту - нарушение экологического равновесия. Молниеносно мысль меня перебрасывает на полуостров Ямал, над которым витает такая же опасность.

К действительности возвращают антенны "Сатурна". Их тарелки на высоком холме представляются как человеческие ладони, на которые капелька по капельке собирается информация о жизни Вселенной.

Через какое-то время поворот направо и указатель: "Байконур". Вижу маленькие, похожие, как близнецы, домики Королева и Гагарина. Под надписью "Гагаринский старт" - известное всему миру улыбающееся лицо. Так и кажется, что сейчас услышу знаменитое гагаринское: "Поехали!" Чувствую, в горле застревает ком. И ручаюсь, что похожее чувство испытали бы и вы, окажись на старте, с которого наша Земля уже несколько десятилетий ведет диалог с космосом.

Ветер сильный, а на стартовой площадке, открытой, обрамленной бетоном и металлом, просто неистовый. Вверх уходят так называемые фермы обслуживания, плотно охватывающие корабль. Вы их видели по телевидению тоже. В тот момент, когда корабль готов оторваться от земли, они, как чудовищные щупальца, ослабляют свои объятия и расходятся в стороны.

Под кораблем на несколько метров вглубь уходит шахта. Вижу

в ней обожженную докрасна глину, бетонные стены газохода. Рядом со мной зеленая лестница. По ней космонавты А.Соловьев и А.Баландин поднялись к лифту, но прежде чем уехать в кабину корабля, оглянулись и, как подобает мужественным людям, подарили Земле улыбки.

Старт еще "горячий" от февральского запуска корабля, а в испытательном корпусе уже идет сборка нового его собрата. Я не буду лишней раз оперировать словами "грандиозный", "огромный" или что-то в этом роде. Потому что все здесь, в том числе и зал, где осуществляется сборка, имеют незаурядные размеры.

Белые халаты у фиолетовых солнечных батарей, белые халаты у испытательного стенда. Муравейник, но с четким порядком и отсутствием суетливости.

Невольно чувствую себя здесь инородным телом, но до растерянности не доходит. "Экскурсоводы" ведут через весь зал к сигаре "Прогресса". Глажу его по обтекателю и, когда ТАСС сообщает о выходе "Прогресса М-3" на орбиту, начинаю понимать, что в числе других на нем были и отпечатки моих пальцев.

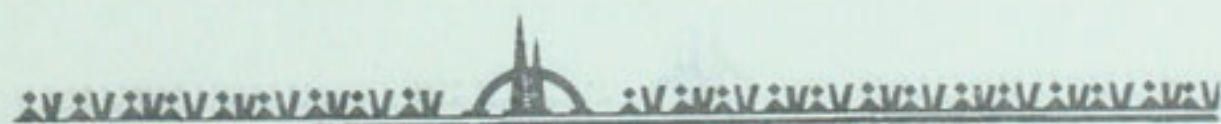
И опять за стеклами машины - степь. Мне суждено увидеть ангар для "Энергии" и "Бурана". Этаким серебристый белый куб.

Проплыла посадочная полоса "Бурана". Впрочем, она и сейчас не страдает от безработицы - принимает большегрузные самолеты. Именно на нее приземлялся "Конкорд" Франсуа Миттерана.

В общем, что ни шаг - достопримечательность. И если вспоминать, что еще особо отложилось в памяти, то развороченные глыбы земли, куски металла и бетона. Здесь стояла пусковая установка, по договору с американцами об ограничении стратегических вооружений в рамках ОСВ-2, она была взорвана. А почему ее не сровняли с землей, спросите вы. Потому что есть еще на свете всякого рода неверующие в искренность ядерной разрядки в нашей стране. Вот для них и оставлен этот уродливый памятник.

Рядовые и генералы

Кое у кого возникнет вопрос, а почему так скупо рассказал я о космонавтах. Если откровенно, то цель поездки, подсказанная читателями, была иной. О ней в ближайшем будущем еще пойдет речь в "Тюменской правде". А что касается космонавтов, то о них уже писано-переписано. Я избрал объектом своего рассказа тех, чьи имена еще недавно неприято было афишировать, кто оставался в тени, обеспечивая нелегким трудом космические полеты.

На Байконуре долго не ломали голову над поиском кандидатуры с интересной биографией. Генерал-майор А.Шумилин подходил по всем статьям. Но он, наверное, считал по-другому. Все "интересное" связывая не с отдельной личностью, а в целом с Байконуром.

- А может, расскажете о ситуации 1983 года, когда волею случая вы оказались главным ее героем, - подсказывает И.Ермоленко.

- Было что-то такое, но стоит ли?

- Стоит, - подбадриваю я, еще не зная, о чем именно пойдет речь. А когда услышал, понял, что это тот самый случай, по которому можно судить безошибочно об уровне специалистов космодрома. И кое о чем другом. В том числе, о проявлении лучших человеческих качеств его командиров. Так что же все-таки произошло 26 сентября 1983 года?

Экипаж в составе В.Титова и Г.Стрекалова находился в космическом корабле. Уже подана команда надува баков ракетоносителей газообразным азотом. На первый взгляд кажется, что все идет успешно и двигатель запустился. Но Шумилин в облаках пара, окутавших корабль, распознает неладное. И пытается перекричать второго "стреляющего", который, ничего не подозревая, продолжает давать предусмотренные регламентом команды.

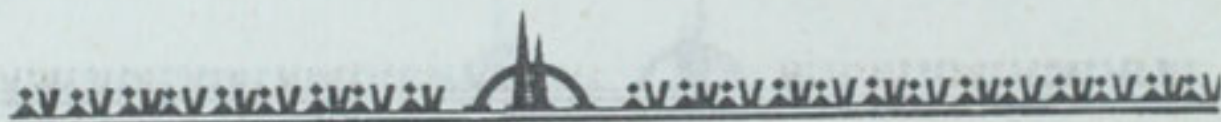
А взрыв, происшедший на первой ступени ракетоносителя, угрожает немедленной гибелью экипажу.

За 9 секунд до старта Шумилину все-таки удается перекричать своего дублера, и "макушка" ракеты, где находятся в этот момент космонавты, "отстреливается" на несколько километров в сторону и благополучно приземляется.

Никто не будет отрицать, что принятие такого решения потребовало от Шумилина большого мужества. Окажись его тревога ложной, - по головке бы не погладили. Ведь пуск космического корабля "тянет" где-то на 10 миллионов рублей. Но Алексей Александрович думал не о себе. Таковы на Байконуре командиры. А солдаты? Открою свой небольшой секрет. Накануне поездки на космодром я навел справки о том, не служат ли случайно на нем ямальцы. И к большой радости, получил адресок.

Из окна кабинета командира вижу: поднимается на крыльцо парень. Форма на нем сидит, как влитая. А через полминуты слышу: "Рядовой Рохтымов по вашему приказанию прибыл!".

Нас оставляют вдвоем. И Слава во все глаза смотрит на меня, все еще не веря, что перед ним земляк. Но вот растерянность сменяется восторгом и расспросами. Не бывал ли я в последнее

время в его родном Овгорте? Удалась ли подледная рыбалка? И какие виды на куропатку? Хантыйский паренек. Дитя природы, о чем еще он может меня спрашивать в первую очередь? Стараюсь отвечать исчерпывающе, а потом наступает мой черед.

Узнаю, что дома у солдата остались мать с братишкой и сестренкой. Недавно он от них получил посылку с колодкой (так называют у нас рыбу, посоленную особым способом). Предвосхищая мой вопрос, сам заговаривает о "дедовщине".

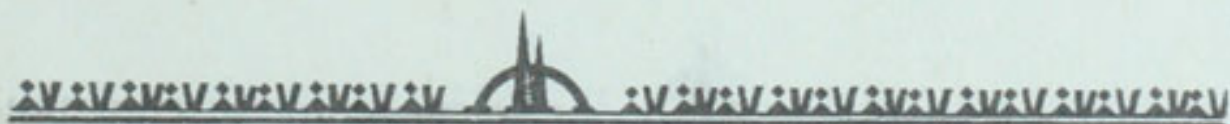
- В нашем подразделении ее нет. Ну, а стычки парней на почве несовместимости характеров... Где такого не бывает? Да и обидеть, к примеру, меня "земели" не дадут.

Оказывается, с Рохтымовым служит Слава Алымов из Салехарда. Фамилия третьего - Тользин. А вот имени, к сожалению, я не записал.

Всех парней руководство хвалит.

- Не первой молодости досталась Рохтымову машина, - вспоминает замполит И.Самольга. - А теперь, как новенькая. В общем, старательный, грамотный специалист.

...Самолет набирает высоту над Байконуром. Ищу глазами уже ставшие знакомыми его очертания. Вспоминаю добрым словом гостеприимных хозяев, позволивших мне прикоснуться к тому, что мы называем космосом.

На земле саамов

Что роднит между собой Скандинавию и Крайний Север России? Конечно, олени. Такие же гордые и стремительные. И немного не такие. В отличие от "российских", они мельче и уж слишком одомашненные (если приемлют в качестве корма не ягель, а самое обычное сено, накошенное руками пастухов).

Приятно было попасть в родную стихию и познакомиться с жизнью саамов, населяющих самые суровые широты Финляндии и Норвегии. Наконец, "намотать на ус", каким путем, при наличии каких-то 230 тысяч оленей в Финляндии и еще меньше в Норвегии люди здесь живут несравненно богаче и цивилизованнее, нежели в Ямало-Ненецком автономном округе, занимающем второе в мире (после Чукотки) место по количеству "олешек". И первое в бывшем Союзе по так называемым "деловым показателям".

"Конфетка" из оленины

Письменные свидетельства донесли до нас довольно обширную информацию о том, каким путем развивалась традиционная отрасль саамов.

В 1870 году оленеводство Финляндии достигло тех границ, где оно развито и сейчас, а точнее, севернее реки Кииминки. С того же времени государство ввело в систему просчеты оленей с целью взимания с их владельцев налогов за пользование землей.

В 1898 году сенат издал решение относительно образования оленеводческих объединений - палискунта. Но к слову, прообраз объединения, основой которого является договор, пастухи к тому времени уже имели.

В договоре попараграфно определялись права и обязанности членов объединения. В карающей части документа говорилось, что нарушитель "должен нести штраф - столько-то и столько-то - серебряных талеров".

Сейчас система управления отраслью состоит из трех взаимосвязанных звеньев: владелец оленей, оленеводческое объединение и союз объединений.

Союз призван способствовать сохранению гарантий социальной и экономической защищенности оленеводов, улучшению их благосостояния. Он ведет переговоры о цене и количестве сырья с такой крупной в Финляндии фирмой по переработке оленьего мяса, как "Пола-Полар".

В рекордные годы от владельцев оленей поступало порядка 4 миллионов килограммов мяса, а в прошлом - только 3. Причина в том, что по всему северу страны, именуемому еще Лапландией, прошли ранние заморозки, что затруднило доступ оленей к кормам и вызвало падеж значительного их количества.

Президент саамских оленеводов Норвегии Матнус Халунен отмечает, что методы развития традиционной отрасли у них с соседней Финляндией схожи. Единственно, в Финляндии заниматься оленеводством разрешено всем, а в Норвегии - это привилегия только саамов.

Площадь, на которой они ведут хозяйственную деятельность, составля-

ет сейчас 130 тысяч квадратных километров. Это примерно 40% от всей территории страны.

С этой "нивы" оленеводы ежегодно "собирают", как уже говорилось выше, порядка 3 миллионов килограммов оленины. По ямальским меркам - это мизер. Но что-же в таком случае позволяет отрасли процветать? Ответ на этот вопрос кроется в том, что как Финляндия, так и Норвегия имеют целую сеть предприятий, специализирующихся на переработке продукции оленеводства. Причем не первичной, а самой что ни на есть глубокой.

"Пола-Полар", на эмблеме которой - олени рога, в Финляндии одно из таковых. Кстати, у него есть дочернее предприятие "Мена-Полар", являющееся собственностью оленеводов.

Для "Пола-Полар" путь восхождения к Олимпу не был усыпан розами.

Чернобыльская катастрофа, по мнению финских ученых, загрязнила земли и, в особенности, ягельники. Слух об этом сразу же оттолкнул покупателей от оленины. В 1989 году, ввиду теплой зимы и ограниченности сроков хранения, мясо также не пользовалось спросом.

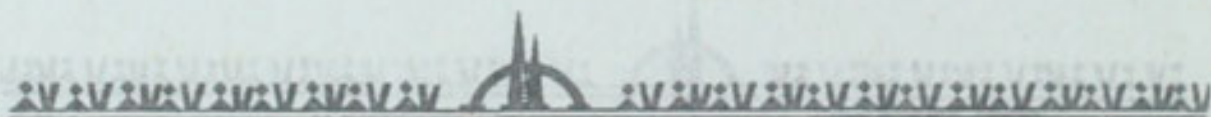
Надо было что-то предпринимать, чтобы в условиях рынка "не прогореть". И руководство фирмы пустило в ход целый арсенал мер. Оленеводы были направлены на переобучение, специалисты компании - тоже. Ставилась задача с забоя до продажи в корне изменить всю систему.

Для того, чтобы поднять, если так можно выразиться, имидж оленьею мяса, пришлось серьезно взяться за маркетинг. И оленину пропагандировать как мясо особое по вкусовым и питательным качествам. С учетом того, что раньше большая часть населения Финляндии его и не пробовала, - дела пошли.

Определились четыре группы основных потребителей - это кухни крупных организаций и предприятий, рестораны, система розничной продажи, экспорт.

Уместно заметить, что схема реализации оленины в Норвегии идентична. Единственное отличие: она ничего не дает на экспорт.

На "Пола-Полар" мне пришлось воочию увидеть, что можно при желании и умении делать из оленины. И белой завистью позавидовать скандинавским покупателям за предоставленную возможность иметь постоянно у себя на столе продукцию, один вид кото-

рой возбуждает аппетит. И речь идет не только о копченостях, сардельках и колбасе, а и о самом обычном мясе.

В магазинах ямальского севера его вам отрубят, как попало, и бросят на весы с шерстью и кровью. А здесь оно, если не запаяно в пищевой пластик, то идеально ровно отрезано электроножом. И на ценнике рядом с весом куска в обязательном порядке указаны время санитарной проверки, качество и жирность.

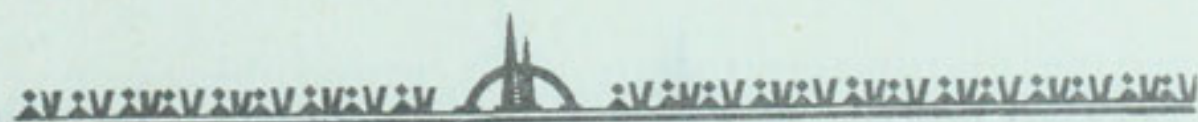
Кстати, пришлось столкнуться с невероятными для нас, россиян, фактами. Оказывается, в Скандинавии и вообще во всей средней Европе, жирное мясо не в почете.

Забываясь о диете, здесь на переработку и на прилавки магазинов "выбрасывают", как мы выражаемся, "тощак", то есть мясо средней упитанности.

Само собой понятно, что "конфетку" из оленины вручную или на "самопальном" оборудовании не сделать. А оборудование здесь - "самое-самое".

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что и совхозы Ямала тоже не против взять на вооружение новинки научно-технического прогресса. Но современные колбасные мини-цеха и холодильники, кстати, в основном финские, в силу разных причин появились только у единиц. Во многих хозяйствах мясо не перерабатывается, а продается тушами. И нагрянувший рынок их поэтому оттеснил. Газовики и нефтяники, отказавшись от окружных поставок оленины, охотнее берут говядину. Только по этой причине, понеся большие транспортные затраты на доставку мяса в Салехард, некоторые совхозы северной зоны округа, в том числе "Россия", так и не смогли его реализовать в 1992 году по смехотворно низкой цене - 200 рублей за килограмм.

Этот факт также наводит на мысль, что и мини-цех по переработке оленьего сырья - не панацея от всех бед. Надо, видимо, по опыту Скандинавии строить на Ямале солидное производство по типу "Пола-Полар". Не исключено, что в долю могли бы даже войти и соседи - Ханты-Мансийский автономный округ, испытывающий те же трудности. К слову, если речь зашла о цене на мясо, то она и в Финляндии, несмотря на популяризацию, скачет, как необъезженный олень. К примеру, в 1991 году один килограмм мяса оленины в живом весе стоил 48 марок, то есть где-то порядка 2,5 тысячи рублей, а в 1992 - 25 марок. И ходить бы "Пола-Полар" уже

давно по миру, если бы не сохранение широкой сети потребителей и сравнительно невысокие затраты на транспортировку продукции.

Последнее объясняется тем, что тундра Норвегии и Финляндии "одета" в асфальт и с места забойки до комбината оленина доставляется в рефрижераторах. Впрочем, у ямальских оленеводов в перспективе также появится возможность отказаться от дорогостоящей авиации и перевозить мясо по "железке", которая сейчас строится на полуострове Ямал и свяжет его арктическое побережье с "большой землей".

"Айни и Унто Аутто"

Так, по имени жены и мужа, называется оленеводческий семейный кооператив.

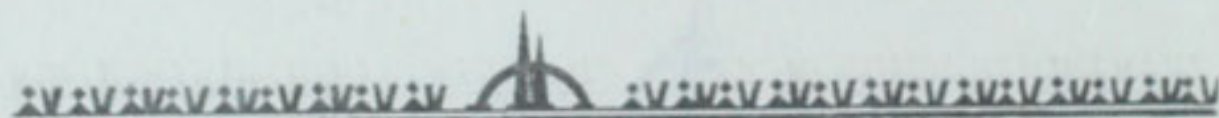
С 1736 года род Аутто выпасает оленей. Но несмотря на это, его нынешний глава начинал буквально с нуля. Часть оленей "ушло" по контрибуции на нужды фронта. "Пощипали" стадо и фашисты.

Унто чуть выше среднего роста, кряжистый, симпатичен мне присутствием чувства собственного достоинства. Основания для этого у него есть.

В командировке по Скандинавии мои пути не раз пересекались с фермерами, крупными и мелкими владельцами "олешек". Ничего не могу сказать: они все друг друга стоили.

В Норвегии, городе Карашок, который называют столицей саамов Скандинавии, туристов и деловых людей не преминут познакомиться с симпатичной женщиной. Она споет "ёки" - песни, составляющие сокровищницу национального фольклора, покажет свое оленеводческое хозяйство, а под занавес пригласит в стилизованный чум и угостит там саамскими кушаньями. Всем нравится. А мне у Унто нравится больше. У него ничего не делается напоказ. Хотя Аутто занимаются привлечением туристов. Но эта, с позволения сказать, отрасль как бы составляет неотъемлемую часть рабочего процесса.

Несколько уютных коттеджей для приезжих, сауна, скутера, снегоходы и столовая, меню которой под стать российскому ресторану. В общем, гости обихожены и сыты. Но для Унто все-таки на первом месте дело, он из главы местной оленеводческой иерархии давно превратился в мэтра. Получив признание своих коллег, избран заместителем главы союза оленеводов и одновременно явля-

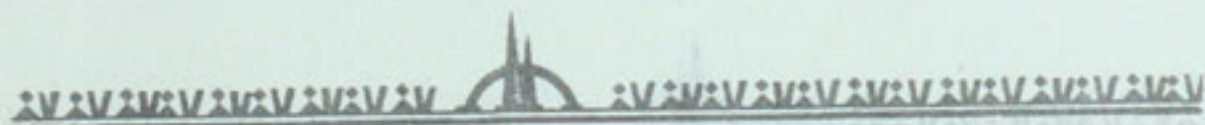
ется его финансовым директором.

Директора совхозов, специалисты и просто оленеводы Ямало-Ненецкого и других автономных округов России, чьи поездки организовывал Агросевер, от Унто много слышали полезного и увидели как наяву, так и с телеэкрана. Ведь свои лекции "хозяйин стада", так именуются владельцы оленей, сопровождает видеофильмом с подробным и интересным комментарием. Причем, "нашинские" не только слушают, но и дискутируют. И по признанию Унто, они знают и умеют "огого сколько". А чего не умеют? В ответ на этот мой вопрос Унто улыбнулся. И оставалось только догадываться, что значит улыбка. Возможно, что не умеют российские северяне по-настоящему хозяйствовать. Но это общеизвестно. И не их вина, а общая беда всех тех, кто вырос на молоке социалистической экономики.

В этом самом зале, в котором Унто показывает видеофильмы приезжей аудитории о жизни своего кооператива, мы остались втроем: Унто, переводчик и обаятельный молодой человек Руслан Альбеков и я - автор этих строк.

Говорим обо всем, даже об использовании личного времени.

Хозяин стада считает, что в интересах дела и собственного здоровья отдыхать нужно обязательно. Он, в частности, ежегодно ездит в город Хэтто, где 24 марта, то есть в старинный праздник, именуемый Марьиным

днем, проводятся олени гонки, состязания пастухов в силе, представления народных ансамблей. Наконец, и это неизбежно, мы добираемся до проблем. Их много. Дефицит зимних выпасов, геноцид со стороны лесной промышленности, отхватывающей все новые оленеводческие земли. Но есть у Унто проблема своя, личная. Признаюсь, в первую минуту я ее даже не оценил должным образом. Под тихое позванивание Ани и дочерей посудой, глава семьи признался:

- Старость - вот что беспокоит больше всего. Осенью 55 стукнуло. А стадо передавать некому.

Эти последние слова трансформировали мне всю боль Унто за судьбу дела, которому на протяжении двух с лишним столетий посвятил себя его род. Эти слова я уже слышал и в ямальской глубинке. "Весёлая" жизнь в городах, нежелание иметь дело с непрестижной работой, в конечном итоге, оставляют ямальскую молодежь без привязанности и навыков к делу отцов. И оно гибнет.

Вот и у Унто сын - инженер-компьютерщик и приезжает к отцу только от случая к случаю. А зять - таксист. Этим все сказано.

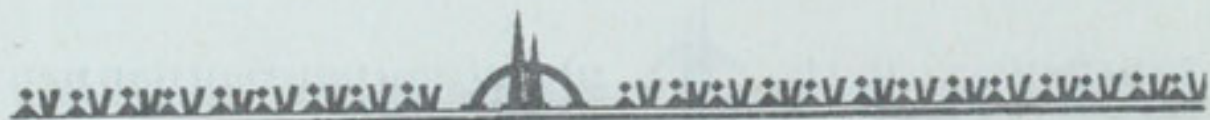
- Впрочем, если бы они оба даже захотели сейчас внедриться в нашу отрасль, из этого ничего бы не вышло. Оленеводом надо родиться, - считает Унто.

Мысли про себя и вслух

В Карашоке гостиница несколько уступала пятизвездному "Роял Паласу" в Хельсинки, но все же это была гостиница! Восхищаться приходилось всем. И шикарным, слегка затемненным холлом с игрой огня в настоящем камине, и номерами светлого дерева с кожей. Где все, от сантехники и разовых туалетных принадлежностей в ванной до канцелярской мелочи на письменном столе, все как бы кричало: "Вот так живут саамы!"

Сам я из далекой северной провинции и, конечно, никогда не видел и, видимо, еще долго не увижу в хантыйской или ненецкой глубинке такого чуда. Причиной тому не только отсутствие возможностей, но и дефицит уровня цивилизации наших малочисленных народов и всех народов России в целом. Саамам в этом плане повезло.

Взятые со всех сторон в тиски высокоразвитыми странами Средней Европы, они, как лакмусовая бумажка, впитали в себя

лучшее и передовое.

А худшее?

Мне не поверят, если я скажу, что саамы живут без общенациональных проблем. Две трети саамов, то есть 160-180 тысяч, проживают в Норвегии. И складывается впечатление, что именно норвежская диаспора саамов задает тон в осуществлении политических и экономических прав своих сородичей в других трех государствах Скандинавии.

У саамов есть своя национальная символика, в том числе флаг, гимн и свой праздник, который в 1993 году проводился впервые.

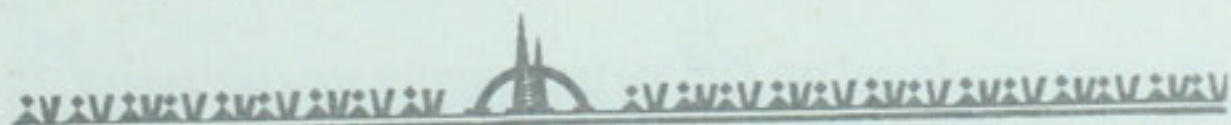
А главное, в 1984 году в Норвегии принят закон о саамах. Этим самым гарантировано сохранение и развитие их языка и культуры. Далее. Саамам дано право иметь свои представительные и руководящие органы.

Саамский парламент принимает решения, не противоречащие основным законам Норвегии. И правительство делает вывод: прислушиваться к мнению малочисленного народа или нет. То есть, как вы сами понимаете, говорить о том, что в государствах Скандинавии саамы имеют решающий голос, не приходится. Устраивает ли это их? Когда такой вопрос я задал в саамском парламенте, мне ответили, что, по крайней мере, пока они к полной автономии не тяготеют.

А в оленеводческой среде приходилось слышать другие речи. Финляндия выдает саамам кредиты для сооружения домов, хозяйственных построек, приобретения транспорта. В частности, в прошлом году союз оленеводов запросил почти 17,5 миллиона марок на строительство забойных пунктов, отвечающих нормам ЕЭС. Их просьбу удовлетворили.

Но в основном правительство является слабым защитником интересов саамов-оленеводов. По данным официальной статистики, под колесами автомобилей при перевозке древесины на поездах по Лапландии ежегодно гибнет свыше 4 тысяч оленей. И противостоять наступлению лесной промышленности на свои владения пастухи не в силах. По той самой причине, что они не являются хозяевами земли. А точнее, до 80 процентов земли в Лапландии принадлежит государству.

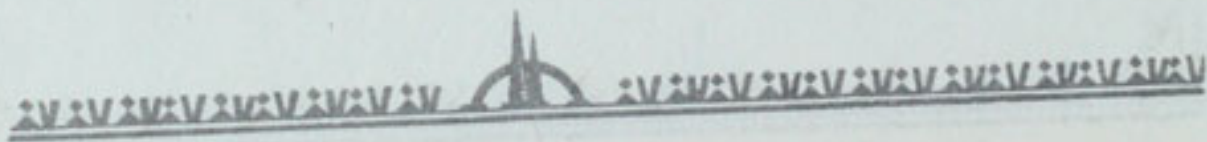
Вкупе со свистопляской в природе, когда обилие снега в последние годы чередуется с затоплением пастбищ и "олешки", вынуж-

денные употреблять плесневелый ягель, теряют продуктивность и часто гибнут, ограниченность в правах порождает у них элементы неуверенности и дискомфорта.

Приходилось слышать, что в Лапландии 30 процентов безработных, в основном, молодых людей. Они живут за счет пособий. В Финляндии и Норвегии обеспокоены тем, что неудовлетворенность таким существованием все больше молодых людей, особенно из числа саамов, доводит до пристрастия к алкоголю и наркотикам.

Россия-Норвегия-Финляндия

**ВАРИАЦИИ ИЗ ЖИЗНИ
ЖИВОТНОГО МИРА**

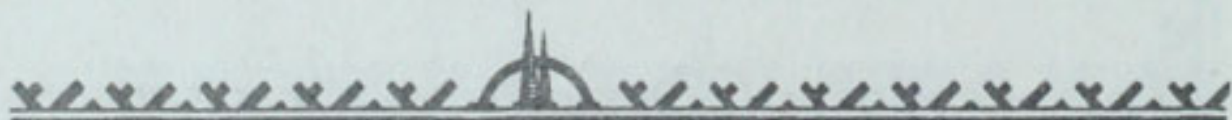

Кочевье у синего моря

Рассказ

Раза два в году наше стойбище оживлялось неудержимым лаем собак и радостными возгласами ребятишек. "Ванька-лавка" приехал!" - кричали они, и эхо морозного воздуха разносило известие далеко по тундре. Прозвище "Ванька-лавка" дед Иван - сухонькский подвижный старичок, почти тридцать лет торговавший на факториях, - получил от ненцев. На вандеях - больших грузовых нартах - он раскладывал свой товар, и сразу же возле нарт становилось шумно и весело, как на ярмарке. Женщины выбирали себе бусы поярче, шелковые платки цветастые, мужчины - капканы и ружья, а мы, малыши, получали леденцы.

В малицах - шубах на оленьем меху, вразвалку, как королевские пингвины, брели мы к чумам. Хотелось быстрее оказаться у печки и, сжав в кулаке таинственно поблескивающие

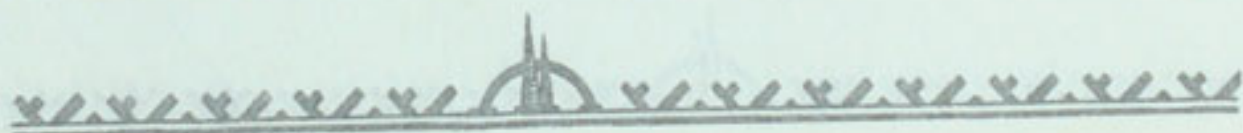
в темноте, разноцветные леденцы, думать обо всем хорошем. Например, о том, что к весне отец подарит авку - ручного оленя, или в капкан, на зависть друзьям, попадет белый пушистый песец. Его шкурку можно будет сдать деду Ивану, и он за это насыплет столько леденцов, что ешь - не переешь. Но после того, как однажды я услышал рассказы продавца о зверях и птицах, стал думать о них по-другому. Не спешил с леденцами домой, а нетерпеливо ждал, пока затихнет "ярмарка", а дед Иван уложит остатки своего товара в вандеи, и меня, как первого друга, поведет к себе в чум.

К слову сказать, это ненецкое жилище, особенно в метель, поразительно напоминает корабль. Шесты каркаса постанывают и поскрипывают, а брезент и оленьи шкуры на них туго надуваются, как паруса, и, если закрыть глаза, то покажется, что покачивает и убаюкивает тебя море.

В чуме холодно, и пока дед Иван разжигает тонкими таловыми ветками железную печь и набивает чайник снегом, я нетерпеливо ерзаю на мягкой лежанке из оленьих шкур. Но вот бока печи раздумываются, и раздобревший от тепла дед усаживается рядом.

- Расскажу-ка я тебе, парень, о горностаях, - начинает он. - Жил я тогда в рубленой избушке на берегу Тазовской губы. Тоскливо одному. Поэтому с нетерпением ждал, когда ударят морозы и ко мне со всех концов тундры съедутся охотники с пушшиной. А чтобы скоротать время, принялся ремонтировать магазин. И закончил работу в самый раз. Нежданно-негаданно повалил снег, и льдом затянуло озеро.

По правде говоря, не люблю я северную осень. Не тепло и не холодно, но сыро, как в парилке. И от этого не знаешь, во что одеться, как на ночь укутать простуженные, ноющие от непогоды руки и ноги. Впрочем, и тундре как бы не по себе в это время. Озера синим льдом, что поволокой, покрываются и становятся похожими на глаза подраненного гуся. Крылья его выстрелом подрезаны, морозом скрючены, и никогда ему не улететь на юг. Но пережил я эту пору. В день по несколько раз стали ко мне наезжать охотники. Веселее потекло время. И вот, как сейчас помню, проводил в путь-дорогу упряжку и уже собирался закрывать склад, как из-за ящика с конфетами выглянул какой-то зверек. И мне нетрудно было догадаться, какой. Ведь в тундре не так уж много обитателей. С того дня следы в складе, да и сами горностаи на глаза мне стали попадаться все чаще и чаще. Они сделали из

помещения ход и на день-два исчезали по нему в тундру. Но когда морозы окрепли и даже куропаткам неведомо стало вылетать из своих снежных нор, гости появились в пекарне, а потом и в моей квартире.

- А как же они, дед, прогрызли стены из толстых бревен?

Дед Иван лукаво улыбнулся.

- А я им сам двери открывал. Возьму распахну их настежь, когда появится над порогом маленькая головка с любопытными глазами. Дальше порога зверьки вначале не проходили, но постепенно осмелели и ночью настоящую войну учинили.

- А с кем они воевали?

- Известно, с мышами. И с тех пор я горя не стал знать. На складе мешки с мукой у нас никто не прогрызал, на полках галеты и сухари лежали тоже целы и невредимы. Долго, чуть не два года, дружно жили мы бок о бок. Забавляли меня горностаи. Бывало, носятся они вдогонку друг за другом по комнате, кувыркаются, а я потешаюсь. Уж больно здорово они походят в тот момент на маленьких котят. Но как-то приехал на фабрику ревизор. Только я его напоил чаем - следом охотники. Просят муки и сахара продать. Пошли мы в магазин, ревизор хозяйничать остался. Вернулся я поздно и застал ревизора довольным и улыбающимся.

- Этот воротник на школьной форме у дочери не загрязнится, а главное, по красоте с любым кружевным поспорить может, - хвалился он, держа в руках горностаевые шкурки.

Крепко осерчал я на приезжего и подумал, что несчастливый он человек, коли не дано ему четвероногих наших братьев понимать и любить.

- Это как же?

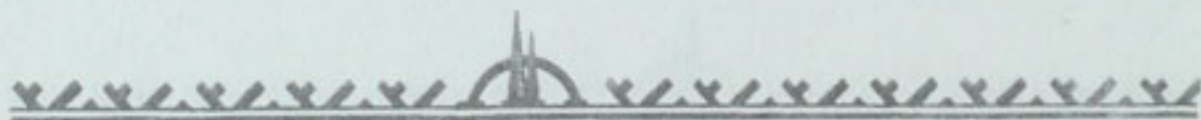
Дед Иван пошарил в маленьком столе и достал оттуда целую горсть конфет.

- Ешь конфеты, - говорит, - от сахара ума прибавляется.

Я понял, что дед смеется надо мной, а вот ответить ему не нашелся и только нахохлился, как потрепанная ветром куропатка.

"Ванька-лавка" примирительно похлопал меня по плечу, объяснил: человек сильнее птиц и зверей. У него есть хитрые ловушки и ружья. Но это не значит, что он должен стрелять во все живое.

Звезды смотрели в маленькое отверстие чума, именуемое мокодой, а я не торопился идти домой. Мне хорошо было у деда. Так и казалось, что вот сейчас забегут в чум горностаи и начнут кувыркаться на теплых оленьих шкурах. И я подумал: плохо, что

птицы и звери не чуют конфет. Я насыпал бы им на все нарты нашего аргиша, а самым смелым - в подол малицы. И пока б клевали птицы леденцы - каждого по отдельности мог бы рукой погладить. Песец на это, наверное бы, вполне дружелюбно и совсем по-собачьи твякнул, а куропатка, как старец, простуженным голо- сом прокричала: кэхэ-кебе.

- Дед, а, дед, а куропатки в твоём доме жили?

- Жить не жили, но с ними чуть не за руку здоровались. Сам ведь, наверное, видел, как трудно птицам зимой. Кустарник заносит так, что и почками не полакомиться. И стараются тогда куро- патки ближе к оленям быть. Как всякие там птички-канарейки в Африке живут рядом с бегемотом, ловят на нем разных червячков: ему спокойно и им сытно. Так вот после сильных буранов зарыва- ются олени в снег по самые рога, чтобы достать ягель. Фыркают, рогами качают, над ямой пар, как над тазом с горячей водой. Куропатки не пугаются. Ждут терпеливо, когда насытятся рогачи. А потом шумной стайкой сами слетают в ямы. Тепло здесь, а главное, корма сколько хочешь. Олень семена кукушкиного льна не подбирает и брусникой лакомиться не особо любит, а для куропат- ки такая пища в самый раз.

Однажды пришел к моей избушке в Тамбейской тундре боль- шой аргиш. Куропатки уже тут как тут. Поджидают, когда олени начнут себе корм доставать. И я подумал: а что, если покормить их крупой? Быстренько набрал пшена в пригоршню и насыпал дорожку до склада, а сам за углом спрятался. И ведь понравилось куропаткам мое угощение. Гляжу, склевали пшено и уже в склад заходят. Вот тут я и захлопнул двери. Но две-три все же опере- дили меня и улетели.

Вечером я растопил печку, согрел тушенку и совсем было со- брался поужинать, как вдруг услышал удар в окно, точно кто-то снежком бросил. "Оленеводы уехали. Так кто же это?" Вышел на улицу и вижу: сидит на самом гребешке крыши куропач, квохчет, грудь выпятил. Выходит, на выручку своим товарищам прилетел. Нечего было делать, хотел я пленников своих на складе продер- жать, подкормить как следует, а пришлось выпускать немедленно.

Весна в тундру приходит так. Уснешь - зима, а утром - зажму- ришься от солнца. Оно, как мячик, с холма на холм катится, потом на рога оленьи поднимется, с них на высоту хорея, а потом и совсем повиснет над головой. Тогда стадо моего отца из тундры к морю начинает торопиться. Там ветры, и маленьким оленятам не

так надоедает мошкара. А я спешу к морю, чтобы снова увидаться с дедом Иваном, услышать от него интересные рассказы и вдоволь поесть леденцов.

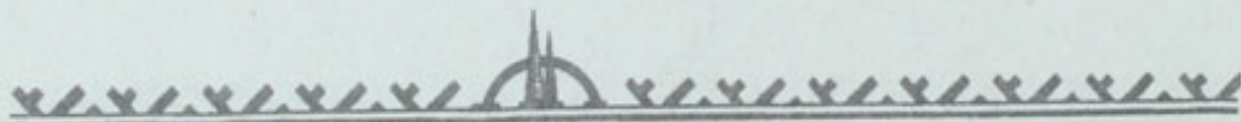
К морю мы едем долго. Нарты то по мокрому ягелю скользят, то рыхлый снег черпают. Куропатки, как кляксы, по буграм ползаются. Теперь они не белые, а рыжие-прерыжие. Несколько раз и песцы перебегают дорогу. Они тоже на себя не похожи. Грязные, как будто их только что из трубы вытащили. Я смеюсь, а сам все поглядываю вперед. Но море я вначале не увидел, а услышал. Вдалеке будто сто винтовок враз выстрелили, как при большой таларе, когда песка много, и охотники стараются не выпустить из круга ни одного зверька. Отец кричит: "Трескается лед на море!" А вот и оно, синее, посередине его как огромный белый пароход, - айсберг, а вокруг плавают льдины поменьше. Возле воды на длинной песчаной косе - дом, а рядом с ним еще два. А вон и дед Иван нас встречает, окруженный лохматыми, как медведи, собаками. Одна уже сорвалась с места. Разом вскочили и другие, но тут же моментально сели. Наверное, дед им приказал не двигаться. Отец с пастухами задержались в стаде, а я по тропинке пошел к дому. Деда на крыльце не было. Захотелось скорее к красной от жара печке. Но попасть в дом оказалось не так-то просто. Окружили собаки. Одна - маленькая с рыжим пятном на ухе - подошла и лизнула мне руку. Но тут же лохматый черный пес, которого, как я потом узнал, звали Моряком, глухо зарычал. А так как в нашем стойбище тоже были собаки, только маленькие, легкие, для гоньбы оленей, я догадался - голос подает вожак. Вот он легонько постучал по снегу хвостом и уткнулся в мою ладошку мокрым холодным носом. Это было командой для всех. И когда дед Иван вышел на крыльцо звать меня, я уже барахтался со своими новыми друзьями в снегу.

Кисы и малицу мои дед развесил над печкой. Потом высыпал на стол леденцы. Налил в чашки чая. И только я принялся за него, как в сенях послышался скрип половиц и ввалились в комнату оленеводы. Отец, снимая малицу, спросил:

- Откуда собак набрал? Пятьдесят, не меньше, наверное, будет?

- В отпуск приехали, - улыбаясь, проговорил дед. И рассказал, как ездовая стая оказалась у него в Тото-Яхе.

Собаки у нас, на Севере, есть в каждом доме, и не по одной. На них добираются до песцовых капканов. Рыбу возят с порядков, мальши ездят на них в детский сад и в школу. Собаки деда Ивана

тоже были ездовые. На них зимой доставляли по тундре различные грузы. А перед весной начальник рыбоучастка позвал к себе деда и сказал:

- Поедешь на дальнее угодье, и отправим с тобой собак. В поселке им работы сейчас нет, а шуму хватает. Будешь раз-два в день свору подкармливать. В общем, как на курорте, пусть отдохнут.

- Вот и согласился я взять их с собой в Тото-Яху, - рассказывал дед. - И нисколько не прогадал. В прошлом году склад с продуктами медведи разворочали, а нынче и подходить боятся. Попрыгают по льдам, почистятся о бока айсберга и восвоиси убираются.

От печки, от горячего чая, а может, от рассказов деда Ивана, захотелось спать. Где-то уже под утро он осторожно меня разбудил и показал на окно. На песчаной косе, которую я видел с вершины сопки, резвились гуси. Желтыми лапами они шлепали по песку, поддевая крыльями воду, брызгали друг в друга - ну точно как малыши.

- Здесь их остановка, - доверительно зашептал дед. - Отдохнут, подкормятся - и дальше на Север.

Только он проговорил, как над крышей дома раздался шум и гогот, так и захотелось пригнуться - это еще одна стая снижалась над песком. Спать я больше не хотел и следом за дедом вышел на крыльцо. Он, высыпая в большое деревянное корыто сушеную рыбу, готовился кормить собак.

- А где они, дед? - спросил я.

- В тундре за пролетной дичью охотятся. Да ты не волнуйся, я их сейчас к завтраку приглашу.

И, сложив руки рупором, он закричал:

- Смелый! Моряк! Сестричка! Марс! Рекс! Тундра! - А потом еще громче всем остальным:

- Ле-оо, ле-ле-ле!

И как ручей - из оврагов, с крутых сопки - начали стекаться к нашему дому лохматые, запыхавшиеся от быстрого бега собаки.

Вечером на столе у деда заморгал огонек рации. Разговаривал с рыбоучастком он недолго.

- В поселок вызывают срочно. Постараюсь вернуться завтра. Тебе, малыш, поручаю за собаками следить.

Обрадовался я, но вида не показал. Ведь как-никак мне семь лет, и отец уже давно разрешает самому ездить на оленях.

Нетерпеливо стал ждать вечера. А так как весной в тундре

даже вечером и ночью светло, то постоянно подходил к отцу и спрашивал: "Не пора?"

Наконец, отец, взглянув на часы, тикающие над рацией деда, улыбнулся. Я понял, что самое время собирать собак на ужин. И так же, как дед Иван, встал на крыльцо и, сложив руки рупором, громко закричал:

- Матрос! Тундра! Сестричка! Марс!...

Подождал минутку и снова позвал. Но собаки не появились. Приковыляла к корыту только какая-то старая и больная собака. Я ее гладил и плакал. А отец сидел рядом со мной на крыльце и утешал:

- Придут, никуда не денутся. Значит, не проголодались.

Не появились собаки и к утру следующего дня. И только в обед мы слышали их звонкие голоса и глухой рокот моторной лодки. Это подъезжал дед Иван. Нос и корма суденышка буквально облеплены были собаками, бежали они и по берегу. Дед, довольный поездкой, остановил лодку у песчаной косы и первым делом - ко мне!

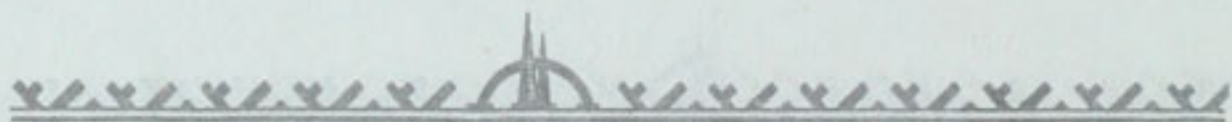
- Вот ведь какие непослушные у тебя друзья оказались. Приехал в поселок и только явился в контору рыбоучастка, как меня начальник вызывает и строго спрашивает: "Ты зачем собак привез?"

Я понять ничего не могу. Выбежал на улицу. А там они - все мои отпускники - у крыльца. Выходит, пока я ехал на лодке, они по берегу моря меня сопровождали.

Проголодавшиеся собаки лакомились рыбой, а дед делился новостями поселка.

Все это время я нетерпеливо ерзал на табуретке - ведь мне-то он ничего интересного пока не рассказал. Но вот все разошлись, и дед понимающе подмигнул.

- Было это, малыш, давно. Работал я также продавцом, тоже на Севере, но не в тундре, а там, где тайга и немного теплее, чем здесь. Как-то раз у самой фактории в тальнике я наткнулся на следы. Следы как следы, вижу, что ходила здесь лиса. А вот когда пригляделся к ним внимательно, оказалось, что одной ноги у лисы нет. Наверное, попадала она в капкан. Дня три лиса не появлялась. Знал я, что она очень осторожна, но и опять же пакостлива. И вряд ли бы удержалась от искушения полакомиться свежими карасями, которые хранились у сетей, на озере. "Что же спугнуло Хромушку?" - заинтересовался я. Закрыв магазин и на широких лыжах

отправился по следам. Шел долго. Несколько раз падал, цепляясь за поваленные деревья и кусты. Но когда у речки Крутушки попались свежие следы, стал пробираться с осторожностью. Прежде чем перейти лощину, покрытую мягким, как пух, снегом, остановился.

И тут совсем неожиданно увидел Хромушку. Она, опасливо озираясь, потягивала ноздрями воздух, трусила навстречу, а в зубах у нее был лисенок. Свесившимися лапками он чертил по снегу и попискивал. Мать недовольно, глухо рычала. Или предупреждала его об опасности, или просила потерпеть в такой неудобной позе. Лиса исчезла в кустах, а я подошел к ее норе.

На этом месте дед остановился и немного выждал.

- Ну, а дальше что?

- Тут, малыш, самое страшное. Рядом с норой все утопано было волчьими следами. Но голод пригнал серого сюда уже после того, как лиса со своим щенком, почуяв его, сбежала.

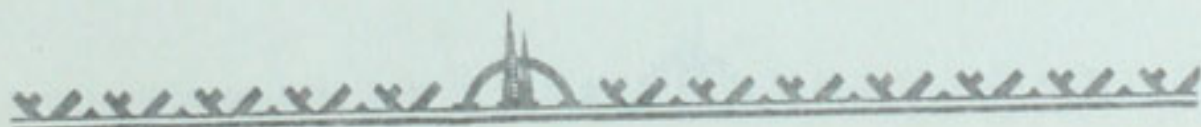
- Значит, обманула волка?

- Ну да. Обманешь его. Тут же волк пустился за лисой следом. Я тоже мешкать не стал. Хотелось хоть как-то помешать серому. Лыжи по старому следу скользили легко, и я не заметил, как миновал Крутушку и покатился по склону озера. Но сразу же за кустами остановился. На белом снегу огнем горела лужа крови, в которой лежала разорванная Хромушка. В общем хитрая и быстроногая лиса на этот раз все же попала в зубы волка. Я снял с озера сети и с тех пор долго не бывал на его берегах.

И вот однажды, когда сошел снег, утки уселись на гнезда, оленеводы откочевали к Уральским горам, я решил снова попытаться счастье на озере. Тем более, что расцвел уже шиповник. А это, как считают рыбаки, - лучшее время для хода карася.

- А что, до этого он лежит на боку и спит?

- Может, и не спит. А лежит в иле без движения - точно. Калданку я нашел на старом месте. Сложил в нее сети и поплыл по озеру. В него весной сливают воду многие тундровые речки, а вытекает только одна Крутушка. На каждом ее повороте обязательно озеро или болото рыжим пятном расплывается. И если перегородить ее устье, то хватит карася, чтобы насолить и навялить. Думая об этом, я подплыл к высокому песчаному берегу речки и начал разбирать сети. Предполагал, что справлюсь с этим делом быстро, но не получилось. И вот почему. Только развесил их между деревьями и стал привязывать груз, как что-то в сети

ударило. Поднялся столб пыли, и в мереже я увидел острую мордочку жирной полосатой барсучихи. Откуда она взялась, непонятно, но вот в том, что ее немедленно требовалось выпутать - я не сомневался. Ведь барсучиха могла порядочно порвать сеть. Досталось и моим рукам от ее зубов. Наконец, вырвавшись из паутины капроновых нитей, барсучиха вздыбила загривок жестких волос и ринулась к обрыву. Да впопыхах затолкнула голову не в свою нору. И тут же, получив отпор, кубарем отлетела к воде. Я хохотал от души, не зная, что впереди ждет еще один сюрприз.

Колупнув лапами забитые песком глаза, барсучиха кинулась уже не в нору, а к большому дуплу в поваленном дереве. Но что это? Обрадованно твякая и ласкаясь, навстречу ей вывалился из дупла рыжий и длинноногий лисенок. А следом - круглые, как колобки, барсучата. Они наперебой облизывали мать, падали ей под ноги, кувыркались. Я искал глазами взрослую лису и не находил. Но вот семейство, угомонившись, исчезло в дупле, и меня осенила догадка.

Помнишь, мальщ, я говорил, что встретил лису недалеко от Крутушки? И бежала она уже по проторенному следу - значит, испугавшись волка, Хромушка успела на новое место, к речке, перенести одного лисенка. Возможно, она так спешила, что сунула его в занятое барсучье дупло. А, может, уже после гибели лисы барсучиха забрала голодного детеныша и выкормила...

Вот такая история, - закончил дед.

И это был его последний рассказ. Утром пастухи погнали стадо дальше по берегу моря, и мы простились с дедом до осени.

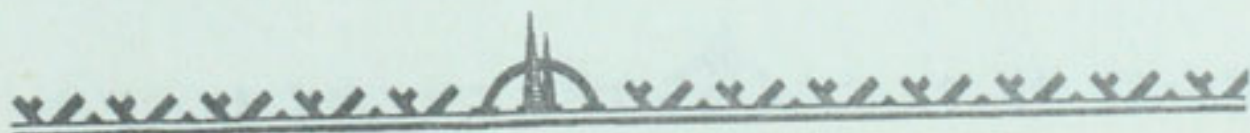
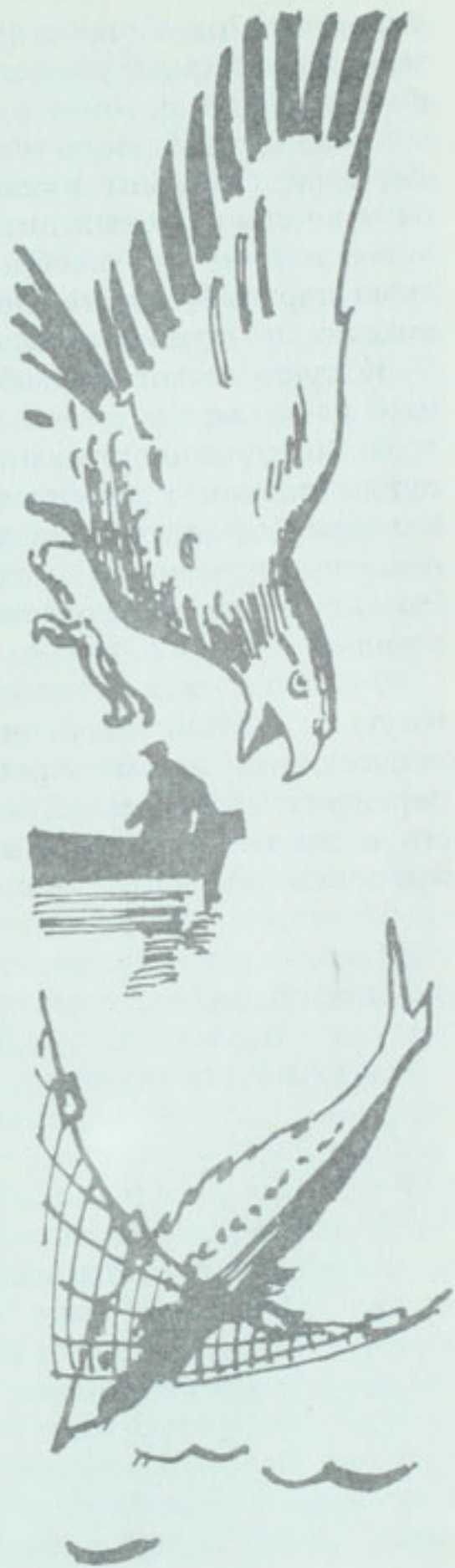

Орлиная свадьба

"Имберне-е-ел", мелодично и сурово, всегда по-разному звучит это слово в устах ненцев-рыбаков.

От рыбацкой тони нас отделяло не больше километра, когда Язо показал рукой на вершину мыса. Из-за гула мотора я не расслышал слов рыбака, зато в указанном направлении увидел одинокую лиственницу с гнездом на вершине. Засохшие ветви, как чудовищные лапы, будто намеренно были созданы для того, чтобы удержать огромное сооружение из ветвей и палок. Лиственнице я немало удивился, потому что в нашем краю это дерево считается редкостным. Но счел вполне закономерным, что над бездной обской глубины построили свое жилище орлы. Могучие, неприхотливые птицы. И я услышал от Язо, что живут они здесь не одним поколением.

Случилось это больше десятка лет назад. Мой новый знакомый помнил о них не совсем обычную историю. Был тогда он лихим молодцем. Под стать себе набрал в звено рыбаков, и с самого начала весны стали парни хозя-

евами имбернельской тони. С утра до вечера кружились над их неводом чайки разных мастей. Были здесь черноголовые морские, а в большинстве белые, как обская пена, красавицы, гнездящиеся в укромных северных уголках. Жилось им на угоды привольно. Но как-то утром, - продолжил рассказ мой собеседник, - привычных голосов мы не слышали. Зато в вышине раздался необычный, гортанный клекот орлов. Их было два. Кружились они неистово, словно на карусели. На какое-то время птицы останавливали свой полет и, гордо выпятив грудь, сближались, едва-едва не касаясь друг друга когтистыми лапами. "Время свадьбы", - сообщил тогда Язо рыбакам.

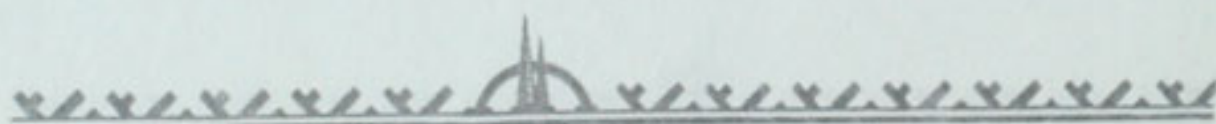
На следующее утро птицы появились вновь. Орлица в свадебно-темном наряде с коричневыми бисеринками на крыльях и могучий белохвостый орел кружились над тоною не один день, пока не свили свое гнездо на вершине засохшей лиственницы. Пятнадцать лет неразлучная пара жила на Имбернеле.

Рассказывая о птицах, Язо подчеркивал верность орлов друг другу. Он говорил, что охотились они крыло в крыло. Но самец никогда не принимался за еду раньше орлицы. А если она возвращалась без добычи, делился с ней. Слушая рассказ, я мысленно представлял себе, сколь восхитительное зрелище являла собой эта пара могучих птиц на фоне суровых просторов Имбернела. Орлы поистине были для людей примером отваги, противоборства невгодам стихии, рождая в сердцах согревающее чувство близости к природе.

Пятнадцать лет кряду ранними утрами, на затянутых туманом берегах, перекликаясь приглушенным клекотом, проглядывались силуэты зорких стражей, оберегающих рыбацкий стан. И люди не представляли себе уже ни дня без орлов и называли их ласково "своими".

Тот день, день невзначай нагрянувшей зимы, запомнился Язо.

Несмотря на усиливающийся ветер, бригада решила оставшееся до темноты время использовать для рыбалки. Едва парни успели закинуть невод, как над ними появился орел. Вот уже несколько дней на промысел он прилетал один. Очевидно, самка высидела птенцов. Стрежевой невод округлился поплавками, и рыбаки потянули его к берегу. И тут орел взмыл вверх, а затем камнем упал в невод. На какое-то мгновение его когтистые лапы окунулись в воду, оттуда, повинувшись взмаху сильных крыльев, появилась корявая спина осетра. Однако поднять добычу из воды птице не удалось.

Захваченные необычным зрелищем, рыбаки остановились, но, видя, что добыча орлу не под силу, торопливо подтянули снасть. В этот момент осетр утянул орла под воду. Правда, через некоторое время орел снова показался над водой, и у людей появилась надежда, что птице удастся расцепить завязшие в осетровой спине когти, но взмахи мокрых крыльев на этот раз были слабыми, судорожными, потому что орел успел наглотаться воды. То ли привлеченная возбужденными голосами рыбаков или почувствовав неладное, над тонью вдруг появилась орлица. Она, как выпущенный из пращи снаряд, со свистом пронеслась над рыбаками. С костяным звуком сжимающегося и разжимающегося клюва орлица низко над водой описывала круг за кругом, не в силах помочь своему другу. А когда орел исчез под водой, самка, отлетев от невода с десятков метров, устало плюхнулась на гальку. Казалось, что теперь ей было все равно. Об этом говорил и ее вид. Широко раскинутые крылья, будто невидящие глаза. Так она сидела и тогда, когда кошель невода вытянули на песок и выгасили оттуда осетра, оседланного орлом. Теперь они оба казались могучими и непобежденными.

Утром, выходя из чума, рыбаки увидели рядом с мертвым орлом орлицу. Но их обоих присыпало снегом, и похоже было на то, что с этого места самка не улетала всю ночь. Недоброе предчувствие заставило самого проворного из рыбацкой бригады взобраться на лиственницу. Там, в огромном гнезде, лежали два яйца. Были они, как ледышки, холодными.

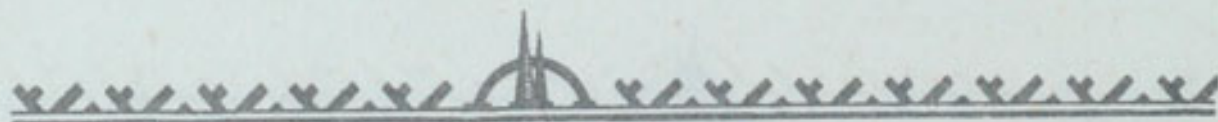
... Свой улов Язо сдал на плашкоут, и мы отправились в обратную дорогу. Пустая бударка шла ходко. Да и путь нам предстоял недолгий, так как накануне нашего отъезда было известно, что руководство участка решило перебросить рыбаков на Имбернел. А я получил возможность наблюдать за птицами.

Здесь и увидел орлиную свадьбу. Случилось это на третий день. Возвращаясь с тони проторенной дорожкой, я свернул в кустарник, белеющий цветом морошки, брызжущий алым соком прошлогодней брусники. Увлечшись ягодами, я незаметно для себя поднялся на вершину мыса, в нескольких метрах от гнездовья орлов. Мысль подойти к их жилищу ближе мне подсказал ветер. Он дул прямо в лицо, и я решил, что орлы не услышат моего приближения. Из-за потрескавшегося замшелого валуна показалось гнездо. Оно не выказывало никаких признаков жизни. И тут совсем неожиданно, в нескольких метрах от себя, за стенкой прошлогодней пожухлой травы я увидел орлов. Их близость на мгновение вселила в меня

чувство страха. Столь большими и зловещими показались эти птицы. Глаза, горящие ярко, глядели в сторону от меня, но шеи орлов были вытянуты, и весь вид их говорил о настороженности. А слегка приоткрытые клювы и раскинутые, словно для взлета, крылья, заставляли думать о том, что о моем приближении им известно давно. Я стоял как пригвожденный. И, очевидно, убедившись в моих намерениях, орлы не поднялись на крыло, а, тяжело переваливаясь, отошли дальше - на самую кромку обрыва. Самец, слегка изогнув шею, припав возле орлицы, неотрывно глядя на нее, издавал тонкие булькающие звуки. Орлица также вытянула шею, слегка расправив крылья. Тогда орел, дважды проведя клювом по груди, будто прихорашиваясь, в несколько скачков оказался около самки, гордо возвеличивая свою голову над стебельками блеклой травы. В этот момент моя рука совсем некстати соскользнула с замшелого валуна. Орлы, тяжело хлопая крыльями, поднялись.

С вершины Имбернела я спускался в сумерках. Но уже через несколько шагов был остановлен шумом ломающихся веток и прямо перед собой увидел еще одного орла. Едва взлетев над лесом, он черной тенью скользнул к промысловому стану. И тут я вспомнил слова Язо о супружеской верности орлов. Орлица после гибели белохвостого орлана стала совсем ручной. Летом жила на тони, а зимой ее к себе в избушку забирал Язо. Хотя говорят, что первое знакомство с орлицей обошлось ему не одним десятком синяков и царапин. А сейчас она - полноправная жительница селения. И, увидев птицу в поздний час на вершине Имбернела, я, конечно, удивился, но по-своему решил, что привела ее сюда не привязанность к старому жилью, а тоска по тем пятнадцати годам из трехсот, отведенных орлам на жизнь.

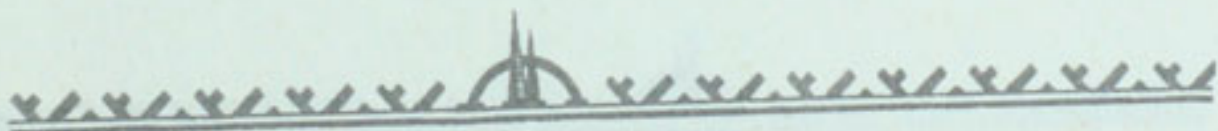
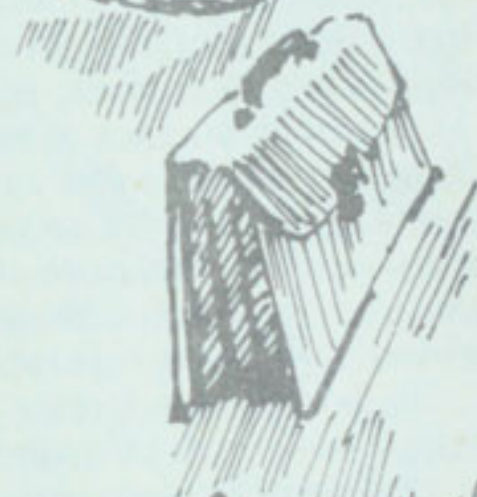
Шомох

Уже вечерело, когда из-за кустов показались берестяные чумы - летние жилища рыбаков. По доброму старому обычаю, заслышав гул мотора, лодку вышло встречать все население кочевья...

Как и водится у хантов, при встрече гостю подали первую чашку чая, лучший кусок мяса. Но я был готов отказаться от всех угощений, потому что на низеньком столике, возле которого можно было сидеть только на корточках, лежал шомох.

Даже тот, кто не раз пробовал сушеную рыбу, не мог бы, наверное, устоять перед соблазном отведать шомоха снова. Это лакомство вроде бы сохраняло в себе запах ветра, тепло солнца, вкус чистой речной воды. И еще - едва уловимо - шомох отдавал ароматом свежего огурца. Именно так пахнет выловленный в Оби муксун.

Поздно вечером, когда вода и небо слились в единую темно-чернильную бездну и ветер, по-осеннему колкий и студенький, играя берестянами завитушками чума, донес беспокойный говор

волн, я собрался домой.

Зная мое пристрастие к шомоху, рыбаки положили мне в портфель несколько сушеных муксунов.

Я тронулся в путь, но ветер все крепчал, и на полпути до дома - в рыбацком поселке - пришлось заночевать.

Сгрузить вещи мне помогли в первую очередь ребяташки. Они быстрее взрослых перебежали от лодки до берега по скользкому галечному мелководью.

Когда закончилась выгрузка и лодки поставили в безопасное место, я решил отблагодарить расторопных помощников. Кроме шомоха, подарков других не было. Но портфель... как в воду канул.

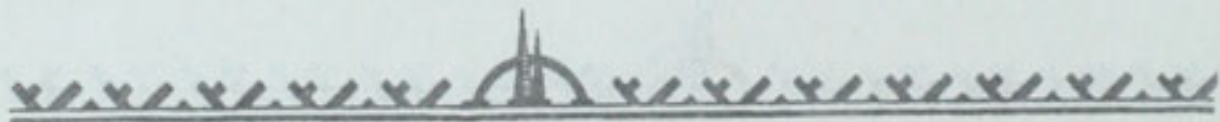
Из поселка я уехал рано утром, озадаченный уже тем, что вместе с портфелем и шомохом пропали материалы для газеты, которые я собирал на дальнем стойбище.

В поселке, как выяснил я позднее, всех взволновала пропажа. Когда рыбаки ушли на промысел, ребяташки пустились на поиски. Весь берег обшарили. И тут мальчишка, что был постарше, внимательно пригляделся к галечной насыпи. Кое-где гальки были чуть сдвинуты, и он не без труда заметил следы собачьих лап. По этим следам добравшись до поляны, ребяташки оторопели: там, облизываясь возле закрытого портфеля, кружком лежали собаки. И стоило только мальчишкам приблизиться, как из десятка собачьих глоток вырвался предостерегающий рык.

Не хотелось собакам упускать добычу, которую они уже давно сторожили, но расправиться с ней никак не могли.

Впрочем, кто его знает, что случилось бы с портфелем, если бы ребяташки не подоспели вовремя.

Вечером портфель был у меня в руках. Еще не открывая замка, я почувствовал тонкий аромат сушеного муксуна. Все лежало на своих местах. Хантыйские ребяташки не взяли даже того, что было им обещано.

Ванюшкин самородок

В чум Степана Лагея я прибыл рано утром, но все пастухи уже уехали в стадо. Только Ванюшка грелся у раскаленной докрасна железной печки. Знали мы друг друга шесть лет, ровно столько, сколько было Ванюшке от роду.

Все мне нравилось в этом малыше. И пунцовые, как два морозных солнышка, щеки, и приплюснутый, пуговкой, нос. А когда Ванюшка шагал, от улыбки никто не мог удержаться. Малица малышу была до пят, и потому казалось, что над снегом плывет розовощекая неваляшка.

Но в этот раз Ванюшка будто не заметил гостя и абсолютно без внимания оставил кулек с конфетами. Неловкое молчание затянулось.

- Пойдем твоего Самородка посмотрим, что ли, - предложил я.

- Папин он теперь, а не мой, - буркнул в ответ Ванюшка и отвернулся.

Ага, догадался я, значит Лагей

забрал у малыша олененка. Эта мысль меня огорчила. И сама по себе вспомнилась история, связанная с Самородком.

Весна в том году была холодная. Появились на свет уже оленята, а песен ручейков еще не слышали, потому что дули постоянно ветры с Ледовитого океана.

Ежились от них оленята, не могли важеньки разбить смерзшийся снег и добыть ягель. Но кроме холода и голода другая беда подстерегала стадо.

Однажды в болотитой долине, где оленей настигла ночь, волки загрызли важеньку. А у нее остался маленький, еще несмышленный теленок.

Степан Лагей принес его в чум, а Ванюшка дал новому жильцу меткую кличку Самородок. Так обычно ненцы называют оленей с пестрой окраской.

- Я тебя умою, - хлопотал около олененка малыш.

Но мать ему рассказала, что мыть Самородка нельзя. Смерзнется сразу же его шерсть на морозе... Тогда Ванюшка бросился искать соску. Вот она пришлась кстати. Ведь олененок еще не мог доставать ягель, и его приходилось поить молоком из пузырька, в котором доктор привозил лекарство.

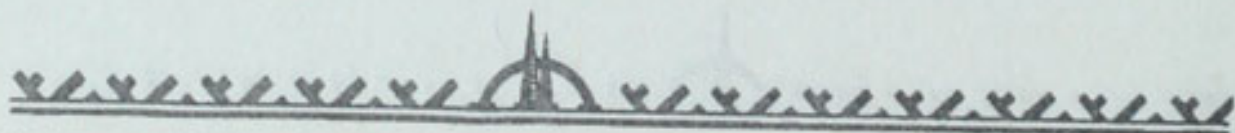
А если олененок не наедаясь, малыш разжевывал хлеб, заворачивал его в марлечку, и Самородок, удовлетворенно причмокивая, мусолил эту "соску".

Так и подружились два малыша. Шел Ванюшка за морошкой - олененок шагал рядом. А когда в дальней дороге ноги Самородка уставали, малыш брал его на нарты. Мягко катили они по мхам и морошечнику. Олененок дремал, положив голову на колени Ванюшки, прикрыв агатово-черные глаза длинными ресницами.

- Папа едет, - этим возгласом Ванюшка прервал мои воспоминания. Где-то слышалось похрустывание и потрескивание льдинок. А затем из-за сопки показалась чащоба рогов многотысячного оленьего стада. Впереди, сбросив на плечи капюшон малицы, разгоряченный, мчался к нам Лагей.

- Что это Ванюшка у тебя невеселый?

- Да, понимаешь ли, - доверительно начал оленевод, - был у меня тут на днях пастух из соседнего стада. Просил Самородка, а взамен обещал отдать белого, как снег, быка. Такого у меня как раз в упряжке не хватает. Ударили мы по рукам. И тут я вспомнил: может, Ванюшка не согласится? Да поворачивать было поздно. Сам знаешь: слово у ненца крепкое.

Знал я, что бесполезно отговаривать Лагея. Попробовал утешить Ванюшку - не получилось. На том и уехал.

Прошел год. Стадо Лагея подошло к нашему поселку. И теперь уже Лагей сам с товарищами пришел ко мне в гости. Чашка крепкого чая для ненца, намерзшегося в дороге, самое лучшее угощение.

Только мы уселись за стол, как в дверь постучали. И тут же на пороге появился Ванюшка. Был он в высоких расшитых кисах, легкое, как у олененка, тело опоясывала узкая блестящая тасма.

В таком наряде Ванюшку я еще не видел и какое-то мгновение молча смотрел на него.

- Понимать надо, - поймав мой удивленный взгляд, сказал отец. - Парнишка в первый класс собрался.

И хотя разговор на эту тему потом был чуть ли не главным, меня все время подмывало спросить о Самородке. Наконец, улучив момент, я все-таки задал вопрос Лагею.

Он, будто не расслышав, склонился над блюдцем и стал усердно дуть на остывший чай. Ванюшка смутился, а лица пастухов растянулись в улыбки. И тут же комната огласилась заразительным смехом. Оленеводы стали наперебой рассказывать, чем кончилась история с Самородком.

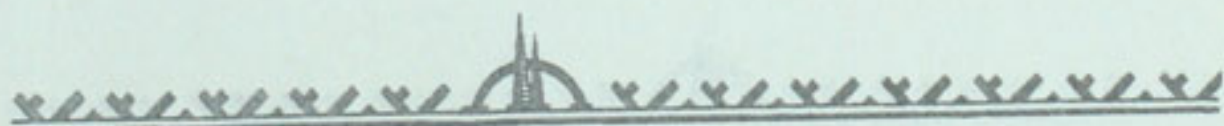
По уговору, осенью, когда синим льдом затянулись озера и вдалеке растаял крик последнего каравана гусей, Лагей выловил из стада Самородка, посадил рядом с собой Ванюшку и они поехали.

К вечеру остановились в селении. Пока взрослые вели свои серьезные разговоры, Ванюшка думал о Самородке, и закралась в его голову рискованная идея.

Дождавшись, когда все уснут, он осторожно оделся, снял с отцовской тасмы острый нож с костяной ручкой и вышел на улицу. Звезды, как разбежавшиеся олени, светились по всему небу. Смерзшийся снег звонко хрустел под ногами. Ванюшка, опасливо оглядываясь, открыл калитку и прямо перед собой увидел оленьи упряжки. Утомленные дальней дорогой, большерогие быки лежали на снегу, дремали...

- Утром, мой олененок, отец отдаст тебя, - ласково поглаживая Самородка, шептал ему на ухо Ванюшка. Олененок, шумно вдыхая ноздрями воздух, тыкался мордой в руки малыша, отыскивая лакомый кусочек сахара.

- Но ты ведь можешь отвязаться и убежать домой, - продолжал

шептать ему Ванюшка, - утром тебя ругать будут, ну и пусть, зато никто не поедет за тобой в такую даль снова.

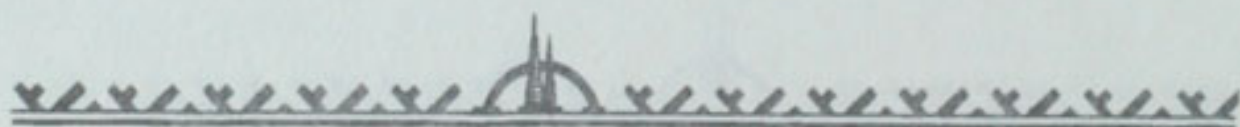
Ванюшка совсем не думал в тот момент о том, что олененок не может сам развязать крепкий узел. Одного желал малыш: чтобы снова олененок резвился у чума и дружба их была неразлучной.

Утром, когда взрослые встали, Ванюшка крепко спал. Пропажа обнаружилась сразу же, но на малыша никто и подумать не смел. Только отец, поправляя на сыне одеяло, заметил, что спит он в своих расписных кисах, и под его румяной щекой лежит ремешок тынзяна.

- Так и обхитрил нас Ванюшка, - улыбаясь, завершили рассказ пастухи.

- А как же насчет уговора с другом? - поинтересовался я у Лагея. - Ведь ты сам говорил, что у ненца слово крепкое.

- Уговора я нарушать не мог. И мне ничего не оставалось делать, как подарить другу свою тасму. А она в тундре порой ценится дороже любого оленя.

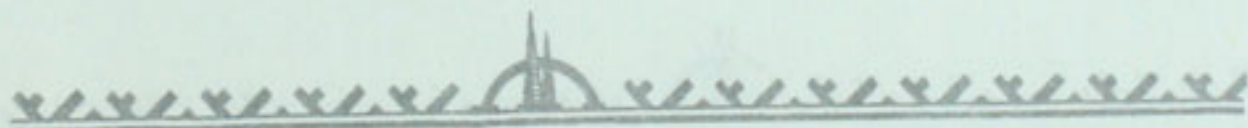

Путешественник

Ледоход против нашего села прогромыхал утром. И только у берегов на мутной воде еще кружились белые, как лотосы, льдинки. Когда я веслом пытался расчистить проход для калданки - легкой хантыйской лодки, - льдинки, шипя, наскакивали друг на друга и рассыпались.

Выбравшись на середину реки, я перестал грести, и наступила такая тишина, что было отчетливо слышно, как звенят капельки воды, срываясь с мокрых весел. Но вдруг к этому звуку прибавилось шипение и громкое фыркание. Кто-то рядом боролся с течением. Я огляделся и буквально под носом калданки заметил зверька. Из воды виднелась его ярко-желтая спинка, иногда показывались такие же лапки. Не знаю, какая нужда заставила его пуститься в столь опасное путешествие. Зверек часто бил лапами и трудно дышал. Было ясно, что он устал.

Калданка подошла к нему ближе. Зверек не испугался, а наоборот - черными бусинками глаз как бы про-

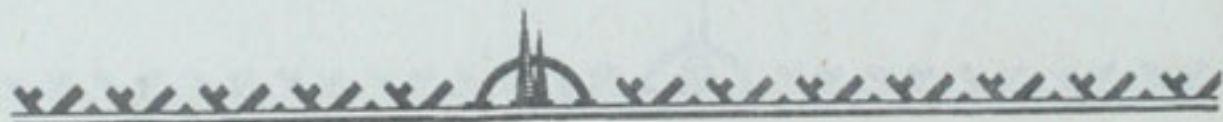
сил о помощи.

Уже поддев его веслом, я узнал в нем по слегка распущенному черному кончику хвоста горностаея! Наслышанный о неприветливом горностаевом характере, я не стал испытывать судьбу и осторожно, на весле, донес путешественника до кормы, где лежала фуфайка. Горностаей мягко шмякнулся на нее и закрыл глаза. Я подумал, что зверек издыхает. Но ошибся. Через несколько минут он встрепнулся, шумно стряхнув воду со своей ярко-желтой шубки. И хотя до берега было недалеко, не выпрыгнул за борт, а спрятавшись за фуфайку, изучающе смотрел на меня. Стоило мне сделать резкое движение, как зверек смешно надул щеки и, распустив усы, зашипел.

Давно, еще в детстве, я слышал от бабушки, что как-то в полноводье у нее поселилось целое семейство горностаев. Они так привыкли к хозяйке, что не разбегались при ее появлении. А когда вода спала и лесные поляны высохли, горностаи ушли, оставив бабушке несколько пар насквозь проеденных кожаных сапог и юркий лаз под дверью сарая.

Своего пассажира я не собирался брать домой.

Когда калданка подошла к крутояру, зверек неожиданно, желтой молнией, метнулся на поваленное ледоходом дерево и через мгновение исчез в подгнившей траве.

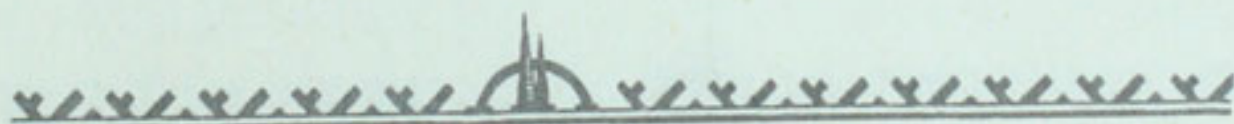
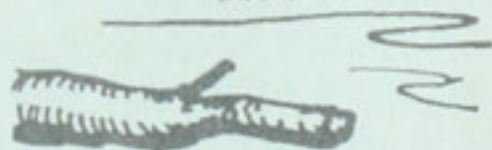
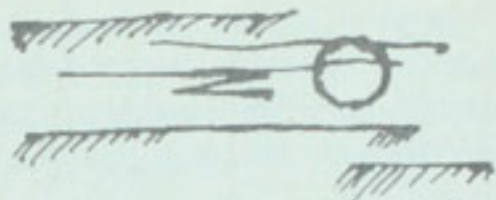

Аркашка

Тундру закрывала стена морозного тумана. Ее на минуту, будто расплавленной каплей металла, прожгло солнцем, а затем туман сгустился еще сильнее. Летчики решили посадить самолет в Белоярске, на берегу речки Щучьей, что берет свое начало далеко на Урале.

Знал я здесь только директора музыкальной школы, к нему и направился. Дом на яру я отыскал без труда, но, уже взявшись за ручку двери, остановился. Возле крыльца, в кругу лохматых ездовых собак, пиршествовала ворона. Она стучала клювом по замерзшей краюхе хлеба и, если удавалось отколоть крошку, проглатывала ее не спеша, словно смакуя. Псы, распустив вожжи слюней, загнипнотизированно следили за каждым движением птицы, повизгивали, вытягивали морды, но держались от вороны на почтительном расстоянии. В этот момент мне прежде всего хотелось узнать, как это в сорокаградусный мороз ворона, сородичи которой зимуют в южных краях, оказалась на

Севере. Потом, почему так осторожно и, я бы даже сказал, боязливо в присутствии этой тщедушной и самой что ни на есть трусливой птицы ведут себя собаки?

Пока я строил предположения, ворона выдолбила в краюхе такое углубление, что в него свободно входил клюв. Завершив обед и насытившись, она отошла от краюхи и стала спокойно оглядываться по сторонам. Вначале поведение птицы было непонятным, но вскоре все прояснилось. Оказывается, ворона искала укромное местечко, куда можно было бы спрятать остатки хлеба. Вот она подкатила краюху к поленнице, чуть поднялась над землей и ухватила хлеб когтями. Но то ли ноша была слишком тяжела или в промерзшие корки не вонзились как следует когти: булку ворона выронила. Оглянувшись на притихших собак, скрючив лапы, будто они замерзли, ворона снова подошла к хлебу и клювом покатила его в обратном направлении.

Оказавшись возле тротуара и предположив, наверное, что подходящая кладовая найдена, она принялась проталкивать хлеб под настил. Правда, это плохо ей удавалось, и прошло немало времени, пока булка одним боком прижалась к тротуару. Склонив набок голову и оценив работу, ворона взлетела на чердак дома. Собаки только того и ждали.

Уже поздно вечером, вдоволь наговорившись с другом, я вспомнил о вороне.

- Так это Аркашка, - воскликнул он и рассказал историю, которую, оказывается, знали все, кто жил в этом маленьком поселке.

Как-то весной ненецкие ребяташки подобрали вывалившегося из гнезда вороненка. Принесли домой, а место жительства определили на чердаке. Нелегко приходилось вороненку на первых порах. Кошки за ним охотились, гонялись собаки. Продолжалось это до самой осени, пока Аркашка (так ребяташки называли вороненка) не окреп и не научился отличать друзей от врагов. Людей он не боялся, брал еду прямо из рук. А вот собак ненавидел. Осталась эта ненависть к лохматым псам еще с тех недалеких времен.

...Однажды, ближе к весне, ребяташки и взрослые стали свидетелями случая, который их рассмешил, а собак заставил бояться Аркашку.

Собачья стая резвилась на льду Щучьей. По какому-то делу прилетел на реку и Аркашка. Вначале он сидел на мачте вмерзшего в лед катера, а потом снялся и полетел к собакам. Увидев

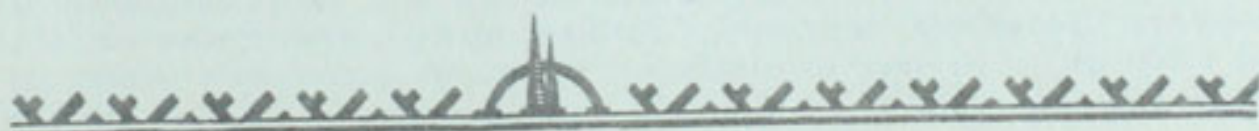

пролетающую низко над рекой ворону, они бросились за ней вдогонку. И были такие моменты, когда казалось, что разъяренные псы схватят Аркашку или, в крайнем случае, выщиплют ему хвост. Но Аркашка смотрел в оба. Покружив стаю на месте, он, постепенно убыстряя полет, повернул к катеру.

Захваченные азартом погони, собаки не замечали опасности. Когда они едва не настигли ворону, а до катера осталось не больше пяти метров, Аркашка взмыл вверх, и лохматая стая со всего размаху ударилась о стальную обшивку катера. Обезумевшие от боли собаки, как ошпаренные, бежали от судна, а заодно и от Аркашки.

Вспомнить хитрого и находчивого по характеру Аркашку пришлось буквально назавтра в аэропорту. Впрочем, название это чисто символическое, потому что никакого аэропорта в Белоярске и в помине нет. На речке просто-напросто стоит балок с железной печуркой. В назначенный час сюда пришел кассир, и в числе пассажиров билет на рейсовый самолет купила женщина. Она небрежно сунула его в кармашек хозяйственной сумки. Тут же, рядом с балком, подпрыгивал Аркашка. По правде говоря, я даже не успел заметить, как он, перескочив к сумке и выхватив из кармашка билет пассажирки, уселся на крышу балка. Чем-то в этот момент Аркашка напомнил персонаж дедушки Крылова. Только разница была в том, что Аркашка так и не раскрыл клюв. А пассажирка осталась в Белоярске до следующего рейса.

Мне пишут, что Аркашка все еще живет в Белоярске и стал героем многих интересных и забавных историй.

От автора

Журналисты пишут книги. И это вполне закономерно. Ведь им есть чем поделиться, что рассказать многочисленной аудитории.

"Мятежный Обдорск", видимо, никогда бы не состоялся, если бы ровно тридцать лет назад я не пришел в окружную газету "Красный Север".

Пожалела меня тогда за жизненную неустроенность добрая душа, первый мой редактор - Любовь Гавриловна Баженова. А в качестве "няньки" начинающему определила маститую журналистку Екатерину Васильевну Козлову. Помню, на фото-капустнике, посвященном какой-то красной дате, после перекочевавшего на долгие годы в лабораторию фотокорреспондента Ивана Ивановича Сычева, я был изображен в полосатом толстенном свитере, унтах и склонившимся над столом Козловой. Надпись внизу гласила: "Тетя Катя, дай задание!".

Потом была работа в нескольких районах, на окружном радиовещании, в пресс-центре Главялбургнефтегазстроя, "Тюменской правде". Сейчас я - собкор "Российской газеты" по районам Крайнего Севера России.

Честно скажу, что мне, человеку, в те времена не обласканному вниманием партийного руководства округа, это все стоило большого труда и здоровья. Но я счастлив тем, что в трудные минуты находились люди, готовые всегда протянуть мне руку помощи. В их числе депутат "расстрелянного" Верховного Совета В.Д.Артеев, Н.Я.Будылдин, В.П.Первушин, В.С.Горбачев, И.В.Шаповалов, В.Т.Подшибякин, собратья по перу Л.В.Лапцуй, В.И.Камитов, И.П.Харламов, Л.С.Мазунина, Н.Затолочина, Б.М.Касаев и многие другие.

Наконец, само время, в которое мы жили, не давало возможности "закипеть" и топтаться на месте. Помните, вслед за геологическим открытием Уренгойского газоконденсатного месторождения пошли Медвежье, Ямбург. "Распечатана" была целая серия подземных кладовых "черного золота". Ямал стал крупнейшей провинцией углеводородного сырья в стране и в мире. И хотя "революционерам новой волны", возможно, не по душе придутся мои высказывания, но подобные этим грандиозные свершения им пока оказались не по силам.

Журналистские дороги приводили меня на все "горячие" точки округа, а потом и за его пределы. Мне довелось писать о запуске космического корабля с Байконура и первом съезде малочисленных народов в Кремле. Плыть на флагмане ледокольного атомного флота "Россия", бывать в командировках за рубежом.

Помимо публицистики, в книгу вошли также мои писательские опыты - повести "Последний перелет", "Тайный пугор", неоконченный "Мятежный Обдорск" и несколько вариаций из жизни животного мира арктических широт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тайный пугор. Повесть	6
Последний перелет. Повесть	45
Мятежный Обдорск. Главы из повести	98
Публицистика	109
В кого целился бюрократ?	110
По кромке льда	112
Тундру разделить - не поле перейти	115
Рабыни тундры	119
Падающие восьмерки	124
Последние из дикарей	129
Пантокрады	134
Лошадку недаром зовут невеличкой	137
Двое среди снегов	141
На фоне космоса ненецкое семейство...	145
Ярото - стойбище вымирающих	148
Белый ягель	152
Лающий волк рук не лижет	157
Бригада, пропавшая без вести	161
Вторая гибель Мангазеи	166
"Лишние"	192
В таинственной стране	195
Рыбацкий Самотлор	206
Ямбург с нуля	216
Двери во Вселенную	227
На земле саамов	235
Вариации из жизни животного мира	243
Кочевье у синего моря	244
Орлиная свадьба	253
Шомох	257
Ванюшкин самородок	259
Путешественник	263
Аркашка	265
От автора	268

Николай Федорович Дудников

МЯТЕЖНЫЙ ОБДОРСК

Повести
Рассказы
Публицистика

Художник *Н.М. Самбуров*
Редактор *Л.Н. Вохмина*
Технический редактор *Т.В. Некрасова*
Корректор *Н.В. Шестакова*

Фото из архива автора

ЛР № 040167 от 19.11.91 г.
ИБ № 521

Подписано в печать 15.03.95. Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Формат 60x84/16. Усл.п.л. 17. Тираж 7000 экз. *Зак. 2818*

Издательство МГАП «Мир книги». 103045, Москва, ул.Садовая Спасская, 6. Тел. 207-13-96.

Оригинал-макет изготовлен в компьютерном центре редакции газеты «Красное знамя».

Отпечатано с привозных диапозитивов в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6